

Мне бы хотелось, чтобы выдающиеся мужи оставили пустую надежду захватить тираническую власть в философской державе и отказались от честолюбивых претензий на основание собственной секты... У геометров нет евклидовцев, архимедовцев или аполлониевцев: все они образуют одну-единую секту... И никогда не явится человек, который смог бы претендовать на обладание всем достоянием науки...

Г.В. Лейбниц

ИДЕОЛОГИЯ И НАУКА

ДИСКУССИИ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА

Ответственный редактор
А.А. КАСЬЯН

Прогресс-Традиция
Москва

УДК 1/14
ББК 63.3 (2) 631
И 29

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 07-03-16027*

Авторский коллектив:

А.А. Касьян (руководитель авторского коллектива) — введение, гл. 1, 7, 8,
Т.Н. Демичева — гл. 6, С.В. Куревина — гл. 2, 4, заключение,
Т.В. Логунова — гл. 5, Н.Е. Петрова — гл. 3, В.И. Юртаева — гл. 8

**Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины
И 29 XX века) / Отв. ред. А.А. Касьян. — М.: Прогресс-Традиция,
2008. — 288 с.**

ISBN 5-89826-204-0

В монографии дается анализ дискуссий, проходивших в советской науке в середине XX века (философия, биология, языкознание, физиология высшей нервной деятельности, химия, политэкономия), рассматривается соотношение в них науки и идеологии. Прослеживается линия «центр — регион», что дает возможность выявить специфику дискуссий в различных условиях. Концептуальный анализ дополняется событийной конкретикой и личностным подходом.

Для всех интересующихся историей и философией науки.

ББК 63.3 (2) 631

*На переплете: Неизвестный автор.
«Трансмиссия». Ситец, нач. 1930-х гг.*

ISBN 5-89826-204-0

© Коллектив авторов, 2008
© Ваншенкина Г.К., оформление, 2008
© Прогресс-Традиция, 2008

ВВЕДЕНИЕ

Социальная практика в СССР, с одной стороны, выражала определенную идеологию, претендовавшую на исключительный характер в мире идей (единственно научная идеология). С другой стороны, декларировалось, что практика реализации такой идеологии строится на научной основе. Реализация идеологии была тотальной, носила всепроникающий характер. Не случайно СССР часто называют идеократическим государством.

Идеология в СССР имела государственный характер. В сферу ее действия попадала и наука. Влияние идеологии на науку не просто поддерживалось, не просто санкционировалось, но законодательно закреплялось государством. Идеологическая функция государства по отношению к науке имела самостоятельное значение (не просто экономическая, финансовая поддержка государственных интересов, определение приоритетов и т.п.).

В то же время реализация государством идеологической функции не была самоцелью. В основе этого процесса лежит убеждение в позитивности, благотворности влияния идеологии на науку.

Само по себе влияние государства на науку, внимание к ней, реализация государством идеологической функции по отношению к науке не является уникальным, а представляет собой достаточно часто встречающуюся ситуацию в истории культуры. Речь может и должна идти о реализации этой установки, ее механизмах, формах, функциях и т.д.

Идея влияния идеологии на науку в СССР в процессе своей реализации претерпела существенную трансформацию, оказывалась деформированной, имела разные формы. Одной из форм отношений науки и идеологии в СССР явились дискуссии середины XX века (вторая половина 40-х и начало 50-х гг.). В этот период произошло (в интересующем нас аспекте) некое возвращение (хотя бы внешнее, по форме, вербальное) к периоду 20-х гг. Имеется в виду то, что двадцатые годы — время широких партийных дискуссий, имевших принципиальное государственное значение, широкий общественный резонанс. Дискуссии носили содержательный характер. Если говорить об оргвыводах, которыми заканчивались политические дискуссии того времени, то они имели достаточно мягкий (по сравнению с будущими годами) характер. Во всяком случае, ценой их была не жизнь, а политическая биография, служебное положение, карьера, мате-

риальное благополучие и т.п. Проходившие в двадцатые годы научные дискуссии касались и философских, методологических аспектов науки. Широкая дискуссия имела место в философии — «механисты» и «диалектики». Тридцатые годы — время, когда дискуссии в советской науке, выходящие на методологический уровень, не выступали в качестве формы ее развития. Дискуссии середины XX века — своеобразное возрождение (при всех бесспорных издержках) необходимой формы развития науки, но приобретающее специфический облик в конкретном историческом и социально-культурном контексте.

Идеологическая ситуация в СССР в конце 40-х — начале 50-х годов XX века во многом определялась серией постановлений ЦК ВКП(б), принятых в то время: «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинофильме “Большая жизнь”», «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели». Эти постановления касались сферы искусства, но ряд содержащихся в них идеологических директив имел прямое отношение и к науке: воспитание патриотизма, борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед западной культурой, критика аполитичности и безыдейности, единство теории и практики, развитие критики и самокритики, конструирование образа желаемого будущего и т.д.

На этом фоне в стране проходили научные дискуссии, имевшие выраженный в той или иной степени идеологический характер. Их нельзя назвать чисто научными, ибо в них присутствовала идеологическая составляющая. Их нельзя назвать чисто идеологическими, ибо к идеологии все дело не сводилось. Как отмечает В.А. Бажанов, в это время в науке «речь шла о смене парадигм и (или) борьбе исследовательских программ, в которую прежде всего вовлекались специалисты конкретного направления»¹. Имела место ситуация внутринаучных конфликтов, связанных с противостоянием идей, теорий, методов. «Использование учеными господствующих в обществе идеологических предпочтений как оружия в своем внутринаучном конфликте — распространенное явление. Когда какой-то группе или школе удается умело связать в общественном мнении позицию оппонента с непривлекательной в данный момент идеологией, победа в споре обеспечивается не только при явных изъянах научной позиции этой группы или школы, но даже при явных неладах с той самой идеологией, которая используется в качестве оружия»².

К таким дискуссиям относятся дискуссии по философии, биологии, языкознанию, химии, физиологии высшей нервной деятельности, политической экономии. Различными были формы их проведения, степень участия высшего партийно-государственного руководства, влияние на последующий ход событий. Названные дискуссии принято называть главными³. Эти дискуссии проходили в Москве, Ленинграде, а также в периферийных научных центрах. Их анализ — в первом разделе монографии.

Кроме того, в науке происходили события, на которые падала «тень» главных дискуссий. Их научная принадлежность, статус, содержание,

форма, влияние на науку и образование были различными. Но для отдельного научного учреждения, вуза, кафедры, для людей, в них вовлеченных, эти события имели большое значение. «Отзвукам» главных дискуссий посвящен второй раздел книги.

Многие аспекты истории отечественной науки XX века долгое время по разным причинам были предметом умолчания, недомолвок. В частности, это относится к научным дискуссиям, проходившим в то время. За последние полтора-два десятилетия это «белое пятно» устранено благодаря исследовательской и просветительской деятельности отечественных (и отчасти — зарубежных) историков.

Научно-идеологические дискуссии середины XX века получили отражение в специальной литературе, публицистике и даже художественных произведениях. Резонанс, ими вызванный, имеет четкую локализацию во времени и определенную ценностную ориентацию. В период их проведения и до середины 50-х годов — апологетика принятых официальных решений. Затем — период почти полного умолчания. На рубеже 80—90-х годов — абсолютный негативизм и тотальная критика.

В современной литературе сформировались некоторые предрассудки в понимании и трактовке этих событий. Основные из них:

- поскольку официально одобряемые научные направления в той или иной мере поддерживались административными, идеологическими и философско-методологическими средствами, постольку дискуссии по важнейшим проблемам науки утрачивали характер научных и превращались в идеологические кампании;

- философия виновна в уничтожении новаторских научных направлений;

- вертикально-иерархическое строение советской науки и идеологический контроль партийного руководства на всех уровнях обеспечивали адекватную трансляцию приказов из центров в регионы, вследствие чего события и установки «столичной» науки тиражировались, копировались по всей территории СССР.

Перечисленные устоявшиеся мнения не лишены оснований. Действительно, вмешательство партийно-государственного руководства в дела науки, участие философов в названных дискуссиях с критикой новаторских научных направлений, идеологизация науки — неоспоримые факты. Но к этому дело не сводится. Видимо, в формировании однозначных, односторонних выводов сказались психологические особенности общественного сознания — стремление к свертыванию информации до четких, однозначно воспринимаемых формул, установка на поиск простых решений серьезных проблем. В действительности дело обстоит сложнее. Поэтому указанные выше предрассудки требуют более детальной проработки и существенных уточнений.

В монографии сделана попытка объективного рассмотрения проходивших дискуссий. Концептуальный анализ дополняется событийной конкретикой, личностным подходом.

В книге анализ социальной истории науки реализуется в двух измерениях: обращение к столичным научным центрам, месту событий (сессия ВАСХНИЛ, Павловская сессия АН СССР и АМН СССР и т.д.) и региональный подход, «последствие», влияние центра на регионы.

Социальная история отечественной науки в рамках подхода, который сочетает центристскую и регионалистскую ориентации, исследуется нижегородскими учеными в течение достаточно длительного времени (гранты Российского гуманитарного научного фонда: «Становление экспериментальной радиоастрономии в г. Горьком: социокультурный контекст», «Философия в российской провинции (Нижегородский регион): 1920—1990 гг.», «Идеологические дискуссии в отечественной науке середины XX века: региональный подход»).

Результаты этих исследований отражены во многих публикациях, в том числе — в монографии «Философия в российской провинции: Нижний Новгород, XX век» (М.: Наука, 2003, под ред. А.А. Касьяна).

Исследовательский подход и полученные в его рамках результаты получили положительные отклики научной общественности, см.: «Вопросы истории естествознания и техники» (2006. №1), «Высшее образование в России» (2004. №6, 2005. №4), «Педагогическое обозрение» (2004. №3), «Поиск-НН» (2005. №58—59) и др.

В монографии широко используются материалы Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО) и Государственного общественно-политического архива Нижегородской области (ГОПАНО), а также вузовские архивы. Кроме того, газетная периодика, личные воспоминания участников дискуссий. Архивные материалы в абсолютном большинстве случаев приводятся без изменений (исключение составляют явные ошибки в датах, именах и т.п.). Не всегда удалось установить полные имена тех или иных персонажей, в этом случае приводятся только их фамилии.

Авторы монографии выражают благодарность работникам нижегородских вузов за предоставленную информацию и ценные советы: И.В. Берельковскому, М.А. Гавриленко, Н.М. Зверевой, Э.В. Земляновой, В.П. Киселеву, Н.О. Рябиной, И.А. Сколотовой, А.Е. Сморгаловой, Л.Е. Холодиловой.

---

¹ «Поиск». 2006. 31 марта.

² Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука. М., 2002. С.15.

³ См.: Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947—1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. №4.

ГЛАВНЫЕ ДИСКУССИИ

Глава 1 ФИЛОСОФСКИЙ ФРОНТ

Словом «фронт» очень часто называли различные сферы жизни советского общества. В том числе это слово прилагалось к науке, тем более к идеологии. А если наука близка идеологии (философия – не математика), то для характеристики положения дел в ней слово «фронт» подходит как нельзя лучше.

Но слова обманчивы. А.А. Жданов на философской дискуссии 1947 года заметил, что у нас «философский фронт не совсем похож на наше представление о фронте... Он скорее напоминает тихую заводь или бивуак где-то далеко от поля сражения». Это не дело. Фронт, даже философский, должен быть настоящим! «Напрашивается представление об организованном отряде воинствующих философов, вооруженных в совершенстве марксистской теорией, ведущих развернутое наступление на враждебную идеологию за рубежом, на пережитки буржуазной идеологии в сознании советских людей у нас внутри страны,двигающих неустанно нашу науку вперед, вооружающих тружеников социалистического общества сознанием закономерности нашего пути». Ситуация в области философии в середине 40-х гг. XX века отражала эти оценки высшего партийно-государственного руководства СССР: требование перехода от «тихой заводи» к активным действиям «воинствующих философов».

Постановление ЦК ВКП(б) о философии – 1944 год

В литературе по истории философии в СССР, особенно в связи с изданными в 1940–1943 годах первыми тремя томами предполагавшегося многотомного систематического курса «История философии», обращается внимание на роль высшего партийно-политического руководства страны в развитии событий на философском фронте того времени.

Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко пишут о двух Постановлениях ЦК ВКП(б), посвященных философии. Первое – «О недостатках в научной работе в области философии» (от 1 мая 1944 года, №1143/110). Второе – «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой

философии конца XVIII — начала XIX веков» (май 1944 года)¹. И.Ю.Алексеева и Е.В. Зорина пишут только об одном — первом из названных Постановлений, датируя его вторым мая 1944 года². Б.В. Бирюков и И.С. Верстин это же Постановление датируют по-разному: 1 мая, 2 мая, 1–2 мая 1944 года, указывая тот же номер 1143/110. Упоминают они и второе Постановление, не указывая ни дату его принятия, ни его номер³. Налицо не только разночтения. Иногда отсутствуют и ссылки на архивные источники. Остается неясность — сколько было Постановлений?

Опубликованные архивные материалы позволяют устранить отмеченную неясность. В протоколе заседания Политбюро ЦК ВКП(б) (от 1 мая 1944 года, протокол №43, п. 110) по вопросу «О недостатках в научной работе в области философии» короткая запись — «Постановление прилагается». И далее следует текст Приложения — «Постановление ЦК ВКП(б) о недостатках в научной работе в области философии»⁴. В комментарии к этому документу сказано: «На машинописном экземпляре постановления зачеркнуто слово «Проект» и имеется роспись — За. И.Сталин»⁵. Проект сопровождала (предваряла) записка Г.М. Маленкова и А.С. Щербакова (от 16 апреля 1944 года), адресованная И.В. Сталину, о представлении ими на утверждение проекта Постановления Политбюро «О недостатках в научной работе в области философии»⁶. Проект Постановления без единой поправки стал 1 мая 1944 года Постановлением. Его содержание и форма в полной мере соответствуют стилю подобных документов: констатирующая часть, недостатки, постановляющая часть, которая разбита на пункты с указанием персоналий и конкретных мероприятий, подлежащих выполнению. В аннотации к названному источнику архивных материалов сказано, что он «представляет полный корпус документов, в который включены все Постановления Политбюро ЦК об Академии наук, ее членах и научных учреждениях за весь сталинский период». Таким образом, можно сделать вывод, что в 1944 году было только одно Постановление ЦК ВКП(б), которое относилось к философии: «О недостатках в научной работе в области философии».

Текст Постановления был разослан всем причастным к нему лицам (Маленков, Щербаков, Александров, Юдин, Митин и др.), а также членам и кандидатам ЦК, секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик⁷.

В постановляющей части документа было, в частности, отмечено:

«1. Осудить ошибки, допущенные в III-м томе «Истории философии» — т.т. Александровым, Быховским, Митиным и Юдиным — в освещении вопросов немецкой философии.

2. Считать, что Сталинская премия, присужденная за вышедшие три тома «Истории философии», не распространяется на III-й том этого издания.

3. Учитывая, что Институт философии Академии наук СССР работает неудовлетворительно, освободить т. Юдина П.Ф. от работы директора Института философии и т. Быховского Б.Э. от заведования секцией истории философии.

4. Вывести из состава редакции «Истории философии» т.т. Быховского Б.Э. и Юдина П.Ф. Освободить т. Александрова от обязанностей члена редакции «Истории философии», так как начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) не должен связывать себя обязанностями редактора отдельных изданий...

5. Опубликовать в журнале «Большевик» статью о третьем томе «Истории философии», в который наряду с критикой ошибочных положений тома должно быть дано правильное марксистско-ленинское изложение роли и сущности немецкой философии конца XVIII и начала XIX веков...»⁸

Теперь о содержании текста Постановления. В нем главное внимание уделяется вышедшему в свет в 1943 году третьему тому — «Философия первой половины XIX века», посвященному немецкой классической философии и, в частности, философии Гегеля. Рассматривается вопрос о соотношении системы и метода в философии Гегеля, о различии в толковании диалектики Гегелем и марксистской философией. Социально-философские вопросы в документе также затронуты. «В III томе «Истории философии»... не подвергнуты критике такие реакционные социально-политические идеи немецкой философии, как восхваление прусского монархического государства, возвеличение немцев как «избранного» народа, пренебрежительное отношение к славянским народам, апологетика войны, оправдание колониальной захватнической политики и т.д.»⁹. Помимо этого, в Постановлении критикуется деятельность Института философии АН СССР в организационном и содержательном аспектах.

Упомянутая в документе статья в журнале «Большевик» — теоретическом и политическом журнале ЦК ВКП(б) — не заставила себя долго ждать. Под названием «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.» она появилась на свет очень быстро. Номер журнала «Большевик» (1944. №7–8), где она опубликована, был подписан в печать через две недели после заседания Политбюро, т.е. 15 мая 1944 года. Это не авторская статья, имя автора не обозначено в журнале. Это и не передовая статья: в том же номере журнала под рубрикой «Передовая» напечатана статья «Вперед, за полный разгром немецко-фашистских захватчиков». В последнем номере журнала (№23–24) за тот же год в

«Указателе документов и статей, помещенных в журнале “Большевик”», есть раздел «Передовые и редакционные статьи», где представлена данная статья. По логике следует, что по жанру она именно редакционная.

Статья в журнале «Большевик» излагает Постановление ЦК ВКП(б), хотя в ней нет упоминаний об этом документе. В статье ничего не сказано о кадровых и организационных решениях, касающихся деятельности Института философии АН СССР, и т.п. Она по объему больше текста Постановления. В содержательном плане расширяет и развивает его. В частности, в ней больше внимания уделено анализу и критике социально-политических взглядов Гегеля и в целом немецкой классической философии. Приводятся обширные выписки из источников.

В статье указывалось на допущенные в третьем томе «Истории философии» серьезные ошибки в изложении и оценке немецкой философии. Они сгруппированы по проблематике, касаются прежде всего различных сторон учения Гегеля.

Отмечается, что «смазано противоречие между прогрессивной стороной философии Гегеля — его диалектическим методом — и консервативной стороной — его догматической системой»¹⁰. При этом «авторы III тома «Истории философии» отошли от марксистско-ленинской оценки значения гегелевской диалектики, не показали ограниченность диалектики Гегеля, не подчеркнули ее противоположность материалистической диалектике, а в ряде случаев характеристика диалектики Гегеля почти не отличается от марксистской диалектики. Рассматривая философию Гегеля, авторы тома явно переоценивают заслуги Гегеля в обосновании исторического взгляда на развитие природы и общества, в разработке учения о роли практики в теории познания»¹¹.

Общие оценки диалектики Гегеля конкретизируются анализом проблемы в аспекте социальной реальности: «Авторы III тома необоснованно приписывают Гегелю распространение диалектики на общественную жизнь», «неоправданно также утверждение авторов тома, будто бы Гегель создал новую теорию исторического процесса»¹².

И наконец, социально-политический аспект, имеющий текстуальное совпадение с Постановлением: «В III томе не подвергнуты критике такие реакционные социально-политические идеи немецкой философии, как восхваление прусского монархического государства, возведение немцев как «избранного» народа, пренебрежительное отношение к славянским народам, апологетика войны, оправдание колониальной захватнической политики и т.д.»¹³. Это уже не теория, не высокие абстракции, не метафизические рассуждения, а жесткая (и жестокая) реальность! 1944 год — Великая Отечественная война!

В заключение редакционная статья информирует о некоторых оргвыводах, которые были сделаны соответствующими инстанциями: «В 1943 году за три тома «Истории философии» была присуждена Сталинская премия. Комитет по Сталинским премиям вновь рассмотрел этот вопрос и решил, что Сталинская премия, присужденная за вышедшие три тома «Истории философии», не распространяется на третий том этого издания. Понятно, что III том «Истории философии» должен быть коренным образом переработан»¹⁴. Но никакой переработки не было, и предполагавшийся проект многотомного издания по истории философии оказался незавершенным (третий том стал последним).

Возникает вопрос: почему в разгар войны (правда, когда маятник наших побед и поражений вполне определенно зафиксировался в точке, означающей победоносное для СССР завершение военных действий) происходит обращение высшего политического руководства страны к проблемам истории философии? Правда, предметом выступает не историко-философский процесс как таковой, а один из его эпизодов — немецкая классическая философия. Надстроечное явление (по терминологии исторического материализма), весьма далекое от базиса, оказывается в центре внимания руководящей политико-идеологической структуры государства. Ситуация представляется несколько загадочной.

Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко справедливо отмечают: «Ясна безосновательность широко распространенной в историографии версии, согласно которой запрет третьего тома «Истории философии» был проявлением сталинских репрессий по отношению к инакомыслящим»¹⁵. Объяснение событий ищется в области политических отношений различных групп внутри советского философского сообщества. «Причины партийного вмешательства в историю немецкой классической философии следует искать в разворачивании нового витка позиционного конфликта внутри философского сообщества»¹⁶. Но чем вызвана эта борьба? Какие политические силы, интересы каких социальных групп за этим стоят? Есть ли объективная логика в этой борьбе?

Более глубокий ответ дают Б.В. Бирюков и И.С. Верстин. По их мнению, в Постановлении ЦК ВКП(б) «наиболее важным... было решительное отвержение присущего многим немецким мыслителям враждебного отношения к славянским народам и прежде всего — к русскому»¹⁷. Постановление улавливало общественные настроения военного времени, включало в себя (может быть, не очень отчетливо) патриотическую составляющую, обращенную через анализ прошлого к будущему. Ведь война заканчивалась, ее исход был очевиден. И мысли волей-неволей обращались к миру. Как в новых условиях

будет устроен мир — не только геополитически и экономически? Какова будет его духовная организация? Как изменится его общественное сознание, его психосфера, логосфера?

В Постановлении, по сути дела, речь идет о философии истории, философии отечественной истории, о философии культуры, философии отечественной культуры. Звучит мотив патриотизма, критика при-нижения роли русского народа в истории, искажения его места в ней. Утверждается высокий статус духа русского народа. Эти мотивы позднее найдут отражение не только в материалах философской дискуссии 1947 года, но и в документах высшего политического руководства страны по идеологии, принятых во второй половине 40-х годов XX века.

Если исходить из известных формул о том, что «философия — это живая душа культуры», «эпоха, схваченная в мысли», «квинтэссенция своего времени», то в Постановлении ЦК ВКП(б) достаточно определенно и ясно высвечивается идея, утверждающая в духовной сфере национально-государственные приоритеты: отечественные (советские, российские, русские).

Постановление — это некая прелюдия к философской дискуссии 1947 года, к идеологическим документам последующих послевоенных лет. Здесь нет еще мотивов борьбы с космополитизмом, преклонением перед Западом, утверждения приоритета русской науки и т.п. Предугадано, что центр будущего противостояния двух систем, двух миров не ограничится только военно-политической сферой, но переместится в духовную сферу (в самом широком смысле этого слова). На поле брани Советский Союз, как показала война, оказался неодолимым. Экономическое соревнование двух систем было, есть и будет сохраняться. Духовная сфера — это та реальность, где будут разворачиваться дальнейшие события. Будущее было предугадано. Именно в этой сфере проходила в дальнейшем главная линия борьбы двух миров, которая привела в итоге к разрушению советской цивилизации. До этого в середине 40-х годов было еще далеко. Хотя прогноз (может быть, и не вполне осознаваемый, нечетко вербализованный) был сделан. Предугадывалось то, что будет названо «холодной войной», которую СССР проиграл.

После появления редакционной статьи в журнале «Большевик», которая отражала содержание Постановления ЦК ВКП(б), последовала соответствующая реакция. Любое Постановление ЦК ВКП(б) — это директивный документ, после которого всегда следовали шаги по его реализации. Редакционная статья журнала ЦК ВКП(б) сама по себе также всегда имела очень высокий статус.

Буквально в следующем номере того же журнала появилась переводная статья под названием «О марксистско-ленинском воспитании кадров советской интеллигенции». В ней, в частности, говорилось:

«Сигналом, свидетельствующим о наличии серьезных недостатков в работе кадров теоретического фронта, являются ошибки, допущенные в третьем томе «Истории философии» в изложении и оценке немецкой философии. В главах III тома «Истории философии», посвященных Канту, Фихте, Гегелю, дано неправильное изложение истории немецкой философии: ее значение преувеличено, противоречие между методом и системой философии Гегеля смазано. Это вносит путаницу в головы читателей. В томе не подвергнуты критике реакционные социально-политические взгляды немецких философов конца XVIII и начала XIX века.

Эти ошибки свидетельствуют о серьезном неблагополучии в Институте философии АН СССР. Институт не освещал актуальные вопросы марксистско-ленинской философии, не разрабатывал философского наследства В.И. Ленина, не создал работ, разоблачающих разбойничью фашистскую идеологию, не подготовил учебников по диалектическому и историческому материализму, логике, психологии. Институт не объединял, не готовил и не выдвигал молодые кадры теоретических работников, оторвался от научной общественности и научных учреждений, не организовывал обсуждения философских работ и дискуссий по теоретическим вопросам»¹⁸.

В этом же номере журнала была напечатана статья П. Федосеева «Противоположность идеалистической диалектики Гегеля и марксистского диалектического метода». Эта статья открывала серию публикаций, которые объясняли и раскрывали содержание Постановления — официального партийного (а по сути дела, партийно-государственного) документа. В них выражалось видение высшим политическим руководством государства реальных социально-культурных проблем, имеющее и теоретическое, и духовно-практическое значение. Помимо отмеченной, в этой серии были напечатаны следующие статьи: М. Иовчук «Классики русской философии XIX века» (№12); М. Митин «О реакционных социально-политических взглядах Гегеля» (№12); В. Светлов «Маркс и Энгельс об ограниченности материализма Фейербаха» (№13—14); Г. Васецкий «Основные черты естественно-научного материализма в России» (№15); М. Наумова «Чернышевский и Фейербах» (№22).

В этих статьях о Постановлении ничего не говорится, но имеют место ссылки на вышеназванную редакционную журнальную статью, которая (по крайней мере внешне, на уровне видимости) дала импульс всему процессу.

Как уже отмечалось, текст Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) был разослан в различные инстанции, в том числе — секретарям областных комитетов партии. Очевидно, что и в Горьковский ОК ВКП(б).

Реакция высшей региональной политической структуры на этот документ была очень незначительной. Повестки дня заседаний бюро Горьковского ОК ВКП(б) за период с мая по декабрь 1944 года не содержат никаких упоминаний о данном Постановлении. Каждое заседание включало десятки вопросов, но специально данный вопрос не обсуждался¹⁹.

Лишь на одном заседании звучал мотив Постановления. 31 июля 1944 года один из пунктов повестки дня был таким: «Утверждение плана областного семинара штатных лекторов и пропагандистов ГК и РК ВКП(б)». Семинар предполагалось провести с 15 по 21 августа, и в один из дней была поставлена в расписание лекция заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации ОК ВКП(б) Г.Д. Обичкина на тему «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX века»²⁰. В выступлениях участников семинара, а также подобного семинара, состоявшегося несколькими месяцами позднее, иногда упоминалось о том, что такие лекции были прочитаны в различных аудиториях, имевших определенный уровень подготовки (например, учителя).

Можно обратиться к вузовским партийным организациям, взяв в качестве примера Горьковский университет. В отчете о работе партийного бюро ГГУ за период с 12 декабря 1942 по 29 июня 1944 года, в частности в разделе «Политико-массовая и воспитательная работа», о реакции на Постановление нет ни слова. В повестках дня партийных собраний ГГУ этот документ также не находит отражения²¹.

В целом Постановление ЦК ВКП(б) от 1 мая 1944 года произвело очень незначительное «возмущение» в провинциальной партийной среде. По-видимому, это объясняется вполне понятным доминированием в жизни проблем, связанных с общей ситуацией того времени — Великая Отечественная война. Кроме того, теоретичность содержания документа была, по всей видимости, не совсем понятна для массового сознания, широких слоев общества, в частности партийных работников, членов партии.

Постановление ЦК ВКП(б) по тому или иному вопросу, редакционная статья в журнале «Большевик» имели директивное значение для тех структур, деятельность которых в них затрагивалась. В данном случае — это научные институты, вузовские кафедры, издательские организации, просветительские учреждения. Какое влияние на научные исследования и педагогическую деятельность оказали историко-философские идеи высшего политического руководства СССР?

В качестве модели может быть выбран Горьковский государственный университет (это один из ведущих вузов страны, а чисто научных структур философского профиля существовало в СССР очень не-

много). Какой была реакция ГГУ на постановление ЦК ВКП(б) и редакционную статью журнала «Большевик»?

Представление о ней дает направляемый в вышестоящие инстанции отчет «Горьковский государственный университет в 1944 — 1945 учебном году»²². Отчет о деятельности любого вуза (и прежде, и теперь) — это очень серьезный документ. Его подготовка начинается в отдельных подразделениях, полученный материал обрабатывается в ректорате, обобщается, систематизируется, оценивается. Составляется общий отчет. При этом каждое подразделение стремится с максимальной выигрышностью представить свою деятельность в учебной, воспитательной, научной сферах.

Директивные документы, о которых идет речь, нашли отражение в одном из разделов Отчета — «Работа общеуниверситетских кафедр». Таких кафедр было несколько.

Среди них — кафедра основ марксизма-ленинизма (кафедры философии в ГГУ в то время уже/еще не было). На ней было 5 преподавателей, из них 2 штатных, 3 совместителя. Штатные преподаватели: зав. кафедрой М.Я. Якубовская, не имеющая ученой степени и ученого звания, работающая над кандидатской диссертацией по теме «Ленинско-сталинская политика коллективизации сельского хозяйства (на примере колхоза «Алга» Сергачского р-на Горьковской области)»; старший преподаватель И.Б. Лиюгонький, работающий над кандидатской диссертацией по теме «О субъективных и объективных факторах в войне». Совместители: ректор университета А.А. Яковлев (закончил аспирантуру по педагогике в Горьковском педагогическом институте), М.Т. Зими́на (без ученых степени и звания) и Н.А. Мойсеев (кандидат экономических наук, доцент). Таким образом, на кафедре лишь один человек имел ученую степень (не по философии), лишь один человек профессионально, в научном плане занимался философией.

Какая работа по реализации постановления ЦК ВКП(б) проводилась на этой кафедре? Как всегда и везде на ее заседаниях обсуждались лекции преподавателей. Одна из них — «Диалектический материализм — мировоззрение марксистско-ленинской партии. Философские предшественники марксизма». Эта лекция «обсуждалась в свете ошибок, вскрытых в изложении и оценке немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.»²³. Кроме того, преподаватели-обществоведы, как всегда и везде, работали в идеологическом взаимодействии с работниками кафедр специальных дисциплин. Поэтому «кафедра основ марксизма-ленинизма совместно с партбюро университета организовала и провела теоретический семинар с профессорско-преподавательским составом университета на тему: «О некоторых недостатках и ошибках в освещении немецкой философии

конца XVIII и начала XIX вв.». К семинару готовились и приняли участие свыше 20 научных работников университета и его институтов (химический и физико-технический)»²⁴.

Таким образом — два упоминания в отчете. Активности в проведении в жизнь идей Постановления не было. Впрочем, кому было заниматься этим? Требовалась известная квалификация для развертывания учебной, идейно-теоретической и политико-воспитательной работы вокруг философии Гегеля. Была ли она тогда у членов кафедры основ марксизма-ленинизма, из которых только один человек относился к «цеху» философов и к тому же не имел ученой степени? Вопрос риторический. Ответ на него очевиден — нет!

Почему так сложилось? Очевиден низкий научный уровень кафедры основ марксизма-ленинизма на фоне многих сильных, известных в стране научных направлений в области физики, химии, математики, истории, филологии, существовавших в то время в ГГУ. Конечно, сыграла свою роль война (многие обществоведы были на фронте). Конечно, сыграли свою роль репрессии (например, в отношении профессора Л.А. Маньковского — бывшего ректора и заведующего кафедрой философии). Но дело не только в этом.

Для полноты картины оценим ситуацию в другом горьковском вузе. Какова была реакция на Постановление ЦК и редакционную статью в журнале «Большевик» в Горьковском государственном педагогическом институте?

Май 1944 года — учебный год приближается к завершению. Отметим два уровня деятельности вуза, на каждом из которых можно было ожидать соответствующей реакции.

Самый высокий уровень — руководящие структуры ГГПИ, документы, отражающие деятельность вуза в целом. Анализ показывает, что в протоколах заседаний ученого совета ГГПИ (9 декабря 1943 года — 23 января 1945 года) нет никаких сведений о реакции в вузе на Постановление ЦК²⁵. В отчете ГГПИ о работе за 1943/44 уч. год, в отчете о работе за первый семестр 1944/45 уч. года, в отчете о работе за 1944/45 уч. год, в отчете ГГПИ о работе за 1945/46 уч. год о Постановлении ЦК, о его реализации, принятых мерах и т.д. не содержится никаких сведений²⁶, хотя в этих документах есть разделы о преподавании основ марксизма-ленинизма и политэкономии, о политико-воспитательной работе. Прямой и непосредственной реакции вузовского руководства на официальный партийный документ не обнаружено.

Другой уровень — кафедральный. Кафедры философии в ГГПИ в то время не было. Философская подготовка студентов шла по линии кафедры марксизма-ленинизма. В отчете о работе этой кафедры за 1943/44 уч.год нет упоминаний о Постановлении ЦК. Да и некому было особенно реагировать. «Диалектический и исторический мате-

риализм вели исключительно преподаватели-совместители, чрезвычайно перегруженные своей основной работой. Это вызывало ряд трудностей. Были случаи перерывов в чтении лекций»²⁷.

Иное дело — следующий (1944/45) уч. год. Хронология здесь такова: директивные документы — май 1944 года, окончание учебного года, каникулы, затем — начало нового учебного года. В плане работы кафедры марксизма-ленинизма ГГПИ на 1944/45 уч. год можно найти отзвуки рассматриваемых документов (правда, без прямых на них ссылок)²⁸. В разделе «Учебно-методическая работа» была отмечена необходимость «поставить на кафедре ряд докладов на методические темы». В том числе — «Об увязке со специальностью и материалом Великой Отечественной войны темы об основных чертах марксистского диалектического метода». В разделе «Научно-исследовательская работа» запланирован доклад (П.В. Пичугин — кандидат философских наук, доцент, совместитель) «О противоположности метода Гегеля методу Маркса», а также обозначена работа (Н.М. Сафонова — зав. кафедрой) над кандидатской диссертацией по теме «Марксистско-ленинская критика гегелевской философии права». В разделе «Общественно-политическая работа кафедры» запланировано «провести теоретическую конференцию для профессорско-преподавательского состава на тему о русской классической философии», прочитать «лекции на темы “О русской классической философии”, “О немецкой философии конца XVIII и начала XIX века”». Правда, в «Отчете о работе кафедры марксизма-ленинизма за время с 1 сентября 1944 года по 1 марта 1945 года» о выполнении этих решений ничего не сказано.

Таким образом, в ГГПИ дело ограничилось мероприятиями на кафедральном уровне.

Локальная ситуация в вузах г. Горького была вызвана общим положением дел в СССР с науками, которые не относились к области естествознания, не были связаны с военно-промышленным комплексом, не относились к сфере гуманитарного знания (куда входили история, филология и т.п.). Имеются в виду общественные науки. Предполагалось, что все основные проблемы общественных наук решены в сочинениях классиков марксизма-ленинизма. Надо лишь уметь применять эти знания на практике и делать их достоянием каждого человека. Составные части марксизма — диалектический и исторический материализм, политическая экономия, теория научного коммунизма — описывают, объясняют прошлое и настоящее, прогнозируют будущее. Никакие принципиальные новации в них не могут быть сделаны кем-то иным, кроме как высшим политическим руководством, персонификацией которого выступал И.В. Сталин. Рядом с ним его соратники, которые добавляют, уточняют те или

иные теоретические положения. Но все это — на политическом Олимпе. Исследовательские научные структуры в этой сфере представлялись почти излишними.

На практике такое положение дел приводило к застою общественно-политической, социально-экономической мысли. Возникало противоречие: декларируемая и утверждаемая мощь и сила всепроникающей государственной идеологии («наверху»), претендующей на абсолютное, исключительное положение в духовной сфере общества, и слабость реализации в аспектах развития и функционирования («внизу»). Кто должен был «на местах» реализовывать установки высшего политического руководства? Считалось, что здесь нет существенной проблемы. Достаточно инструктивных совещаний, установочных семинаров. Подлинно научной работы в сфере социальных наук фактически почти не было.

Конечно, с течением времени положение дел менялось. Восемидесятые годы XX века — не сороковые. Но тем не менее и для них справедливы ставшие крылатыми слова Ю.В. Андропова, что мы не знаем общества, в котором живем (начало 80-х годов XX века). Изучали общество науки, которые находились под идеологическим прессом.

Ситуация с историей философии отразила общую ситуацию в обществознании. Идея повисла в воздухе, потому что не оказалось в наличии субъектов деятельности, способных к ее реализации. Первичный импульс, казалось бы имевший в стартовой точке огромную силу, поддержанный всей мощью государства, оказался затухающим по мере своего удаления от «центра». Можно предположить, что такое затухание имело место не только в г. Горьком. Среда поглощала идею. Субъективный фактор не смог обеспечить ее реализацию.

Догматизм в теории, ее *не развитие*, постулативность идей, выдвигавшихся высшим политическим руководством и объявлявшихся марксистскими, а значит, абсолютными, непогрешимыми, реализация этих идей в формах, не отвечавших современным требованиям, — явились одной из причин краха советской цивилизации.

В систематическом курсе по истории философии (первом после незаконченного многотомного издания, к которому принадлежал пресловутый третий том) говорится: «Третий том «Истории философии» подвергся критике в советской печати (дается ссылка на известную статью в журнале «Большевик». — *Авт.*). Стремясь противопоставить фашистской идеологии те духовные богатства, которые в прошлом создали передовые умы Германии, авторы недостаточно критиковали реакционные социально-политические стороны немецкого идеализма, националистические идеи немецких философов XVIII и начала XIX века, что было серьезной ошибкой, особенно в те годы, когда эти идеи использовались и раздувались фашизмом.

Указывалось, что в книге недостаточно раскрывалось противоречие между прогрессивной и консервативной сторонами философии Гегеля — его диалектическим методом и идеалистической системой, не всегда подчеркивалась коренная противоположность между марксистской диалектикой и гегелевской диалектикой»²⁹.

В более позднем подобном издании о Постановлении вообще речи нет (см: История философии в СССР. В 5 т. М., 1988. Т. 5. Кн.2). То же можно сказать о таких изданиях: «Философская энциклопедия» (М., 1960–1970); «Философский энциклопедический словарь» (М., 1983); словарь «Русская философия» (М., 1995. Под общ. ред. М.А. Маслина); словарь «Русская философия» (М., 1995. Отв. ред. А.И. Алешин); «Новая философская энциклопедия» (М., 2000–2001).

Эту тему старательно обходили стороной. Причины — идеологического характера. Хотя содержательное наполнение этого фактора не было всегда одним и тем же. Фактор действовал всегда, но его содержание не было одинаковым. Влияние идеологии (менявшейся на протяжении последнего полувека нашей истории) на историко-философский процесс и его осмысление было различным.

Философская дискуссия 1947 года

События на философском фронте продолжали развиваться. В 1946 году тиражом 5000 экземпляров вышло второе издание книги Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» (первое издание было выпущено в предвоенные годы). Книга имела гриф Института философии АН СССР и была допущена Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для университетов и гуманитарных факультетов высших учебных заведений. Книга включала восемь глав: «Философия древнегреческого общества», «Философия феодального общества», «Философия эпохи Возрождения», «Основоположники западноевропейской философии Нового времени», «Английская философия после буржуазной революции», «Французская философия XVIII—начала XIX века», «Немецкая философия», «Возникновение марксистской философии». Последняя глава составляла 30 страниц при общем объеме книги в 500 страниц.

Книга обсуждалась в Институте философии АН СССР (январь 1947 года), но «в верхах» обсуждение было признано неудовлетворительным. Состоялось новое совещание, которое проходило с 16 по 25 июня 1947 года³⁰. Его стенографический отчет был напечатан в новом журнале «Вопросы философии», в первом вышедшем в свет номере того же года. Сам журнал обязан своим рождением этому совещанию.

Совещание было открыто секретарем ЦК, членом Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым. Его выступление при открытии дискуссии

было очень кратким, не содержало никаких указующих положений, руководящих предписаний. О содержательной стороне дела в нем ничего не было сказано, оно носило чисто организационный характер.

А.А. Жданов напомнил, что в январе 1947 года в Институте философии АН СССР состоялось обсуждение книги Г.Ф. Александрова. Но оно имело недостатки: 1) в нем не принимали участия работники из союзных республик и городов РСФСР; 2) выступили не все участники, которые желали это сделать; 3) речи публиковались не полностью, а в кратком изложении. Поэтому ЦК ВКП(б) принял решение провести новое совещание работников научно-философского фронта.

Совещание работало в течение восьми дней. Начинались заседания в 18 часов, заканчивались в 22 часа. Выступили 47 человек. В материалы дискуссии включены также тексты речей, на ней не прозвучавших (их 36, в том числе горьковчанина В. Фомина) из-за закрытия прений.

Г.Ф. Александров не открывал дискуссию, выступал не с каким-либо предваряющим обсуждение докладом, а с заключительным словом. А.А. Жданов выступал в предпоследний день дискуссии. После него выступили лишь четыре человека, включая самого автора книги (большое заключительное слово). И самые последние слова — опять А.А. Жданов. Этих слов — буквально несколько. И опять они (как и при открытии) — чисто организационные.

Доклад А.А. Жданова хотя и не был последним, но явился, по сути дела, итоговым, суммировал результаты обсуждения книги Г.Ф. Александрова. Содержание доклада — квинтэссенция всей дискуссии. В нем сконцентрировано видение обсуждавшейся проблематики, выражена в сжатой форме официальная позиция властей предержащих по всему комплексу обсуждавшихся вопросов³¹.

Можно выделить ряд проблем, которые нашли отражение в первой части доклада — «Недостатки книги тов. Александрова». Прежде всего — проблема предмета истории философии. Не философии, а именно истории философии. Полагая, что то определение, которое дано в учебнике, не является точным, докладчик предложил иное, не совпадающее с определением предмета истории науки в целом. «Научная история философии является историей зарождения, возникновения и развития научного материалистического мировоззрения и его законов. Поскольку материализм вырос и развился в борьбе с идеалистическими течениями, история философии есть также история борьбы материализма с идеализмом»³².

Много внимания уделено тому, в каком отношении находится марксистская философия к философским учениям, которые ей предшествовали. В учебнике Г.Ф. Александрова акцент сделан на преемственность, «автор концентрирует свое внимание не на том, что явля-

ется новым и революционным в марксизме по сравнению с предыдущими философскими системами, а на том, что соединяет его с развитием домарксовской философии»³³. И далее: «Почти о всех старых философах т. Александров находит случай сказать доброе слово. Чем крупнее буржуазный философ, тем больше фимиама ему преподносится. Все это приводит к тому, что т. Александров, возможно сам того не подозревая, оказывается в плену буржуазных историков философии, которые исходят из того, чтобы в каждом философе видеть прежде всего союзника по профессии, а потом уже противника»³⁴. Если использовать эту терминологию, то А.А. Жданов призывает в каждом философе видеть прежде всего противника. Или, по крайней мере, рассматривать любого носителя философской мысли, его взгляды, его идеи с точки зрения соответствия основоположениям марксистской философии. Возникновение марксизма — революция в философии. Поэтому не единство, не преемственность, а коренные отличия важны прежде всего при оценке философских учений прошлого. Отсюда — критика того, что получило название объективизма и утверждение принципа партийности в философии. «Автор становится на путь отказа от принципа партийности в философии»³⁵. Итак, не поиск того, что объединяет, а поиск того, что разъединяет. Подлинная научность отходит на второй план, на передний план выходит принцип партийности, подменяющий собой принцип научности. В одном из выступлений (М.Д. Каммари) дается следующая характеристика принципа партийности: он означает не только отражение в содержании учения интересов какого-либо класса, но и «выяснение той роли, какую сыграло то или иное философское учение в идеологической и политической классовой борьбе»³⁶.

В чем же состоит, по мнению докладчика, отличие марксистской философии от домарксистской? Первое отличие — в бескомпромиссном проведении принципа партийности. Второе — отказ от претензий философии на статус науки наук. «Творцы философских систем прошлого, претендовавшие на признание абсолютной истины в конечной инстанции, не могли способствовать развитию естественных наук, так как пеленали их в свои схемы, стремились стать над наукой, навязывали живому человеческому познанию выводы, диктовавшиеся не реальной жизнью, а потребностями системы. В этих условиях философия превращалась в музей, где были свалены в кучу самые разнообразные факты, выводы, гипотезы и просто фантазии. Если философия и могла служить для обозрения, для созерцания, то она была негодна как инструмент практического воздействия на мир, как инструмент познания мира»³⁷. В противоположность этому «марксистская философия не является наукой над другими науками, а представляет собой инструмент научного исследования, метод,

пронизывающий все науки о природе и обществе и обогащающийся данными этих наук в ходе их развития»³⁸. И наконец, третье отличие, касающееся не содержания философии, а характера ее бытия в мире. В прошлом «философия была занятием одиночек, достоянием философских школ, состоявших из небольшого количества философов и их учеников, замкнутых, оторванных от жизни, от народа, чуждых народу. Марксизм не является такой философской школой. Наоборот, он является... началом совершенно нового периода истории философии, когда она стала научным оружием в рамках пролетарских масс, борющихся за свое освобождение от капитализма»³⁹.

Книга Г.Ф. Александрова – сочинение по истории философии, но она не может быть оценена по канонам историко-научного исследования. Характер этого труда, по мнению А.А. Жданова, не может быть самодовлеющим. В нем необходимо обращение и к современности. Причем в двух аспектах. Во-первых, с точки зрения направленности на осмысление проблем современного общественного развития. «Автор же исходит, главным образом, из педагогически-воспитательного значения истории философии, из задачи культурнически-просветительной, придавая таким образом всему делу изучения истории философии пассивно- созерцательный, академический характер»⁴⁰. Во-вторых, с точки зрения борьбы с современной буржуазной идеологией, теми течениями философии, которые имеют антимарксистскую идеологическую направленность. «С особой остротой должны быть раскритикованы философские системы и идеи, имеющие, несмотря на свою реакционность, хождение и используемые ныне врагами марксизма»⁴¹.

Подвергая критике некоторые содержательные и методологические стороны книги, А.А. Жданов обращает внимание и на то, чего в книге нет, но что, по его мнению, обязательно должно быть. К таким отсутствующим моментам относятся следующие. Прежде всего, это рассмотрение историко-философского процесса только в социокультурном контексте, вне связи с развитием наук о природе. «Со-всем неблагоприятно обстоит дело с освещением вопросов развития естествознания, в то время как историю философии нельзя в прямой ущерб научности излагать вне связи с успехами естественных наук»⁴². Кроме того, анализ историко-философского процесса доводится только до середины XIX века. Философские учения – немарксистские и постмарксистские – остались за страницами учебника. «Совершенно неоправданным является тот факт, что история философии в учебнике доведена только до возникновения марксистской философии»⁴³. И наконец, по мнению докладчика, несмотря на то что название книги ориентирует ее содержание на вполне определенный регион – Западная Европа, в ней должна была найти отражение история отечествен-

ной философии. «Ничем не мотивированным является также невключение в учебник истории развития русской философии»⁴⁴.

Несмотря на достаточно большой круг вопросов, затронутых в первой части доклада (его анализ и оценка за пределами задач нашего исследования), два мотива доминировали в нем. Первое — идеи исключительности марксистской философии, ее принципиального отличия от всех других философских учений. Второе — идея партийности марксистской философии, ее непосредственной связи с социальной практикой, функционирование в качестве идейного оружия рабочего класса.

Вторая (меньшая) часть доклада А.А. Жданова носит название «О положении на нашем философском фронте». Название говорит само за себя — в нем речь о состоянии философской науки в целом. Идея второй части: книга Г.Ф. Александрова отражает положение дел в философской науке. Здесь — критика деятельности Института философии АН СССР, вопрос о философском журнале, причины отставания философии от жизни и т.д. Главное: «Мы изменили старый мир и построили новый, но наши философы, к сожалению, недостаточно объясняют этот новый мир, да и недостаточно участвуют в его изменении»⁴⁵.

Темы, занимавшие центральное место в докладе А.А. Жданова, были доминирующими и в выступлениях (устных и письменных) участников дискуссии. Они красной нитью проходили через все выступления (если не буквально, то неявно). Материалом для выступлений служил историко-философский процесс: персоналии, направления, учения, научные школы, проблемы, преемственность и развитие, многообразие и единство, связи и отношения, социальный контекст и т.п. Большое место занимало обсуждение вопросов о том, как надо (надо было) освещать, ставить и решать ту или иную проблему, что необходимо было включить в текст, что не требовало включения, что упущено, что неправильно истолковано и т.д. Немалое место в дискуссии занимала внутренняя полемика (зачастую весьма резкая) между ее участниками.

Помимо отмеченных «сквозных» сюжетов, в процессе дискуссии появлялись «вкрапления», которые не были напрямую связаны с магистральной линией обсуждения. Некоторые суждения делали всеобщим достоянием то, что было известно, но вслух не произносилось, письменно не обозначалось. Это прежде всего касалось социальных аспектов бытия философии. Например, Б.Г. Кузнецов: «Диалектический материализм стал сейчас государственной философией»⁴⁶; В.С. Паукова: «Конечно, обвинять здесь т. Александрова и находить теперь — после указаний т. Сталина — отдельные недостатки его книги, посвященной западной философии, дело не столь уж трудное»⁴⁷. Разброс текстов с точки зрения упоминаний, ссылок, слаго-

словия И.В. Сталина был очень широкий: от бесконечных восхвалений до полного отсутствия упоминаний (например, В.Ф. Асмус, А.О. Маковельский). Достаточно резко критиковалась работа Института философии АН СССР (в организационном и содержательном планах), «генералов» от философии. Например, И.А. Кривелев: «Вот уже 17 лет, как мы слушаем критические речи т. Митина. Все ждем, когда в уплату своих критических векселей т. Митин предъявит позитивные творческие работы по вопросам философии марксизма. Но, увы, их нет! Проходят годы, десятилетия, а т. Митин остается подающим надежды академиком»⁴⁸. Об этом же З.А. Каменский: «Наши руководящие товарищи, имеющие преимущественное право печатания, не являлись и не являются в подавляющем большинстве своем одновременно и крупнейшими деятелями философской науки. Они, в сущности, больше лица административные, чем ученые. За время существования в системе АН СССР Института философии его возглавляли по очереди, если я не ошибаюсь, четыре директора: т.т. Митин, Юдин, Светлов, Васецкий. Но назовите хотя бы одну их работу, которая открывала бы новую страницу в философской науке, которая явилась бы оригинальным вкладом в нее... Они немало потрудились над популяризацией и пропагандой марксистско-ленинской, сталинской философской науки. Но этого мало для руководителя академического учреждения, для руководителя науки. Возьмите директоров других академических институтов по общественным наукам... — что ни имя, то крупный ученый, символ нового оригинального в науке, всесоюзный и международный авторитет. К сожалению, нельзя того же сказать о многих руководителях философской науки»⁴⁹. Обсуждались такие научно-организационные вопросы, как необходимость создания философского журнала, создание философского общества, разработка новых учебных программ по философии, проведение совещания, аналогичного данному и посвященного проблематике диалектического и исторического материализма.

Получила развитие идея союза философии и естествознания, необходимость разработки философских проблем естествознания. «Сейчас необходимо восстановить философию естествознания как самостоятельную дисциплину»⁵⁰. В связи с этим отмечалась необходимость разработки философии в ее методологической функции, философии как методологии научного познания. Так, Б.М. Кедров (ставший первым главным редактором журнала «Вопросы философии») говорил: «Я хочу поставить один вопрос, который мне кажется главным, — вопрос о марксистском диалектическом методе как методе научного исследования. Ведь привести некоторые цитаты из работ классиков марксизма — это не значит действительно применить марксистский метод»⁵¹. При этом, основываясь на известных сужде-

ниях В.И. Ленина о необходимости смены формы материализма в связи с развитием естествознания, в нескольких выступлениях была высказана идея критического подхода к работе Ф. Энгельса «Диалектика природы». Например, Б.Г. Кузнецов: «Некоторые формулы «Диалектики природы» в значительной мере устарели... «Диалектика природы» связана по преимуществу с механикой, с механической теорией тепла, с кинетическими и эволюционными идеями... Ревизия натурфилософских положений Энгельса вынуждается новыми естественно-научными открытиями. После Энгельса не только имели место многие естественно-научные открытия, но за это время механическая картина мира была дополнена электромагнитной картиной мира (конец XIX — первая треть XX в.) и появились теории, выходящие за рамки последней. Многочисленные фрагменты «Диалектики природы» по-прежнему остаются в силе и для нашего времени. Но большое число утверждений устарело, требует замены и, что, может быть, самое важное — о большом числе проблем у Энгельса вообще ничего не могло быть написано, так как соответствующие открытия были сделаны через 10 — 30 — 50 лет после его смерти»³². М.Э. Омеляновский: ««Диалектика природы» — это незаконченное произведение, Энгельс не подготовил его к печати, со времени Энгельса историческая наука, естествознание и марксизм колоссально продвинулись вперед»³³. Рассуждения достаточно вольные, но они были не столь уж редкими. Например, Л.О. Резников: «Мне кажется, что было бы неправильно представлять всю теоретическую литературу в буржуазных странах как сплошь исключительно реакционную»³⁴.

В последний день всех заседаний после заключительного слова Г.Ф. Александрова, критичного по отношению к «философскому фронту» и самокритичного (корреляция с выступлением А.А. Жданова) последовало очень краткое резюме А.А. Жданова, имеющее организационный характер и ориентированное на после дискуссионное время. Ответ на вопрос о том, как и какой круг людей информировать о философской дискуссии, был таким: «Так и такой, какой вам будет угодно». Слова вполне определенные, в свете которых становится ясным дальнейший ход событий.

Реакция на дискуссию была очень быстрой. Во втором номере «Вопросов философии», вышедшем тиражом уже не 15 000 экземпляров (как первый номер), а 20 000 экземпляров, была напечатана передовая статья «Наши задачи». В ней подведены итоги прошлой работы в области философии и намечены научные задачи на будущее. Примечательно, что эти задачи относились не только к истории, но и к теории философии. Образ философии, который доминировал в то время, выдвинул на первый план проблематику исторического материализма, а только после нее — проблематику диалектического материализма.

Что касается истории философии, то в том же номере журнала был опубликован проект проспекта новой книги «История философии». В предисловии к нему было сказано: «ЦК ВКП(б) поручил т.т. Г.Ф. Александрову, М.А. Дыннику, М.Т. Иовчуку, Б.М. Кедрову, М.А. Леонову, М.Б. Митину и О.В. Трахтенбергу написать новую книгу по истории философии, с тем чтобы при этом были всесторонне учтены итоги философской дискуссии и критика в ходе дискуссии книги т. Александрова. Для участия в составлении новой книги были привлечены также другие философы, в частности работающие в республиках и крупных городах РСФСР... Прежде чем приступить к написанию самой книги, авторскому коллективу нужно было составить проспект книги. В ходе работы над составлением проекта возникло много трудностей, много сложных, еще не решенных вопросов. Относительно плана изложения книги, некоторых общих принципов подхода к историко-философскому материалу, а также решения отдельных конкретных историко-философских проблем среди членов авторского коллектива возникли существенные разногласия»⁵⁵. Оказалось, что критиковать, давать советы, ценные указания, высказывать пожелания легче, чем выполнять реальную работу. Тем более что проблема имела не чисто методический, а теоретический (во многом) характер. Причем при непроясненности некоторых исходных методологических предпосылок: периодизация истории философии, место буржуазной философии второй половины XIX века, философия и естествознание, соотношение философского раздела канонического текста «История ВКП(б). Краткий курс» и предполагаемой «Истории философии». И может быть, самое главное. Считалось, «что все вопросы истории философии заранее уже решены, тогда как в действительности многие из них могли быть только поставлены, а их решение могло быть дано лишь в процессе дальнейшей научной разработки вопросов»⁵⁶. Любой учебник, учебное пособие вторичны по отношению к теории, теоретическому материалу, научно-разработанным вопросам. Теоретическое решение вопроса предшествует его отражению в учебной литературе. Нерешенность теоретических вопросов делает невозможным их отражение в учебном процессе (проблематизация философско-теоретического материала в педагогическом дискурсе в то время исключалась). И наконец, весьма интересный момент, деформирующий наши представления о дисциплине тех лет: «Тормозило работу также и то обстоятельство, что ряд товарищей из числа привлеченных к работе над книгой без уважительных причин и не давая никаких объяснений, уклонились вообще от обсуждения проспекта книги»⁵⁷. Оказывается и тогда такое было возможным.

Проект проспекта книги (очень подробный — двадцать страниц плотного журнального текста) состоял из двух разделов. Первый —

история домарксистской философии (предполагавшийся объем 47,5 п.л.). Второй — история марксистской философии (64 п.л.). Акцент явно сместился: от 30 страниц в книге Г.Ф. Александрова до 64 п.л. в новом предполагавшемся издании.

В последующих номерах журнала (1948. №1, №2) состоялось весьма обстоятельное обсуждение проекта новой книги по истории философии, в котором приняли участие и известные ученые — представители различных наук (Е.В. Тарле, Е.С. Варга, Р.Ю. Виппер и др.). Среди участников обсуждения — представители регионов, в том числе — заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Горьковского пединститута Н.П. Киреев.

Завершало обсуждение резюме «От редакции», где говорилось: «Редакция журнала предполагает остановиться на двух недостатках проспекта и на том, как эти недостатки можно было бы устранить. Основной недостаток состоит в том, что в проспекте не получила достаточно четкого отражения магистральная линия развития философии, линия материализма. В проспекте же, как правило, излагается сумма всех философских направлений, существующих в ту или иную эпоху. Не во всех главах проспекта выдвигаются на первый план задачи подробного разбора истории возникновения и развития той формы материализма, которая была характерна для данной эпохи. Это относится к первой части проспекта, т.е. к изложению домарксистской философии. В тесной связи с этим стоит другой недостаток: в проспекте отведено явно мало места истории естествознания»⁵⁸.

На обсуждении проспекта дело и кончилось. Новая «История философии», претендующая на выражение официальной, государственной позиции, так и не появилась.

Что касается теоретической стороны дела, то «волна», поднятая дискуссией, оказалась довольно значительной. Например, в том же журнале была представлена серия публикаций по тематике дискуссии.

Дискуссия 1947 года не была последним событием в 40-е годы в истории отношений верховной власти и философии. Б.М. Кедров, первый главный редактор журнала «Вопросы философии», вскоре (после выхода в свет нескольких номеров журнала) был освобожден от своей должности «как несправившийся» (им было проявлено некоторое свободомыслие — в частности, публикация статьи М.А. Маркова «О природе физического знания» во 2-м номере журнала за 1947 год). На его место был назначен Д.И. Чесноков, а сам журнал получил материальную и организационную поддержку высших партийно-государственных инстанций страны⁵⁹.

Какой была реакция в руководящих партийных структурах регионального уровня на философскую дискуссию? По-видимому, слова

А.А. Жданова при ее закрытии о том, что информировать о дискуссии можно *так и тех, как это будет угодно ее участникам*, означали отсутствие директивных указаний на этот счет. Никаких постановлений, резолюций принято не было. Очевидно, что информация о дискуссии, все ее обсуждения предполагались в рамках марксистской парадигмы. Понятно, что по итогам дискуссии были приняты определенные организационные решения. Но никаких указаний «сверху» о механизмах, формах такой деятельности не было. Поэтому реакция оказалась весьма незначительной.

В Горьковском обкоме ВКП(б) 16 сентября 1947 года состоялось совещание с научными работниками вузов города по вопросам идеологической работы. Во вступительном слове секретаря обкома по пропаганде И.М. Гурьева было сказано: «Постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства и прошедшая философская дискуссия с исключительной остротой поставили задачу дальнейшего развертывания идеологической работы»⁶⁰. Это единственное руководящее указание областного комитета партии. Никаких иных не было.

В «Справке об идейно-политической работе среди интеллигенции г. Горького», направленной 8 декабря 1947 года секретарем городского комитета ВКП(б) по пропаганде Панкратовым секретарю ОК ВКП(б) по пропаганде И.М. Гурьеву нет никаких упоминаний о философской дискуссии, о той работе, которая вокруг нее была (или не была?) развернута, о рекомендациях горкома на сей счет, информации с мест и т.д. Хотя Справка весьма велика по объему и насыщена по содержанию⁶¹.

Следующий уровень партийной иерархии — вузовские партийные организации. Протоколы заседаний партийного бюро партийной организации ГГУ за период с 24 июня по 25 декабря 1947 года (их 21!) не содержат в повестках дня никаких вопросов о философской дискуссии, обсуждения ее итогов, плана мероприятий по реализации ее результатов и т.д.⁶². То же можно сказать о партийных собраниях, проходивших в ГГУ в этот период времени. Лишь на одном из них в одном из выступлений (старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма И.Б. Лиогонький) упоминаются события, проходившие в Москве: «Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», философская дискуссия о книге Александрова и, наконец, закрытое письмо по делу Ключевой и Роскина вскрыли недостатки идеологической работы»⁶³. В то же время в Плате идеологической работы парторганизации ГГУ на первый семестр 1947/48 уч. года тема дискуссии представлена весьма основательно — ее вопросы предполагалось обсудить на заседаниях партийных собраний факультетов, заседании ученого совета университета, заседаниях кафедр⁶⁴. В постановлении общего отчетно-выборного закрытого партсобрания пар-

торганизации ГГУ от 5 января 1948 года о работе партбюро за период с 14 января 1946 года по 5 января 1948 года Совещанию по философии придан высокий статус. Философская дискуссия выступает одним из оснований идеологической деятельности партийной организации вуза. «Руководствуясь историческими решениями ЦК ВКП(б)... по вопросам идеологической работы, итогами философской дискуссии, партбюро за отчетный период значительно улучшило внутрипартийную работу»⁶⁵. Ставится задача «Добиться глубокого изучения каждым работником материалов о философской дискуссии».

Изучение проходило в различных формах, ведущее место при этом занимали не партийные структуры и форумы, а линия научно-образовательного характера. Имеются в виду ученые советы университета и факультетов, общеуниверситетский, факультетские и кафедральные методологические семинары, заседания кафедр. Такая ориентация была заложена в планах идеологической работы вуза. Реальность вузовской жизни соответствовала этим планам.

Внимание к философской дискуссии с течением времени постепенно нарастало. Этому способствовало появление Приказа министра высшего образования СССР от 26 декабря 1947 года (№1911) «О крупных недостатках и мерах улучшения преподавания марксистско-ленинской философии и логики в Харьковском государственном университете им. А.М. Горького», где было сказано: «После известных решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, после философской дискуссии и выступления т. Жданова на этой дискуссии должной перестройки и улучшения преподавания марксистско-ленинской философии в Харьковском университете не произошло»⁶⁶. В «Отчете об учебной работе ГГУ за 1-й семестр 1947/48 учебного года» философская дискуссия — в одном ряду с Постановлениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, с аналогичным Приказом министра высшего образования СССР. Эти документы называются основанием политико-воспитательной работы в университете. Ссылка на них открывает не только данный отчет, но и другие подобного рода документы. Выполняется своего рода ритуальное действие. Но в планах и отчетах за 1-й семестр 1947/48 учебного года этим дело и ограничивается. Иное дело — 2-й семестр того же учебного года. На заседаниях ученого совета ГГУ, ученых советов факультетов, общеуниверситетских и факультетских методологических семинарах ставятся вопросы, инициированные происходившими в Москве событиями на философском фронте. К ним относятся: «Итоги философской дискуссии», «История западноевропейской философии», «Борьба за материализм в русском естествознании XIX века», «Реакционный характер современной буржуазной философии», «Марксистская методология в науке», «Борьба материализма и идеализма в

квантовой механике», «Неомахизм в современной физике», «Резонансная теория строения органических веществ в свете диалектического материализма», «Критика буржуазных теорий сведения жизненных процессов к физиологическим» и др. Делают доклады, лекции читают ведущие ученые университета, специалисты в различных областях науки (Г.А. Разуваев, Е.М. Воронцов, И.М. Коренман и др.). Кроме того, один из немногих университетских преподавателей философии И.Б. Лиогонький.

Какое отражение нашла философская дискуссия, ее итоги в деятельности кафедры марксизма-ленинизма? Дискуссия состоялась в июне, ее материалы были опубликованы в июле. Поэтому совершенно очевидно, что в Отчете кафедры за 1946/47 учебный год о философской дискуссии не было сказано ни слова. Начался новый учебный год. Представление о работе кафедры в этот период времени дает «Перечень вопросов, разрешенных кафедрой марксизма-ленинизма на своих заседаниях в 1947/48 учебном году»⁶⁷. В нем приводится повестка дня всех заседаний кафедры в течение всего учебного года. Первые четыре заседания (сентябрь—декабрь 1947 года) не содержат каких-либо упоминаний о философской дискуссии. (Для сравнения — после выхода в свет работы И.В. Сталина по языкознанию первое в новом 1951/52 учебном году заседание кафедры марксизма-ленинизма ГГПИ началось с сообщения «о перестройке лекций на основе гениального труда И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”». Это был первый вопрос нового учебного года, поставленный в повестку дня до рассмотрения таких вопросов, как «Общие итоги работы кафедры за 1950/51 учебный год», «Утверждение общего и календарного плана работы на 1951/52 учебный год»⁶⁸.) Хотя вопросы идеологического характера на всех этих заседаниях ставятся и рассматриваются: «Подготовка к 30-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», «Мероприятия кафедры по реализации приказа МВО от 24 ноября 1947 года №739 “О перестройке идейно-воспитательной работы в государственных университетах”». И только на январском заседании кафедры марксизма-ленинизма в 1948 году четвертым пунктом повестки дня (перед пунктом «Разное») стоит вопрос «Сообщение т. Лиогонького об увязке философского материала (§2 гл. IV «Краткого курса») с итогами философской дискуссии»⁶⁹. Интересная формулировка — не философская дискуссия как таковая, а ее связь с содержанием «Краткого курса истории ВКП(б)». Видимо, такое видение проблемы, такая формулировка вопроса принадлежат заведующему кафедрой, специалисту по истории партии В.П. Фадееву. Логика его рассуждений могла быть такой: «Краткий курс» — это нечто подобное Священному Писанию, это канонический текст. А философская дискуссия

сомнительна по своему содержанию, говорилось там многое, оценка каждого выступления партийным руководством не дана. Поэтому необходима ее «увязка» с «Кратким курсом», взгляд на нее и оценка сквозь призму «Краткого курса». В протоколе заседания кафедры записано: «В своем сообщении тов. Лиюгонький рекомендует проводить изучение философского материала так, чтобы изложение марксистской философии было научным — основанным на фундаменте современных достижений. Изложение марксистской философии не должно быть схоластичным, а творчески-действенным, непосредственно связанным с задачами современности, должно подводить слушателей к их уяснению и намечать перспективы дальнейшего развития. Существенным требованием при этом должно быть решительное разоблачение современной реакционной идеалистической и вульгарно-материалистической теорий»⁷⁰. Рассмотрение вопроса об «увязке» заключал В.П. Фадеев. Он «рекомендует изредка ставить такие информации и высказывает пожелание, чтобы в этих информациях давался конкретный материал, облегчающий наши занятия»⁷¹. Обращают на себя внимание слова из резюме: «информация», «изредка», «облегчающий». Идеи дискуссии совсем не выступают здесь руководством к действию, явно не в центре внимания руководителя кафедры. Почему так? Специальность заведующего — история партии — влияет на отношение к вопросу? Или отсутствие каких-либо (от ЦК до парткома и ректората) ценных указаний о реакции на философскую дискуссию? Или позиция, согласно которой абстрактность философской теории имеет очень косвенное значение для реалий жизни и практической деятельности? Могут быть и другие версии, варианты ответа. От философии никуда не уйти (в том смысле, что она включена в «Краткий курс»), но надо быть с ней очень осторожным. Компас — §2 гл. IV! Не случайно, видимо, и в Отчете кафедры марксизма-ленинизма ГГУ о работе за 1947/48 учебный год (т.е. за весь год) о философской дискуссии ничего не говорится⁷². В Отчете есть раздел «Идейно-теоретическая и воспитательная работа кафедры». Там философский мотив звучит лишь трижды: работа философского семинара для преподавателей университета, введение курса диалектического и исторического материализма, подписка на журнал «Вопросы философии» (все это можно считать положительным влиянием философской дискуссии на обществоведческое образовательное сообщество). Эти три события по отношению к идеологии не нейтральны, но содержательная сторона дела здесь обходится. Иного и быть не могло, хотя бы в силу кадрового состава кафедры. В Отчете он характеризуется так: заведующий кафедрой В.П. Фадеев (кандидат исторических наук, доцент), старших преподавателей — 5 чел., совместителей — 3 чел. Единственный штатный преподаватель,

имеющий ученую (кандидатскую) степень по философии — И.Б. Лиогонький, защитивший в том учебном году диссертацию на тему «К вопросу о роли субъективного фактора в войне». Ему и пришлось быть посредником между философией и средой ее бытия в ГГУ в середине 40-х годов XX века.

Ситуация в педагогическом институте была несколько иной. По всей видимости, это было вызвано тем, что участником дискуссии был представитель кафедры марксизма-ленинизма ГГПИ В.И. Фомин. Текст его выступления (непрозвучавшего) был включен в стенограмму. Для полноты картины заметим, что В.И. Фомин в то время не имел ученой степени, хотя работал над кандидатской диссертацией на тему «Философское и физическое учение о материи» (защита состоялась в 1949 году).

После возвращения из Москвы, в конце июня 1947 года, В.И. Фомин выступил на расширенном заседании кафедры по итогам дискуссии. А в Плане работы ученого совета института запланирован (на октябрь) вопрос «Итоги философской дискуссии и задачи в идейно-политическом воспитании студенчества».

Отчет Горьковского государственного педагогического института им.М. Горького за 1-е полугодие 1947/48 учебного года весьма насыщен идеями философской дискуссии, отражает это научно-идеологическое событие. В разделе «Организация учебной работы и выполнение учебного плана» этому вопросу уделяется значительное внимание. Помимо общих деклараций и упоминаний в характеристике деятельности различных кафедр, акцент сделан на работу кафедры марксизма-ленинизма. Кафедры института приступили «к тщательному пересмотру программ под углом зрения решений ЦК ВКП(б) по вопросам идеологической работы, а также в свете материалов философской дискуссии по книге тов. Александрова»⁷³. И далее: «Имеющиеся пробелы в учебных планах и программах устраняются путем кружковой работы и введения факультативных курсов. Так, согласно учебным планам, студентам физико-математического факультета и факультета естествознания не читается самостоятельный курс философии. Изучение основ диалектического материализма ограничивается IV главой «Краткого курса истории ВКП(б)» в первом году обучения, когда студенты, в сущности еще школьники, недостаточно глубоко усваивают ее содержание. Поэтому для студентов-физиков (IV курса) был прочитан факультативный курс диамата (30 часов). Лекции студентами посещались охотно, и по их отзывам дали им очень многое. Для студентов факультета естествознания такой курс будет прочитан во втором полугодии»⁷⁴. Позитивное значение дискуссии, прошедшей в Москве, наглядно проявилось в этом эпизоде — философия стала постепенно утверждаться в качестве

самостоятельной учебной дисциплины, а не втискиваться в прокрустово ложе «Краткого курса».

В том же Отчете, в разделе «Политическое воспитание научных работников и студентов» говорится о проведении объединенного заседания кафедр литературного факультета, посвященного итогам философской дискуссии. На этом заседании были заслушаны три доклада: «Итоги философской дискуссии» (В.И. Фомин — и.о. зав. каф. марксизма-ленинизма); «Итоги философской дискуссии и задачи преподавания литературы в вузе» (Б.И. Александров — зав. каф. русской литературы); «Итоги философской дискуссии и задачи преподавания литературы в средней школе» (М.А. Шлыкова — асс. каф. русской литературы). «Развернувшиеся по докладам прения показали актуальность всех этих вопросов и важность их для практической работы сотрудников кафедр факультета. Подвергался живому обсуждению вопрос об отношении к домарксистскому литературоведению, о необходимости критического отношения к нему, о приоритете классиков русской критической мысли перед буржуазной наукой XIX века и т. д., резко была подчеркнута необходимость самой решительной борьбы со всеми проявлениями как наивного реализма, так и вульгарного социологизма в истории литературы. Практическим результатом этой конференции было то, что кафедра обязала всех преподавателей еще раз внимательно пересмотреть свои рабочие планы лекций и усилить в них те вопросы, которые обсуждались на совещании»⁷⁵.

Во втором семестре влияние философской дискуссии на жизнь вуза значительно (по внешним признакам) уменьшилось. В то же время на кафедрах обсуждались ее итоги, их значение для науки и образования, читались лекции соответствующей тематики и т.д. Об этом говорит «Отчет о работе Горьковского государственного педагогического института им. М. Горького за второе полугодие 1947/48 уч.года»⁷⁶. Объем Отчета — 165 листов машинописного текста. Его схема интересна и для сегодняшнего дня: 1) Контингент студентов. 2) Профессорско-преподавательский состав. 3) Организация учебной работы и выполнение учебного плана. 4) Педагогическая практика. 5) Учебно-методическая работа. 6) Учебно-вспомогательные учреждения. 7) Политическое воспитание научных работников и студенчества. 8) Учебная трудовая дисциплина. 9) Итоги учебной работы. 10) Аспирантура. 11) Научно-исследовательская работа. 12) Работа ученого совета. 13) Выводы.

В Плате работы кафедры основ марксизма-ленинизма ГГПИ им. М. Горького на 1-е полугодие тема философской дискуссии звучит очень мощно⁷⁷. Это относится ко всем направлениям деятельности кафедры: учебная, научная, методическая, воспитательная и т.д. А вот

в «Отчете о работе кафедры марксизма-ленинизма ГГПИ за 1947/48 уч. год» нет ни слова о философской дискуссии. Ситуация не то чтобы изменилась, но ее острота стала иной. Проявилось это не только на кафедральном, но и на институтском уровне. Налицо то, что в то время называлось словами «кампания», «кампанейщина», что осуждалось, но не уходило из жизни. Происходило событие, на которое предполагалась соответствующая реакция. А потом постепенно первичный импульс затухал. Тем более что он распространялся во вполне определенной социально-культурной среде, которая не была инертной и пассивной по отношению к нему, влияла на него и деформировала. Горьковский университет не был представлен на совещании в Москве, Горьковский педагогический институт имел там своего представителя. Это, вообще говоря, незначительное обстоятельство оказывало влияние на реализацию первичного импульса, идущего от высших партийно-государственных инстанций.

Когда речь идет о философской дискуссии, которая открывала серию аналогичных событий в середине 40-х годов. XX века, уместно сопоставить ее с другими дискуссиями. С одной стороны, философия, независимо ни от какой политической конъюнктуры, всегда выполняла и выполняет идеологическую функцию. Она ближе к идеологии, чем большинство тех наук, в рамках которых проходили подобные дискуссии (биология, языкознание и т.д.). Только политическая экономия может сравниться с ней в этом отношении. С другой стороны, резонанс от философской дискуссии был значительно меньший, чем от большинства других дискуссий. Влияние самой идеологичной по своему содержанию дискуссии на общественное сознание и социальную реальность было значительно меньше, чем влияние других наук, менее идеологически ориентированных. Почему так? Дело в том, что вдохновитель и организатор этой и других дискуссий И.В. Сталин стоял в тени, находился за кулисами, на авансцене философской дискуссии не появился. А в дискуссиях по языкознанию и политической экономии он был, безусловно, главной фигурой — через свои сочинения, посвященные их тематике. Непосредственное участие вождя в этих дискуссиях сразу повышало их вес, придавало им особый статус. Результатом этих дискуссий были не только идеи, направление их развития и функционирования, но и изменения в бытии. По крайней мере, в сфере науки и образования (в их организационно-кадровом и содержательном аспектах).

Вместе с тем такое непосредственно-опосредованное (через тексты сочинений) участие И.В. Сталина имело место только в двух случаях. Другие дискуссии (помимо философии) имели иной статус. Организационная форма каждой из них была различной. Биология — сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. Химия —

Всесоюзное совещание. Физиология и психология – объединенная сессия двух академий (Академия наук СССР и Академия медицинских наук СССР). Философия же – просто совещание, за которым, конечно, стоял Центральный комитет ВКП(б), но которое не имело академического статуса и какой-либо организационной формы внутрипартийного характера (пленум, конференция и т.д.).

Кроме того, надо учитывать локальность предмета философской дискуссии. Не философия как таковая, даже не ее история, а книга. Не тот масштаб проблемы – не наука, даже не какое-то ее направление.

Наконец, специфика самого предмета дискуссии. Философия, тем более ее история, тем более история зарубежной философии – а именно так определялась точка «старта» совещания, – казалось бы, весьма далека от жизни, от повседневности, от реалий советской действительности середины XX века, от того понимания идейно-теоретической и политико-воспитательной работы, которая имела место в те годы. Кроме того, надо иметь в виду, что первичного импульса (каким бы сильным он ни был) недостаточно для его проведения в жизнь, для его реализации. Москва, Кремль, Центральный комитет – это только начало пути. Но кто обеспечивает дальнейшее движение первичного импульса? Субъектов такого действия в регионах почти не было, некому было эти идеи квалифицированно реализовывать и даже транслировать. Иное дело – в других науках (химия, биология, языковедение и т.д.). Там, несмотря ни на что, существовали научные школы, научные коллективы, профессионалы высокого уровня (даже в экономической теории научное сообщество было более представительное – и в количественном, и в качественном аспектах).

Каково значение философской дискуссии для настоящего и будущего? Какие она имела последствия?

Надо различать два направления ее «последствия».

Первое – это организационная сторона дела. На философском «олимпе» произошли серьезные кадровые изменения, перестановки (но не более) ключевых фигур в руководящих структурах философского фронта (об этом подробно сказано, например, в указанной выше статье В.Д. Есакова). Эти перестановки происходили в верхах. Никаких изменений кадрового характера в регионах не было. Никто ни в верхах, ни на региональном уровне от марксизма не отлучался, не объявлялся антимарксистом. Никаких чисток не происходило. Учебник Г.Ф. Александрова не изымался (по крайней мере, в педагогическом институте г. Горького он благополучно простоял на полке полвека, не единожды выдавался читателям). К организационным последствиям можно отнести создание журнала «Вопросы философии». Тем самым закончился долгий (несколько десятилетий) период, когда в стране (с 1918 года) не было специального философского журнала. Совещание дало импульс к

созданию (воссозданию) в вузах философских кафедр. Относится это и к ряду высших учебных заведений г. Горького. Начался постепенный процесс выведения философии из-под эгиды кафедр марксизма-ленинизма, а также из рамок соответствующего раздела «Краткого курса истории ВКП(б)». Это было знаковое событие — осознание того, что философия не сводится к тому содержанию, которое представлено в этом сочинении. Выражением этого явилось введение в вузах курса диалектического и исторического материализма как самостоятельной учебной дисциплины. Стали пересматриваться учебные программы, создаваться их новые варианты. Были сделаны (правда, ничем не закончившиеся) шаги к созданию нового учебника по истории философии. А также по другим философским дисциплинам.

Второе направление — изменения в мире идей. Философское сообщество всколыхнулось, активизировалась его деятельность. Конечно, это происходило в рамках марксизма, лишь одного из философских учений. Речь не шла, разумеется, о каком-то выходе за его пределы. Но и в его рамках возможно движение научной мысли, которое не является жестко ориентированным по вектору основоположений, заданных философскими идеями его классиков. Иными словами, помимо того что называлось творческим развитием марксистской философии, имело место развитие такого круга философских идей, которые не были однозначно связаны с фундаментальными принципами марксистской философии.

Устроители дискуссии полагали, что дальнейшее развитие и функционирование философии в СССР будет идти согласно тем принципам, которые проходили лейтмотивом при обсуждении книги Г.Ф. Александрова, были представлены в речи А.А. Жданова. Конечно, это имело место, особенно в официальном научно-философском дискурсе. Но идейно-теоретические последствия дискуссии к этому не сводились. Надо иметь в виду известную диалектику цели и результата деятельности. Результат никогда не может быть абсолютной реализацией цели. Цель лишь частично воплощается в результате. Помимо первоначального замысла, результат содержит в себе такие моменты, которые не были заданы целью в процессе ее достижения. Реализация идеологических принципов вела не только к их утверждению, но и к иным, не предполагавшимся последствиям. Имеется в виду развитие научно-философской составляющей этого процесса. Не развитие собственно науки было целью дискуссии, а утверждение ее идеологической функции, подчинение идеологией науки, активизация воинствующего характера философии. Но внутри этой формы развивалось и иное содержание.

Утверждение принципа партийности как обязательного по отношению к философскому исследованию, задача связи философии с совре-

менностью вели к рассмотрению и углублению социально-философской проблематики. Идея специфики, коренного отличия марксистской философии от всех других философских учений, подчеркивание не момента преемственности, а момента отрицания по отношению к ним вели к выявлению реального места данного философского направления в историко-философском процессе, его возможностей и границ, осмыслению общего и особенного в различных философских традициях, анализу философского статуса учения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Критика буржуазной философии требовала освоения ее содержания, анализа и оценки, что вводило постмарксистскую мировую философию, в том числе и XX века, в пространство бытия философии в СССР. Требование внимания к марксистскому этапу вело к освещению всего массива философских идей классиков этого учения, постепенному осмыслению ранних произведений К.Маркса, поздних (социально-философских, философско-исторических) идей Ф.Энгельса, ставило проблему соотношения (общее и особенное) классического марксизма и ленинизма. Получила развитие история русской философии (пусть в неполном, частичном варианте). Изучение материалистической тенденции в русской философии не могло не затрагивать и иных философских течений. Получила развитие философия естествознания, философские проблемы частно- (специально-) научного знания.

Философия, как и любая наука, имеет собственную логику развития. Официальные установки дали ей внешний импульс, но независимо от него, хотя и под его влиянием, философия развивалась по своей внутренней логике.

В журнале «Вопросы философии» (1947. №2) по итогам совещания была напечатана статья «Наши задачи». Если говорить об историческом материализме, то задачи его развития, очевидно, были идеологически заданными (например: взаимоотношение базиса и надстройки при капитализме и социализме; базис социалистического общества, антагонистическое противоречие между производительными силами и производственными отношениями при капитализме и полное соответствие между ними при социализме; роль Советского государства при социализме и при коммунизме; роль коммунистического воспитания масс в строительстве коммунистического общества и т.д.). Что касается диалектического материализма, то задачи его развития напрямую не были связаны с идеологией, имели общеполитическое звучание, хотя выражались в марксистской терминологии. Например: разработка теории материалистической диалектики; разработка теории современного естествознания; анализ соотношения теории и практики; анализ процесса познания и т.д.

Итак, вектор развития и функционирования философии в СССР был задан и определен принципами партийности, критики буржуаз-

ной философии, действенности философии в решении задач социалистического строительства. Эти принципы находили отражение в официальных документах, решениях, планах. Под их флагом проходили обсуждения, совещания, издавалась литература, выходили учебники и т.д. Но помимо этого имело место движение научной мысли более активное, чем прежде, к идеологии несводимое, лишь внешне связанное с нею. Или по крайней мере, ею неподдаваемое.

Можно сказать, что философская дискуссия 1947 года явилась продолжением и развитием тех идей, которые были высказаны в Постановлении ЦК ВКП(б) 1944 года. К этому делу, конечно, не сводилось, появились новые идеи и проблемы, но эскиз картины событий 1947 года был нарисован в 1944 году. Ряд идей Постановления 1944 года нашел реализацию в дискуссии 1947 года: история философии и ее современные интерпретации, социально-политический контекст философии, философия истории, история марксистской философии, отечественная философия и др.

Философский фронт оказался на передовой линии идеологической ситуации того времени. И не только в хронологическом аспекте — философская дискуссия 1947 года (имевшая свою предысторию, непосредственно продолжившая, казалось бы, загадочное обращение высшего партийно-государственного руководства СССР к философии в 1944 году), оказалась первой в ряду последующих подобных событий того времени. Она предвосхитила многое, что нашло отражение и в известных постановлениях ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, и в идеологических дискуссиях в различных науках. Идеи патриотизма (русского, советского), антикосмополитизма, критики преклонения перед иностранной наукой и культурой впервые нашли отражение в событиях, происходивших именно на философском фронте. В центр выдвигалась не политическая, а идеологическая тематика (ср.: политические процессы 30-х годов и идеологические дискуссии в науке 40-х годов). Идеология понималась как главная сфера, в которой происходит столкновение, борьба двух социальных систем. Души людей, «атомарный» уровень, — сфера, где предстояло (и состоялось) главное социальное сражение XX века.

---

¹ См.: Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Советское философское сообщество в сороковые годы: почему был запрещен третий том «Истории философии»? // Вестник РАН. 1993. Т.63. №17.

² См.: «Философия России XIX — XX столетий». М., 2002. С.157.

³ См.: Бирюков Б.В., Веретин И.С. Идеологические события сороковых годов прошлого столетия и проблема русского национального сознания // Вестник МГУ. Серия «Философия». 2005. №3.

⁴ См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. 1922–1991 / 1922–1952. Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. С.294.

⁵ Там же. С.298.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С.297.

⁹ Там же. С.296.

¹⁰ «Большевик». 1944. №7–8. С.14.

¹¹ Там же. С.15.

¹² Там же. С.16.

¹³ Там же. С.17.

¹⁴ Там же. С.19.

¹⁵ Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Указ. соч. С.638.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Бирюков Б.В., Верстин И.С. Указ. соч. С.78.

¹⁸ «Большевик». 1944. №9. С.7.

¹⁹ См.: Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф.3. Оп.1. Д. 4152, 4155, 4157, 4159, 4162.

²⁰ Там же. Д.4157. Л.113 об.

²¹ ГОПАНО. Ф.275. Оп.5. Д.1.

²² Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф.377. Оп. 8. Т.1. Д. 96.

²³ Там же. Л. 12.

²⁴ Там же. Л. 28.

²⁵ ЦАНО. Ф.2734. Оп.8. Д.43.

²⁶ Там же. Д.43, 72.

²⁷ ЦАНО. Ф.2734. Оп.8. Д.58. Л.5.

²⁸ Там же. Л. 23, 23 об.

²⁹ История философии. В 6 т. М., 1965. Т.6. Кн.1. С.419–420.

³⁰ Историческая канва событий подробно отражена в статье В.Д. Есакова «К истории философской дискуссии 1947 года», напечатанной в журнале «Вопросы философии» (1993. №2). Впрочем, отметим одну неточность. Автор утверждает, что материалы первой дискуссии (январь 1947 года) были опубликованы в журнале «Большевик» (Указ. соч. С.89). Такой публикации в этом журнале не было. Что касается второй дискуссии, то в «Большевике» (1947. №15, 16) был опубликован материал о ней и выступление А.А. Жданова.

³¹ В.Д. Есаков приводит следующий факт. А.А. Жданов 23 июня 1947 года направляет И.В. Сталину проект своей речи на философской дискуссии. Тот делает около тридцати непринципиальных структурных и редакторских замечаний, и 24 июня А.А. Жданов выступает на дискуссии (см.: Есаков В.Д. Указ. соч. С.91–92).

³² Вопросы философии. 1947. №1. С.257.

³³ Там же. С.258.

³⁴ Там же. С.262.

³⁵ Там же. С.261.

³⁶ Там же. С. 13.

³⁷ Там же. С. 259.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С.265.

⁴¹ Там же. С.263.

⁴² Там же. С.265.

⁴³ Там же. С.260.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С.270.

⁴⁶ Там же. С.62.

⁴⁷ Там же. С.221.

⁴⁸ Там же. С.393.

⁴⁹ Там же. С.377.

⁵⁰ Там же. С.69.

⁵¹ Там же. С.38.

⁵² Там же. С.69–70.

⁵³ Там же. С. 195.

⁵⁴ Там же. С.416.

⁵⁵ Вопросы философии. 1947. №2. С.343.

⁵⁶ Там же. С. 345.

⁵⁷ Там же. С. 345.

⁵⁸ Там же. С. 354.

⁵⁹ См.: Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О главном редакторе журнала “Вопросы философии”» от 3 марта 1949г. и «О мерах помощи журналу “Вопросы философии”» от 26 августа 1949г. // Академия наук в решениях Политбюро... С. 396–401, 413–414.

⁶⁰ ГОПАНО. Ф.3. Оп.1. Д.6161. Л.56.

⁶¹ Там же. Д.6174. Л. 173–183.

⁶² Там же. Ф.275. Оп.5. Д.9.

⁶³ Там же. Д.10. Л.68.

⁶⁴ Там же. Оп.16. Д.20. Л.85, 86.

⁶⁵ Там же. Оп.6. Д.2. Л.17–18.

⁶⁶ Бюллетень Министерства высшего образования СССР. 1948. №2. С.5.

⁶⁷ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.263а.

⁶⁸ ЦАНО. Ф.2734. Оп.8. Д.58. Л.231.

⁶⁹ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.263а. Л.3.

⁷⁰ Там же. Л.5.

⁷¹ Там же. Л.6.

⁷² ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.188.

⁷³ Там же. Д.120. Л.27.

⁷⁴ Там же. Л.28.

⁷⁵ Там же. Л.60.

⁷⁶ ЦАНО. Ф.2734. Оп.8. Д.121.

⁷⁷ ЦАНО. Ф.2734. Оп.8. Д.58.

Глава 2 БИОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Противостояние

Наука в Советском Союзе формировалась как один из элементов социального механизма, подчиненного практическим и идеологическим задачам. Осознавая значимость науки для решения экономических, социальных, политических и иных жизненно важных проблем, руководство страны поставило научное сообщество под жесткий контроль. При этом нередко обострялись противоречия внутри научного сообщества, в частности вследствие невозможности выполнить социальные заказы без ущерба для традиционных норм и ценностей научной деятельности. Если учесть, что наука в Советском Союзе была иерархически организована, в ней действовали жесткие вертикали власти, то конфликтные ситуации транслировались по всей цепочке. Чаще всего этот сигнал шел «сверху вниз», играя роль матрицы для тиражирования желаемых изменений в научных сообществах на местах, в регионах.

Подобная ситуация складывалась в отечественной биологической науке по проблемам наследственности в 30–40-х годах прошлого века. Противостояние генетиков и лысенковцев в «большой» российской науке изучено весьма обстоятельно отечественными и зарубежными историками науки. Но влияние московских дискуссий по проблемам генетики на науку в многочисленных провинциальных научных коллективах остается «белым пятном» в социальной истории отечественной науки. Постараемся хотя бы в малой части восполнить этот пробел, рассмотрев реакцию нижегородских (горьковских) ученых на события в столичных научных центрах. Такой анализ предполагает обращение к предыстории проблемы.

К концу 20-х годов водораздел старого и нового в биологии проходил между классической биологией и новаторской экспериментальной наукой. В арсенале классической биологии была теория эволюции и описательно-систематизирующее знание о многообразии животного и растительного миров. Вопрос о наследственности в XIX веке в основном сосредоточивался вокруг проблемы передачи потом-

ству свойств, приобретенных в ходе индивидуальной жизни. В 1809 году Ламарк основой эволюции назвал передачу через смену поколений благоприобретенных свойств. 50 лет спустя Ч. Дарвин описал процесс эволюции как взаимодействие неопределенной изменчивости, наследственности, борьбы за существование и естественного отбора. Вопрос о наследовании прижизненно приобретенных свойств отечественные биологи в основном решали в духе ламаркизма, что соответствовало интуитивным представлениям здравого смысла и праксиологическим основаниям, поскольку предполагало возможность целенаправленного получения ценных сельскохозяйственных сортов и пород путем варьирования условий их жизни.

Новая биология была в основном представлена экспериментальной генетикой. По сути поставленных генетикой проблем она не могла замыкаться в рамках одного из направлений биологии, а затрагивала общемировоззренческие аспекты биологии: соотношение изменчивости (эволюции) и стабильности биологических видов, причины эволюции, материальные носители наследственности, структуру живой клетки, связь организма и среды, возможность влияния человека на биотические процессы.

Генетика переживала бурный период накопления эмпирического материала. Многообразие фактов и отсутствие генерализирующей идеи создавали ситуацию отставания теории от эмпирии. Возникавшие гипотезы не могли быть сформулированы путем индуктивного обобщения фактов и в значительной мере носили умозрительный характер. Такой способ формирования гипотез можно назвать абдукцией: теоретические конструкторы создаются довольно произвольно, но имеют формальные и содержательные ограничения. К формальным ограничениям относится принцип внутренней непротиворечивости гипотезы. В содержательном аспекте гипотеза должна объяснять все известные исследователю факты.

Долгое время генетики признавали вейсмановскую идею автогенеза, согласно которой мутации рассматривались как спонтанные и непредсказуемые процессы, которые можно констатировать, но нельзя на них влиять внешними воздействиями. С середины 20-х годов начинаются исследования влияния радиационного облучения на генную структуру клетки, заложившие основания активного экспериментирования с наследственностью. Идеи генетики позволяли также осмыслить и осознанно использовать традиционные методы селекции.

Вместе с позитивным направлением генетических исследований возникали и спекулятивные размышления о возможных социальных применениях генетики. К сомнительным направлениям научной прогностики в рамках генетики следует отнести увлечение некоторых отечественных ученых идеями евгеники (Н.К. Кольцов,

А.С. Серебровский, Ю.А. Филипченко). Евгеника представляла собой социальный проект противостояния якобы грозящему человечеству генетическому вырождению, проект улучшения человеческой «породы». Сама идея евгеники перекочевала в СССР с Запада. Особенно настораживали евгенические исследования в фашистской Германии, носившие националистический, расистский характер. Реализация этих программ предполагала отказ от гуманистических принципов свободы и автономии личности. В философско-антропологическом аспекте евгеника была односторонним учением, игнорировавшим социально-культурную детерминацию человека.

Новое направление в биологии, связанное с именем Т.Д. Лысенко, имеет нечто общее с генетикой, а именно — отказ от созерцательно-описательных методов. Различие между конкурировавшими теориями заключалось в том, что проблемы генетики порождались в первую очередь логикой развития науки, а проблемы агробиологии Лысенко — социальным заказом. Скорейшее обеспечение страны продовольствием было для Советского государства вопросом выживания.

В начале 30-х годов начинается научная карьера Т.Д. Лысенко, бывшего прежде практиком сельского хозяйства. Он был замечен научным сообществом именно благодаря некоторым практическим разработкам в земледелии. Поначалу Н.И. Вавилов поддерживал начинающего ученого. Но со временем претензии Т.Д. Лысенко расширились до создания теории агробиологической науки, а позже — общей теории биологии. Философско-мировоззренческую составляющую теории Лысенко обеспечивал И.И. Презент. Изначально теория Лысенко строилась как противостоящая генетике, включала в себя ее критику.

Вопрос о причинах разногласий в биологии, переросших в противостояние двух направлений, выходит за рамки нашего исследования, поэтому о них скажем лишь в общих чертах. В значительной мере обострение это объясняется особенностями личности Т.Д. Лысенко, сочетавшего в себе ограниченность научно-методологического мышления с непомерной самоуверенностью революционаристского сознания («Кто был никем, тот станет всем»). Судя по хроникам его деятельности, он обладал характером энергичным, самолюбивым и злопамятным. Критику в свой адрес воспринимал болезненно. А критиковали его за вульгаризацию науки и селекционеры-практики, и генетики. В ходе дискуссий и заочных полемик 30-х годов Т.Д. Лысенко неоднократно слышал обвинения и упреки в безграмотности. Л.Р. Грэхэм, американский исследователь истории науки в СССР, прямо указывает на интеллектуальную ограниченность Лысенко.

Сложившуюся в биологии ситуацию нельзя объяснить только личностными факторами. Далеко не всегда научное сообщество состоит из бескорыстных искателей истины. Но наука способна

«выдавливать» из своей среды шарлатанов посредством свободной дискуссии. Главная причина сложившейся ситуации в отечественной генетике середины XX века заключается в самоуверенности власти, проникающей в те сферы духовного производства, которые по сути своей не терпят давления.

Упорно проводимая Лысенко мысль о социальной дифференциации научного сообщества имела под собой основания. Но разделение научного сообщества произошло в других аспектах, нежели полагал Лысенко. Хлынувший в науку поток интеллигенции в первом поколении, психология которой была отягощена революционаристскими идеологемами, привел к размыванию традиционных ценностей науки.

Стремительный карьерный рост прибавлял Т.Д. Лысенко самоуверенности. Он уже не стыдился своей необразованности, а козырял своим положением самоучки. В речи на совещании передовиков урожайности с руководителями партии и правительства (1936 г.) он говорил: «Я часто читаю Дарвина, Тимирязева, Мичурина. В этом помог мне сотрудник нашей лаборатории И.И. Презент. Он показал мне, что истоки той работы, которую я делаю, исходные корни ее дал еще Дарвин. А я, товарищи, должен тут прямо признаться перед Иосифом Виссарионовичем, что, к моему стыду, Дарвина по-настоящему не изучал.

Я окончил советскую школу, Иосиф Виссарионович, и я не изучал Дарвина. Обычно из Дарвина помнят только то, что человек произошел от обезьяньего предка. Но надо по-настоящему читать Дарвина, перечитывать его несколько раз и вычитывать у него общие биологические основы для овладения жизнью и развитием организма»¹. Эта манера «вычитывать» то, что выгодно для поддержания собственной позиции, проявлялась у Лысенко и по отношению к другим его учителям, и по отношению к критикуемым противникам.

К.А. Тимирязев как-то сказал: «Наука должна сойти со своего пьедестала и заговорить языком народа». Мысль эта созвучна идеям Лысенко. Но удивительным образом одни и те же слова звучат по-разному. В устах интеллигента Тимирязева — как искреннее стремление обратить научный разум на службу обществу. У недоучки Лысенко — как программа вульгаризации науки.

Спустя десятилетия после описываемых событий Н.П. Дубинин попытался с великодушием победителя оценить деятельность Лысенко. «...Этот сильный и в чем-то безусловно талантливый человек, получив баснословные возможности, сделал в своей жизни так мало реального... Он сформулировал теорию стадийного развития растений, однако забросил ее конкретную разработку, и в дальнейшем эта теория окостенела. Он атаковал генетику своего времени в основном неверно, однако при этом он нащупал и ее реальные ошибки, в первую очередь автогенез. В принципе правильная постановка вопроса о

единстве внутреннего и внешнего в проблеме наследственной изменчивости в конце концов выразилась у него в старую ламаркистскую трактовку об адекватном унаследовании благоприобретенных признаков. Он живо, страстно откликался на важнейшие практические задачи сельского хозяйства своего времени, однако все его рекомендации не достигли цели, ибо они не имели под собой научного фундамента...

Будучи пророком «новых» методов селекции, он не создал ни одного сорта. Вместе с тем надо отдать ему должное, он не приписал своего имени ни одному из сортов, что было ему сделать легче легкого². Как видим, Н.П. Дубинин при всем своем негативном отношении к Т.Д. Лысенко не отказывает ему в праве называться ученым.

Длительное противостояние двух направлений в отечественной биологии проявлялось как заочная полемика, взаимная критика оппонентов в различных публикациях. Но бывали периоды обострения ситуации, когда противники сходились в очных дискуссиях. Наиболее значимые из них — дискуссии 1936, 1939 и 1948 годов.

Первая дискуссия по вопросам наследственности состоялась на сессии ВАСХНИЛ в декабре 1936 года. Лысенко уже тогда, за 12 лет до кульминационных событий, сформулировал основные претензии к генетикам: отрыв теории от практики, «метафизический» подход к организму как самостоятельному образованию, оторванному от внешней среды, использование математических (формальных) методов в исследовании живых форм, идеи автогенеза. Припомнили некоторым генетикам и их увлечение евгеникой.

Если исключить философскую фразеологию и упрек в использовании формальных методов, аргументы Лысенко не были лишены оснований. Раскол произошел, но большинство участников дискуссии расценивали его как обычное для науки внутреннее дело, спор, в котором родится истина. Власти в спор пока не вмешивались.

Сторонники Лысенко были глухи к аргументам ученых-генетиков. Зато очень внимательно отслеживали промахи генетиков. Отметим два таких просчета. Во-первых, подстегиваемые государственной политикой, направленной на немедленное получение отдачи от науки, лидеры генетического направления Н.И. Вавилов и А.С. Серебровский обещали за пятилетку (1932–1937 гг.) получить реальные практические результаты. Разумеется, обещания эти не были выполнены, что стало аргументом обвинений генетики в бесплодности. В этих условиях М.М. Завадовский выступил в защиту генетики, справедливо отмечая различия между теоретическими фундаментальными исследованиями и прикладными отраслями науки. М.М. Завадовский отметил, что генетика пока не доросла до практических рекомендаций сельскому хозяйству. Это признание не улучшило репутацию генетики.

Другой просчет генетиков заключался в том, что в увлечении новаторскими идеями и методами они недостаточно внимания уделяли критике собственных тупиковых направлений и ложных гипотез. В процессе становления науки нет прямого пути к истине, а есть множество направлений исследований, противостояние методологий, методик и гипотез. Однако со стороны научное сообщество представляется единым. Последователи Лысенко критиковали генетику именно как единое направление, приписывая ему все ошибки прошлого.

После первой дискуссии по генетической проблематике произошло событие, нанесшее удар по отечественной науке. Речь идет об изменении регламента VII Международного конгресса по генетике. Первоначально конгресс предполагалось провести в Москве в августе 1937 года. Мировое сообщество доверило руководство конгрессом Н.И.Вавилову. Не без интриг Т.Д. Лысенко московский конгресс не состоялся³. Он был проведен в 1939 году в Эдинбурге. Но советская делегация в конгрессе не смогла участвовать. Тем не менее сама подготовка к конгрессу способствовала активизации генетических исследований.

Вторая дискуссия по проблемам генетики произошла в октябре 1939 года с участием редколлегии журнала «Под знаменем марксизма». К этому времени Лысенко занял пост президента ВАСХНИЛ, систематизировал свои идеи, объявил себя продолжателем дела И.В. Мичурина, снискал благосклонность Сталина. Председательствовал на совещании философ М.Б. Митин. Его заключительная речь была вполне объективной⁴. Он выступил против формального присоединения философской терминологии к конкретным теориям, в которых вопросы истины должны решаться практикой, экспериментом.

Летом 1940 года по ложному обвинению был арестован, а спустя два с половиной года скончался в тюрьме Н.И. Вавилов. Подверглись репрессиям и другие ученые-генетики: Г.Д. Карпеченко (1941 г.), Г.А. Левитский (1941 г.), В.Д. Вендровский (1938 г.), С.Г. Левит (1937 г., расстрелян в 1938 г.), Г.А. Надсон (1937 г., расстрелян в 1939 г.).

Кульминационным моментом противостояния генетиков и сторонников Лысенко стала августовская сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина 1948 года, закончившаяся разгромом генетики. Это событие наиболее изучено, проанализировано в историко-научной литературе. Поэтому мы рассмотрим дискуссию 1948 года лишь в некоторых интересующих нас аспектах.

Есть основание считать, что проведению августовской 1948 года сессии ВАСХНИЛ предшествовала некая интрига ее руководства с целью обеспечить большинство сторонникам Лысенко. Н.П. Дубинин пишет в своих воспоминаниях, что он узнал о сессии случайно

из «Известий», возвращаясь из отпуска⁵. Академик Б.М. Завадовский начал свое выступление на сессии так: «Я считаю, что были не совсем нормальные условия организации сессии, ибо не было представлено достаточных возможностей для всех тех, кто зачислен по праву и, в особенности, не по праву в разряд вейсманистов-морганистов, подготовиться и иметь возможность свободно и полноценно высказываться»⁶.

В докладе на сессии ВАСХНИЛ Лысенко изложил собственные биологические взгляды, представляющие собой смесь дарвинизма и ламаркизма. Эту эклектическую произвольную конструкцию Лысенко называет «творческим советским дарвинизмом», отвергающим ошибки неоламаркизма и неodarвинизма. Явно стремление Лысенко подвести авторитетную теоретическую базу под свои идеи, суть которых — «...управлять наследственностью организмов путем соответствующего изменения условий жизни этих организмов»⁷. Связав свою концепцию с авторитетными в науке и идеологии именами посредством философской терминологии, Лысенко создал ситуацию, при которой критика, направленная на него лично, выглядела как покусение на общепризнанные авторитеты.

Используемый Лысенко аргумент «к авторитету» не чужд и подлинной науке. Но при этом имена авторитетных личностей являются лишь некоторыми условными именованьями массы опытов, экспериментных проверок, теоретических конструкций, осуществленных научным сообществом. Поэтому за авторитетом личности в науке всегда стоит авторитет научного сообщества.

Суть теории Лысенко: организм есть разнородное целое, зависимое от условий существования. Под воздействием внешней среды органы меняются неравномерно. Между сильно изменившимися и не изменившимися органами есть обмен веществом. «Измененный участок тела будет получать ту или иную пищу из соседних участков, своих же собственных, специфических веществ он не сможет отдавать, так как соседние участки не будут их избирать.

Отсюда понятно то часто наблюдаемое явление, когда подчас измененные органы, признаки или свойства организма не обнаруживаются в потомстве. Но сами эти измененные участки тела родительского организма всегда при этом обладают измененной наследственностью»⁸.

Поскольку половая клетка порождается организмом, она несет в себе его свойства, как полученные от родителей, так и приобретенные. По мнению Лысенко, нет принципиальной разницы между половыми и вегетативными гибридами. Сорта и породы создаются и поддерживаются хорошей агротехникой и зоотехникой, созданием оптимальных условий для закрепления полезных изменений.

Методами быстрого создания сортов и пород он считал:

- 1) «расшатывание» наследственности растений (через прививку, варьирование условий, скрещивание форм с желаемыми признаками);
- 2) метизация для животных — скрещивание пород с желаемыми признаками;
- 3) создание соответствующих условий «воспитания» в желаемом направлении.

В теории Лысенко приведены также очевидные факты, которые могут быть объяснены и с позиции генетики. При получении ожидаемых признаков путем скрещивания наследование признаков происходит на хромосомном уровне. Ясно также, что без достаточных внешних условий генетическая программа не может быть реализована организмом.

Следующий аргумент Лысенко представляется сомнительным: «Собирая семена с привоя или подвоя и высевая их, можно получать потомство растений, отдельные представители которых будут обладать свойствами не только той породы, из плодов которой взяты семена, но и другой, с которою первая была объединена путем прививки.

Ясно, что подвой и привой не могли обмениваться хромосомами ядер клеток, и все же наследственные свойства передавались из подвоя в привой и обратно»⁹. Л.Р. Грэхэм считает, что Лысенко не был способен к кропотливой работе экспериментатора, пренебрегал точностью эксперимента и не исключено, что был способен на подтасовку подобных данных.

С точки зрения научных норм критическая часть доклада Лысенко весьма уязвима. Основные недостатки его позиции: использование «административных ресурсов», невнимание к фактам и концепциям, противоречащим его собственной позиции, передергивание аргументов своих оппонентов, нежелание (или неспособность) понять аргументы критикуемых им ученых. Так, в докладе на сессии ВАСХНИЛ 1948 года он произвольно соединил работу Т. Моргана 1905 года и подборку цитат из выступлений и статей И.И. Шмальгаузена, Н.П. Дубинина, М.М. Завадовского, Н.К. Кольцова (30—40-х годов). Генетики критиковали «гуртом», не видя того факта, что генетика неоднородна, в ней было несколько направлений исследований, противоборствующих гипотез, не замечая того, что на пути к истине генетика внутренней научной критикой освобождалась от своих ошибок.

В докладе Лысенко генетика критиковалась не сама по себе, а вместе с теми философскими интерпретациями, которые ей приписал сам Лысенко (под руководством И.И. Презента). Присутствовавшим на сессии генетикам удалось отчасти перевести полемику в сферу научных фактов.

Критике были подвергнуты такие основные положения генетики: различие соматического и наследственного вещества в организме (тезис Лысенко: организм — единое целое, половые клетки вырабатываются организмом и зависимы от особенностей организма); наличие неопределенной изменчивости организма (Лысенко относил это положение Дарвина к числу его ошибок); невозможность направленно влиять на изменчивость; ненаследуемость благоприятных признаков.

Генетикам вменялось в вину, что они в условиях идеологического раскола биологии на два непримиримых направления поддерживают и пропагандируют реакционные взгляды буржуазных ученых, сдерживая развитие передовой творческой советской науки.

В докладе Лысенко явно звучит идея разделения сообщества биологов. «Они» — генетики (Н.К. Кольцов, М.М. Завадовский, Н.П. Дубинин, И.И. Шмальгаузен, И.М. Поляков, Б.М. Завадовский и др.), вкупе с их идейными вожжами — Менделем, Морганом, Вейсманом. «Мы» — подлинные ученые, пекущиеся о процветании страны. Себе в компанию Лысенко подобрал весьма авторитетных естествоиспытателей — Дарвин, Мичурин. Интересен тот факт, что Н.И.Вавилов, много сделавший для развития генетики в СССР, вообще не упоминается в докладе Лысенко. Видимо, негласный уговор избегать имен репрессированных был выгоден Лысенко, поскольку таким образом он избегал весьма авторитетного противника. В целом позиция генетиков на сессии ВАСХНИЛ 1948 года выглядела более слабой из-за их малочисленности и вследствие того, что первый удар был нанесен сторонниками Лысенко, и это поставило генетиков в позицию обороняющихся. Из более 50 выступавших на сессии ВАСХНИЛ сторонников генетики было около 20%. Но вряд ли эти цифры отражают реальное соотношение сил. Среди сторонников Лысенко были и примкнувшие из конъюнктурных соображений. Среди них — философ М.Б. Митин, отказавшийся от позиции нейтралитета философии по отношению к частным научным проблемам, которую он отчетливо выразил в 1939 году на совещании в редакции журнала «Под знаменем марксизма».

Об изрядном количестве сочувствующих генетикам свидетельствует реакция зала на выступление блестящего полемиста П.М. Жуковского. Его выступление неоднократно вызывало реакцию зала — смех, оживление, аплодисменты. Разумеется, смеялись не над П.М. Жуковским, а вместе с ним над объектами его иронии. Приведем небольшой отрывок из речи П.М. Жуковского, свидетельствующий о его ироническом ораторском искусстве.

«Дошло до того, что как только произносят слово «мутация» или «хромосома», то это пугает очень многих. Не помню, у кого-то была

изображена девица, которая краснела при виде жареного каплуна (с м е х).

Как скажут слово «хромосома», то также некоторые краснеют (с м е х, в з а л е о ж и в л е н и е)...

Никогда не употребляются нашими оппонентами такие понятия, как витамины, гормоны, вирусы. Я мог бы посоветовать не вам, Трофим Денисович, ваш авторитет достаточно высок, а вашим последователям учиться, ибо учение свет, а неученье — тьма. (С м е х, аплодисменты)»¹⁰.

Выходя на «поле брани», генетики пользовались оружием своих противников, поскольку лысенковцы были глухи к авторитету эксперимента. Лысенко критиковал генетиков, демонстрируя их идейные, теоретические связи с западной наукой. Генетики использовали тот же прием, но перелицованный, пытаюсь внести раскол в лагерь противника, вбить клинья между Лысенко и Презентом, Лысенко и теми, кого он считал своими учителями — Дарвином, Тимирязевым, Мичуриным. Действительно, Лысенко довольно беззастенчиво обращался с идеями своих учителей, выбирая из них лишь те, что работали на его теорию.

Исход сессии в значительной степени был предreshen внешними по отношению к науке обстоятельствами. К ним следует отнести благосклонность власти к Лысенко, его положение (пост президента ВАСХНИЛ), популистские обращения за оценкой к широкой общественности («они» плодовых мушек препарируют, а мы обещаем накормить страну). Победа Лысенко была предreshena и кадровой политикой президента ВАСХНИЛ. «Благодаря заботам Партии, Правительства и лично товарища *Сталина*, теперь положение в Академии резко изменилось. Наша академия пополнилась и в скором времени, при ближайших выборах еще более пополнится значительным количеством академиков и членов-корреспондентов — мичуринцев»¹¹. Обратим внимание, что для Лысенко исход выборов очевиден.

В последний день сессии П.М. Жуковский, С.И. Алиханян, И.М. Поляков, накануне отстаивавшие свои научные взгляды, выступили с заявлениями об ошибочности своих прежних позиций. Отречение от генетики они обосновывали своей партийной позицией. И.М. Поляков: «...наша партия помогла нам произвести глубокий, коренной перелом в области нашей науки, показала нам, что мичуринское учение определяет основную линию развития советской биологической науки, и отсюда необходимо сделать вывод и работать, развивая мичуринское направление»¹². Позже с подобным заявлением выступил в «Правде» А.Р. Жебрак.

Подоплека этих отказных заявлений очевидна: ученые подчинились партийной дисциплине вопреки собственным научным убежде-

ниям. Позиция ЦК партии была доведена до сведения участников сессии самим Лысенко в заключительном слове: «Меня в одной из записок спрашивают, каково отношение ЦК партии к моему докладу. Я отвечаю: ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его»¹³. Кроме того, о генеральной линии партии явно свидетельствовало публичное отречение Ю.А. Жданова от патронажа над генетическими исследованиями.

В отличие от первых дискуссий в генетике, сессии ВАСХНИЛ 1948 года усилиями Лысенко и государственных идеологов был придан публичный характер, выходящий за границы внутреннего дела научного сообщества. Навешивание ярлыков «реакционеров от биологии» и обвинение в низкопоклонстве перед Западом — это «пиаровская» кампания, рассчитанная на формирование общественного мнения. Сессия ВАСХНИЛ создала опасный для науки прецедент произвольного применения административных методов для решения сугубо научных проблем.

Произвол в науке, когда вопросы истинности решались общественным мнением (к тому же несвободным), административным давлением, силовым противостоянием группировок привел к профанации науки. Создалась ситуация, когда ученые не могли ни критиковать, ни, по крайней мере, обойти молчанием сомнительные идеи.

Дискуссия на августовской 1948 года сессии ВАСХНИЛ — явление многоаспектное, затрагивающее различные стороны социально-культурного бытия: науку, идеологию, мировоззрение, экономические потребности, общественную психологию, межличностные отношения, стиль жизни и мышления.

В современных оценках дискуссии нередко встречается утверждение об идеологическом, а не научном характере дискуссии. Такая оценка не лишена оснований, если учитывать изрядную долю идеологических аргументов, идеологическую мотивацию, вмешательство властей в ход дискуссии, псевдонаучность теории Лысенко.

История науки изобилует дискуSSIONными ситуациями. Обобщение их опыта позволяет определить научную дискуссию как полемику представителей различных научных школ (идей) по поводу проблемных ситуаций, осуществляемую в рамках научных норм. При этом научные нормы можно условно поделить на те, которые определяют параметры научной деятельности и этос науки. Параметры научной деятельности задаются основными ценностями науки: истина, объективность, доказательность. Этос науки при всей своей противоречивости и неоднозначности имеет некоторые непреложные правила: критиковать идеи, а не их авторов; быть внимательным к фактам и идеям, противоречащим отстаиваемой теории; авторитет личности должен уступать авторитету опыта, эмпирии.

Чтобы решить вопрос о характере дискуссии на сессии ВАСХНИЛ 1948 года (научная или идеологическая?), обратимся к методологическому анализу позиции Лысенко. Научность генетики – общепризнанный факт. Насколько научна позиция Лысенко, насколько она удовлетворяет признакам научности? Сегодня, с высоты уже решенной в принципе проблемы подхода к изучению наследственности, дискуссия выглядит как драматическая борьба научной истины с замаскированным под науку мракобесием.

Истина не является необходимым специфическим признаком научности. В противном случае реальная история науки превратилась бы в абстракцию, отражающую прямое движение от одной истины к другой. Мы должны были бы исключить из истории науки множество реальных фактов: теорию теплорода, флогистона, физику перипатетиков, заблуждения Ньютона о пространственно-временной структуре мира, характере детерминации и взаимодействия (принцип дальнего действия физических тел). По аналогии с этими случаями из истории науки нельзя отказать теории Лысенко в научности на основании того факта, что она впоследствии обнаружила свою ложность. История с Лысенко – неотъемлемый факт идейной и социальной истории отечественной науки.

Т.Д. Лысенко принадлежал к вполне уважаемому направлению экспериментальной морфологии, представители которой (К.А. Тимирязев, Д.А. Долгушин, Г. Клебс, Г. Гасснер) исследовали чувствительность растений к условиям внешней среды. Были высказаны идеи о стадийности развития растений, смене чувствительности растений к понижению температуры (стадия яровизации) и длине светового дня (световая стадия). Естественно, что такие исследования поставили проблему соотношения развития программированного и обусловленного внешней средой. Данные по биологии развития растений Т.Д. Лысенко трактовал расширительно, как аргумент против классической генетики, как доказательство наследования приобретенных признаков.

Сомнения в принадлежности идей Лысенко к разряду научных вызываются не столько теоретическими построениями, сколько лежащими в их основании методологическими нормами и принципами. Дело не в том, что концепция Лысенко ложна, а в том, что в его позиции вопрос об истине оказался вторичным по отношению к иным проблемам, лежащим за пределами собственно научных ценностей. А именно – по отношению к задачам практического преобразования природы, утверждения социального авторитета собственной концепции, формирования выгодного впечатления на социального заказчика.

В научных, философских и идеологических спорах сталинской эпохи часто звучит слово «методология». Употребление этого понятия в контексте дискуссий того времени специфично, отлично от

современного его значения. Методология есть совокупность представлений, знаний о нормах, идеальных и допустимых процедурах познавательной деятельности. Методология пластична в двух основных смыслах: во-первых, она различается по степени общности, конкретизируется относительно различных отраслей знаний; во-вторых, в случае неэффективности традиционных методов познания наука ищет, разрабатывает новые способы познания, осмысления объекта. В самом общем плане методология есть *путь* к истине.

В дискуссии по проблемам генетики (и не только генетики) середины XX века у противостоящих сторон различные представления о методологии. Сторонники Лысенко понимали методологию как уже разработанную систему предписаний, четких указаний пути к истине. Генетики отстаивали свое право на независимое познание истины, давали свою философскую интерпретацию явлений наследственности, отмечая, что их понимание наследственности не противоречит основным принципам марксизма (материальность мира, причинная обусловленность явлений, всеобщность взаимосвязей природы).

Составной частью программы культурной революции в СССР было создание новой народной интеллигенции, сочетающей в себе профессионализм с коммунистической идеологией. Философское образование сводилось к усвоению догматизированных первоисточников, набору штампов и указаний, что считать истинным, а что — ложным, кого признавать «своим», а кого — «врагом». Такое философское образование не могло сформировать культуру мысли, но формировало психологию неопита: «истину знаем я и мой Учитель».

Стиль научных полемик задавался образцами из ленинских работ «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради». В.И. Ленин, как известно, не стеснялся в выборе эпитетов, навешивании ярлыков. Но при этом В.И. Ленин строил свой критический анализ на добротном знании сути критикуемых концепций и подвергал критике не результаты частнонаучных исследований, а лишь их философскую интерпретацию. При этом В.И. Ленин осознавал, что научные знания могут иметь различные философские интерпретации.

У Лысенко отсутствует понимание абстрактного характера философских знаний. Нет понимания того факта, что приложение философских идей к конкретным сферам знания нуждается в опосредующих интерпретациях, что философия марксизма, как она изложена в философских словарях и учебниках, — это лишь одна из возможных ее интерпретаций. Всемирное философское сообщество мыслилось расколотым на два лагеря, в одном из которых находились благородные мудрецы, а в другом — недоумки и противники истины.

Умалют научный характер дискуссии по проблемам генетики и широко используемые в ней идеологические аргументы. Тем не

менее дискуссия эта не стоит вне науки, вне истории науки. Ясно, что нет четкой демаркационной линии между наукой и другими духовными явлениями. Исторически изменчивая интегрированность науки с другими видами духовного производства очевидна. История научного познания дает изрядное количество примеров, когда наука особенно тесно взаимодействовала с различными вненаучными мировоззренческими системами — философией, метафизикой, религией, — которые порой играли даже роль оснований научного познания, определяя его направленность, методологию и проблематику.

Ситуацию в советской науке сталинского периода можно обозначить как одну из попыток интегрировать науку с идеологией. С этой точки зрения положение представляется не таким уж уникальным для истории науки. Навязываемый науке союз с идеологией порождал не только теоретические разногласия, но и конфликтные ситуации, сутью которых было не столько противостояние различных школ по тем или иным частнонаучным вопросам, сколько проблемы философии и методологии науки. В частности, дискуссия по вопросам генетики в середине XX века в СССР включала в себя порою не сформулированные явно философско-научные, методологические вопросы о соотношении опыта, теории и мировоззренческих оснований науки, о возможностях и границах применимости количественных методов в исследовании жизни, об авторитетах в научном познании, об основаниях выбора между конкурирующими теориями, о соотношении фундаментальных и прикладных исследований, о характере научных абстракций, о допустимости ценностных (нравственных, идеологических, праксиологических, патриотических) суждений в науке, о свободе научного творчества, о ценности истины, об ответственности ученого, о специфике институализации науки. Интеграция науки с идеологией не уничтожает науку, но усиливает ее методологическую проблемность.

Концепция Лысенко оказалась маргинальной по отношению к науке не потому, что впоследствии она обнаружила свою ложность, а потому, что она выходила за границы научных ценностей, научной этики.

В августе — сентябре 1948 года в основных научных организациях страны прошли официальные мероприятия, которые придали решениям сессии ВАСХНИЛ программный характер.

13 августа в Институте философии АН СССР состоялось совещание, посвященное итогам IV сессии ВАСХНИЛ, в котором приняли участие философы (академики Г.Ф. Александров, М.Б. Митин, И.И. Презент, заместитель директора Института философии Д.И. Чесноков, редактор журнала «Вопросы философии» Б.М. Кедров и другие сотрудники института) и биологи. Отметив «огромное идейное, теоре-

тическое и практическое значение одобренного ЦК ВКП(б) доклада академика Т.Д. Лысенко»¹⁴, собрание философского сообщества приняло решение создать монографии о мировоззрении отечественных ученых — Тимирязева, Павлова, Вильямса, Мичурина, Лысенко.

24–26 августа состоялось расширенное заседание Президиума АН СССР, одоблившее доклад Т.Д. Лысенко. Академик Л.А. Орбели попытался рассмотреть сложившуюся ситуацию в биологии с точки зрения здравого смысла, учесть «всегда возможные расхождения, борьбу мнений по чисто биологическим вопросам»¹⁵. Но его голос утонул в хоре приверженцев новой биологии. В конце заседания Л.А. Орбели выступил еще раз, признав свое первое выступление неудачным.

26–27 августа 1948 года Министерство высшего образования СССР провело собрание актива работников высшей школы, на котором призвало руководителей вузов к быстрейшему искоренению кейсманнизма из вузовской науки.

В первой половине сентября состоялось заседание Президиума Академии медицинских наук СССР, где были поставлены задачи согласования развития медицинских наук с новой конъюнктурой в биологии.

Газета «Правда» как источник «истины»

Материалы дискуссии по проблемам генетики дошли до провинции в искаженном, упрощенном виде. Стенографический отчет о сессии был подписан в печать спустя две недели после окончания сессии и довольно быстро вышел в свет тиражом 200 тысяч экземпляров. Но самая оперативная информация содержалась в газете «Правда», где полностью был приведен доклад Лысенко, а выступления генетиков изложены с купюрами, частично тексты выступлений подменены тенденциозным редакционным изложением.

Ясно, что основным источником информации о сессии ВАСХНИЛ для провинциальных ученых был газетный вариант. Представляется сомнительным, чтобы кто-нибудь серьезно изучал научную позицию побежденной стороны. В г. Горьком «зачинателем» многих мероприятий выступал ректор университета, доктор биологических наук, А.Н. Мельниченко. Его речи были стереотипными, представляли собой изложение доклада Т.Д. Лысенко и не обнаруживали даже следов знакомства с позицией генетиков, участвовавших в дискуссии на сессии ВАСХНИЛ.

Реакция на сессию ВАСХНИЛ (1948 г.) в г. Горьком началась с середины августа. Местные периодические издания сначала ограничивались перепечаткой тематических материалов из центральных газет. С сентября по возвращении преподавателей из отпусков центр событий, связанных с августовской сессией ВАСХНИЛ, перемещается в вузы

города. Те из институтов, где биологические науки не преподавались, могли ограничиться информированием коллективов о сессии и принять некоторые общеидеологические решения: ориентация преподавания на соединение науки и практики; борьба с так называемым «объективизмом» в изложении теоретических знаний, истории науки¹⁶.

В тех горьковских вузах, где преподавались биологические науки, последствия разгрома генетики на сессии ВАСХНИЛ были весьма значительными. Биологические науки преподавались в Горьковском государственном университете, Горьковском сельскохозяйственном институте, Горьковском государственном педагогическом институте и в Горьковском медицинском институте. Острота ситуации, связанной с перестройкой в биологии, напрямую зависела от наличия в штате вуза ученых генетического направления. В Горьковском университете работал С.С. Четвериков. В сельскохозяйственном институте ситуация обострилась в связи с работой Г.Г. Гушина о рисе, опубликованной в 1938 году. В медицинском институте активность в изобличении отдельных «ошибок антимичуринского толка» была довольно высокой. В педагогическом институте выявить в своей среде генетиков не удалось.

21–22 сентября 1948 года состоялось собрание работников биологической науки г. Горького. Основной доклад сделал ректор ГГУ А.Н. Мельниченко. Большая часть его доклада была посвящена изложению речи Лысенко на сессии ВАСХНИЛ. Завершался доклад разделом «Положение биологической науки в г. Горьком и наши задачи»¹⁷. Название раздела не в полной мере соответствовало содержанию. Речь в основном шла о положении в ГГУ. Здесь было и самобичевание («руководство примиренчески относилось к реакционно-идеалистическим взглядам Четверикова»), и раскаяние, и заверения в готовности работать «на пользу родного народа, на скорейшее построение коммунистического общества».

Доклад А.Н. Мельниченко напоминает оправдательную речь подозреваемого перед лицом судьи: очевидные факты отрицать нельзя, но можно их проинтерпретировать в выгодном для университетского руководства аспекте. То, что С.С. Четвериков 13 лет работал в университете и преподавал генетику — факт несомненный. А вот снятие его с должности декана биофака А.Н. Мельниченко преподнес как заслугу руководства университета. «Снятие Четверикова в апреле 1947 года с должности декана было смазано «вежливой» формулировкой: «освободить от должности декана по состоянию здоровья», тогда как на самом деле речь шла о пресечении распространения вейсманизма-морганизма на факультете»¹⁸.

Аргумент этот весьма сомнительный: если бы ректорат хотел прекратить распространение генетики, он должен был закрыть

научную тему С.С. Четверикова, снять его и с должности заведующего кафедрой.

В попытке оправдаться Мельниченко выставил коллектив биологов в весьма неприглядном с точки зрения «высших судей» виде. «Коллектив научных работников — биологов университета, в основном идейно здоровый, нуждается в серьезнейшей и упорной работе по изгнанию из своей практики остатков вейсманизма-морганизма». С другой стороны, «на факультете в целом, за исключением дисциплины «дарвинизм» и, частично, физиологии растений, слабо пропагандировалось учение Мичурина — Лысенко — Вильямса». Получается, что биологи университета оказались над схваткой «двух идеологических направлений в биологии». В то же время «порок» идеологического нейтралитета преподавателей университета А.Н. Мельниченко пытается представить как отдельные случаи, а не системную «ошибку».

Сосредоточенность ректора ГГУ на проблемах университета была столь сильной доминантой, что о положении в других коллективах города почти ничего не было сказано. Перечислив недостатки в работе кафедр университета, он приписал эти недочеты и другим вузам города. Видимо, А.Н. Мельниченко не изучал специально положение биологической науки в горьковских научных и сельскохозяйственных учреждениях, а пользовался общеизвестными фактами. Он отметил неактуальность тематики научной работы арзамасской биостанции (экология алтайского оленя); увлечение работников университетского ботанического сада цветоводством (в то время как стране нужны сады и ягодники); обвинил членов общества испытателей природы в том, что они превратили общество в клуб эстетствующих созерцателей природы¹⁹.

После доклада ректора ГГУ выступил профессор университета Е.М. Воронцов. Ни тот ни другой не пытались расширить поле критики, ни словом не обмолвились о раскаявшихся коллегах С.С. Четверикова — А.Ф. Шереметьеве и И.Н. Грязнове. В их выступлениях явно присутствовал тактический расчет: угроза разгрома коллектива биофака вполне реальна, и коллектив нужно сохранить с минимальными жертвами.

Участников прений городского совещания можно условно поделить на «умеренных» и «непримиримых борцов». К «умеренным» относятся большинство выступавших биологов (за исключением профессора мединститута Н.К. Шифрина), к «непримиримым» — партийные и административные функционеры. Выступления профессора мединститута А.А. Соболева, профессоров сельхозинститута В.В. Ордынского и В.П. Ногтева, профессора мединститута Семенова носили вполне ритуальный характер, содержали некоторую толи-

ку самокритики и призывы перестроиться, связать науку с диалектическим материализмом и с практикой.

Выступление профессора Н.К. Шифрина было весьма конкретным, содержало критику взглядов профессора мединститута П.Я. Лаховского, «который в популярной лекции, написанной для населения, заявляет, что человек по существу есть высшее животное»²⁰. С точки зрения Шифрина, «человек не есть животное, это было указано еще Энгельсом. Человек перестал быть животным с тех пор, как начал заниматься трудом». Другое направление критики касалось взглядов Лаховского на причины болезни. По Лаховскому, говорил Шифрин, болезни возникают вследствие нарушения ткани. Шифрин считает, что «причины болезни следует искать и в окружающей среде, а не только в биологических факторах».

Ясно, что оба аргумента звучат некорректно и с точки зрения методологии науки, и с точки зрения диалектического материализма. Энгельс нигде не говорил, что человек перестал быть животным. Напротив, Энгельсово учение о диалектике уровней организации материи и форм движения демонстрирует сложную взаимосвязь между базовыми и производными уровнями материи. Поэтому противопоставлять социальность человека его биологическому происхождению — как раз и означает незнание учения Энгельса. Из диалектико-онтологического учения о сложных объектах вытекает методологическое различие объекта и предмета исследования: любая наука не может объять многогранность своего объекта. Отвлекаясь от многого, сосредотачиваясь на интересующих ее аспектах, она формирует свой предмет исследования. Поэтому с точки зрения медицины человек выступает в первую очередь как организм, высшее животное. Что же касается вопроса о соотносительности внутренних и внешних причин болезни, то здесь Шифрин приписал Лаховскому упрощение, которое немыслимо не только для профессора медицины, но и для любого фельдшера.

Выступление секретаря горкома ВКП(б) по пропаганде Панкратова было попыткой обострить ситуацию, придать ей более выраженный идеологический характер. Ответственность за положение в университете он возложил на партийную организацию и кафедру марксизма-ленинизма.

Начальник областного управления сельского хозяйства Тюрин информировал о том, что руководитель селекционной станции Розентрер «не освободилась от реакционных воззрений менделистов-морганистов», а областной инспектор сортоиспытания Серлин попустительствовал агроному Починковского госсортучастка Ломако в проведении опытов по проверке эффективности метода яровизации семян, предложенного академиком Т.Д. Лысенко, «хотя давно

установлено и практикой доказано, что яровизация дает прекрасные результаты».

Что же вменяет в вину сельскому агроному Ломако чиновник Тюрин? Только желание убедиться в эффективности методик Лысенко. Как известно, открытость знаний является одним из признаков их научности. Чиновник явно превысил свои полномочия, вошел в чужой монастырь со своим уставом. Принципы партийной дисциплины требовали безусловного подчинения вышестоящим органам. Напротив, существование науки невозможно без принципа сомнения.

Жизнь и дело С.С. Четверикова

Перестройка биологической науки в горьковском регионе после августа 1948 года имела множество направлений и аспектов. Но дело С.С. Четверикова заслуживает отдельного рассмотрения.

Научное наследие С.С. Четверикова выглядит неоднозначно. Если иметь в виду количество публикаций, то вклад Сергея Сергеевича выглядит весьма скромно — 2–3 десятка научных работ небольшого объема. Тем не менее имя С.С. Четверикова осталось в истории отечественной и мировой генетики благодаря нескольким значимым фактам его научной деятельности. Он один из первых понял значение генетики для теории биологической эволюции и опубликовал статью «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики» (1926 г.). Затем последовала серия успешных выступлений на различных научных симпозиумах, в том числе — и в Берлине (1927 г.). С.С. Четвериков один из основоположников эволюционной и популяционной генетики.

С 1925 года С.С. Четвериков работал доцентом Московского государственного университета, совмещая эту деятельность с должностью заведующего отделом генетики Института экспериментальной биологии.

Это было время, когда С.С. Четверикову удавалось гармонично сочетать научную и учебную работу. Он разрабатывал методику генетического эксперимента, преподавал студентам биометрику (применение математических методов в биологии) и генетику. Среди учеников С.С. Четверикова — один из ведущих генетиков СССР — Николай Петрович Дубинин.

Генетика открывала невиданные ранее перспективы в познании жизни. Воодушевление новой наукой, необходимость информационного обмена вызвала потребность в более активном общении ученых. В ближайшем окружении С.С. Четверикова сложилось неформальное научное объединение генетиков — СООР («совместные орангия»). Это шутивное название клуба генетиков отражало

полемический свободный стиль научного общения. Среди «соорוצев» были ученики и последователи С.С. Четверикова: Н.В. и Е.А. Тимофеевы-Ресовские, Б.Л. Астауров, С.М. Гершензон, Н.И. Шапиро и другие. Посещали собрания СООРа Н.К. Кольцов, А.С. Серебровский.

В 1929 году деятельность этого общества была пресечена властями, при этом прозвучали некоторые политические обвинения. Руководитель объединения генетиков С.С. Четвериков был выслан в Свердловск, что означало для него отлучение от большой науки. Три года он провел в Свердловске, затем еще три – во Владимире.

В Горьковский университет С.С. Четвериков был приглашен по рекомендации заведующей кафедрой генетики ГГУ Зои Сафроновны Никоро. С Горьковским университетом связано научное возрождение С.С. Четверикова. Благодаря ходатайствам администрации ГГУ в 1937 году С.С. Четвериков получил степень кандидата биологических наук без защиты диссертации (в присвоении степени доктора наук было отказано). В том же году его утвердили в звании профессора.

С 1938 года С.С. Четвериков работал по заказу Министерства технических культур СССР над созданием породы дубового шелкопряда, пригодного для разведения в центральных и более северных регионах европейской части СССР. Основное требование к новой породе – моновольтинность (размножение одним выводком в год), т.к. климатические условия не позволяют развиваться двум выводкам за короткое лето.

Отечественное шелководство было в то время стратегической отраслью, т.к. авиации был необходим парашютный шелк. За свои работы по селекции дубового шелкопряда С.С. Четвериков был награжден орденом «Знак почета» (1944 г.), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1946 г.). Дальнейшая работа была направлена на получение промышленных способов разведения дубового шелкопряда и расширение кормовой базы (перевод на березовый корм).

В 1947 году С.С. Четвериков написал в отчете о научной работе, что требуемая порода шелкопряда выведена. Моновольтинность держится на уровне 99,5% в течение трех лет. Свойства кокона вполне удовлетворительные. В отчете С.С. Четвериков счел нужным подчеркнуть, что «самый метод работы был чисто генетический – ведение тщательных родословных, учет всех положительных, так и отрицательных результатов, тщательный подбор скрещиваемых пар, определенное чередование инбридных и аутбридных скрещиваний. В общем анализ работы показал, что вольтинизм у дубового шелкопряда зависит, очевидно, не от каких-либо определенных генов «вольтинизма», а от плеiotропного взаимодействия нескольких (вероятно,

многих) генов, большей частью рецессивных, сочетающихся в разных линиях разнообразным образом»²¹.

С.С. Четвериков был в курсе основных достижений биологической науки своего времени, соединяя научную и учебную работу. Его ученица Е.М. Владимирская писала в воспоминаниях о нем (1984 г.): «Не все знают, что приоритетные идеи он вводил в курс лекций, не называя и не публикуя их. Позже, когда я встречала эти мысли у других знаменитостей, я не могла не вспомнить, что он лаконично и убедительно насыщал ими те немногочисленные часы, которые мог использовать для нашего просвещения»²².

С.С. Четвериков был в курсе не только достижений генетики, но и общего положения отечественной биологии. Учение Т.Д. Лысенко он знал и неоднократно критически отзывался о нем. Выдержка из характеристики на С.С. Четверикова (1938 г.): «Крупным недостатком ЧЕТВЕРИКОВА является то, что он не совсем положительно относится к работам академика ЛЫСЕНКО»²³. Стилистические особенности характеристики свидетельствуют о желании писавшего ее сгладить негативное отношение С.С. Четверикова к официально поддерживаемой позиции Лысенко. Но, зная характер С.С. Четверикова, можно с уверенностью утверждать, что его высказывания о Т.Д. Лысенко были не «не совсем положительными», а однозначно отрицательными.

С.С. Четвериков, по всей видимости, осознавал, что над генетикой нависает угроза. Об этом свидетельствуют некоторые документы. В докладной записке декану биофака Сергей Сергеевич высказал озабоченность проблемой начала специализации²⁴. Студенты, как правило, начинают специализацию с пятого семестра. Но к этому времени студенты не имеют достаточных знаний о генетике. Значение слова «генетика» знают единицы, «а многие даже не слышали этого слова. Ведь теперь в средней школе боятся произносить слово «генетика». Какой же может быть сознательный выбор (подчеркнуто С.С. Четвериковым. — Авт.) специальности, если человек не понимает даже самого слова?!». С.С. Четвериков предложил в связи с создавшейся ситуацией начинать специализацию с шестого семестра.

В ноябре 1947 года в вузы был разослан приказ министра высшего образования СССР В. Кафанова (от 24.11 1947 г., №1739) о повышении идейно-теоретического уровня преподавания. В докладной записке на имя ректора²⁵ С.С. Четвериков выделил те пункты приказа, которые относятся к нему как заведующему кафедрой, и сформулировал изменения в программе преподавания генетики. Изменения эти сводятся к следующим пунктам: соединить курс генетики с марксистско-ленинской философией, «указывая всюду, где это только оказывается возможным, правильный диалектический подход к

рассматриваемым фактам»; подвергать «четкой критике недialeктические, неправильные теории западноевропейских ученых (Лотси, Бэтсона, Гальтона и др.); усилить до возможного предела (не нарушая, однако, целостность курса и равновесие отдельных его частей) изложение работ русских ученых, относящихся к Генетике и Селекции» (далее следует большой список, включающий среди прочих имена И.В. Мичурина, Н.И. Вавилова, Т.Д. Лысенко); избегать многотемья в научной работе.

Содержание документа свидетельствует, что С.С. Четвериков понимал ситуацию в науке и принимал навязываемые «сверху» требования к преподаванию. Но как ученый он осознавал, что давление на науку извне имеет свою меру, выход за границы которой может быть губительным для истины. Поэтому философские добавления к научному знанию не всегда оказываются возможными, а построение учебного курса только на достижениях отечественных ученых чревато пробелами.

Очень скоро худшие предчувствия С.С. Четверикова оправдались. Его увольнение из ГГУ было первым перестроечным шагом администрации университета. О самой ситуации увольнения есть несколько противоречивые сведения. Профессор И.И. Пузанов в воспоминаниях, написанных в 1965 году, излагает несколько романтизированную версию этого события: «...После богатой последствиями сессии ВАСХНИЛ 1948 г. ректор Мельниченко предложил профессору Четверикову либо отказаться от своих «идеалистических» взглядов на наследственность, либо распрощаться с университетом.

По дошедшим до меня слухам, С.С. с улыбкой ответил ректору, что если он даже «откажется» от своих взглядов, то научная ответственность этому не поверит, ибо его по праву считают «одним из основателей» современной генетики»²⁶.

По-видимому, эту же версию увольнения И.И. Пузанов имел в виду в письме С.С. Четверикову, судя по ответу Сергея Сергеевича: «...Что же касается “Галилея”, то все же лестное для меня сравнение не совсем правильно, ведь мне собственно “каяться” не приходилось, а потому и ногой я не мог притопнуть. Ведь меня просто “ушли” без разговоров и объяснений. Поэтому так все благополучно для меня и кончилось: всего припадок инфаркта — четыре месяца полной лежки + два месяца полужежки и остаток в виде постоянной боли сердца при малейшем утомлении»²⁷.

По сути дела, увольнение С.С. Четверикова до начала главных перестроечных дел было актом милосердия. Иначе шестидесятивосьмилетнему, не вполне здоровому человеку пришлось бы выслушивать несправедливые обвинения, быть свидетелем предательства коллег и учеников. Поспешность, с которой администрация освободилась от

С.С. Четверикова, можно интерпретировать как проявление административного рвения. В действительности это было единственно возможное решение. Противостоять позиции власти было невозможно, увольнение С.С. Четверикова было неизбежным.

Свое увольнение С.С. Четвериков пытался воспринимать стоически. В декабре 1950 года он писал И.И. Пузанову: «...я часто думаю, что у нас сейчас мало людей таких счастливых, как я. Подумайте только – свободен как ветер, могу работать над тем, что тянет, работаю столько, сколько хочу и сколько могу, не знаю, что такое заседания и совещания, что такое планы и комиссии, словом, не знаю никакой муры»²⁸. Сергей Сергеевич вернулся к своему давно и страстно любимому занятию – лепидоптерологии (изучению бабочек), вел обширную переписку с друзьями. Последние годы жизни он не был одинок, хотя и не все коллеги продолжили общение с ним. К нему приходили ученики, приезжали супруги Тимофеевы-Ресовские.

Здоровье С.С. Четверикова ухудшалось, надвигались слабость и слепота. Он умер 2 июля 1959 года. Спустя десять лет после смерти С.С. Четверикова в университете были учреждены научные чтения его имени. Ныне на одном из университетских зданий установлена мемориальная доска в память о нем.

Горьковский университет: дела и слова

В реакции администрации, партийной организации и коллектива Горьковского государственного университета на решения сессии ВАСХНИЛ 1948 года можно выделить два взаимосвязанных аспекта – организационный и вербальный. В организационном аспекте решались вопросы, находящиеся в ведении администрации университета, в значительной мере контролируемые Министерством высшего образования: кадры, структура подразделений биологического факультета, учебные программы и планы научных работ. Вербальный аспект перестройки биологической науки включал в себя теоретическую часть и идеологическую риторику. «Местом» осуществления этих преобразований были различные собрания, совещания, средства массовой информации, отчеты.

Обсуждению ситуации, сложившейся в связи с сессией ВАСХНИЛ 1948 года, посвящены университетские мероприятия: заседание совета биофака (6 сентября), заседания ученого совета университета (15, 18, 24 сентября), партийное собрание университета (30 сентября). Вопросы перестройки биологии обсуждались и позже, но основные направления научной работы и преподавания были намечены в сентябре.

6 сентября 1948 года вышел приказ ректора ГГУ, который обязывал провести мероприятия по перестройке биологического образова-

ния в университете: к 1 сентября сего года организовать кафедру дарвинизма, разъяснять суть доклада Т.Д. Лысенко на всех уровнях; пересмотреть учебники и учебные программы, изъяв темы, связанные с генетикой, и дополнив актуальными темами; пересмотреть публикации сотрудников кафедр, вышедшие в различных изданиях, «подвергнув суровой критике работы антимичуринского направления»; директора ботанического сада тов. Горохову обязать заложить питомник мичуринских плодово-ягодных растений этой осенью; организовать углубленное изучение работ Мичурина, Лысенко; пропагандировать их идеи среди населения; обязать коллектив кафедры основ марксизма-ленинизма оказывать работникам биологического факультета систематическую помощь в овладении высотами марксистско-ленинской философии²⁹.

Кафедра генетики, руководимая прежде С.С. Четвериковым, была расформирована. Ее штаты, помещение и оборудование передавались вновь организованной кафедре дарвинизма и генетики. Новую кафедру возглавил А.Н. Мельниченко. В состав кафедры он принял раскаявшихся в прежних генетических «заблуждениях» доцента А.Ф. Шереметьева, ассистента И.Н. Грязнова. Кроме того, на работу были приняты опальные генетики из сельскохозяйственного института профессор Г.Г. Гушин и ассистент М.М. Рудакова³⁰.

Такая непоследовательность в действиях главного режиссера перестройки биологической науки в университете объясняется противоречивостью ситуации. Кадровое обеспечение высшей школы после войны было недостаточным. Многие биологи в г. Горьком, наряду с основной должностью, работали по совместительству в других вузах. Поэтому требование обеспечить идеологическую чистоту в вузовских сообществах биологов ставило руководство вузов в затруднительную ситуацию. Если бы приказы сверху о выявлении вейсманистов выполнялись в полном объеме, это привело бы к кадровому кризису.

Преподавание биологических наук в университете было приведено в соответствие с новыми требованиями. В первую очередь это касалось кафедры дарвинизма и генетики. «Учитывая, что у студентов 5–4 курсов учебная работа строилась на лжеучении... начать с изучения материалов ВАСХНИЛ»³¹. Потребовались большие усилия по созданию новых учебных программ, списков литературы. Положение преподавателей осложнялось тем, что им самим приходилось учиться новой биологии. Другие кафедры биофака — зоологии позвоночных, физиологии животных, морфологии и систематики растений — в меньшей степени затрагивались перестройкой, но и здесь отдельные элементы, идеи учения Лысенко включались в учебный материал. Кроме того, во всех студенческих группах были прочитаны лекции по материалам сессии ВАСХНИЛ.

Независимо от узкой специализации все преподаватели биофака (кто в большей, кто в меньшей степени) приняли участие в пропаганде итогов сессии ВАСХНИЛ и положений нового биологического учения. В школах, трудовых коллективах, воинских частях были прочитаны сотни лекций.

Тематика научных работ на биологическом факультете и до сентября 1948 года соответствовала задачам сближения науки с народно-хозяйственными планами. В университетской многотиражке в марте 1948 года профессор Е.М. Воронцов информировал о перспективах научно-исследовательской работы³². Основное направление — проблема природных ресурсов Горьковской области, их использования и обогащения. Среди прочих научных тем названа и работа С.С. Четверикова по селекции дубового шелкопряда.

21 сентября 1948 года издается приказ № 623 по главному управлению университетов Министерства высшего образования СССР «Об исключении из плана научно-исследовательских работ Главного управления университетов тем антимичуринского, формально-генетического направления». 12 октября 1948 года в приказном порядке исполняющий обязанности ректора университета В.П. Фадеев исключает из плана научно-исследовательской работы темы, связанные с генетикой и оторванные от нужд народного хозяйства. В число исключенных попали темы: «Химические факторы мутационного процесса» (исполнитель — А.Ф. Шереметьев, руководитель — С.С. Четвериков); «Селекция на шелконосность и на березовый корм китайского дубового шелкопряда» (С.С. Четвериков); «Адаптация летучих мышей в связи с полетом» (исполнитель — заведующей зоологическим музеем В.И. Козлов); «Адаптация скелета чаек, крачек» (аспирант А.Н. Баранова); «Генетический анализ депрессии инбридинга» (исполнитель — ассистент И.Н. Грязнов).

Кстати, тема В.И. Козлова стала известной на всю страну благодаря фельетону, опубликованному 17 октября 1948 года в «Правде». Содержание фельетона: ученые г. Горького занимаются пустяками в то время, как колхозники занимаются важными народно-хозяйственными задачами. Например, в Горьковской области колхозный животновод И.П. Колесов вывел большемурашкинскую породу коров. Но ученых г. Горького этот факт не заинтересовал.

Ректорат ГГУ оперативно откликнулся на фельетон, направив письмо в редакцию «Правды», признав факты, изложенные в газете, правильными и сообщив о мероприятиях по исправлению положения в университете. Об изменениях в научной работе биологов университета можно судить по отчету кафедры дарвинизма и генетики за 1949 год³³. Отчет выглядит весьма оптимистично, изобилует «открытиями» и практическими результатами. А.Н. Мельниченко разрабо-

тал метод подкоса клевера и довел метод «до качества «инструкции», доступной как агрономам, так и колхозникам-опытникам». Ассистенту И.Н. Грязнову «удалось установить, что стадию яровизации клевер проходит, по-видимому, в период кушения, а не в период от прорастания семян до начала кушения». Были проведены опыты по вегетативной гибридизации клевера. После ряда неудач были получены положительные обнадеживающие результаты. А.Ф. Шереметьев работал над методами разведения китайского дубового шелкопряда на базе колхоза имени Сталина (Богородский район). «Задача создания моновольтинной высокопродуктивной породы дубового шелкопряда должна быть решена в ближайшие 2–3 года и будет решена методами мичуринской биологии»³⁴.

Что в этом отчете заслуживает доверия, а что – нет? А.Н. Мельниченко занимался агротехникой клевера не первый год. Поэтому неудивительно, что он мог давать практические советы в этой области. «Открытие» И.Н. Грязнова носит схоластический характер, т.к. речь идет о яровизации, в понимании которой у самого Лысенко не было определенности. Удивляет и порождает обоснованные сомнения скорость, с которой А.Н. Мельниченко и И.Н. Грязнов за один полевой сезон получили и «ряд неудач», и «обнадеживающие результаты» в опытах по вегетативной гибридизации клевера. Сомнительна также самоуверенность А.Ф. Шереметьева, обещавшего за 2–3 года создать новую породу шелкопряда.

Применительно к дубовому шелкопряду использование методов «мичуринской биологии» означало «воспитание», получение желаемых свойств целенаправленным воздействием определенных условий внешней среды. Опытная станция шелкопряда была ликвидирована, была предпринята попытка промышленной выкормки дубового шелкопряда в естественных условиях. Опыты закончились неудачей: гусеницы гибли от болезней и птиц. Лабораторная порода дубового шелкопряда, выведенная С.С. Четвериковым, почти полностью погибла. Часть коконов и документация были переправлены на Уфимскую опытную станцию. В начале 50-х годов исследования по дубовому шелкопряду были закрыты, чему в значительной степени способствовали и успехи в химии искусственных волокон.

В связи с сессией ВАСХНИЛ объектом критики стала работа ботанического сада при университете. Предъявленные руководителю коллектива ботанического сада С.С. Станкову обвинения сводились к тому, что сад превращен в подсобное хозяйство, не велась научная и учебная работа, не проводились мичуринские опыты.

Ботанический сад был организован в 1933 году на большой территории в 250 гектаров. В мае 1948 года территория сократилась до 75 гектаров. Были вполне объективные причины, мешавшие его

использованию в научных и учебных целях. Главная из них — недостаточное финансирование, которое не позволяло сформировать квалифицированный научный коллектив. Территория большая, удаленная от города, не огороженная, не оборудованная для проведения учебных занятий.

С.С. Станков был уволен, на должность директора ботанического сада была назначена З.Н. Горохова. В ноябре новый руководитель отчитывался об изменениях в работе ботанического сада³⁵: тематика научной работы изменена «в плане мичуринской биологии и приближении ее к запросам народного хозяйства». В то же время З.Н. Горохова отмечала, что ботанический сад не является самостоятельным учебным подразделением и его использование в учебном процессе должно начинаться с кафедр и ректората. Но «до сего времени ни одного официального требования или указания о том, что должен сделать сад для учебного процесса факультета, в сад не поступило, нет указаний ни от кафедр, ни от деканата».

Работе ботанического сада было посвящено заседание ученого совета университета (25 марта 1949 г., протокол № 3)³⁶. Члены совета с пониманием отнеслись к проблемам ботанического сада и по сути дела согласились, что решение этих проблем не по силам его директору. Это можно отнести и к З.Н. Гороховой, и к С.С. Станкову.

Сложившиеся нормы социального поведения требовали от участников процесса публичных заявлений о своей позиции. Перестройка биологии как науки и учебной дисциплины сопровождалась различными официальными обсуждениями. На заседании совета биофака 6 сентября 1948 года обсуждался вопрос о положении на факультете в связи с решениями сессии ВАСХНИЛ.

Работа ученого совета биофака была под контролем горкома ВКП(б), и это свидетельствует, что перестройке биологической науки в университете придавалось политическое значение. Тем не менее биологи не высказывали особого рвения в разоблачении своего бывшего коллеги Четверикова, что отметил секретарь горкома ВКП(б) по пропаганде Панкратов: «Тот факт, что в Госуниверситете в течение ряда лет пропагандировались реакционные идеи о генах наследственной одаренности, говорит об отсутствии необходимой большевистской критики и самокритики в коллективе. А ведь в университете есть партийная организация, есть кафедра марксизма-ленинизма, преподаватели которой, казалось бы, должны были дать отпор реакционеру от биологии проф. Четверикову, но этого, к сожалению, не произошло. Больше того, на ученом совете биофака... в докладе и в прениях был обойден вопрос о положении в университете. Все дело было сведено только к Четверикову, да и критика его была с оглядкой, вежливая, чтобы даже заочно

не обидеть реакционера от биологии. Политической оценки состояния дел не было дано»³⁷.

Сотрудники расформированной кафедры генетики доцент А.Ф. Шереметьев и ассистент И.Н. Грязнов вошли в состав вновь образованной кафедры дарвинизма и генетики, но их положение было неопределенным без покаяния и отказа от прежних «ошибок». Оба выступили на совете с отречением от старых взглядов, от науки С.С. Четверикова. Вот что говорил И.Н. Грязнов: «Практика отталкивает от себя генетика, заставляя его переходить в лагерь мичуринцев»³⁸.

Свою позицию А.Ф. Шереметьев и И.Н. Грязнов сформулировали в совместной статье «Овладеем мичуринской биологией», помещенной в университетской многотиражке «За сталинскую науку» (11 сентября 1948 года), где они писали: «Вся работа существовавшей у нас кафедры генетики основывалась на пропаганде идей вейсманизма-морганизма... Руководителями кафедры доц. Никоро, а затем проф. Четвериковым упорно игнорировалось мичуринское учение, сознательно замалчивались практические достижения мичуринцев в области сельского хозяйства. Из всех читаемых курсов было исключено учение Тимирязева—Мичурина—Лысенко. Великий теоретик и преобразователь природы И.В. Мичурин и талантливейший ученый академик Т.Д. Лысенко игнорировались проф. Четвериковым... Руководители кафедры сознательно добивались того, чтобы не допустить приглашения на кафедру сторонников мичуринского направления, — «они будут портить студентов», — так говорил проф. Четвериков и его сторонники... Бесплодность вейсманизма-морганизма достаточно ярко демонстрируется практической работой Четверикова». В заключение авторы статьи говорят о больших задачах, стоящих перед ними, и выражают уверенность, что справятся с этими задачами.

Действительно, бывшие генетики впоследствии стали самыми активными пропагандистами новой биологии. Спустя три месяца партийное бюро университета отмечало, что А.Н. Мельниченко, А.Ф. Шереметьев и И.Н. Грязнов «проделали большую работу по реализации решений IV сессии ВАСХНИЛ, ими оказана помощь другим кафедрам (биологического) факультета в организации изучения мичуринской биологической науки»³⁹.

Несмотря на сходство положения Ивана Николаевича Грязнова и Александра Федоровича Шереметьева, их позиции в отношении опального С.С. Четверикова нельзя отождествлять. И.Н. Грязнов работал на кафедре с 1932 года. Еще до войны он обнаруживал интерес к учению Т.Д. Лысенко. Т.Е. Калинина вспоминает⁴⁰, что в обществе испытателей природы была дискуссия по поводу работ Т.Д. Лысенко, на которой от лысенковцев выступал И.Н. Грязнов, а от генетиков — С.С. Четвериков. Иван Николаевич считал себя

пострадавшим в борьбе «мичуринцев» и генетиков. На заседании ученого совета университета (15 сентября 1948 г.) он вспомнил, как в 1936 году после выступления в защиту нового биологического учения вынужден был уйти с кафедры генетики. Доцент А.Ф. Шереметьев появился в ГГУ в 1947 году, сотрудничал с С.С. Четвериковым на опытной станции шелкопряда. Ему Сергей Сергеевич предполагал передать свою работу.

Центральным событием кампании против генетики в ГГУ было партийное собрание 30 сентября 1948 года. Открыл собрание А.Н. Мельниченко докладом «О положении в биологической науке и о реализации решений IV сессии ВАСХНИЛ и приказа МВО»⁴¹. В общем потоке раскаяний и разоблачений, призывов к перестройке отметим несколько выступлений. Директор ГИФТИ М.Т. Грехова обвинила А.Н. Мельниченко в отсутствии самокритики: «А почему, тов. Мельниченко, Вы умолчали о том, как в 1946 г. лично Вы и проректор по научной работе профессор Воронцов достаточно активно поддержали на заседании Ученого Совета университета предложение Четверикова о выдвижении в качестве кандидата на баллотировку в члены-корреспонденты АН СССР ученика Четверикова вейсманиста-морганиста Дубинина. И, как известно, Дубинин был избран»⁴². В решении партийного собрания было записано, что «Ученый совет университета и особенно коммунисты-члены Ученого Совета допустили грубейшую политическую ошибку, поддержав своим решением выдвижение ярого реакционера и мракобеса вейсманиста-морганиста Дубинина в члены-корреспонденты Академии наук СССР в 1946 г.»⁴³.

А.Ф. Шереметьев подтвердил свое раскаяние в генетических заблуждениях, объясняя свое обращение к новой биологии тем, что «ясность в биологическую науку внесена сессией ВАСХНИЛ»⁴⁴.

Заслуживает внимания выступление на партийном собрании декана радиофизического факультета Я.Н. Николаева как образец «творческого обобщения» решений сессии ВАСХНИЛ: «Надо и нам пересмотреть программы. Все физические законы надо использовать в практическом применении»⁴⁵. Подоплека столь поверхностного, непродуманного заявления ясна. О сентябрьском расширенном заседании ученого совета университета была информация в университетской многотиражке, где, в частности, говорилось: «Более чем странную позицию занимали на заседании Совета деканы физмата — Беневоленский и радиофака Николаев. Они упорно отмалчивались, несмотря на активные попытки со стороны ректора вызвать их на выступления. Разве на их факультетах нет аполитичности, оторванности от жизни и других недостатков?»⁴⁶ Очевидно, что Яков Никитич решил «исправиться», выступив на партийном собрании.

Учение Лысенко содержало «три источника и три составные части» — научно-теоретическую, идеологическую и философскую. Философские аспекты новой биологии были наиболее трудными для преподавателей Горьковского университета. В различных документах того времени часто встречаются сетования на сложности применения философии к анализу биотических явлений и призывы к коллегам «поделиться опытом, как использовать положения диамата»⁴⁷.

Приказ ректора университета (№ 204 от 6 сентября 1948 г.) обязывал «научных работников кафедры основ марксизма-ленинизма, в частности специалистов-философов, оказывать работникам биологического факультета систематическую квалифицированную помощь в деле овладения высотами марксистско-ленинской философии — методологической основы мичуринской биологии»⁴⁸.

В осенних (1948 г.) протоколах кафедры марксизма-ленинизма тема положения в биологии и сессии ВАСХНИЛ встречается лишь один раз в связи с приведенным приказом ректора. Во исполнение приказа философы постановили: консультировать биологов по философским вопросам; самим ознакомиться с содержанием биологических дисциплин; прикрепить к биофаку в качестве консультантов И.С. Ивунина и М.А. Толокнова; рекомендовать работникам кафедры посещать философский семинар на биологическом факультете⁴⁹.

Значительных следов работы М.А. Толокнова на биофаке фонды архива не сохранили. А вот активность И.С. Ивунина ощущалась. В газете «Горьковская коммуна» 21 сентября 1948 года И. Ивунин почти дословно излагает содержание статьи А.Ф. Шереметьева и И.Н. Грязнова от 11 сентября, но из-за своей неосведомленности в области генетики допускает ошибку, которую на замечают и редакторы «Горьковской коммуны». И.С. Ивунин обвиняет С.С. Четверикова в пропаганде идей «антисоветских фашиствующих отщепенцев, предателей родины Добжанского, Тимофеева, Рессовского, Эфрусси». Видимо, написание двойной фамилии Тимофеева-Рессовского И.С. Ивунин принял за обозначение идейного соавторства двух людей, как это было принято в те годы (по аналогии: учение Мичурина — Лысенко). Сама по себе эта ошибка незначительна. Но она свидетельствует о том, что к участию в дискуссии были принуждены люди, не компетентные в сути и обстоятельствах научной дискуссии, не знавшие ни учения Лысенко, ни положения дел в классической генетике.

Из членов кафедры основ марксизма-ленинизма активное участие во всех мероприятиях по перестройке биологии в университете принимал кандидат философских наук И.Б. Лиогонький. Никаких новых идей в философии биологии И.Б. Лиогонький не сформулировал, ограничившись тиражированием уже высказанных Лысенко и Презентом тезисов, призывами к подъему уровня идеологической работы.

И в приказе ректора, и в надеждах биологов на помощь философской науки чувствуется наивная вера во «всезнательство» философии. В действительности философия сталинских времен сама была в роли служанки идеологии, философы были лишены свободы мысли и дезориентированы начальственными окриками. Философы ГГУ не могли в то время осмыслить реальные проблемы биологической науки. Протоколы философских семинаров в архивах отсутствуют. Но ни на университетских партийных собраниях, ни на ученых советах философы не пытались не то чтобы сформулировать собственное видение философских проблем биологии, но даже не отваживались воспроизвести философскую риторику Лысенко — Презента. Можно утверждать, что философский аспект дискуссии в ГГУ отсутствовал.

Основополагающая для Лысенко идея о непримиримой борьбе двух направлений в биологии и невозможности третьей, нейтральной позиции, была воспринята учеными университета и неоднократно подчеркивалась в документах и выступлениях. Однако объективно дискуссия в университетском сообществе биологов обнаруживала ложность, идеологическую надуманность этой идеи. Биология является сложно дифференцированной наукой, состоящей из относительно самостоятельных дисциплин. Вопросы наследственности, разумеется важные в общетеоретическом аспекте, далеко не всегда существенно влияют на решение более частных проблем биологии. Поэтому как до сессии ВАСХНИЛ 1948 года, так и после нее многие направления биологической науки могли быть нейтральными.

Научная и учебная работа в университете осуществлялась в рамках кафедр, перечень которых приблизительно соответствовал основным направлениям биологии как целостной и в то же время дисциплинарно дифференцированной науки. При этом университетское образование было в изрядной мере ориентировано на передачу студентам универсальных теоретических знаний. Конечно, имена Мичурина и Лысенко ученым университета были и раньше известны, но — как имена практиков сельского хозяйства. Итоги IV сессии ВАСХНИЛ застали ученых университета врасплох в части претензий «новой биологии» на статус парадигмы биологической науки. Неоднократно преподаватели биофака на различных собраниях и заседаниях говорили о том, что не знают теорию Лысенко. К признанию учения Лысенко большинство биологов принуждались не силой научной аргументации, а мотивом социальной безопасности.

В плане теоретической перестройки биологии дело свелось к некритическому усвоению учения Лысенко и наследия Мичурина. Но и генетику никто из преподавателей университета с научных позиций не критиковал. Критика носила поверхностный, тенденциозный характер, сводилась к обвинениям в идеализме, низкопоклон-

стве перед Западом и бесплодности. В массе выступлений против С.С. Четверикова и генетики в целом бросается в глаза отсутствие научной аргументации, монотонное, многократное, почти дословное повторение в различных собраниях-заседаниях-изданиях одних и тех же штампованных фраз. Участники процесса напоминают переходящих болото с проводником: ступают в след проводника, боясь сделать ошибочный шаг в сторону.

Отлученный от науки С.С. Четвериков был в курсе событий в биологии, реагировал на них эмоционально, но без трагических нот. В январе 1952 года он писал А.А. Бунделю⁵⁰: «Меня ужасно удивило то, что Вы пишете про положение в химической науке. Я совершенно этого не думал и предполагал, что только в нашей несчастной биологии подобная неразбериха и толчение воды в ступе. И все это пустословие, все это переливание из пустого в порожнее прикрывается, как неприличная нагота фиговым листом «мичуринской науки». Уродство и убожество мысли облекается в трескучую, шаблонную фразу, и чем больше треска, тем, значит, лучше... Грустно за русскую науку...»⁵¹

Биологи университета, очистившись, покаявшись, перестроились и стали привыкать к новым требованиям. 7 апреля 1949 года партийное бюро университета рассматривало вопрос об идеологической работе на биофаке и постановило, что уровень идеологической работы повысился, пересмотрены учебные программы в соответствии с решениями августовской сессии ВАСХНИЛ, организована работа факультета по изучению мичуринской биологии⁵². Но тут раздался голос простодушного. Первый заместитель секретаря партбюро университета И.Б. Лиогонький высказал упрек секретарю партийного бюро биофака: «До сих пор профессор Четвериков не до конца разоблачен как ученый-морганист»⁵³. Воистину, устами младенца (а в биологии Лиогонький явно несведущий человек) глаголет истина. Что значит — «не до конца разоблачен»? Принадлежность С.С. Четверикова к ученым-генетикам установлена, и за это он попал в разряд отщепенцев. Его клеймили бранными словами, уволили с работы, от него отреклись коллеги. Что ж еще? Видимо, И.Б. Лиогонький ждал, что коллеги подвергнут обоснованной критике научные идеи С.С. Четверикова. Но этого никто из ученых университета делать не стал. Если бы руководство университета позволило такую критику, то это означало бы продолжение дискуссии с С.С. Четвериковым, что поставило бы под сомнение окончательность решений сессии ВАСХНИЛ. Вряд ли в университете нашлись бы оппоненты С.С. Четверикову. И не потому, что С.С. Четвериков был ученым с мировым именем, а потому, что биологи университета принадлежали к разным отраслям биологического знания, а критиковать С.С. Четверикова с позиции «мичуринской биологии» не могли, так

как не знали ее, в чем сами неоднократно признавались. Партбюро оставило реплику И.Б. Лيوгонького без внимания, не занеся его позицию в постановление.

Отзвук полемики по проблемам генетики в ГГУ нельзя назвать научной дискуссией по ряду параметров: хотя в ней и участвовали ученые, но не специалисты в данной области (генетику они не знали или делали вид, что не знают, с новой концепцией не были знакомы). По той роли, которую в исходе дискуссии сыграли административно-идеологические «аргументы», ее также нельзя отнести к научным дискуссиям. В дискуссии должны участвовать две стороны. Пользуясь спортивной аналогией, можно сказать, что победа была присуждена сторонникам учения Лысенко вследствие отсутствия противника.

Сессия ВАСХНИЛ 1948 года на два года определила перестроечную работу биологов университета, внеся в атмосферу коллектива элемент нервозности, связанной с кадровыми перестановками, пристальным вниманием руководства, необходимостью ломать некоторые привычные представления о биологической проблематике. Мало-помалу импульс перестройки, сообщенный «сверху», стал угасать. Думается, что декан биофака В.А. Гусева выразила на заседании ученого совета биофака (протокол № 9 от 16 декабря 1949 г.) общее мнение: «В отношении мичуринской биологии все выступали очень хорошо, но не нужно быть в роли вечно кающихся людей. Понять ошибки и главное — их исправить»⁵⁴.

Митинговое настроение в университете сменилось периодом адаптации научной и учебной работы к новым условиям. А вскоре на «фронте биологической науки» произошло новое событие, отодвинувшее прежние проблемы на второй план — так называемая «Павловская» сессия АН СССР и АМН СССР (1950 г.). Возникли новые задачи, новая риторика. На заседании ученого совета биофака (20 сентября 1950 г.)⁵⁵ звучали новые покаяния (недостаточно использовали учение Павлова), новые задачи («по-павловски проводить демонстрации на лекциях»), разоблачения (несколько лет тому назад Н.М. Артемов отказался читать лекцию о Павлове на том основании, что Павлова не знает и считает себя учеником Сперанского), самокритика (доцент Т.И. Побережская созналась, что «подавала материал, который не следовало бы подавать»), поиск материальных ресурсов (Н.М. Артемов ходатайствует о переоборудовании гаража под виварий). Была и небольшая дискуссия на тему: являлся ли И.П. Павлов стихийным или сознательным материалистом-диалектиком?

Проблемы «Павловской» сессии носили более частный характер, нежели дискуссия по проблемам генетики 1948 года. В Горьковском университете проблемы эти затронули в основном кафедру физиологии животных. И.Н. Грязнов, два года назад кающийся за сотруд-

ничество с С.С. Четвериковым, попытался обострить ситуацию, отметив ее сходство с событиями двухлетней давности: в работе кафедры физиологии животных «страдают не частности, а глубокие основы. Не чувствуется, чтобы студенты жили идеями Павлова. Учение Павлова было лишь формальным усвоением ряда фактов. Невольно напрашивается аналогия: формализм у бывшего профессора факультета Четверикова в изложении учения Мичурина и в изложении учения Павлова на кафедре физиологии животных»⁵⁶. Но совет факультета не принял такой трактовки ситуации и вынес весьма умеренное решение: проанализировать ошибки и наметить пути их устранения⁵⁷.

Учение Лысенко победило. Началась будничная работа в новых условиях. Материалы архивов не дают представления о психологической ситуации, о внутренней мотивации участников тех событий. Но можно предположить, что мотивы эти были различны и противоречивы. Кто-то уверовал в новую науку, кто-то подчинился партийной дисциплине, кто-то считал за лучшее прикрывать собственное безразличие к дискутируемым проблемам официальной риторикой.

Горьковский университет: восемь лет спустя

Восстановление генетики в статусе официально признаваемого направления научных исследований было неизбежным. Но процесс этот шел медленно и противоречиво, в значительной степени зависел от расстановки сил в высших кругах идеологического и научного руководства, от прочности административной позиции Т.Д. Лысенко. Восстановление прав генетики не могло пройти без возобновления споров между давними противниками. Об одной из таких дискуссий, состоявшейся в 1956 году в редакции альманаха «Наш современник», написал Н.П. Дубинин⁵⁸. Были и другие столкновения между генетиками и лысенковцами.

Изменение ситуации в большой науке не прошло незамеченным в ГГУ. В декабре 1956 года состоялось заседание кафедры философии с участием ученых-биологов. Поводом для такой встречи был доклад аспиранта кафедры философии М.М. Абрашневой «О некоторых дискуссионных проблемах в современной биологической науке». От биологов были те, кто после сессии ВАСХНИЛ 1948 года обеспечивали победу мичуринской биологии в университете: А.Н. Мельниченко, А.Ф. Шереметьев (ставший деканом биофака), Е.М. Воронцов, И.Н. Грязнов. Обсуждение доклада вызвало у присутствующих такой интерес, что было продолжено на следующем заседании кафедры философии⁵⁹.

Философов интересовало, что же произошло в отечественной биологии восемь лет назад? Чем объяснить возвращение генетики в

число респектабельных наук? Насколько оправдано применение математики, кибернетики, физических методов в изучении жизни?

Среди присутствовавших биологов не было больших разногласий в понимании сложившейся ситуации, но можно выделить некоторые нюансы, характеризующие разницу их позиций. Е.М. Воронцов и А.Ф. Шереметьев как представители мичуринской биологии были самокритичны. Е.М. Воронцов: «Одним из недостатков у нас, сторонников мичуринской биологии, является пренебрежение теоретической стороной науки». А.Ф. Шереметьев: «Плохим в этом споре (генетиков и «мичуринцев». — *Авт.*) является... односторонность и некоторая озлобленность спорящих сторон»⁶⁰.

И.Н. Грязнов и А.Н. Мельниченко, отстаивая истинность собственной научной позиции, говорили не столько о достоинствах теории Лысенко, сколько о недостатках генетики. Звучали уже знакомые обвинения генетиков в бесплодности, реакционности, идеализме, использовании недостоверного экспериментального материала.

В обсуждении философами и биологами проблем биологической науки большое внимание было уделено новым веяниям в методологии биологии, применению нетрадиционных способов исследования жизни, в частности — кибернетических. Пожалуй, это единственный вопрос, где четко обозначилось противостояние философов и биологов. Биологи (А.Н. Мельниченко, И.Н. Грязнов) высказали основные аргументы против вмешательства физиков в познание жизни: такие исследования игнорируют специфику живой природы, подменяют реальные процессы механико-идеалистическими схемами.

С иной оценкой количественных методов в биологии выступили философы В.И. Фомин и М.М. Абрашнев. В.И. Фомин: «...Современные физики пытаются проникнуть в область биологии совсем не с авантюристическими целями, и неправильно думать, что они могут затормозить развитие биологии»⁶¹. М.М. Абрашнев: «Сейчас тенденция: переоценка или недооценка математики в биологической науке. Что, собственно, и нашло отражение в работах Лепешинской, Лысенко и т.д.»⁶². Несмотря на наметившиеся разногласия между представителями философии и биологии, и те и другие находились в плену предрассудков, озвученных на сессии ВАСХНИЛ 1948 года, будто генетика противостоит дарвинизму, идее эволюции.

Спустя несколько месяцев вопросы биологии опять обсуждались на кафедре философии (но уже без биологов). Преподаватель Р.С. Карпинская⁶³ прочла доклад на тему «О диалектике внешнего и внутреннего»⁶⁴, в котором пришла к выводу, что в борьбе различных точек зрения в биологии по вопросу о внешних и внутренних факторах нет подлинной диалектики, преобладает односторонний подход, высказываются крайние точки зрения, что означает метафизический

подход к делу. Этот тезис, верный в общефилософском плане, был бы верен и применительно к ситуации спора Лысенко с генетиками, если бы Р.С. Карпинская не находилась в плену устаревших представлений о генетиках как сторонниках автогенеза.

Можно констатировать, что к середине 50-х годов в Горьковском университетском научном сообществе меняется интеллектуальный климат. Все отчетливее проявляется критический настрой по отношению к лысенковской биологии.

Партийное собрание в Горьковском сельскохозяйственном институте

В Горьковском сельскохозяйственном институте основным сюжетом антигенетической кампании стала «проработка» заведующего кафедрой селекции и семеноводства зерновых культур профессора Г.Г. Гущина. На закрытом партийном собрании (8 сентября 1948 г.) Г.Г. Гущину были предъявлены обвинения в том, что он разделял взгляды генетиков, читал студентам лекции по генетике, в 1938 году написал монографию «Рис», в которой опирался на труды западных ученых и использовал методы генетики.

В сложившейся ситуации Г.Г. Гушин попытался защититься. Но он не мог полностью отказаться от принятых стереотипов поведения, требовавших от обвиняемого саморазоблачения, покаяния и отречения от старых взглядов. Эта попытка совмещения противоположных установок сказалась на логике выступлений Г.Г. Гущина. С одной стороны, он утверждал, что «никогда не был генетиком, а тем более формальным генетиком». С другой стороны, чуть позже Г.Г. Гушин сообщил, что, когда он начал работать на кафедре, «пришлось приступить к ревизии своей работы, постепенно, не сразу, конечно, отступить от менделизма-морганизма»⁶⁵.

Также непоследователен Г.Г. Гушин и в оценке своей монографии «Рис». Над текстом он работал в 1935–1936 годах. Книга была издана в 1938 году. Поскольку литературы и селекционных работ в СССР по этой культуре не было, то и в списке литературы нет указаний на отечественные источники. Объективно монография Г.Г. Гущина о культуре, не лишенной перспектив для отечественного сельского хозяйства, была весьма полезной. Поэтому автор говорил о своей работе «Рис», вполне осознавая ее значимость: заполнен пробел в отечественной сельскохозяйственной литературе, дана сводка всей литературы по этому вопросу. Но далее Г.Г. Гушин переходит к требуемой ситуацией ритуалам: «Что же касается моего личного отношения к этому творчеству, то вскоре после опубликования этой работы я просто стыдился этой работы»⁶⁶. На вопрос из зала, почему в монографии о рисе не указано учение Мичурина, Гушин ответил: «Учение Мичурина в те годы, конечно, было для меня чуждым... Ведь это

было в 1935–1936 годах. Еще раз подчеркиваю, что я отошел от этой дребедени (генетики)»⁶⁷.

Зашла на партийном собрании речь и о содержании лекций профессора. Сам Г.Г. Гушин сказал, что уже 10 лет по действующим учебным планам менделизм-морганизм рассматривался в форме критико-исторического обзора в трех-четырёх лекциях на третьем курсе. Большинство выступавших по этому вопросу (среди них преподаватель А.А. Капацинская⁶⁸, заместитель директора по научной и учебной работе А.И. Жуков) сочли, что профессор Гушин не перестроился и в лекциях излагает генетическую концепцию наследования.

Удивительно, что в этом хоре критики прозвучал и голос в защиту профессора Гушина. Тов. Королева сказала, что лекции профессора Гушина выгодно отличаются содержательностью и глубиной, поэтому на его занятиях всегда хорошая посещаемость. «Проф. Гушин в своих лекциях давал широко развернутое понятие об учении Лысенко и Мичурина... Может быть, в 1938 г. проф. Гушин и писал, что признаки являются наследственными и не зависят от окружающей среды, но сейчас он говорит совсем по-другому»⁶⁹. Кто скрывается под именем тов. Королевой, установить по документам не удалось. Но обратим внимание на некоторые особенности ее выступления. Во-первых, в нем говорится не о какой-то посещенной лекции, а о лекциях. Значит, тов. Королева их посещала не однажды. Выступление Королевой осталось без отклика со стороны коммунистов. Если бы кто-нибудь из преподавательского состава осмелился защищать гонимого, он тут же сам сделался бы объектом нападок. Из этого можно сделать вывод, что, вероятнее всего, тов. Королева — студентка, ученица Г.Г. Гушина. Обратим внимание на то, что критики и сторонники Г.Г. Гушина слышат разное в его лекциях. А.А. Капацинская, побывавшая на его лекции за 3–4 дня до партсобрания, отметила, что лекция «сплошная эклектика, Г.Г. Гушин еще не оторвался от той мишуры, которую ему дала старая школа»⁷⁰. Из выступления А.И. Жукова: «По ответу на вопрос — наследуются ли приобретенные признаки или не наследуются — можно судить об ученом как мичуринце или менделисте-морганисте... Проф. Гушин путем словесной эквилибристики доказывает, что они не наследуются»⁷¹.

В чем причина таких разночтений? Сложно об этом судить, не имея текстов лекций Гушина. Вряд ли он в присутствии проверяющих читал лекции в генетическом ключе, а без них — как-то иначе. Скорее всего, в изменившейся ситуации Г.Г. Гушин подправил лекции в соответствии с новыми требованиями (то, что А.А. Капацинская назвала эклектикой). Не исключено также, что Королева несколько покорила душу ради уважаемого человека.

Кроме профессора Гушина, на партсобрании пришлось оправдываться ассистенту М.М. Рудаковой, выпускнице Горьковского уни-

верситета 1940 года, ранее преподававшей генетику. В свое оправдание М.М. Рудакова сказала, что взгляды ее за время работы в сельскохозяйственном институте изменились, генетический практикум с дрозофилой был изъят из учебной программы как бесполезный для студентов агрономического факультета еще шесть лет назад. Кроме того, она написала критическую рецензию на учебник Н.Н. Гришко и Л.Н. Делоне по основам генетики.

Справедливости ради надо отметить, что рецензия на учебник Гришко и Делоне не затрагивала основ генетики, а носила в основном методологический и методический характер.

Борьба с генетикой в сельскохозяйственном институте отличалась от аналогичных процессов в других вузах тем, что в ней более активное участие приняли философы, обществоведы, которые не ограничивались философской терминологией, а попытались оценивать знания преподавателей биологических дисциплин. Философ Ф.Г. Юдинцев о А.А. Капацинской: «Стоит на вейсманистских позициях», «Дарвина не знает и не понимает»⁷².

На партийном собрании института (8 сентября 1948 г.) из числа обществоведов выступили преподаватели кафедры марксизма-ленинизма Сергеев, Юдинцев, Генерсон, Волк. Выступление Сергеева в основном было посвящено декларированию классового характера биологии. Генерсон и Волк выступили за союз биологии с философией. Наибольшей изобретательностью отличалось выступление старшего преподавателя Ф.Г. Юдинцева. Здесь и риторические вопросы: «Будем ли мы продолжать стоять на марксистской позиции или же наш институт окажется пристанищем вейсманизма?» Заметим логическую ошибку вопроса: выходит, что прежде коллектив стоял на позициях марксизма, иначе невозможно было бы *продолжать стоять* на этих позициях. Тогда не ясно, откуда же исходит опасность оказаться прибежищем вейсманизма, особенно после августовской сессии ВАСХНИЛ. В речи Ф.Г. Юдинцева — и красоты митингового стиля: «Речь идет о том, чтобы отбить атаки идеалистов, наступать из всех закоулков, из всех мест и убежищ, из всех голов изгнать идеализм, закрыть все клапаны вейсманизму и нейтрализовать все микробы его... Мы должны наступать по всему фронту науки против идеализма, громить его... Мы обязаны создать такую обстановку у себя в институте, по которой *было бы видно*⁷³, что мы живем и дышим по-мичурински, что весь коллектив института твердо стоит на пути последовательного проведения марксистско-ленинского принципа партийности теории»⁷⁴.

Чтобы не быть голословным на партсобрании, Ф.Г. Юдинцев подготовился заранее. Опросил студентов, говорили ли им преподаватели, что Мичурин и Лысенко — представители подлинной науки? Выяснил, что студенты об этом от преподавателей не слыхали. Далее

Юдинцев пошел в библиотеку и по карточкам выяснил, кто из преподавателей читал сочинения Мичурина. Насчитал таких преподавателей семь человек. Из чего был сделан вывод: «Эти данные нельзя абсолютизировать. Но... надо признаться, что мы Мичурина как следует не знаем... Речь идет о том, чтобы сделать мичуринское учение единственным учением в области биологии»⁷⁵.

После всех этих громов и молний — неожиданная нотка сочувствия к Г.Г. Гушину: «Все мы вчера (собрание шло два дня. — *Авт.*) почувствовали трудность положения тов. Гущина... Но всем ясно, что тов. Гушину надо перестраиваться. Парторганизация и дирекция дадут возможность Гушину и другим доказать на деле правильность занимаемых ими теоретических позиций»⁷⁶.

Г.Г. Гушин не смирился. После партсобрания он написал заявление в Министерство высшего образования, где отрицал свои ошибки и просил создать авторитетную комиссию по проверке его деятельности. Это заявление стало поводом для новых разбирательств в рамках партийного бюро института 1 ноября 1948 года⁷⁷.

По сути дела, выступления коллег Г.Г. Гущина не были «кровожадными». Ему советовали переиздать книгу «Рис» с соответствующими исправлениями и купюрами и выступить публично с признанием своих ошибок. К чему в конце концов и склонили профессора Г.Г. Гущина.

Эскалация разоблачительной кампании не была выгодна биологам по той простой причине, что разоблачать пришлось бы чуть ли не весь коллектив, т.к. лысенковцев до сессии ВАСХНИЛ среди преподавателей не было. Вот как об этом сказал председатель профкома Поляков: «Прежде Менделя и Моргана мы знали как научных работников, теорию которых нужно изучать. Мичурина и Лысенко мы знали как практиков, а не как научных работников. После сессии придется сделать наоборот: вместо теории Менделя—Моргана признать теорию и практику Мичурина и Лысенко»⁷⁸. Профессор М.А. Усиевич: «... нужно решительно изгнать все то, что пахнет менделизмом... Необходимо единым фронтом пересмотреть, что мы преподавали».

Как и в университетской кампании, никаких серьезных научных аргументов против генетики не было сформулировано. Звучали расхожие обвинения в отрыве от практики, незнании трудов корифеев отечественной науки и неуклюжее высмеивание опытов с плодовой мушкой. Доцент Н.Н. Суворов: «На сессии ВАСХНИЛ сами морганисты вынесли себе свой приговор. Что они могли продемонстрировать на сессии? Гречиху, урожай которой помещался в пробирке, и муху дрозофилу — вот и весь материал, с которым они пришли... Если на изучение мухи дрозофилы потребовалось 30 лет, то для изучения лошади им потребуется не менее 1,5—2 тыс. лет»⁷⁹.

**Горьковский педагогический и Горьковский медицинский институты:
нужен ли профессионализм для перестройки биологий?**

Решения августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года напрямую касались деятельности двух кафедр Горьковского государственного педагогического института — ботаники и зоологии. Основные мероприятия, посвященные этому событию, — заседание ученого совета института (7 сентября) и институтское партийное собрание (14 сентября). Примечательно, что вопрос о сессии ВАСХНИЛ не был единственным на партсобрании. Оба мероприятия были открыты выступлением заведующего кафедрой зоологии доктора биологических наук А.А. Соболева. Это была стандартная информация, сводившаяся к изложению речи Лысенко и заканчивающаяся призывом к перестройке, исправлению ошибок. Основной ошибкой А.А. Соболев и декан факультета естествознания Ф.Н. Морозов назвали то, что на факультете по совместительству работал С.С. Четвериков. «Факт, что курс генетики на протяжении ряда лет вели представители формальной генетики, факт, что на протяжении ряда лет головы студентов факультета забивались лженаучными теориями. Задача — исправить допущенные нами ошибки. Перед нами стоит вопрос о направлении нашей дальнейшей работы в духе дарвинизма»⁸⁰. Биологи пединститута, по сравнению с другими вузами, оказались в выгодной ситуации. Осудив деятельность С.С. Четверикова, они принесли требуемую жертву, не задев никого из своих коллег.

На заседании ученого совета института произошел казус, не лишенный некоторого комизма. Секретарь партийного бюро института Г.А. Винокуров высказал недовольство благодушием биологов и передал содержание своего недавнего разговора с биологами: зоолог А.А. Соболев заявил, что на его кафедре морганистов нет, и посоветовал посмотреть, может быть, у ботаников они есть? А ботаники кивают на зоологов. Спустя некоторое время слово взял преподаватель кафедры ботаники М.М. Лапшин, видимо не очень внимательно слушавший своих коллег. Тов. Лапшин: «Я, право, не знаю, кого из своих знакомых ботаников окрестить именем менделиста-морганиста. Может быть, и есть среди второстепенных людей отзвуки менделизма, и то не ботаников, а зоологов. (Смех.) Я сказал не про наших зоологов, а вообще»⁸¹.

Уже на первом заседании ученого совета обнаружилась характерная для пединститута особенность: наибольшую активность в вербальном аспекте перестройки биологии проявляли представители других дисциплин. С критической информацией об ученом совете 7 сентября в институтской многотиражке выступил декан географического факультета С. Кульвановский: «Проф. Соболев дал очень слабое

изложение доклада академика Т.Д. Лысенко. Достаточно подробно остановился на основах формальной генетики и очень бледно, чтобы не сказать больше, отметил особенности мичуринской биологии...

В докладе не было ни слова сказано о враждебных выступлениях против предложенных академиком Лысенко новых приемов земледелия: яровизации, летней посадки картофеля, посева озимой пшеницы в Западной Сибири по непаханой зяби и др. Между тем и среди горьковских работников сельского хозяйства, с которыми проф. Соболев имеет достаточно тесное общение, такие выступления имели место в самом недавнем прошлом, что отмечалось и на совещании в Облисполкоме в августе нынешнего года... Не показал проф. Соболев и своего личного отношения к учению Мичурина и работе Лысенко, как ученого и руководителя высшим научным сельскохозяйственным учреждением СССР.

Выступления отдельных товарищей по докладу отличались такой же «нейтральностью», как и самый доклад. Никто из работников факультета естествознания не дал своей оценки роли Мичурина и Лысенко в развитии советской биологической науки.

Выступавшие говорили о технических вопросах, о полевой практике студентов, о биологических площадках и школах, принципиальные же вопросы, вопросы теории мичуринской биологии, совершенно не поднимались. И это не случайно. «Ученые» их или не признают или делают вид, что не замечают. Другого вывода быть не может.

На заседание совета были приглашены научные работники сельскохозяйственного института. Пришло несколько человек. Казалось бы, кому, как не им, надо было воспользоваться таким случаем и рассказать непосвященным в тонкости биологии педагогам, членам совета о сущности происходящей борьбы и ее принципиальном значении для советского интеллигента, а тем более учителя. Однако никто из них не обмолвился ни словом.

Заседание совета, посвященное одному из самых жгучих вопросов современности, оказалось бледнее многих других, что свидетельствует о непонимании данного вопроса научными работниками биологических кафедр, которые, видимо, не совсем поняли, что решение IV сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина имеет самое непосредственное отношение к их работе и они обязаны были более самокритично вскрывать имеющиеся недостатки в их учебной и научной деятельности с целью быстрее изжития. Только вскрыв решительно ошибки, можно их быстро ликвидировать»⁸².

Статья С. Кульвановского — это балансирование на грани между критикой и обвинениями. Наверняка А.А. Соболева она расстроила. В ней завуалированно содержались обвинения в приверженности

формальной генетике (ее А.А. Соболев изложил подробно, а учение Лысенко — «бледно») и непрофессионализме («непосвященные в тонкости биологии педагоги»). Но критика могла быть и более жесткой. С. Кульвановский добровольно взял на себя часть задачи — делать вид, что в институте вербальная перестройка, критика, находятся на должном уровне. К тому же благодаря наивной вере в наступившее после сессии ВАСХНИЛ торжество научной истины, у Кульвановского это получилось весьма искренно.

Перестройка биологических наук в пединституте прошла довольно спокойно, без истерии. Отметим, что в некоторых учебниках противоположные точки зрения излагаются параллельно — решили учебники изъять. Выявили двойственность учебных программ — привели их в соответствие с новыми требованиями. Научную тематику даже пересматривать не пришлось, т.к. на обеих кафедрах научные темы были явно сориентированы на практические задачи.

Роль радетелей за идеологическую чистоту биологической науки взяли на себя представители других наук. Преподаватель кафедры физики Г.А. Винокуров побывал на заседании одной из кафедр факультета естествознания и поделился своими впечатлениями на ученом совете института: «...морганисты выполняли социальный заказ реакции, и мы быть безразличными к этому не можем. Ведь я так понимаю: идет идеологическая борьба, война, есть две силы, третьей никакой быть не может... Либо с нами, либо против нас... И напрасно стараются руководители факультета найти третью возможность.

Я нахожу, что перестройка идет формально... Утверждают, что старая программа порочна. Я далек от биологии, но я тоже скажу, что да, она порочна, по ней заниматься нельзя. Значит, нужна новая программа. А что вы сделали для создания новой программы? <...> Формально было проведено заседание кафедры, из молодых научных работников никто рта не открывал. Один из ведущих работников кафедры доложил свой проект, причем мы вносили поправки, а работники кафедры — молчали»⁸³. Текст выступления Винокурова кто-то слегка отредактировал, т.к. в изначальном виде стенограмма выглядела весьма нелепо. Последние слова приведенной цитаты в неотредактированном варианте звучали так: «причем, мы, люди некомпетентные, вносили поправки, давали реплики, а работники кафедры — молчали».

В выступлениях историка Н.М. Добротвора и заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Н.П. Киреева биологам предъявлялось обвинение в непонимании сути решений сессии ВАСХНИЛ. Н.М. Добротвор обращался к А.А. Соболеву и ко всем биологам: «Тов. Соболев... заявлял ранее о том, что Лысенко не более как практик сельского хозяйства и только... Идеи дарвинизма вы преподно-

сили неправильно, однобоко, вообще. Теперь нам нужен дарвинизм не вообще, а дарвинизм творческий, советский»⁸⁴.

Н.П.Киреев выступил на партсобрании 27 сентября 1948 года⁸⁵: «...тов. Лапшин (парторг факультета естествознания. — *Авт.*) не понял, что речь идет о глубокой перестройке всей работы факультета в целом и каждого преподавателя в отдельности. Беда работников факультета в том, что учение Мичурина они попросту не знали и не знают»⁸⁶.

От философов на партсобрании (14 сентября) выступил Ф.Ф. Кальсин: «Говорят о новой эре в преподавании биологии; в связи с этим напрашивается вопрос: почему эта новая эра начинается только сейчас? Почему перестройку работы нельзя было сделать раньше? <...> Во всяком случае, наши биологи должны сказать о том, что они проявили аполитичность по отношению к прогрессивной материалистической биологии и примиренчески относились к людям, проводившим идеи, чуждые марксистскому пониманию»⁸⁷.

Вопрос Ф.Ф. Кальсина о запоздавшей перестройке выглядит наивным. В нем явно чувствуется неосведомленность в реальных обстоятельствах борьбы групп в биологической науке и наивная вера, что если бы биологи захотели, то они могли бы без указаний сверху, собственными методами отличить истину от лжи. А в том, что сессия ВАСХНИЛ указала истинный путь развития биологии, Ф.Ф. Кальсин не сомневался.

Современный исследователь социальной истории отечественной науки А.Б. Кожевников для интерпретации отношений, складывавшихся в середине XX века между наукой и политической сферой употребляет метафору игры⁸⁸. Действительно, политика по отношению к науке очень часто выстраивалась как набор условных правил, отражающих потребности ситуации, но игнорирующих законы существования науки. Причем правила менялись в зависимости от изменений ситуации.

Если даже признать за руководством страны право на постоянное изменение правил «игры», разделение игроков на «своих» и «чужих», и тогда правила эти не выдерживают критики. При переформулировании правил «игроков» наказывают за дела и поступки, которые были совершены до перемены правил. Говоря юридическим языком, закону придавалось обратное действие: по новым правилам наказывали не только тех, кто их нарушает, но и тех, кто в прошлом не предугадал нынешнюю ситуацию.

Принято считать, что в целом в Советском Союзе философы сыграли значительную роль в истории биологии середины XX века. В пединституте, напротив, биология (и не только она) сыграла значительную роль в формировании облика кафедры философии. Через год после сессии ВАСХНИЛ и связанных с нею событий в Горьков-

ском пединституте кафедра философии выделилась из состава кафедры основ марксизма-ленинизма. Заведующим кафедрой философии стал Ф.Ф. Кальсин. В научной работе кафедры и самого Ф.Ф. Кальсина сказалось влияние того обостренного интереса к работам И.П. Павлова, который возник в стране после «Павловской» сессии АН СССР и АМН СССР 1950 года.

Дискуссии по проблемам биологических наук отразились на деятельности Ф.Ф. Кальсина как заведующего кафедрой, так сказать, в «снятом» виде. От работников своей кафедры он требовал, чтобы преподавание философии было профилированным, увязанным с научными проблемами различных факультетов. Для этого преподаватель должен знать не только свой предмет, но и основные проблемы частных наук. У Ф.Ф. Кальсина сформировалось несколько упрощенное представление о соотношении науки и производства: «Надо всегда иметь в виду конечный вывод, что наука развивается под воздействием производства и обслуживает его»⁸⁹. Применительно к философии этот принцип звучал так: «Заниматься вопросами философии надо не вообще, а доводить эти исследования до того, чтобы педагогика могла ими воспользоваться, особенно это относится к теории познания»⁹⁰.

Отметим еще одно следствие из опыта участия в идеологических кампаниях — принцип, который Ф.Ф. Кальсин не озвучивал, но которому следовал неуклонно. На заседаниях кафедры философии требование развивать критику и самокритику реализовывалось в полной мере. Но никогда в этих внутренних дискуссиях не звучали идеологические обвинения. В отчетах о работе кафедры Федор Фомич порою подчеркивал лояльность преподавателей кафедры по отношению к государственной идеологии: «ошибок политического характера замечено не было»⁹¹.

Уже в конце сентября 1948 года ученый совет пединститута констатировал, что коллектив факультета естествознания правильно понял задачи, поставленные сессией ВАСХНИЛ. Звучавшие ранее на заседаниях ученого совета и партийных собраниях голоса за принятие более радикальных мер не повлияли на решение совета.

В свете решений сессии ВАСХНИЛ перед пединститутом открылись новые возможности для укрепления своей материальной базы. Было решено ходатайствовать перед Министерством просвещения о выделении средств и штатов для создания биологической станции, для восстановления кафедры методики естествознания, поставить перед городскими властями вопрос о выделении земельного участка под опытную станцию.

В Горьковском медицинском институте в связи с перестройкой были предприняты стандартные для такой ситуации меры: «чистка» учебных программ и списков рекомендуемой студентам литературы,

просветительская работа, посвященные сессии ВАСХНИЛ собрания, заседания ученого совета. Для большинства преподавателей медицинского института «революция» в биологии, произведенная Т.Д. Лысенко, имела опосредованное значение, не меняла существенно содержания их деятельности, но увеличивала общественную нагрузку, отвлекая от основной работы. Профессиональная этика врача и преподавателя медицинских дисциплин требовала ответственного отношения к делу и слову. Поэтому партийное поручение — участвовать в пропаганде решений сессии ВАСХНИЛ и мичуринской биологии — многими было принято без энтузиазма. Профессионал, привыкший отвечать за достоверность своих слов, понимает, что такие мероприятия не принесут пользы биологической науке, но могут навредить его авторитету. В документах архива ГМИ описывается случай, когда профессор М.П. Батунин пытался отказать читать лекции по итогам сессии ВАСХНИЛ. «Сделать доклад перед студентами об итогах сессии! Ведь доклад Лысенко был одобрен ЦК партии, он его даже не говорил, а читал; я не биолог и буду читать о биологии, когда даже Лысенко делал свой доклад с одобрения ЦК партии»⁹². В этом и других подобных высказанных и невысказанных возражениях против навязываемых мероприятий не было идейных мотивов, а только сомнения в собственном профессионализме. Разумеется, такие попытки сопротивления были довольно редким явлением и заканчивались подчинением партийной дисциплине.

21–23 декабря 1948 года работу Горьковского медицинского института обследовала бригада Минздрава РСФСР (приказ №1216/515 от 24.08.1948 г.). Особое внимание проверяющие уделили выполнению плана мероприятий по реализации решений сессии ВАСХНИЛ. Члены бригады проверяли стенограммы заседаний ученого совета и учебных лекций, посетили кафедры, беседовали с преподавателями и студентами. По результатам обследования был составлен документ, в котором одобрялся план мероприятий и его реализация⁹³.

Конечно же не обошлось без замечаний, но они либо носили частный характер (припомнили М.П. Батунину его отказ читать лекции о Лысенко, укорили М.А. Усиевича за отсутствие самокритики, П.Я. Лаховскому сделали выговор за вольную трактовку предмета цитологии, упрекнули руководство за отсутствие наглядной агитации), либо касались недостаточной активности (звучали рекомендации: чаще... лучше... тщательнее...).

Выводы

Сопоставление «большой» дискуссии по вопросам генетики и ее отзвуков в горьковском научном сообществе позволяют сделать вывод о наличии в них сходных и отличительных черт. Сходство этих

событий в значительной мере обусловлено спецификой социально-культурных кодов, формирование которых уходит корнями в историю и социальную психологию. Революционное разрушение традиционных норм жизнедеятельности народа в совокупности с проблемой его социальной адаптации породили особый стиль жизни «лицом к столице». Центр играл рольдемиурга, творящего матрицы, подлежащие копированию.

Различия между столичными и провинциальными (горьковскими) событиями, связанными с генетикой, объясняются в первую очередь их различным статусом. Дискуссия в ВАСХНИЛ была более свободной, в ней не так явно применялось административное и идеологическое давление, было реальное противостояние генетиков и лысенковцев. После придания решениям августовской 1948 года сессии ВАСХНИЛ статуса идеологической, теоретической и дисциплинарной матрицы ее (сессии ВАСХНИЛ) содержание закоснело в виде лозунгов и приказов, суть которых можно выразить несколькими словами: генетику и генетиков изгнать, внедрить новое биологическое учение. Инициатива проведения «большой» дискуссии отчасти исходила из научного сообщества, а провинциальной – из центров администрирования и идеологического управления. В Москве сначала была дискуссия, а потом изгнание генетиков. В горьковском сообществе наоборот – сначала «кадровый» подход, а потом «дискуссия» с генетиками. В «центре» со стороны «мичуринцев» в дискуссии участвовали специалисты высочайшего ранга, в провинции – в основном неофиты, примкнувшие к победителям накануне, или люди вообще некомпетентные. Поэтому так беден арсенал аргументов провинциальных «мичуринцев». Положение «лицом к столице» многие участники провинциальной дискуссии воспринимали как необходимость «делать лицо», демонстрировать фасад перестройки, свою идеологическую активность.

Перестроечный сигнал «сверху» ставил администрацию провинциальных вузов в сложную ситуацию: согласовать новые требования с текущими проблемами (кадровое обеспечение, учебный процесс, материальные проблемы). Некоторые руководители вузов пытались «перевести расходы в доходы», используя сложившуюся ситуацию для улучшения научной, учебной, материальной базы вузов. Значительно сказался на своеобразии провинциальной дискуссии «человеческий фактор» – личностные черты участников событий, психологический климат коллективов.

---

¹ Лысенко Т.Д. Стадийное развитие растений: Работы по теории стадийного развития и яровизации сельскохозяйственных растений. М., 1952. С. 706.

² Дубинин Н.П. Вечное движение. М., 1989. С. 422–423.

³ См.: Рокитянский Я.Г. Драма в двух действиях. О VII Международном конгрессе генетиков // Вестник РАН. 2003. Т.73. № 12. С. 1113–1128.

⁴ См.: Под знаменем марксизма. 1939. № 10.

⁵ См.: Дубинин Н.П. Указ. соч. С. 258.

⁶ О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. 31 июля – 7 августа 1948 г. М., 1948. С. 281.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Там же. С. 30.

⁹ Там же. С. 31–32.

¹⁰ Там же. С. 390.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Там же. С. 527.

¹³ Там же. С. 512.

¹⁴ Правда. 1948. 15 августа.

¹⁵ Правда. 1948. 27 августа.

¹⁶ Под объективизмом понимали отсутствие классово-патриотического подхода в изложении истории науки. В одном из философских словарей давалось такое определение: «Объективизм в философии проявляется в игнорировании борьбы философских лагерей – материализма и идеализма, в неумении и нежелании давать острую критику противников материализма, в академизме, в разрыве теории и практики, в непонимании того, что каждый шаг в развитии передовой философской мысли совершается в борьбе против реакционных взглядов. Отсутствие боевого, партийного, наступательного духа – признак объективизма, чуждого революционной природе марксизма-ленинизма» (Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. М., 1954. С. 414).

¹⁷ Горьковская коммуна. 1948. 26 сентября.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Отделение Московского общества испытателей природы существовало при Горьковском государственном университете с марта 1934 года. Эта неформальная организация не была скована рамками планов и инструкций. Ее деятельность определялась научными интересами членов общества.

²⁰ Горьковская коммуна. 1948. 28 сентября.

²¹ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д. 257. Л.29–30.

²² Из фондов музея Нижегородского государственного университета.

²³ Личное дело С.С. Четверикова // ЦАНО. Ф.377. Оп.8а. Д.97. Л.16.

²⁴ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.245. Л.58.

²⁵ Там же. Д.246. Л.4.

²⁶ Цит. по: Сергей Сергеевич Четвериков: Документы к биографии. Неизданные работы. Переписка и воспоминания / Сост. Т.Е. Калинина. М., 2002. (Серия «Научное наследие». Т.28). С.493.

²⁷ Там же. С.259.

²⁸ Там же.

²⁹ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.300. Л.244 и др.

³⁰ ЦАНО. Ф.377. Оп.7. Д.109. Л.14, 17 и др.

³¹ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.317. Л.9 (Протокол №1 кафедры дарвинизма и генетики от 13.09.1948).

³² За сталинскую науку. 1948. 10 марта.

³³ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.419. Л.20, 23.

³⁴ Там же.

³⁵ За сталинскую науку. 1948. 22 ноября.

³⁶ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.287.

³⁷ Горьковская коммуна. 1948. 28 сентября.

³⁸ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.315. Л.1.

³⁹ ГОПАНО. Ф.275. Оп.16. Д.23. Л.56.

⁴⁰ См.: Сергей Сергеевич Четвериков: Документы... С.549.

⁴¹ ГОПАНО. Ф.275. Оп.16. Д.22.

⁴² Там же. Л.151.

⁴³ Там же. Л.160.

⁴⁴ Там же. Л.153.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ За сталинскую науку. 1948. 20 сентября.

⁴⁷ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.407. Л.7.

⁴⁸ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.300. Л.244.

⁴⁹ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.349. Л.3–4.

⁵⁰ Андрей Андреевич Бундель — ученый-химик, которого с С.С. Четвериковым связывал среди прочего интерес к энтомологии.

⁵¹ Цит. по: Сергей Сергеевич Четвериков: Документы... С.362.

⁵² ГОПАНО. Ф. 275. Оп.16. Д.22. Ч.1. Л.138.

⁵³ Там же.

⁵⁴ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.405. Л.62.

⁵⁵ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.405.

⁵⁶ Там же. Л.179

⁵⁷ Там же. Л.182.

⁵⁸ См.: Дубинин Н.П. Указ. соч. С.349–350.

⁵⁹ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.851. Л.39–44 (Протоколы заседаний кафедры философии ГГУ от 29.12.1956 г. и 12.01.1957 г.).

⁶⁰ Там же. Л.44.

⁶¹ Там же. Л.41.

⁶² Там же. Л.43.

⁶³ Регина Семеновна Карпинская (1928–1993) — доктор философских наук, профессор, впоследствии заведовала сектором философии биологии Института философии РАН, специалист в сфере философско-мировоззренческих и методологических оснований биологии. Формирование ее научных интересов явно проходило под влиянием изменений в отечественной биологии середины 50-х годов. Первые ее научные изыскания в этой сфере отражали неоднозначность ситуации в биологической науке.

⁶⁴ ЦАНО. Ф. 377. Оп.8. Д.851. Л.23. Протокол №9 от 26 апреля 1957 г. (В данном деле перепутан порядок следования протоколов. Отсюда — несовпадения в нумерации листов. — *Авт.*)

⁶⁵ ГОПАНО. Ф.258. Оп.1а. Д.10. Л.79.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Кстати, в декабре 1948 года на заседании партийного бюро института, когда А.А.Капацинскую пытались обвинить в вейсманистских ошибках, Г.Г.Гушин высказал лишь замечания методического характера, не воспользовавшись представившейся возможностью для сведения счетов (См.: ГОПАНО. Ф.258. Оп.1а. Д.10. Л.129).

⁶⁹ ГОПАНО. Ф.258. Оп.1а. Д.10. Л.83.

⁷⁰ Там же. Л.80.

⁷¹ Там же. Л.89.

⁷² Там же. Л.129.

⁷³ Курсив мой. — *Авт.* Видимо, в этой оговорке скрыта суть процесса перестройки биологической науки: главное, чтобы была заметна, очевидна лояльность по отношению к новым идеям.

⁷⁴ ГОПАНО. Ф.258. Оп.1а. Д.10. Л.86.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. Л.108.

⁷⁸ Там же. Л.81.

⁷⁹ Там же. Л.83.

⁸⁰ ГОПАНО. Ф.932. Оп.1а. Д.16. Л.73.

⁸¹ ЦАНО. Ф.2734. Оп.8. Д.139. Л.40.

⁸² За учительские кадры. 1948. 1 октября.

⁸³ ЦАНО. Ф.2734. Оп.8 Д.139. Л.37–38.

⁸⁴ ГОПАНО. Ф.932. Оп.1а. Д. 16. Л.74.

⁸⁵ Так же как и партсобрание 14 сентября, это собрание не было целиком посвящено биологической науке. Вопрос о роли парторганизации факультета естествознания в перестройке работы был одним из пяти вопросов повестки дня.

⁸⁶ ГОПАНО. Ф.932. Оп.1а. Д.16. Л.78.

⁸⁷ Там же. Л.74.

⁸⁸ Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. №4. С.26–57.

⁸⁹ ЦАНО. Ф.2734. Оп.8. Д.379.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ ЦАНО. Ф.2734. Оп.8. Д.250.

⁹² ЦАНО. Ф.2533. Оп.2. Д.449. Л.9.

⁹³ Там же. Л.1–14.

Глава 3

ДИСКУССИЯ ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Формирование научных знаний происходит всегда в определенном социально-политическом и философском контексте, который оказывает существенное влияние на развитие и функционирование той или иной науки. С особенной очевидностью связь науки и общества, науки и философии, науки и идеологии обнаруживается при анализе известных идеологических дискуссий в советской науке середины прошлого века. Ретроспективное осмысление условий, причин, содержания, последствий этих дискуссий очень важно: оно позволяет без излишней тенденциозности, объективно оценить состояние науки в тот момент, тенденции в ее развитии, роль отдельной личности в истории науки, а также, что выделяется нами особо, историческую роль «центральной» и «региональной» науки, их взаимодействие и взаимовлияние.

Дискуссия по вопросам языкознания дает исключительно богатый материал для изучения истории науки в указанном аспекте. Это объясняется природой естественного человеческого языка, который, существуя независимо от воли и желаний личности, функционируя по объективным законам и правилам, является тем не менее социальным и психологическим феноменом. Наука о языке поэтому, кроме собственно лингвистического содержания, предполагает определенный взгляд на мир, на соотношение материального и идеального, осмысление специфики человеческого сознания и общественных отношений, а интерпретация языка, его социальных, гносеологических, эстетических функций оказывается во многом детерминированной как философской позицией исследователя, так и соответствующей исторической обстановкой, в которой он живет и работает.

История отечественной лингвистики знает такие этапы, когда общественная значимость вопросов языкознания, что называется, представлялась воочию. Это, с одной стороны, появление теории Н.Я. Марра (конец 20-х годов XX века) и экспансия марризма в систему высшего и среднего образования (конец 40-х годов), а с другой — развернувшаяся вокруг «нового учения о языке» в середине

века дискуссия по вопросам природы и происхождения языка, связи языка с обществом и мышлением человека, законов развития языка, методологии исследования и описания языкового материала. Материалы научных работ и учебных пособий обычно освещают эти события с позиций «центра» — московско-ленинградских научных кругов и административно-образовательных учреждений. Между тем для адекватной картины истории любой науки важно проанализировать и реакцию провинции на сигналы, идущие из центра¹. Исходя из этого, мы ставим перед собой задачу дать на фоне общих обстоятельств «сталинской» дискуссии о языке аналитическое описание ее регионального, «горьковского» (нижегородского) варианта.

Необходимо отметить, что ход и результаты дискуссии по вопросам языка и языкознания во многом определялись спецификой марровского учения о языке и последующим феноменом «марризма», поэтому непосредственный анализ материалов этой дискуссии предвзвешен кратким изложением сущности языковой концепции Н.Я. Марра и достаточно подробной характеристикой эпохи «марризма» в центре и на периферии — в вузах г. Горького.

Н.Я. Марр и «новое учение о языке»

Николай Яковлевич Марр (1864 — 1934 гг.), выпускник восточного факультета Московского университета, с 1902 г. — доктор и ординарный профессор, с 1912 г. — академик, был авторитетнейшим специалистом в области востоко- и кавказоведения, видным историком культуры, талантливым литературоведом и архитектором, но, как ни парадоксально, менее всего лингвистом по образованию. Как отмечает В.М. Алпатов, Марр не прослушал ни одного специального лингвистического курса, включая курс сравнительно-сопоставительной грамматики индоевропейских языков, а его знание многочисленных² языков было чисто практическим (т.е. предполагало прежде всего умение читать и понимать тексты)³.

Еще в дореволюционный период своей деятельности Н.Я. Марр выдвинул гипотезу о так называемых «яфетических» языках, к которым без достаточных научных оснований отнес все языки Кавказа, не входящие в индоевропейскую, тюркскую и семитскую семьи, армянский язык, древние языки Закавказья и Передней Азии (эламский, шумерский, урартский), а также языки с «сомнительной родословной». Примечательно, что Н.Я. Марр позволял себе делать лингвистические заключения и по поводу тех языков, которые не изучал и изучать не мог, поскольку в распоряжении науки не имелось расшифрованных или вообще каких бы то ни было текстов на этих языках (язык пеласгов, этрусский язык). Отсутствие серьезной теоретической базы и, следовательно, доказательности в языковых исследо-

ваниях Марра было причиной того, что яфетическая семья так и осталась не признанной лингвистическим сообществом.

В первой половине 20-х годов (примерно в 1923–1924 гг.) Н.Я. Марр начинает выстраивать глобальное учение о языке, которое должно было, по мысли автора, стать альтернативой «буржуазному», «расистскому» западноевропейскому языкознанию. Напомним кратко суть «нового учения о языке», ставшего впоследствии предметом известной дискуссии. Н.Я. Марр рассматривает язык как историческую, изменчивую категорию, складывающуюся на базе общественного производства и производственных отношений в человеческом коллективе и являющуюся продуктом последних: «Человечество *сотворило* свой язык в процессе труда в определенных условиях и *пересоздаст* его с наступлением действительно новых социальных форм жизни и быта, сообразно новому в этих условиях мышлению [выделено нами. — Авт.]»⁴. Таким образом, язык, по мысли Н.Я. Марра, выполняет роль «надстройки» над производственно-экономическим базисом общества, так же как, например, искусство. В качестве надстройки язык призван отражать все изменения базиса, так что революционные сдвиги в общественно-экономическом строе социума приводят к скачкообразным изменениям (мутациям) в языке (западноевропейское языкознание последовательно отстаивало мысль об эволюционном характере языковых изменений). Согласно теории Марра, первоначально, сразу, независимо друг от друга возникает множество языков, причем самый ранний язык человека был кинетическим, а не звуковым (Марр решительно отвергает идею компаративистики о существовании единого праязыка, давшего начало последующему языковому разнообразию). Первым скачкообразным изменением языка, с точки зрения Н.Я. Марра, было появление звуковой речи: «Звуковой язык возник в эпоху сложного общественного строя с организующим коллективом, обладателем орудий власти, в том числе *созданной им* [выделено мной. — Авт.] звуковой речью»⁵. Владевшие звуковой речью как средством прежде всего магического действия занимали особое, привилегированное положение в обществе — так язык становится орудием власти. Первичная звуковая речь, как считал Марр, состояла всего из четырех элементов, варьирующихся у разных народов: САЛ, БЕР, ЙОН, РОШ. В результате особых операций, названных Н.Я. Марром «палеонтологическим методом», можно выявить какие-то из указанных первоэлементов в любых словах любого языка.

Глоттогонический⁶ процесс в концепции Н.Я. Марра является единым для всех языков мира и носит стадийный характер, причем стадии развития языка непосредственно отражают стадии развития мышления человека и общественного производства от низших форм

к высшим. Н.Я. Марр выделяет четыре основных стадии «языкотворчества»: 1. Языки первичного периода (китайский, средне- и дальнеафриканские); 2. Языки вторичного периода (угро-финские, турецкий, монгольские); 3. Языки третичного периода (кавказские, или яфетические, хамитские); 4. Языки четвертичного периода (семитские, индоевропейские)⁷. Стадии развития звуковой речи заключаются в процессе фонетической и семантической дифференциации языковой материи. Так, постепенно выделяются значения слов, причем в основе названий разнообразных предметов лежит их функция в жизни и деятельности человека, а не форма или, например, цвет (таким образом Марр подчеркивает роль языка как трудо-магического средства). В ходе стадиального развития постепенно формируются части речи и грамматические категории. Чем выше стадия, тем совершеннее язык, поскольку его продуцирует более развитый тип мышления человека на основе более развитого экономического базиса. Важным фактором развития языка, особенно его лексического строя, Марр считал процессы скрещивания разных языков. По его мнению, именно скрещивание, а не заимствование привело к появлению пластов общей лексики в разных языках. Скрещивание и единство глоттогонического процесса обуславливают постепенное нивелирование языковых различий, так что логическим завершением стадиального развития должно стать формирование единого (общемирового) языка, соответствующего, видимо, единой общественно-экономической формации и единому типу мышления людей.

Помимо чисто лингвистического в концепции Н.Я. Марра ясно выделяется философско-идеологическое содержание. Во-первых, это идея о детерминированности лексико-грамматического строя языка политико-экономическим устройством общества, культурой производства, социальной иерархией. Например, Н.Я. Марр утверждает, что значение единственного числа сформировалось в языке позже множественного, поскольку частная собственность и личность возникли позднее на базе племенных отношений; по этой же причине позднее появились личные местоимения; категория степени сравнения возникла в языке в связи с появлением сословий: превосходной степени соответствовал высший социальный слой, сравнительной — средний, положительной — низший. Во-вторых, это идея о классовости языка, которую Марр выводил, исходя из неразрывной связи языка и мышления, языка и общественно-экономических, производственных отношений в социуме. Более того, «новое учение» Марра утверждало, что язык не только отражает классовую борьбу в обществе, но и сам является «незаменимым» орудием классовой борьбы. Объявляя традиционно понимаемое родство языков фикцией, Марр предлагает взамен понятие «социального схождения» или «социального расхожде-

ния»: «И схождения, и расхождения речи предполагают сложную общественную структуру человеческих группировок... Отсюда разница языков в одной и той же стране между различными входящими в состав ее населения группировками, классами, сословиями и вообще общественными слоями»⁸. В-третьих, учение Н.Я. Марра было полемически обращено против западноевропейского, прежде всего сравнительно-исторического, языкознания. Марр обвиняет компаративистику в том, что она занимается изучением только индоевропейских языков, причем имеющих письменную культуру, а языки живые, но бесписьменные оказываются «недостойными» внимания ученых и в этом смысле «второсортными»: «Специальная же наука о языке с независимой лингвистической теорией, до сих пор притязавшая на место и общего языкознания, есть учение, возведенное на теоретических нормах, выработанных изучением... языков так называемой индоевропейской семьи, да притом с выбором в первую голову письменных языков, часто мертвых, языков господствующих и особенно господствовавших народов, вернее — господствующих и господствовавших в этих народах классов»⁹. Обвинения небеспочвенны, но беда в том, что Н.Я. Марр прибегает в полемике к негодному методу «навешивания ярлыков»: западноевропейская лингвистика противопоставляется «новому учению о языке» как наука реакционная, «буржуазная» науке «подлинной», «единственно верной», вооруженной «правильной» марксистской методологией.

Идеологические шоры не давали возможности Н.Я. Марру адекватно воспринимать любую критику своей теории. Возражения оппонентов он объясняет тем, что это люди «другого общественного мировоззрения», которые «не могут легко, особенно правильно и целиком, воспринять наши мысли». В одном из докладов Н.Я. Марр прямо заявляет: «Мне стало точно под микроскопом видно, что всякое теоретическое учение, даже учение о языке, есть детище определенной общественности»¹⁰. Отсюда следует вывод: противники теории Марра фактически являются противниками марксистского мировоззрения, апологетами буржуазной науки и врагами советского государства.

При жизни Н.Я. Марра, несмотря на его авторитет, неистощимую энергию, организаторский талант, «новое учение о языке», или яфетическая теория, оставалось малопонятной научной экзотикой. Не случайно ученый неоднократно сетовал на отсутствие подлинного взаимопонимания между ним и молодыми лингвистами. Биограф Н.Я. Марра В.А. Миханкова вспоминает: «Не раз Н.Я., приезжая с заседания, с горечью говорил: “Хоть бы выругал кто-нибудь. А то все молчат, как будто ничего не слышали, а я думаю, что и не слушали”»¹¹. Впрочем, «ругать» Марра было небезопасно, это хорошо усвоила лин-

гвистическая общественность СССР уже во время первых критических обсуждений яфетической теории. На обстоятельствах «первой атаки» марровской концепции необходимо остановиться, чтобы объяснить причины будущей необыкновенно мощной экспансии марризма в науку, вузовское и школьное преподавание языка.

**Обсуждение «нового учения о языке»
в советской лингвистике 20 — 30-х гг. XX века**

Собственно дискуссия вокруг «нового учения о языке» началась не в 1950 году, а гораздо раньше, в 20 — 30-е годы, время бурного и плодотворного развития советской лингвистики. Концепция Н.Я. Марра с самого своего появления подверглась в России и Западной Европе справедливой критике за вульгарное социологизирование, несовершенство методологии; изобретенный Марром метод палеонтологического анализа языковых форм, во многом носящий интуитивный характер и потому трудно воспроизводимый, многими виднейшими учеными характеризовался как ненаучный или лженаучный. При всем том до 1928 — 1929 годов критика идей Н.Я. Марра со стороны лингвистов была спорадической и достаточно сдержанной (доклад М.В. Сергиевского «Яфетидология и ее новейшие успехи», прочитанный в Научном институте, но так и не опубликованный, краткое замечание М.Н. Петерсона в обзоре развития индоевропеистики в СССР за десять послереволюционных лет)¹². В 1926 году произошел раскол внутри «яфетидологов», когда от Марра отошли, казалось бы, искренние сторонники, впрочем, их уход восполнялся притоком свежих сил, «более близких идеологической работе в новом направлении»¹³.

В 1929 году, с развернутой критикой концепции Н.Я. Марра выступил один из крупнейших востоковедов России (СССР) Е.Д. Поливанов. В докладе на заседании подсекции материалистической лингвистики Комкадемии Е.Д. Поливанов корректно и неопровержимо доказал научную несостоятельность как палеонтологического метода, так и противопоставления «марксистского» языкознания «буржуазному». Этот доклад вызвал бурю негодования со стороны участников заседания, после чего фактически началась травля Е.Д. Поливанова, закончившаяся в 1937 году смертью ученого. Единственный человек, поддержавший Поливанова во время указанной дискуссии, член-корреспондент АН СССР Г.А. Ильинский, также имел впоследствии очень серьезные неприятности.

Попытку критики яфетической теории предприняли и молодые лингвисты, члены группы «Языкофронт». Отдавая должное заслугам Н.Я. Марра, языкофронтовец Т.П. Ломтев заявлял, что «яфетидология, бывшая на известной ступени революционным и прогрессивным

явлением, в данный момент [1931 г. — *Авт.*] представляет собою в известном смысле преграду для создания подлинной марксистско-ленинской науки о языке»¹⁴. Группе «Языкофронт» удалось в 1931 году создать альтернативный «марристам» Научно-исследовательский институт языкознания (НИЯЗ), но через два года он закрылся, и Институт языка и мышления, возглавляемый Марром, остался крупнейшим научным центром, где занимались вопросами языкознания.

Тем не менее пассивная оппозиция Н.Я. Марру существовала в лице, например, рядовых преподавателей школ и вузов, которые не могли преподавать русский язык по-марровски, потому что идеи и принципы «идеологической грамматики» или «аналитического алфавита» были практически нереализуемы. Активно продолжали работать некоторые лингвисты, не скрывающие своего критического отношения к «новому учению о языке» (Д.Н. Ушаков, М.Н. Петерсон, Л.В. Щерба и др.).

Во время репрессий 1937 — 1938 годов в числе тысяч людей пострадали и многие лингвисты, но среди последних были как противники, так и сторонники Марра, которым в этом случае не помог имидж «марксистского языкознания». В предвоенные и военные годы «новое учение о языке» стало, по выражению В.М. Алпатова, своего рода щитом, под прикрытием которого можно было вести любую научную деятельность. Цитатами из работ Н.Я. Марра лингвисты пользовались как клише, особыми знаками «благонадежности», идеи же основателя яфетической теории забывались, тем более что они не были достаточно ясно и аргументированно изложены в трудах самого Марра. Однако, с Марром и без Марра, «новое учение о языке», странное, во многом алогичное, иногда противоречащее не только общепринятым положениям лингвистики и методам лингвистического анализа, но и здравому смыслу, «приобрело статус официальной советской лингвистики»¹⁵. Объясняется это рядом причин, весьма точно обозначенных В.М. Алпатовым словом «миф». Во-первых, авторитет «нового учения» подпитывался научным авторитетом самого Н.Я. Марра, причем «этот авторитет раздувался до фантастических размеров»¹⁶. Н.Я. Марр, фактически не имеющий базового лингвистического образования, «подавался» и воспринимался как выдающийся знаток чуть ли не всех, в том числе самых экзотических, языков мира. Глобальность языкового материала, которым оперировал Марр, сбивала с толку его оппонентов, при этом Н.Я. Марр не очень рисковал «нарваться» на специалиста, который уличил бы его в невежестве. Ученые, специализирующиеся лишь в определенных языках, не могли адекватно судить об изысканиях Марра в области других языков и вынуждены были принимать его суждения на веру. Немаловажную роль в пропаганде яфетической теории сыграл и административный

вес Н.Я. Марра, те рычаги власти, которые были в его руках и которыми он энергично пользовался. Например, помимо членства в АН СССР, к 1930 году Н.Я. Марр был председателем Государственной академии истории материальной культуры, руководителем Яфетического института Академии наук, который позднее функционировал как Институт языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР, директором Публичной библиотеки в Ленинграде, председателем Центрального совета Секции научных работников, членом ЦК Союза работников просвещения и членом ВЦСПС¹⁷. Во-вторых, Н.Я. Марр использовал недоказуемые, но и неопровергаемые положения, как-то: положение о первоначальном множестве языков, положение о четырех первоэлементах звуковой речи, положение о предшествовании кинетической речи звуковой. В-третьих, победе «нового учения о языке» способствовала политизация науки, а именно — отождествление Н.Я. Марром своей методологии с марксистской. Сыграло свою роль и размежевание с «идеологически чуждой» западноевропейской лингвистикой: советские идеологи того времени всячески стремились утвердить приоритет советских (русских) ученых в разных областях науки, поэтому объявление Марра основателем нового, единственно верного языкознания лило воду на мельницу такой политики. В-четвертых, для пропаганды своего учения Н.Я. Марр и его сторонники активно использовали образ врага. Сначала таким врагом была по преимуществу компаративистика. Потом образ врага расширился — к врагам стали причисляться те, кто полемизировал с Марром, подвергал сомнению его идеи и выводы. Чем больше Марр и его сторонники в своих научных изысканиях апеллируют к трудам Маркса, Энгельса, Ленина, тем более враги «нового учения о языке» превращаются во врагов Советского государства. Естественно, что многие в этих условиях сочли за лучшее не спорить с марризмом, а принять его как стихийное бедствие. В-пятых, созданию мифа способствовало то обстоятельство, что «новое учение о языке» увлекло многих неспециалистов, которые активно пропагандировали даже не идеи, а имидж учения Н.Я. Марра. Это тем более важно, что среди указанных «неспециалистов» были известнейшие ученые, государственные и партийные деятели, деятели искусства: нарком просвещения А.В. Луначарский; историк, академик, член Президиума ВЦИК, ЦИК СССР М.Н. Покровский; востоковед, главный ученый секретарь АН СССР С.Ф. Ольденбург; геолог, президент АН СССР А.П. Карпинский; физик, академик А.Ф. Иоффе; поэт В.Я. Брюсов и др. Видимо, этим незаурядным людям импонировала грандиозность идей Марра, его энергия, увлеченность своим делом, революционность самой теории.

Перечисленные обстоятельства носят в определенной степени субъективный характер, но были и общие причины, способствовав-

шие укреплению статуса и последующей экспансии учения Марра в советскую науку и образование. Они указаны В.А. Звегинцевым. Первая: «...в послереволюционные годы гуманитарные факультеты подверглись значительному преобразованию, и в частности филологические факультеты перестали существовать в качестве самостоятельных учебных единиц»¹⁸. Таким образом, вопреки изначальным российским традициям, лингвистическая наука на какое-то время практически ушла из вузов. Это значительно снижало возможности критического осмысления теории Марра со стороны провинциальной филологической и в целом научной общественности. Вторая причина общего порядка, о которой говорит В.А. Звегинцев, — отсутствие внятной оценки «марксистских» притязаний Н.Я. Марра со стороны советских философов, которые «не только не вскрывали прямые несоответствия утверждений Н.Я. Марра этим положениям [диалектического материализма. — *Авт.*] и даже простому здравому смыслу, но даже активно включались в, так сказать, философское их развитие»¹⁹. На это замечание В.А. Звегинцева мы обращаем особое внимание, поскольку далее анализ регионального материала покажет, с нашей точки зрения, скорее пассивность философов в отношении к учению Н.Я. Марра. Несомненно, что партийная пропаганда старалась использовать политическую подоплеку учения Марра, в которой ясно виделся «отблеск коммунистического идеала». Идеологизация же яфетической теории при фактическом отсутствии взвешенных, глубоких профессиональных, философских ее оценок привела к тому, что постепенно «утверждалась губительная для науки иерархия власти и влияния, при которой каждая дисциплина должна была иметь лишь одного бесспорного лидера»²⁰. Наконец, существенную роль, как нам кажется, сыграла общая нравственно-психологическая обстановка в стране, пережившей репрессии 30-х годов, когда человек просто-напросто боялся высказывать свое мнение по тому или иному вопросу, тем более имеющему политико-идеологический подтекст.

Так оказалось, что, хотя Н.Я. Марру не удалось добиться признания яфетической теории «ни одним квалифицированным лингвистом ни в России, или позднее в Советском Союзе, ни за рубежом»²¹, его учение приобрело статус официального, а в вузах страны очень скоро курс «нового учения о языке» стал обязательным для студентов и преподавателей.

Экспансия марризма в центре: Москва и Ленинград, 1948 — 1949 гг.

Как уже было сказано, в военный и послевоенный период до конца сороковых годов марризм, если можно так выразиться, существовал сам по себе, использовался лингвистами в качестве антуража, не влияя существенным образом на содержание научных изысканий. Этому

способствовало и то, что после смерти Н.Я. Марра в 1934 году главой школы яфетидологии стал его ученик И.И. Мещанинов, корректный, вежливый, скромный человек, не имеющий марровских амбиций и не стремящийся переводить научную дискуссию в идеологическую и политическую. Однако среди последователей Марра оказались энергичные люди, склонные не столько к науке, сколько к околону научным, «карьерным» интригам; благодаря их усилиям в 1948 — 1949 годах наступил второй период активизации «марризма». Вероятно, это было связано также с общим напряжением идеологической обстановки в стране: постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, дискуссия по философии, августовская сессия ВАСХНИЛ и т.д. В течение 1946 — 1949 годов ряд «ритуальных», по выражению А.Б. Кожевникова, собраний был организован деятелями лингвистики с целью обсуждения вышеуказанных политических событий, а также с целью критики идеализма в своей собственной среде²².

Обстановка в языкознании этого периода подробно описана в книге В.М. Алпатова²³, нам же важно констатировать, что именно тогда последовали официальные директивы, предписывающие рассматривать учение Марра как единственно правильную научную теорию. Так, в резолюции ученого совета Института русского языка и Московского отделения Института языка и мышления им. Н.Я. Марра от 27 и 28 мая 1949 года было провозглашено, что «в Советском Союзе и сейчас еще существуют два направления: одно — прогрессивное материалистическое, основателем которого является акад. Марр, и второе — реакционно-идеалистическое, представители которого являются противниками нового учения о языке... Успешное развитие советского языкознания возможно лишь на основах марксизма-ленинизма по намеченному Н.Я. Марром пути»²⁴. Министерство высшего образования СССР скорректировало учебные планы вузов: «В феврале 1949 г. министерство распространило письмо об изменении программ. В новых программах даже по исторической грамматике русского языка в число обязательной литературы включался «Бакинский курс» Марра. Были отвергнуты не только учебник Реформатского, но и учебники по старославянскому языку и истории русского языка; всякое упоминание о языковых семьях и родстве языков было запрещено. Вместо этого вводился особый курс «нового учения о языке», который надо было проходить по брошюрам Сердюченко и т.п., лишенным конкретного языкового материала»²⁵. В центре борьба с антимарризмом шла очень активно: для критики лиц, замалчивающих или игнорирующих положения Марра в тех или иных областях языкознания, используется газета «Правда», на специальных заседаниях, научных конференциях не только разоблачаются противники марризма, но и звучат требования покаяния, приз-

нения своих ошибок со стороны виднейших ученых (В.В. Виноградова, Л.Р. Зиндера, А.С. Чикобавы, А.А. Реформатского, Б.А. Ларина и др.). Правда, оргвыводов, касающихся конкретных лиц, не было, но кампания по борьбе с антимарризмом в центре имела свои жертвы: многие ученые, не нашедшие в себе силы к сопротивлению, вынуждены были идти против совести. Российская научная провинция получала соответствующие сигналы из центра и должна была реагировать на них. Реакция эта является своеобразным зеркалом, отражающим основные идеологические установки и правила ведения «промарровской» кампании.

Марризм в российской провинции: г. Горький, 1949 — 1950 гг.

Отмечая тяжелое положение с лингвистикой в МГУ и ЛГУ, В.М. Алпатов восклицает: «Можно представить, что творилось на периферии» — и приводит опубликованные в журнале «Вестник высшей школы» (1950, № 9) воспоминания преподавателя Курского педагогического института Г.В. Денисевича²⁶: «С 1948 г. посыпались официальные приказы Министерства об изучении положений Марра. За проведение марровской линии взялись директора, деканы. Они не только безоговорочно выполняли приказы, но часто шли еще дальше. В Курском педагогическом институте, например, при наличии профессора и доцента на заведование кафедрой был назначен ассистент, не имеющий ни знаний, ни опыта научной и учебной работы, единственным достоинством которого было то, что он объявил себя марровцем. При этом заведующем кафедрой нельзя было говорить о лингвистах дореволюционного периода. Всякое упоминание о них считалось преклонением перед буржуазной наукой». Несколько иную картину позволяют составить воспоминания очевидцев событий и данные архивных материалов по вузам города Горького, среди которых было три основных учебных заведения, располагавших лингвистическими кафедрами: Горьковский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (далее — ГГУ), Горьковский государственный педагогический институт им. М. Горького (далее — ГГПИ) и Горьковский государственный педагогический институт иностранных языков им. Н.А. Добролюбова (далее — ГГПИИЯ). В каждом из них кампания марризма имела свои особенности при неизменности общих идеологических установок, к которым следует отнести следующие: борьбу с идеализмом и космополитизмом, утверждение приоритета советских ученых в лингвистике и в других науках (для этого воссоздается образ Марра как решительного врага космополитизма, патриота, борца с «буржуазной» наукой, ученого-марксиста). Обращаясь к периоду 1949 — 1950 гг. истории указанных вузов, мы ставим перед собой задачу рассмотреть вопросы о том, как

было представлено учение Марра в преподавании лингвистических курсов; каково было место «нового учения о языке» в идеологической, политико-воспитательной деятельности вузов; осуществлялись ли какие-либо репрессивные действия в отношении конкретных лиц в связи с кампанией марризма.

В ГГУ им. Н.И. Лобачевского в рассматриваемый период преподавание лингвистики на историко-филологическом факультете осуществляла кафедра русского языка и общего языкознания. Состав кафедры был подвижным и включал от 6 до 7 человек, большинство из которых по совместительству работали в других вузах. В начале 1949 года во главе кафедры стоял доцент В.Ф. Рудов, однако к началу 1950 года кафедру возглавлял уже профессор А.В. Миртов. В штате кафедры было еще три доцента — В.Н. Зиновьев, Г.Я. Сими́на и совместитель, преподаватель из ГГПИ, И.А. Калинин. Кроме того, на кафедре работали преподаватели, не имеющие ученой степени: Н.П. Бадаева, В.А. Смирнов. Структура лингвистического образования в ГГУ была примерно такой: студенты-филологи 1-го курса начинали изучение современного русского языка и слушали введение в языкознание; на 2-м курсе читался старославянский язык; на 3-м курсе — история русского литературного языка и историческая грамматика русского языка; на 4 — 5-м курсах студенты слушали курс общего языкознания, курс русского синтаксиса, курс «Русской этимологии». В программу лингвистического образования входил и спецкурс «Академик Марр и его учение о языке». Его, как и «Русскую этимологию», читал проф. А.В. Миртов. Сочетание курсов далеко не случайное, т.к. сам Н.Я. Марр уделял очень большое внимание вопросам этимологии слов и принципам номинации. Как видно, перечень дисциплин и сама структура лингвистического цикла в целом достаточно традиционны, курс по «новому учению о языке» выглядит своего рода данью официальной лингвистической «политике». В то же время нельзя не отметить, что проф. А.В. Миртов не поручил этот курс никому другому, вероятно, хорошо осознавая его особую значимость, влекущую за собой повышенную ответственность преподавателя. Работая над темой данного исследования, мы попросили поделиться впечатлениями о содержании, уровне университетского лингвистического образования того времени студентов первого выпуска (1946—1951 гг.) кандидатов филологических наук, доцентов кафедры русского языка Нижегородского государственного педагогического университета, в настоящее время находящихся на пенсии, И.А. Сколотову и М.А. Гавриленко.

И.А. Сколотова, отмечая в целом высокий, с ее точки зрения, уровень преподавания языка в ГГУ, особенно выделяет лекции В.А. Смирнова и И.А. Калинина, в которых была серьезная теоретиче-

ская основа. Имя Н.Я. Марра и его научные взгляды, по воспоминаниям И.А. Сколотовой, практически не упоминались преподавателями вплоть до спецкурса по «новому учению о языке». М.А. Гавриленко также утверждает, что учение Н.Я. Марра не отражалось в содержании основных языковых дисциплин, во всяком случае настолько, чтобы это запечатлелось в памяти. По ее словам (это чисто субъективная оценка), лингвистика тогда вообще уступала литературоведению по популярности среди студентов. Чтение и обсуждение книг, конференции и дискуссии по новинкам художественной литературы — вот что прежде всего влекло будущих филологов. В связи с этим и лингвистические интересы студентов часто были связаны не с чем иным, как с поэтикой художественной речи. Выражая по нашей просьбе свое мнение о спецкурсе «Академик Н.Я. Марр и его учение о языке», И.А. Сколотова и М.А. Гавриленко согласились в том, что ярких впечатлений он не оставил. Самым интересным, скорее даже интригующим в концепции Н.Я. Марра представлялся тогдашним студентам четырех-элементный анализ слов языка, но методика его оставалась непонятной, как непонятной была и перспектива практического применения данного метода. В целом, по мнению наших информантов, спецкурс А.В. Миртова не повлиял на языковые представления студентов, формировавшиеся в русле традиционной, «домарровской» лингвистики. Отметим также, что у слушателей данного спецкурса сложилось мнение о Н.Я. Марре как о крупном, авторитетном специалисте по кавказским языкам, но не как о теоретике языка вообще. Такое впечатление соответствует действительному положению вещей и дает основание предположить, что А.В. Миртов достаточно умеренно «мифологизировал» образ знаменитого академика.

Чтобы оценить значимость «нового учения о языке» в учебной и идеологической работе Горьковского университета, мы обратились к материалам архива ГГУ 1949 — 1950 годов. В протоколах партсобраний и заседаний партбюро ГГУ за 1949 год²⁷ нам не удалось обнаружить каких-либо данных о том, что партийный аппарат вуза контролировал пропаганду и внедрение учения Марра. В планах идеологической работы парторганизации со студентами университета зафиксированы темы таких воспитательно-просветительских лекций, как: «Творчество А.С. Пушкина», «Горьковскому театру драмы 150 лет» и т.п.; предусмотрено проведение диспутов по художественным произведениям, в частности по современным пьесам. При этом ни одной темы, связанной с вопросами языка, с социально-философскими аспектами учения Марра в планах нет. Аналогичная лакуна обнаруживается и в тематических планах университетской газеты «За сталинскую науку» на 1949/50 уч. год. Таким образом, можно предположить, что идейно-воспитательная работа в ГГУ в 1949 — нач. 1950

года. велась с опорой в основном на социально-исторические науки и художественную литературу, идеологический потенциал «нового учения о языке» востребован не был (по крайней мере, это не отражено в официальных документах).

Ученый совет ГГУ крайне редко в это время касается деятельности историко-филологического факультета. В центре его внимания — химфак, биофак, радиофак и вопросы, связанные с преподаванием соответствующих наук. Складывается впечатление, что гуманитарные науки, особенно филология, воспринимаются научной элитой университета как нечто второстепенное. Между тем руководство историко-филологического факультета должно было уделять определенное внимание «новому учению о языке», проблемам его адаптации к вузовскому преподаванию. И действительно, в материалах, отражающих учебную деятельность факультета в период 1949—1950 годов, находятся спорадические упоминания о теории Марра. Например, на заседании Ученого совета историко-филологического факультета от 26 февраля 1949 года декан факультета, профессор С.И. Архангельский, знакомя членов совета с итогами январской сессии АН СССР, сообщает о докладе И.И. Мещанинова «О роли Н.Я. Марра в отечественном языкознании», который был сделан на этой сессии. Сообщение это носит чисто уведомительный характер, С.И. Архангельский не углубляется в содержание доклада и тем более не дает каких-либо комментариев²⁸. На этом же заседании доцент В.Ф. Рудов (в этот период еще заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания) говорит, что на кафедре русского языка обсуждалась статья преподавателей кафедры (фамилии не указаны) «За партийность в работе о языке», статья была подана в газету «За сталинскую науку», но в ней не помещена²⁹. Этот факт в какой-то мере служит подтверждением ранее сделанного вывода об отсутствии особого интереса к вопросам языка и языкознания у идеологических органов Горьковского университета. В сентябре 1949 года ученый совет истфила обсуждает доклад А.В. Миртова «О задачах языкознания», посвященный учению Н.Я. Марра³⁰; слушает отчет кафедры русского языка об организации спецкурса «Академик Н.Я. Марр и его учение о языке»³¹. «Новое учение о языке» было отражено в тематике курсовых работ студентов, в планах кружковой работы, элементы теории Марра были включены в лекции по истории южных и западных славян, истории первобытного общества и пр. В целом же на основании имеющихся архивных документов можно заключить, что кампания марризма в ГГУ носила спокойный характер, основную нагрузку по внедрению учения Марра в преподавание языка взял на себя проф. А.В. Миртов, вследствие этого прославившийся в ученой среде г. Горького «главным марристом». Никаких администра-

тивных мер, взысканий, тем более увольнений в период марризма в ГГУ предпринято не было ни в отношении конкретных людей, ни в отношении отдельных коллективов.

Кафедрой русского языка в ГГПИ им. М. Горького в рассматриваемый период руководил кандидат филологических наук, доцент И.А. Калинин. В качестве совместителя на кафедре работал проф. А.В. Миртов, ведущим преподавателем была кандидат филологических наук, доцент А.В. Крутова, остальные члены кафедры (А.И. Цветков, Г.А. Серебровский и др.) не имели ученых степеней.

Учению Н.Я. Марра был посвящен спецкурс, который читала А.В. Крутова, квалифицированный, по воспоминаниям бывших студентов³², преподаватель, специализирующийся по истории и диалектологии русского языка. Лекции предназначались как студентам 3–4-го курсов, так и преподавателям ГГПИ. Мы располагаем относящимися к этому периоду воспоминаниями непосредственного слушателя данного курса, в ту пору зав. кафедрой иностранных языков С.А. Серебряковой³³. С.А. Серебрякова рассказывает, что лекции А.В. Крутовой проходили примерно два раза в месяц, целью их было рассмотрение теоретических вопросов языка с позиций учения Марра. Основное внимание лектор уделяла четырехэлементному анализу слов, так как именно это казалось очень новым и необычным в марровской теории. По словам С.А. Серебряковой, для многих преподавателей вуза, и для нее самой, участие в семинаре «по Марру» было своего рода повинностью, потому что содержание и принципы теории Н.Я. Марра в пересказе А.В. Крутовой оставались непонятными. На вопросы слушателей руководитель семинара, как правило, не могла ответить (что ни в коей мере не может быть поставлено в вину А.В. Крутовой, т.к. и сам Н.Я. Марр часто не мог вразумительно обосновать свои идеи) и отсылала спрашивающих к первоисточникам — «читайте Марра».

В ГГПИ периода марризма каких-либо ощутимых перемен в преподавании основных лингвистических дисциплин не произошло. «Учение Марра о языке на факультете в лекциях и на практических занятиях внедряется робко, слабо, подчас формально. Преподавательский коллектив кафедры русского языка недостаточно настойчиво овладевает учением Марра о языке», — критически отмечается в постановлении партбюро ГГПИ от 20 марта 1950 года³⁴. Однако на этом же заседании учебная деятельность кафедры в целом одобряется, а директор и член партбюро вуза Т.К. Михайлов заявляет: «Я был на занятиях у Калинина и Кабановой. Занятия прошли нормально и никаких замечаний не вызвали. Коллектив преподавателей, безусловно, здоровый»³⁵.

В отношении философско-мировоззренческих вопросов языка и языкознания в период экспансии марризма в ГГПИ отмечается то же

явление, что и в ГГУ: внимание идеологических органов (парторганизации) вуза направлено на деятельность гуманитарных кафедр, но не на кафедру русского языка. Вообще, идеологическая работа среди преподавателей и студентов была одной из важнейших задач парторганизации ГГПИ, в связи с чем на заседаниях партбюро института регулярно обсуждаются лекции преподавателей общественных и филологических дисциплин, как наиболее тесно связанных с вопросами идеологии. Однако внимание партийных органов распределялось между лингвистической и литературоведческими кафедрами крайне неравномерно: все оценки философско-мировоззренческого характера, зафиксированные в документах, касаются литературоведов и проблем преподавания литературы. Например, протоколы заседаний партбюро ГГПИ и филфака за 1949 г. отражают весьма активное обсуждение лекций таких преподавателей, как Л.М. Фарбер (он обвиняется в космополитизме)³⁶, С.Ф. Вайншток (не осуществляет партийного подхода к творчеству зарубежных писателей, таких, как Сервантес, Шекспир)³⁷, С.А. Орлов (не показывает классовый характер мировоззрения писателей и поэтов определенной эпохи)³⁸ и др. Вопросы же языка обсуждаются партийными органами ГГПИ исключительно в связи с низкой грамотностью студентов. Преподавательская деятельность лингвистической кафедры в аспекте ее идеологической значимости не обсуждается и не оценивается. Получается, что социальные, философские, мировоззренческие аспекты «нового учения о языке», усиленно насаждаемого сверху, остаются в стороне от соответствующей работы в горьковском вузе, а язык не рассматривается всерьез как материал, который можно использовать для идеологической пропаганды.

Таким образом, есть основания сделать вывод, что внедрение «марксистского языкознания» в преподавание языка было в ГГПИ достаточно формальной реакцией на директивы министерства. Ссылки на Марра и ничего конкретно не значащие цитаты из его работ, конечно, фигурировали в научных трудах членов кафедры русского языка, но фактическое содержание базового лингвистического образования студентов-филологов в ГГПИ, как и в ГГУ, продолжало оставаться традиционным — и это на фоне необычайно агрессивной активизации марризма в центре, Москве и Ленинграде. Причиной этому, как нам кажется, не только то обстоятельство, что пропаганда «нового учения о языке», по существу, не была (и не могла быть, в силу специфичности самого учения и его автора) обеспечена соответствующими кадрами и научно-методической литературой. Дело еще и в том, что перед горьковскими и другими периферийными вузами всегда стояла очень прагматичная задача: они готовили не будущих ученых, а прежде всего квалифицированных практиков —

преподавателей русского языка для школ и средних специальных учебных заведений, при том, конечно, что лучшие студенты шли в аспирантуру и могли пополнять ряды вузовских преподавателей. Для решения этой насущной задачи учение Н.Я. Марра о языке было очевидным образом непригодно. Особо следует выделить и роль заведующего кафедрой русского языка И.А. Калинина в том, как осуществлялась пропаганда учения Марра в ГГПИ. Ниже мы посвятим личности этого человека специальный раздел, а пока скажем только, что И.А. Калинин, не выражая открыто своего отношения к Марру и его идеям, был убежденным сторонником классического русского языкознания и тем самым задавал тон работе кафедры в целом.

Гораздо более активно кампания марризма проходила в ГГПИИЯ (горьковском инязе). В ГГПИИЯ, в соответствии с его спецификой, все основные кафедры были непосредственно связаны с преподаванием языка, иностранного и русского, а следовательно, всех их непосредственно коснулись директивы из центра по поводу учения академика Марра. В 1949 – 1950 годах. в ГГПИИЯ работала кафедра языкознания (зав. кафедрой – А.А. Чемоданов), которая осуществляла общелингвистическую подготовку студентов по теории языка и русскому языку, а также ряд специализированных кафедр: английского языка (зав. кафедрой – доцент О.А. Колдунова) и английской филологии (зав. кафедрой – канд. филол. наук, доцент В.И. Смирнова), немецкого языка (зав. кафедрой – А.В. Фанягина) и немецкой филологии (зав. кафедрой – А.В. Припорова), французского языка (зав. кафедрой – Г.А. Щелок). Общее руководство изучением теории Марра студентами и преподавателями ГГПИИЯ осуществлял зав. кафедрой языкознания и одновременно зав. учебной и научной частью института А.А. Чемоданов. Он же нес основную нагрузку по пропаганде марровского учения. В соответствии с директивами министерства некоторые положения теории Н.Я. Марра были включены в курс введения в языкознание. В частности, был пересмотрен раздел истории языка, с тем чтобы как можно более показать ведущую роль русской и советской лингвистики в разработке важнейших вопросов теории языка. На основе идей Н.Я. Марра трактовались вопросы формирования словарного состава русского и иностранных языков, теоретической грамматики, фонетики, вопросы возникновения и развития национальных языков. Хотя специальный курс, посвященный «новому учению о языке», в ГГПИИЯ, судя по всему, не читался, теория Марра была основательно представлена в программах и содержании учебных дисциплин. Помимо этого для студентов и преподавателей было организовано регулярное чтение лекций, как-то: «Единство глоттогонического процесса» (для студентов 2-го курса), «Понятийные категории», «Члены предложения», «Части

речи» (для преподавателей), «Современное положение дел в советском языкознании и его основные задачи», «Академик Н.Я. Марр — основоположник советского языкознания», «Буржуазное языкознание на службе англо-американского империализма» (для студентов и преподавателей) и др.³⁹ Лекции для преподавателей всегда читал сам А.А. Чемоданов, тогда как чтение лекций студентам часто поручалось преподавателю кафедры языкознания А.В. Потехину. Для активизации пропаганды «нового учения о языке» была организована и проведена общеинститутская конференция преподавателей и студентов, посвященная академику Н.Я. Марру. По отзыву одного из участников конференции, В.И. Цареградской, это мероприятие носило формальный характер, не было выступлений по докладу, поскольку само учение Марра очень слабо освоено преподавателями⁴⁰.

Не осталась в стороне от кампании и кафедра марксизма-ленинизма ГГПИИЯ, во главе которой стоял канд. филос. наук, доцент Ф.И. Архипов. Члены кафедры в качестве слушателей участвуют в семинарах, посвященных учению Марра, в планах кафедры на октябрь 1949 года — совместное заседание с кафедрой языкознания по вопросу «Диалектический материализм и учение Марра о языке»⁴¹. В то же время философы ГГПИИЯ не проявляют инициативы в осмыслении и интерпретации соответствующих аспектов учения Марра. Во всяком случае, документы не отражают каких-либо суждений членов кафедры по этому поводу, а планируя идейно-политическую и воспитательную работу, кафедра марксизма-ленинизма обходит вопросы языка и языкознания стороной.

Все мероприятия по внедрению учения Марра в преподавание языка находились под жестким контролем партийных органов ГГПИИЯ. Так, лекции по «новому учению о языке» были предусмотрены в ежемесячных планах политической и культурно-массовой работы института, которую курировало партбюро парторганизации ГГПИИЯ. На заседаниях партбюро А.А. Чемоданов регулярно отчитывался о ходе внедрения учения Марра в учебный процесс. Содержание его отчетов дает представление о предпринимаемых в этой связи мерах: контроль (стенографирование и обсуждение) за качеством лекций преподавателей, особенно лекций по введению в языкознание, корректировка языковых курсов «в свете учения Марра», обсуждение учебников и программ на предмет соответствия этому учению, проведение цикла лекций по истории советского языкознания и т.д. Особое внимание проверяющие обращали на то, чтобы преподаватель вскрывал политическую сущность разногласий по тем или иным вопросам языка (например, по истории происхождения немецкого национального языка), а также на то, чтобы в лекциях не упоминались в «положительном» контексте имена и труды зарубеж-

ных лингвистов. Так, при обсуждении на партбюро лекции преподавателя Голубовской с одобрением отмечено «отсутствие ссылок на буржуазного ученого Пальмера»⁴².

Об активности партийных органов в период марризма в ГГПИИЯ, а также о строгом следовании основным идеологическим установкам, заданным центром, свидетельствует следующий факт. В начале декабря 1949 года зав. кафедрой английской филологии О.А. Колдунова вывесила рекомендательный список литературы по теоретической грамматике и лексикологии английского языка, и среди имен были имена «реакционных английских ученых Есперсена, Джоунза, Пальмера»⁴³. Этот «проступок» обсуждался на заседании партбюро, а директор вуза П.И. Шульпин 19 декабря 1949 года подписал приказ следующего содержания: «За вывешивание рекомендательного списка литературы по теоретической грамматике и лексикологии, в котором фигурировали реакционные буржуазные ученые, что является политической ошибкой, зав. кафедрой английской филологии Колдуновой О.А. объявить выговор, зав. учебной частью т. Чемоданову А.А., который знал об этом, за несерьезное отношение к данному вопросу, не придавшего ему политического характера, — поставить на вид. Обязываю т. Чемоданова усилить контроль над занятиями преподавателей языковых дисциплин, в частности на предстоящей экзаменационной сессии»⁴⁴. Эти меры, однако, не устроили некоторых коллег фигурантов дела, и в партбюро института поступает заявление преподавателя английского языка Казанского, в котором тот обвиняет руководство кафедры английской филологии в «грубой политической ошибке», а партбюро и администрацию вуза в лице секретаря партбюро А.А. Генке, зав. учебной частью А.А. Чемоданова, декана факультета английского языка Б.А. Бенедиктова — в недопустимом либерализме. На общем партсобрании ГГПИИЯ 30 января 1950 года, несмотря на покаяние проштрафившихся лиц и объяснения А.А. Чемоданова, что никакой иной научной литературы по вопросам грамматики и лексикологии нет, наказание было ужесточено: «За проявленную халатность и отсутствие должной политической бдительности т. Чемоданову А.А. объявить выговор; за необеспечение должного контроля со стороны декана факультета в подготовке к экзаменационной сессии и за затяжку с разбором заявления преподавателя Казанского т. Бенедиктову объявить выговор»⁴⁵.

Один из членов партбюро, поддержавший на данном собрании сторону обвинения, возмущался тем, что на факультете английского языка преподаватели вместо критики стали хвалить О.А. Колдунову, вывесившую пресловутый список. Это маленький, но знаменательный для нас факт существования скрытой оппозиции официальной политике, который ярко отражает внутреннее неприятие большин-

ством филологов не столько даже самой теории Н.Я. Марра, сколько беспрецедентного давления на людей с целью искусственно навязать и ее, и ложно понимаемые научные и идеологические ценности.

Итак, внедрение «нового учения о языке» в учебно-воспитательную деятельность вузов г. Горького проходило в целом по общим для всей страны правилам: корректировка программ и учебных лекций, организация соответствующих спецкурсов, семинаров, конференций, популяризаторские лекции для неспециалистов, необходимые словесные «реверансы» марровской теории в научных работах. Следование основным идеологическим установкам, диктуемым центром, выражалось в табуировании имен зарубежных и некоторых «неблагонадежных» советских лингвистов, а также в использовании стандартной риторики типа «реакционные буржуазные ученые», «дух формализма и идеализма в языкознании», «вредное формалистическое учение», «безродные космополиты», «подлинно марксистское учение о языке» и т.п.

Во всех трех горьковских вузах кампания марризма во многом носит формальный характер, не затрагивая основ преподавания языка. Вместе с тем мы отмечаем гораздо более серьезное влияние теории Н.Я. Марра на учебную и воспитательно-идеологическую деятельность коллектива иная и объясняем это профилем данного вуза, где, в отличие от ГГУ и ГГПИ, язык являлся основным объектом изучения. Несмотря на идеологизацию и политизацию учения Марра, рядовые преподаватели и студенты часто игнорируют посещение соответствующих конференций и семинаров (сетования на это постоянно встречаются в обследованных нами документах). Не проявляют творческой активности и философы: их роль в этот период ограничена пассивным восприятием информации. В целом кампания марризма протекала в Горьком достаточно «мягко» в том плане, что в вузах не было кадровых пертурбаций и репрессий в отношении отдельных лиц.

Дискуссия о языке на страницах «Правды» и статья И.В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании»

Девятого мая 1950 года в «Правде» было объявлено о начале свободной дискуссии по проблемам языкознания, призванной «преодолеть застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области». Для непосвященных необычно было то, что открыл дискуссию один из самых последовательных оппонентов Н.Я. Марра и противников марризма академик АН Грузинской ССР А.С. Чикобава; необычна была и форма дискуссии, которая развернулась не в рамках какого-то более или менее широкого научного собрания, а на страницах центрально-

го печатного органа ЦК ВКП(б) и таким образом была обращена к самым широким слоям населения — фактически проблемы лингвистики выносились на всесоюзное обсуждение. После статьи А.С. Чикобавы в редакцию «Правды» поступило более 200 статей-откликов, причем соотношение сторонников и противников Н.Я. Марра было примерно равным. Таким образом, форма дискуссии соответствовала содержанию, а результат обсуждения был неопределен до тех пор, пока 20 июня 1950 года «Правда» не опубликовала статью И.В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании»⁴⁶.

Суть выступления Сталина в следующем: 1) язык коренным образом отличается от «надстройки», т.е. политических, правовых, культурных и других форм деятельности человека и общества, тем, что порожден «не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков»⁴⁷; 2) язык непосредственно связан с производственной деятельностью человека в том плане, что его словарный состав сразу отражает изменения в данной сфере; 3) язык безразличен к людям, но люди небезразличны к языку, они стараются использовать язык в своих интересах; 4) с помощью языка может выражаться любая идеология, но нельзя приписывать некую идеологию самому языку; 5) общество, в том числе и классовое, представляет собой целостное единство (систему), и язык — одно из связующих звеньев этой системы.

Авторы публикаций, посвященных описываемым событиям (лингвисты, философы, историки, публицисты), отдавая дань «чеканности» стиля, часто упрекают Сталина в поверхностности, банальности, устарелости суждений, касающихся собственно лингвистических проблем. Думается, что не это главное в его выступлении. В формулировках И.В. Сталина четко прослеживается мысль о недопустимости любых манипуляций лингвистическим материалом в целях раскола общества, а теория Н.Я. Марра, независимо от желания автора, открывала возможности для этого.

Теория Н.Я. Марра вполне закономерно вписывается в парадигму лингвистических направлений первой трети XX века, которые формировались в Европе, пережившей Первую мировую войну и великие социальные потрясения, крупнейшим из которых можно назвать Октябрьскую революцию 1917 года в России. Инвариантным содержательным признаком этой парадигмы является определение позиции лингвиста в отношении экстралингвистических функций языкового знака. Нейтральную позицию в этом плане занимает структурализм, один из основных методологических принципов которого состоит в сознательном отказе лингвиста от исследования внешних связей языка с неязыковыми системами: мышлением, обществом,

объективной действительностью. При декларации социальной сущности языка системно-структурный подход к нему нацеливает на изучение языкового знака прежде всего в соотношении с другими языковыми знаками. Ясно, что проблемы языка как средства моделирования мира, как средства формирования и выражения менталитета личности, социума и нации остаются в этом случае за пределами интересов лингвиста.

«Полюсами» научной лингвистической парадигмы первой трети XX века являются антропо- и социоцентричные направления: неогумбольдтианство, с одной стороны, и яфетическая теория Н.Я. Марра — с другой. Объединяет этих антагонистов сосредоточенность исследовательского внимания на внешних функциях языка. Неогумбольдтианство в триаде *мышление — язык — внешний мир* роль активной стороны отдает языку, структура которого якобы определяет мировосприятие, логику мышления человека и процесс познания в целом. У людей и народов, говорящих на разных языках, формируются разные картины мира, в результате чего возникают различия в культурном, политическом и даже экономическом состоянии социумов: «Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, — это всего лишь иллюзия. В действительности же *«реальный мир»* в значительной степени неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два различных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миров, в которых живут различные общества, — это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками [выделено мной. — Авт.]»⁴⁸. Логичным развитием такой позиции будет вывод о том, что внутренняя форма языкового знака не только обуславливает познавательную и созидательную деятельность человека, но и затрудняет, иногда делая невозможным, взаимопонимание между носителями разных языков. Такая позиция, при недобросовестном подходе исследователя к анализу языка, допускала достаточно опасные политические и националистические толкования.

Учение Н.Я. Марра, декларируя противостояние западноевропейской лингвистике, в частности теориям, подразумевающим определенные оценки в отношении языков и отдельных этносов, в сущности, содержит те же подводные камни. В концепции Марра «идеология построения речи оказалась органически связанной... с хозяйством и с техникой и с выраставшим из них и с ними мировоззрением»⁴⁹. В триаду *мышление — язык — внешний мир* вводится новый компонент — экономическая, производственная база общества, — кото-

рый, в единстве с мышлением, и является определяющей стороной в указанной цепочке. С позиции Марра, национальная языковая картина мира портретирует не столько мир, сколько классово-производственные отношения в обществе и тип мышления людей как представителей этих классов. Нетрудно заметить, что эта теория носит, хотя и не явно, оценочный характер не только в отношении языков (чем совершеннее базис — тем совершеннее язык, порождаемый этим базисом), но и в отношении народов, говорящих на этих языках. При всех очевидных различиях и неогумбольдтианство, и марровское «новое учение о языке» вольно или невольно приводят к мысли о разобщенности человечества, о невидимых границах, которые язык очерчивает не только вокруг народа, но и (в концепции Марра) вокруг классов и социальных групп внутри одного общества.

Пытаясь объяснить интерес И.В. Сталина к ситуации в советском языкознании середины XX века, исследователи называют разные причины, в том числе и такие, которые непосредственно связаны с указанными выше содержательными особенностями теории Марра. Так, говорят о том, что Сталин мог быть обижен за грузинский язык, который в иерархии языков у Марра оказался ниже, чем семитские и индоевропейские языки. В качестве причины разгрома марризма рассматриваются и отношения с Китаем, в которых Сталин был очень заинтересован⁵⁰. Существуют документы, свидетельствующие о том, что Сталин и Мао Цзэдун обсуждали вопросы языка и мышления в то время, когда в качестве «официального» советского языкознания выступала яфетическая теория Марра, отводившая китайскому языку место на самой нижней ступени «лестницы» стадийного развития языков. Участие Сталина в дискуссии о языке связывают и с реакцией здравого смысла, и с возможностью подтвердить репутацию теоретика марксизма, и со своего рода манией величия, и с личной неприязнью к Н.Я. Марру. Все эти точки зрения в большей или меньшей степени обоснованы, но нам хотелось бы выделить одну из наиболее вероятных, на наш взгляд, причин публичного выступления Сталина, и причина эта тесно связана с социальными аспектами учения Марра. К концу 40-х — началу 50-х годов XX века изменилась социально-политическая обстановка в СССР. Принятая концепция о возможности построения социализма в одной стране, победа в Великой Отечественной войне, «холодная война» и «железный занавес», изолирующий Советское государство, — все это заставило партийное и государственное руководство страны скорректировать ценностные ориентиры в общественной жизни. В этот период приоритетными становятся не классовые, а национальные интересы, создается культ героической русской истории, русской культуры, особенно русской классической литературы, в создании которого активно участвуют

образовательные учреждения и кино. Реализация указанных тенденций требовала максимального единения общества, а теория Н.Я. Марра содержала подрывающие это единство установки. Кроме того, как справедливо отмечает В.М. Алпатов, великая русская литература, проникнутая духом гуманизма, не могла быть написана на языке «господствующего класса». Таким образом, «новое учение о языке» явно диссонировало с общей идеологической линией в стране середины XX века. Сталин, как искушенный политик и лидер государства, мог почувствовать «взрывоопасность» яфетической теории с социально-политической точки зрения, что в свою очередь могло быть существенной причиной инициирования «общенародной» дискуссии по вопросам языка и языкознания.

С момента выхода статьи И.В. Сталина дискуссия как таковая закончилась и началась всесоюзная кампания по развенчанию «антинаучной», «антимарксистской» теории Н.Я. Марра и борьбе с последствиями марризма в науке и образовании. Содержание и стилистику кампании хорошо отражают публикации 1951 – 1953 годов в журнале «Русский язык в школе». В качестве примера можно привести следующие пассажи: «Гениальные произведения И.В. Сталина по вопросам языкознания оказались не только поворотным пунктом в развитии советского языкознания, но и самым важным за последнее время мировым событием в области теории. Новые произведения сталинского гения, представляя собой непревзойденные образцы творческого применения и дальнейшего развития марксистско-ленинской теории, имеют огромное общетеоретическое значение»⁵¹; «20 июня 1950 г. дата опубликования классического труда великого корифея марксистско-ленинской теории И.В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», знаменует собою решительный перелом в истории советской науки о языке. В этот день советское языкознание освободилось от безраздельного господства угнетавшего его в течение почти четверти века вульгарно-материалистического, антиисторического, так называемого «нового учения о языке» Н.Я. Марра, того метафизического направления, которое внесло в науку много путаных, противоречивых мыслей и деклараций и этим загнало всю советскую науку о языке в тупик и привело ее к застою»⁵².

Эти и подобные выступления виднейших ученых, представителей высших административных органов науки и образования, научно-исследовательских учреждений и главных вузов страны вкупе с директивами Министерства высшего образования и Министерства просвещения СССР задавали тон соответствующей кампании на периферии. Сигналом к определенным действиям служили также административные меры, примененные к ученикам и последователям академика Н.Я. Марра. Так, акад. И.И. Мещанинов был снят со

всех руководящих постов, а проф. Ф.П. Филин лишился аспирантуры. Весьма показательно прошло 19 и 20 ноября 1951 года в ленинградском отделении Института языкознания АН СССР обсуждение книги И.И. Мещанинова «Члены предложения и части речи». Автор был обвинен в антиисторизме, ошибочном отрицании языка как целого и внутренних законов его развития, некритичном заимствовании понятий и терминов у «буржуазных лингвистов», а в сущности, в том, что он был учеником Н.Я. Марра. Давление, оказанное на И.И. Мещанинова, было столь сильным, что ученый, вначале пытавшийся как-то объяснить свою *научную* позицию, вынужден был полностью согласиться с критикой и признал, что «книга не отвечает основным положениям сталинского учения о языке»⁵³. «Критическому рассмотрению» была подвергнута научная деятельность С.Д. Кацнельсона, Н.Ф. Яковлева и других «марристов».

Действия центра, как в зеркале, отражались советской научной периферией. Обратимся к имеющемуся в нашем распоряжении региональному материалу.

«Сталинская» дискуссия о языке в горьковских вузах

Реакция на выступление И.В. Сталина в ГГУ, ГГПИ и ГГПИИЯ была быстрой и весьма энергичной. Дискуссии по вопросам языка и языкознания, конечно, как таковой не было, фактически одна «руководящая линия» в изучении и преподавании языка сменилась другой. Достаточно полное представление о мерах, предпринятых руководством вузов по перестройке работы, дает сделанный 18 мая 1951 года на заседании ученого совета ГГУ доклад ректора университета проф. А.Н. Мельниченко, который так и назывался: «О перестройке преподавания и научной работы за 1950 — 1951 годы в свете трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания»⁵⁴.

28 сентября 1950 года на расширенном заседании ученого совета ГГУ был заслушан доклад и.о. зав. кафедрой диалектического и исторического материализма И.П. Белоусова «О работах тов. Сталина по вопросам языкознания», и уже в октябре 1950 года была проведена теоретическая конференция по материалам работы И.В. Сталина. От лингвистической кафедры выступили проф. А.В. Миртов с докладом «О внутренних законах развития языка», доц. В.Н. Зиновьев — «И.В. Сталин о языке и мышлении», ст. преподаватель Н.П. Бадаева — «И.В. Сталин о языке и диалекте». В обсуждение языковых вопросов на этот раз активно включаются историки и литературоведы. Вот перечень основных докладов, сделанных «нелингвистами»: «Значение работ т. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» для изучения политэкономии» (доц. Н.А. Жулин), «Значение работ т. Сталина по языкознанию для изучения истории первобытного общества»

(проф. В.Т. Илларионов), «Значение работ т. Сталина по языкознанию для изучения истории СССР (доц. А.И. Парусов), «Значение работ т. Сталина по языкознанию для изучения русской литературы» (доц. А.А. Еремин). Стереотипность формулировок тем докладов не скрывает их тенденциозности и производит сейчас немного комическое впечатление, но мы далеки от мысли иронизировать по этому поводу. Таковы были правила «игры»⁵⁵ в дискуссию, продиктованные политико-идеологической и нравственной атмосферой того времени, а кроме того, выступление Сталина действительно определило новые тенденции в развитии советской науки.

Очень серьезное внимание уделялось перестройке работы историко-филологического факультета ГГУ. Ученый совет неоднократно обсуждал доклады руководства факультета, в которых подробно освещался ход этой перестройки: «Итоги работы факультета за 1949/50 уч. г. и задачи на 1950/51 уч. г.», «О перестройке учебно-научной работы историко-филологического факультета в свете трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания» (декан истфила проф. В.Т. Илларионов), «О перестройке педагогической и научной работы факультета в свете трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания» (зав. кафедрой русского языка и общего языкознания проф. А.В. Миртов), «О программах общих и специальных курсов исторического отделения, пересмотренных в связи с последними работами И.В. Сталина» (декан проф. В.Т. Илларионов). Всем кафедрам рекомендовалось пересмотреть и при необходимости скорректировать программы учебных дисциплин, кафедре русского языка поручалось разработать тематику соответствующей научной работы, причем следовало предусмотреть такие направления исследований, которые имели бы практическую значимость для школы. Новый курс в языкознании был отражен и в темах дипломных работ, таких, как, например: «Идеологический разгром товарищем Сталиным методологических ошибок Н.Я. Марра», «Изучение школьной грамматики в свете методологических положений И.В. Сталина», «Борьба за культуру речи в плане сталинского учения о языке»⁵⁶. Ученый совет также рекомендовал кафедре русского языка сделать свою работу доступной для критического обсуждения, в связи с чем использовать форму открытых заседаний кафедры, стенографирование и последующее обсуждение лекций. Кроме того, кафедра должна была провести конкурс на лучшую студенческую работу по языкознанию, выполненную «в свете указаний т. Сталина».

Сразу были внесены следующие изменения в учебные планы: спецкурс «Академик Н.Я. Марр и его учение о языке» был ликвидирован, и студенты, совсем недавно получившие зачет по нему, впоследствии так и не увидели этого названия в «Приложении» к дипло-

му. Зато А.В. Миртов и В.Н. Зиновьев на всех пяти курсах филологического отделения прочитали новый спецкурс «Основы сталинского учения о языке» (по нему студенты сдавали зачет, и этот курс был отражен в «Приложении» к диплому). Исторические кафедры пересмотрели программы курсов по истории первобытного общества, истории южных и западных славян, истории Европы в палеолитический период, истории СССР, русской историографии, истории народов Поволжья, основам этнографии. Экзаменационные билеты по истории партии для 1-го курса и по философии для дипломников были дополнены вопросами о работе Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Из кабинета русского языка и общего языкознания были изъяты все сочинения Н.Я. Марра и его учеников, кроме того, на этот же счет проверена картотека газетных и журнальных статей. Изменились планы работы научных студенческих кружков по истории и лингвистике, в которые были включены такие темы, как «Работа т. Сталина «Вопросы марксизма в языкознании» и археология», «Значение работ т. Сталина по языкознанию в деле изучения истории партии», «О нациях буржуазных и нациях социалистических» (на одном из заседаний ученого совета истфила было отмечено, что лингвистический кружок под руководством В.Н. Зиновьева «совершенно недостаточно отразил перестройку в области языковедческой науки»)³⁷. Но интересно, что в программе работы кружка по философии мы не обнаружили ни одной темы по работам Сталина при обилии тем по вопросам искусства³⁸. Вообще, надо отметить относительную активность историков университета в новой кампании: В.Т. Илларионов, С.И. Архангельский, А.И. Парусов и др. выступают с докладами на семинарах и совещаниях разных уровней (что, конечно, связано и с их служебным положением), стенографируются и рецензируются лекции преподавателей кафедр истории СССР и всеобщей истории. На этом фоне кафедра марксизма-ленинизма и философии скорее выглядит пассивной. Если не считать доклада и.о. зав. кафедрой И.П. Белоусова «О работах тов. Сталина по вопросам языкознания», сделанного в начале учебного года на расширенном заседании ученого совета ГГУ, то можно сказать, что голосов философов не слышно в общих обсуждениях. В просмотренных нами (коротких и малоинформативных) протоколах заседаний кафедры марксизма-ленинизма за 1950 /51 уч. г. не отражено обсуждение итогов дискуссии о языке, кроме слушания упомянутого доклада И.П. Белоусова.

1950/51 уч. г. оказался тяжелым для лингвистов Горьковского университета, на плечи которых, дополнительно к учебной нагрузке, легла основная работа по разъяснению и пропаганде работ Сталина. Вот лишь некоторые примеры. Проф. А.В. Миртов по теме «Новые

труды И.В. Сталина по вопросам языкознания» прочитал доклады и лекции в лектории университета, на конференциях школьных и дошкольных работников Сталинского р-на г. Горького, на конференции библиотечных работников г. Горького, на объединенном собрании преподавателей иностранных языков высших учебных заведений г. Горького, на общем собрании членов кафедры иностранных языков ГГУ, на заседаниях ученых советов ГГУ и истфила. Доцент В.Н. Зиновьев по этой же теме выступал с докладами и лекциями в Облсовпрофе, перед агитаторами Железнодорожного района г. Горького, работниками детских садов, командирами и политработниками армии в Доме офицера, в ученом совете физико-технического института. Аспирант кафедры Бруева сделала доклад «О новых трудах по языкознанию т. Сталина» на физико-математическом факультете университета и пр.

Работу историко-филологического факультета, и особенно языковой кафедры, в течение всего года обследовали бригады обкома ВКП(б), горкома ВКП(б), Свердловского райкома ВКП(б), ректората и партбюро университета (по словам В.Т. Илларионова, число подобных посещений в период с 1 сентября 1950 по май 1951 года превысило сотню)⁹⁹. В составе проверяющих были специалисты из пединститута: зав. кафедрой русской литературы Б.И. Александров, зав. кафедрой русского языка И.А. Калинин, ст. преп. А.В. Крутова (та самая, которая читала спецкурс по Марру). Лекции проверяемых стенографировались, причем большинство проверяющих не считало нужным делиться с преподавателями своими замечаниями, оценками, а молча покидало аудиторию по окончании лекции: можно представить, как это действовало на нервы и так задерганным людям! Застенографированные лекции передавались для рецензии «независимым экспертам» — преподавателям других кафедр или специалистам пединститута. Проф. А.В. Миртов и его коллеги, со своей стороны, участвовали в аналогичных бригадах, обследующих языковые кафедры других горьковских вузов, в первую очередь ГГПИ и ГГПИИЯ.

Учебная и научная работа преподавателей кафедры русского языка и общего языкознания понесла определенный ущерб. Так, по сообщению декана факультета В.Т. Илларионова, был сорван курс грамматики славянских языков, что вполне объяснимо: в тот период специальные лекции по сравнительно-историческому языкознанию требовались уже самим преподавателям, поскольку более десяти лет назад оно было объявлено расистским и соответствующая учебная дисциплина запрещалась для преподавания в вузах. А.В. Миртов неоднократно сетовал на полное отсутствие конкретных работ, даже статей по исследованию языка на базе историко-материалистическо-

го метода, а также учебных пособий, на которые могли бы опираться преподаватели⁶⁰. В связи с новой руководящей линией в языкознании было отложено издание монографии А.В. Миртова «Категория грамматического рода в русском языке» (тема его докторской диссертации), его же пособия «Этимология русского языка», задержаны с представлением диссертации Н.П. Бадаевой и О.В. Ляпуновой, законсервирован очередной том «Ученых записок» из-за статей А.В. Миртова и В.Н. Зиновьева — все названные работы нуждались во вполне определенной правке. Осложнилась и психологическая обстановка на кафедре, члены которой работали в условиях колоссальной перегрузки, повышенной политической ответственности, взаимного контроля, критики и необходимости оправдываться за совершенные ошибки.

К чести лингвистической кафедры ГГУ надо сказать, что она не ограничилась описанной выше учебно-организационной и пропагандистской работой, а сделала попытку осмыслить некоторые новые идеи, которые содержались в работе Сталина. 9 февраля 1952 года в университете состоялась межвузовская научная конференция, которая должна была, по замыслу устроителей, проходить в форме дискуссии. Предметом обсуждения стали «внутренние законы развития языка», о которых было в самом общем виде сказано Сталиным. Основной доклад под названием «К изучению внутренних законов развития русского языка в свете трудов о марксизме в языкознании И.В. Сталина» делал А.В. Миртов, содокладчиками были В.Н. Зиновьев и И.А. Калинин, на конференции присутствовали представители горьковских и иногородних вузов⁶¹. Конференция не смогла решить поставленных на ней научных проблем, да и дискуссия не получилась. Выступавшие в прениях справедливо упрекали А.В. Миртова в непоследовательности, противоречиях, недостаточно ясном понимании самого термина «закон» в отношении к языку. Проф. Воронцов (биолог) выразил общую неудовлетворенность, когда сказал: «Видите ли, я думаю, что языковеды работают так долго в нашей стране, так много работают, что у них накопилось так много материала, и такие выступления [как у А.В. Миртова. — *Авт.*] неправильны. Чем же вы живете? Когда же мы от вас услышим о внутренних законах, хотя бы об одном законе развития языка?»⁶² Дело в том, что докладчик, да и все лингвисты СССР, находились в двойственной ситуации, когда, с одной стороны, нужно было откликнуться на новые для них и на самом деле интересные положения, высказанные от имени Сталина, а с другой стороны, направление, которое в Западной Европе уже достаточно долго и успешно развивало эти положения (структурализм), считалось по-прежнему «вредными идеалистическими воззрениями де-Соссюровской школы» [цитиру-

ем А.В. Миртова. — *Авт.*]. Таким образом, «сталинская» дискуссия по вопросам языкознания, хотя и заключала в себе определенный импульс к развитию науки о языке, фактически вернула провинциальную лингвистику «на круги своя», к привычному для нее описательному содержанию.

В работе других факультетов ГГУ дискуссия по вопросам языкознания отразилась лишь постольку, поскольку изучение брошюры И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» было обязательным в рамках специальных семинаров для преподавателей и «общегуниверситетских» дисциплин: истории партии, философии, политэкономии. Отчитываясь о перестройке работы негуманитарных факультетов «в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию», А.Н. Мельниченко называет ряд дискуссий по методам преподавания физики и математики, которые прошли в университете в октябре — декабре 1950 года и имели характерное идеологическое содержание: борьба с идеализмом, космополитизмом, утверждение приоритета русской, советской науки.

С 30 ноября по 2 декабря 1950 года в Горьком проходила X областная партийная конференция. В докладе первого секретаря обкома партии Д.Г. Смирнова и некоторых других партийных и советских руководителей как необходимая дань риторике звучали слова о роли трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания, которые «открыли перед нашими учеными широкие просторы в решении новых задач, стоящих перед советским государством»⁶³. На этом же заседании выступил и ректор ГГУ проф. А.Н. Мельниченко. Характеризуя работу вуза, он сообщил об ошибках проф. Г.С. Горелика, о критике идеалистических тенденций в преподавании физики, но ничего не сказал ни о дискуссии по языку, ни о работе историко-филологического факультета и всего вуза в этой связи. Мы не знаем, чем можно объяснить такое «умолчание», может быть, общей недооценкой значимости лингвистики как науки и филологического образования в структуре университета.

В других горьковских вузах, ГГПИ и ГГПИИЯ, антимарровская кампания была организована по аналогичной схеме, поэтому мы не будем подробно описывать ее, а выделим наиболее интересные моменты.

Сразу после выхода в свет статьи И.В. Сталина, 27 июня 1950 года, в Горьковском пединституте состоялось внеочередное заседание ученого совета института, на котором зав. кафедрой русского языка И.А. Калинин сообщил об итогах дискуссии по вопросам языкознания и резкой критике Сталиным «аракчеевского режима» в науке, порожденного марризмом.

Ученый совет *рекомендовал* [выделено мной. — *Авт.*] «всему профессорско-преподавательскому составу ГГПИ глубоко изучить

статью И.В. Сталина и положить ее в основу всей научной и учебной работы кафедр»⁶⁴. Из учебно-методической документации необходимо было устранить все, имеющее отношение к Марру и его теории, в лекциях и на практических занятиях — обращать внимание на ошибочные положения в имеющейся и пока не обновленной учебной литературе. К 30 июня кафедра русского языка организовала лекции по статьям Сталина для выпускников вуза, а занятия на заочном отделении в летнюю сессию 1950 года уже были перестроены в соответствии с указаниями вождя. 1 сентября 1950 года занятия в ГГПИ начались с лекции И.А. Калинина о работе И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». По словам очевидцев, актовый зал, где в течение двух часов проходила эта лекция, был переполнен, присутствовали как студенты, так и преподаватели всех факультетов. Брошюра Сталина произвела эффект разорвавшейся бомбы, но преподаватели и студенты с энтузиазмом встретили критику марровского учения, поскольку авторитет Сталина освобождал их от обязательного изучения яфетической теории, которую большинство (скорее даже все) не понимало. Решением руководства ГГПИ на всех факультетах были созданы курсы по изучению статей Сталина. Исключение составлял только первый курс филфака, потому что там все преподавание русского языка должно было строиться «в свете сталинского учения».

Перестройка работы вуза сопровождалась ритуалом критики и самокритики. Предвидя обвинения в адрес руководимого им коллектива, в докладе на упоминавшемся выше ученом совете И.А. Калинин подчеркнул, что на кафедре русского языка не было засилия «нового учения о языке»⁶⁵, большинство членов кафедры не приняло целый ряд положений Марра (о палеонтологическом анализе, о классовости языка, о порочности сравнительно-исторического метода и др.) и в своей научной работе не руководствовалось марровской методологией. И.А. Калинин обратил внимание ученого совета на то, что в течение ряда лет кафедра буквально понуждалась к распространению ошибок теории Марра решениями Президиума АН СССР, Министерства высшего образования СССР и разнообразных местных партийно-государственных органов. Выступление И.А. Калинина не понравилось некоторым членам совета тем, что докладчик в основном избегал категорических оценок, не «посыпал голову пеплом» и вообще как будто бы не чувствовал себя виноватым. В репликах зав. кафедрой истории СССР Н.М. Добротвора, декана, зав. кафедрой географии С.Б. Кульвановского, зав. кафедрой философии Ф.Ф. Кальсина прозвучала мысль о том, что «аракчеевщина», апологетика Марра имела место и на кафедре русского языка, однако в заключительном решении Ученый совет использовал достаточно мягкую формулировку: «в работе кафедры русского языка допущен ряд ошибочных положений

в вопросах языкознания»⁶⁶. Указав на неумение членов кафедры по-марксистски подойти к решению вопросов языка, отсутствие критики и самокритики как на основные причины допущенных ошибок, ученый совет тем не менее подчеркнул ответственность учебной части вуза, которая «не только не устранила отмеченных недостатков, но неправильно ориентировала кафедру языкознания на пронизывание языковедческих дисциплин, читаемых в институте, ошибочным учением Марра». Все участники описанного нами действия прекрасно знали, что еще несколько месяцев тому назад и помыслить нельзя было о том, чтобы «по-марксистски» вскрыть несостоятельность теории Марра, что руководство вуза не допустило бы неподчинения кафедры и ее руководителя директивам, идущим из центра, однако необходимые обвинительные слова и фразы *должны были* быть произнесены и записаны.

Основная личная вина была возложена на А.В. Крутову, которая руководила спецкурсом по новому учению о языке. И.А. Калинин довольно жестко высказался в ее адрес: по его мнению, А.В. Крутова служила проводником идей Марра не по требованию программы 1949 года, а по убеждению, так что идеи эти оказали влияние и на ее кандидатскую диссертацию, и на статью, опубликованную в «Ученых записках» ГГПИ уже после выступления Сталина. Несмотря на это, и партийная организация, и отдельные преподаватели филфака выступили против того, чтобы сделать из нее козла отпущения. Общее мнение на этот счет выразил доцент кафедры литературы Л.М. Фарбер на общем партсобрании ГГПИ: «В результате изменения курса в языкознании в связи с историческими работами т. Сталина в области языкознания, все обвинения в пропаганде теории Марра стали валить на т. Крутову, оставляя в стороне других работников кафедры. Это неправильно. С т. Крутовой нужно требовать исправления допущенных ошибок, но нужно требовать исправления этих ошибок и с других членов кафедры»⁶⁷. Как известно, возложение ответственности на весь коллектив значительно снижает меру вины каждой отдельной личности. Критика марризма и тех, кто способствовал его распространению, не повлекла за собой ни увольнений, ни понижений в должности, ни еще каких-либо неприятных административных последствий для преподавателей ГГПИ и, в частности, кафедры русского языка.

Конечно, кафедру очень серьезно проверяли. В мае 1951 года положение дел на кафедре обследовала специальная комиссия горкома ВКП(б), которая, разумеется, отметила определенные недостатки (недостаточно активная перестройка учебной и научной работы преподавателей, отсутствие регулярных взаимопосещений занятий, слабый контроль зав. кафедрой за процессом перестройки, низ-

кий уровень критики и самокритики), но при этом дала высокую оценку качеству лекций большинства преподавателей кафедры. Особенно были выделены занятия И.А. Калинина, А.В. Крутовой, В.Н. Зи-новьева (работал в ГГПИ по совместительству), а вот к лекциям и семинарским занятиям А.В. Миртова, который также был совместителем кафедры, комиссией были высказаны серьезные претензии за ошибки методологического характера (у нас есть основания сомневаться в объективности этой оценки в силу особого положения А.В. Миртова, о чем более подробно будет сказано ниже).

Преподаватели кафедры русского языка ГГПИ во главе с заведующим провели огромную разъяснительную работу в связи с дискуссией о языке. На кафедре была разработана тематика философского семинара при горьковском Доме ученых, в работе семинара активно участвовали все члены кафедры. Публичная лекция И.А. Калинина «О работе И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”» была принята в качестве учебного пособия для районных лекторов, что свидетельствует о ее отличном качестве, а сам И.А. Калинин читал многочисленные лекции по «Сталинскому языкознанию» для учителей города и области в Городском институте усовершенствования учителей, в школах и техникумах. С докладами перед учительской аудиторией выступала и А.В. Крутова. Судя по кафедральным отчетам, семинары и конференции разных уровней устраивались практически ежемесячно, так что преподаватели, занятые, кроме того, дополнительной учебной работой, не выдерживали сроков научных исследований. Период 1950 — 1952 годов потребовал от членов кафедры русского языка колоссального напряжения сил, но коллектив с честью вышел из испытаний не только на профессионализм, но и на порядочность.

На фоне вышеописанного удивляет почти полное бездействие идеологических кафедр — кафедры марксизма-ленинизма и кафедры философии ГГПИ. Понятно, что сама дискуссия по языкознанию могла ускользнуть от внимания этих специалистов, хотя она шла на страницах «Правды», центрального идеологического органа. Но в протоколах заседаний кафедры марксизма-ленинизма вплоть до 19 февраля 1951 года нам не удалось обнаружить какого-либо обсуждения и работ самого И.В. Сталина! Только через семь месяцев после выхода статьи вождя кафедра марксизма-ленинизма принимает решение «к следующему заседанию кафедры подготовить информацию о перестройке учебных занятий в связи с работой Сталина»⁶⁸. Добавим, что на следующем заседании эта «информация» так и не обсуждалась. В свете этого записанное в протоколе от 3 апреля 1951 года. решение не только включиться в работу по изучению работ Сталина, но и «оказать посильную помощь другим кафедрам по этому вопросу»⁶⁹ выглядит пустой фразой. Немногом лучше обстояло дело и на кафедре филосо-

фии, которая среагировала на изменение ситуации раньше (вопрос «об использовании трудов Сталина в учебной работе» рассматривается на заседании кафедры уже в августе 1950 года), но реакция эта была очень формальной: членам кафедры предложено составить подробные планы использования работ Сталина при чтении лекций, на семинарских занятиях и сдать эти планы в кабинет. Больше в течение 1950 — 1951 годов вопрос о пропаганде, изучении, применении работ Сталина по языкознанию, тем более о философском осмыслении его положений кафедрой философии не поднимается.

В отличие от ГГУ и ГППИ, работа по преодолению ошибок марксизма в ГППИИЯ происходит при активном, даже можно сказать, руководящем участии кафедры марксизма-ленинизма, члены которой задают тон в обсуждении хода и задач перестройки. Возможно, это объясняется авторитетом кафедры, в состав которой входят четыре кандидата наук, причем все они работают над докторскими диссертациями (для сравнения — на кафедре языкознания в этот период не было ни одного преподавателя с ученой степенью или званием, включая заведующего кафедрой), членом кафедры является и директор института П.И. Шульпин. На расширенном заседании ученого совета вуза 26 июня 1950 года, через несколько дней после выхода статьи Сталина, с докладом по этой статье выступил канд. философ. наук М.Ф. Фролов, а накануне, 24 июня, состоялось заседание кафедры марксизма-ленинизма, где были выработаны основы идеологической тактики партийно-административного аппарата института⁷⁰. Было отмечено, что институт оказался в сложном положении, потому что имя Марра фигурирует буквально во всех учебных программах всех факультетов. Кто должен отвечать за сложившуюся ситуацию? В этой связи было высказано два мнения: 1) виновных следует искать среди языковедов, которые вовремя «не подхватили» статью А.С. Чикобавы (называются конкретные имена: Чемоданов, Потехин, Колдунова — те, кто в свое время наиболее активно пропагандировал учение Марра), и 2) преподавателей нельзя обвинять в том, что они занимались по программам, рекомендуемым «сверху», хотя все должны самокритично подойти к оценке своей прежней деятельности. Возобладала вторая позиция, тем более что и кафедра марксизма-ленинизма не проявила в этом случае достаточного политического чутья. В период дискуссии на страницах «Правды» члены кафедры обсуждали в частных беседах ее течение, но, по откровенному признанию П.И. Шульпина, сделанному на заседании кафедры марксизма-ленинизма 24 июня 1950 года, до выхода статьи Сталина не было ясности в «руководящих установках»⁷¹. Кроме того, решено было, что кафедра марксизма-ленинизма должна возглавить работу по перестройке, в частности, члены кафедры обязаны присутство-

вать с контролирующей и направляющей миссией на ключевых заседаниях всех языковых кафедр института. В дальнейшем именно кафедра марксизма-ленинизма в масштабе всего института разрабатывает темы докладов, предназначенных для конференций и семинаров по книге Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», члены кафедры активно участвуют в этих мероприятиях.

В содержании перестроечной работы ГГПИИЯ, как, впрочем, и других вузов, о которых мы пишем в данной статье, превалирует не лингвистическая и не собственно философская, а политико-идеологическая сторона. Так, на одном из партсобраний ГГПИИЯ была высказана мысль о создании постоянного семинара по трудам классиков марксизма-ленинизма о языке под руководством кафедры марксизма-ленинизма. На это член партбюро вуза и доцент упомянутой кафедры М.А. Фролов ответил, что предложение ценное, но преподаватели кафедры к такому руководству не готовы, поскольку не обладают необходимыми лингвистическими знаниями. Тут мы приведем мнение зав. кафедрой педагогики И.Комарова, хорошо отражающее поверхностное восприятие большинством неспециалистов сущности дискуссии о языке. И.Комаров говорит, что он опасений М.А. Фролова не разделяет, т.к. «от руководителя таким семинаром *прежде всего требуется марксистско-ленинская подготовка*» [выделено мной. — Авт.]⁷². В силе остается прежняя установка преподавания языка на основе отечественной лингвистики (только уже без Марра) при игнорировании достижений зарубежных ученых.

В учебные планы ГГПИИЯ был введен специальный курс по работам И.В. Сталина о языке, но разрабатывался и проводился этот курс каждой языковой кафедрой самостоятельно. Особой помощи в философском осмыслении этих работ со стороны специалистов по марксизму-ленинизму не было, хотя последние посещали занятия лингвистов. Внимание философов обычно было сосредоточено на таких моментах лекций, как некритичное упоминание иностранных имен, наличие словесных разоблачений Марра и самокритики, указание «ошибочных» мест в учебниках и пособиях и т.д. Кафедра языкознания, столь активная в период марризма, теперь не проявляет себя, тем более что она осталась без заведующего. Ее упрекают не просто в плохой работе, а в полном бездействии⁷³.

Итак, дискуссия по вопросам языкознания 1950 года сыграла большую роль в истории крупнейших вузов г. Горького: классического университета, пединститута, института иностранных языков, — хотя эту роль нельзя оценить однозначно. Дискуссия 1950 года и выступление И.В. Сталина, безусловно, оказали положительное влияние на развитие лингвистического образования и лингвистической науки в провинции. Прежде всего существенно возросла значи-

мость лингвистики как науки в глазах представителей других областей научного знания и всего советского общества в целом, что привлекло внимание руководителей вузов к проблемам лингвистических (филологических) кафедр и факультетов. Если до дискуссии вопросы качества языковой подготовки студентов-филологов практически не обсуждаются на ученых советах ГГУ и ГГПИ, то после нее в течение почти трех лет лингвистические кафедры регулярно докладывают высшим органам вузов о результатах своей работы. Выступление Сталина освободило преподавателей от необходимости внедрять никем не признанное, малопонятное «новое учение о языке», которое не укладывалось в разделы фонетики, грамматики, истории языка, а студентов — от необходимости зазубривать и «сдавать» соответствующий учебный материал. Активизация работы над качеством лекций, постоянное научное и учебно-методическое общение преподавателей, причем не только лингвистических кафедр, также принесло несомненную пользу вузам. Была осознана тесная связь языкового и исторического образования, так что профессор С.И. Архангельский, например, предложил ввести в учебный план историков филологическое образование⁷⁴. Наконец, лингвистика как наука получила в вузах возможность более естественного развития. В то же время обсуждение итогов дискуссии и перестройка работы вузов проходили в условиях бесконечного комментирования и безудержного восхваления «гениальных трудов Сталина», без какой-либо попытки их творческого лингво-философского осмысления. Изучение языка в вузе и как учебного предмета, и как объекта науки остается зажатым в тесных рамках одной, официально навязываемой линии, которая на этот раз определялась сталинскими постулатами. Интеграции вузовской языковедческой науки в мировую лингвистику с отказом от теории Н.Я. Марра не происходит, поскольку остается старая идеологическая установка на «борьбу с низколоклонством перед буржуазной наукой и культурой».

В связи с дискуссией о языке советские философы стали обсуждать многие вопросы и темы, которые раньше не были в сфере их внимания: что такое язык как общественное явление, что такое базис и надстройка как социологические категории, что такое закон развития объекта, чем отличаются законы внешние и внутренние и т.д. В провинции, как это следует из примера горьковских вузов, философское осмысление итогов дискуссии было очень поверхностным, слабым. Объясняя причины этого, сошлемся на мнение доктора философских наук, профессора В.П. Киселева⁷⁵, выраженное в воспоминаниях о событиях тех лет. В.П. Киселев полагает, что, во-первых, одного знания философии было недостаточно для компетентных суждений по специфическим вопросам языка, познаний же в лин-

гивистике философы той поры практически не имели «и путали синтаксис с морфологией, фонему с морфемой». Во-вторых, практически все горьковские философы не имели представления о «новом учении о языке», не читали трудов Марра и марристов, «но усердно их критиковали, как позднее многие обрушились на Пастернака, Солженицына, Сахарова, не прочитав их». В-третьих, не способствовали углублению философской стороны дискуссии «перевертыши», моментально превращавшиеся из сторонников Марра в его противников не по результату научных размышлений, а по соображениям конъюнктуры. Как справедливо замечает В.П. Киселев, «приспособленцы от науки позднее так же вот сбросили ширму марксизма, за счет которого кормились, «сделали ему ручкой» и обратились в его критиков или ниспровергателей».

В вузах развернулась кампания критики и самокритики «марристов», к которым можно было причислить фактически всех преподавателей языковых дисциплин, поскольку, как выразилась преподаватель ГППИИЯ Смирнова, «следовать учению Марра требовали публикации в авторитетных центральных изданиях: «Иностранный язык в школе», «Вопросы философии», «Русский язык в школе», научные бюллетени АН СССР, МГУ и т.д.»⁷⁶. Многочисленные проверки разных уровней, стенографирование лекций, взаимопосещения создавали нервную обстановку на кафедрах и мешали нормальной работе, а ритуал самокритики требовал еще и бесконечного публичного «покаяния в грехах». При всем том можно сделать вывод, что в горьковских вузах в связи с дискуссией о языке не было принято каких-либо репрессивных мер (увольнения, понижения в должности, партийного взыскания) даже в отношении тех лиц, которые были известны как наиболее рьяные пропагандисты Марра. Руководством вузов и факультетов подчеркивался коллективный характер ошибок, имена конкретных лиц, как правило, не звучали, в официальных документах употреблялись выражения типа «отдельные преподаватели» или «некоторые преподаватели». Исключением может быть только история с А.А. Чемодановым, но, как будет показано ниже, его трагедия имела объективные, не связанные непосредственно с дискуссией основания.

О роли ученого и судьбе личности в антимарровской кампании (г. Горький, 1950 – 1953 гг.)

Исследование по архивным материалам эпохи марризма 1948 – 1949 годов, обсуждения дискуссии о языке 1950 года и последующей перестройки работы вузов г. Горького позволило нам выделить три фигуры, сыгравшие особую роль в указанных событиях, — это доктор филологических наук, профессор А.В. Миртов, кандидат филологи-

ческих наук, доцент И.А. Калинин, преподаватель без ученой степени и звания А.А. Чемоданов. Это очень разные по характеру и складу ума люди, объединенные одним: их человеческое поведение, их преподавательская и научная судьба в полной мере отражает специфику и драматические противоречия периода середины XX века в истории советской науки.

Алексей Василькович Миртов⁷⁷ (1886 г.р.) во время рассматриваемых событий был одним из крупных советских лингвистов. Специальное образование он получил, учась на историко-филологическом факультете Петербургского университета, который в 1910 году закончил с ученой степенью кандидата филологических наук. Послужной список А.В. Миртова до того времени, как он стал штатным профессором Горьковского университета, включает более десятка учебных заведений разных городов и республик СССР. После окончания университета и до 1917 года А.В. Миртов был преподавателем Петербургской 1-й мужской гимназии, затем, скорее всего в связи с революционными событиями, покидает столицу и работает в мужской гимназии хутора Самсонов Донской области, где педагогический коллектив избирает его директором. В 1920 году он преподает язык в педагогическом институте г. Новочеркасска, занятого белыми, это обстоятельство потом стало компрометирующим для ученого. В период до 1934 года А.В. Миртов служил методистом губернского отдела народного образования в Донбассе, преподавал на должности профессора в Екатеринодарском учительском институте, Донецком пединституте, Пермском государственном университете, Ростовском-на-Дону университете, Московском педагогическом институте им. В.И. Ленина, где заведовал кабинетом языка и литературы. В 1934 году А.В. Миртов был освобожден от работы в Москве и выслан административно, т.е. без решения суда, на три года в Ташкент с сохранением права вести преподавательскую работу, — видимо, сказался эпизод работы в Новочеркасске. Там А.В. Миртов работает также на должности профессора в Таджикском пединституте (который располагался в Ташкенте), в Среднеазиатском госуниверситете, по совместительству — в Ташкентском вечернем пединституте, а с 1946 по 1947 год состоит старшим научным сотрудником и зав. сектором Института языка и литературы АН Узбекской ССР. В автобиографических данных А.В. Миртов всегда указывал, что оставался в Ташкенте до 1947 года добровольно. В Ташкенте же 15 июля 1943 года в совете Среднеазиатского госуниверситета А.В. Миртов защитил докторскую диссертацию на тему «Категория рода в русском языке» и 8 января 1944 года получил степень доктора филологических наук. Ученое звание профессора было присвоено ему гораздо раньше, еще в 1930 году, решением ученого совета Наркомпроса РСФСР. С 1946 по 1950

год А.В. Миртов является штатным профессором кафедры русского языка Ярославского пединститута и с 1948 года работает по совместительству на кафедре русского языка и общего языкознания Горьковского университета. В 1949 году заведующий этой кафедры, доцент В.Ф. Рудов, увольняется по собственному желанию, а профессор Миртов с 1950 года становится штатным сотрудником и заведующим кафедрой русского языка и общего языкознания ГГУ.

Мы довольно подробно описали преподавательский путь А.В. Миртова, чтобы лучше представить себе положение этого человека в сложной ситуации 1949 – 1951 годов, когда одно «официальное» направление в языкознании резко сменяется другим, почти диаметрально противоположным, да еще на ярко выраженном политико-идеологическом фоне. К этому времени имя доктора наук, профессора А.В. Миртова широко известно как в столичных, так и в провинциальных научных кругах, на его счету уже более 100 опубликованных работ. В то же время за плечами у него весьма серьезный опыт жизненных испытаний, высылка, что в то время представляло «латентную» опасность для гражданина Советского государства. В подобном случае большинство старалось бы вести себя осторожно, осмотрительно и «правильно» реагировать на сигналы из центра.

В эпоху марризма А.В. Миртов являлся основным проводником идей «нового учения о языке» в Горьковском университете и, наверное, в определенной степени в пединституте, где он был совместителем. С большой долей вероятности можно предположить, что положения Н.Я. Марра отразились и в его докторской диссертации, и в других научных трудах, и в научно-исследовательских работах его студентов и аспирантов. Тем сложнее было ему, одному из самых заслуженных ученых ГГУ и шестидесятичетырехлетнему человеку, назвать черным то, что он только что называл белым, и совершить обязательный обряд публичного покаяния в своих ошибках.

После выступления Сталина и начала перестроечной работы в ГГУ А.В. Миртов становится главной мишенью для критики как со стороны ближайших коллег, так и со стороны людей, далеких от языка. Так, вскоре после выхода статьи Сталина «Относительно марксизма в языкознании» и. о. зав. кафедрой марксизма-ленинизма И.П. Белоусов заявил на ученом совете ГГУ, что конкретным проводником марровских заблуждений в университете был не кто иной, как профессор А.В. Миртов, который читал целый курс об этом учении. На открытом партсобрании ГГУ 25 октября 1950 г. очень резко и обидно для Алексея Васильковича высказался декан радиофака Я.Н. Николаев: «Профессор Миртов, руководитель кафедры русского языка и общего языкознания, сам является последователем Марра, и доклад его на ученом совете был неудовлетворительный»⁷⁸. Доходит до того, что в про-

токоле общеуниверситетского партсобрания отмечается: профессор Миртов читает лекции без плана. В связи с этим понятно, что именно занятия и учебные разработки Миртова подверглись наиболее тщательному инспектированию на предмет соответствия духу и букве сталинского учения о языке. В течение 1950 /51 уч. г. на его лекциях побывало более 70 проверяющих, которые нередко упрекали А.В. Миртова в методологических ошибках, т.е. фактически намекали на то, что профессор все еще не освободился от влияния «порочного и антимарксистского» учения Марра. А профессор биологического факультета Е.М. Воронцов на ученом совете университета, посвященном вопросам перестройки, предложил ректорату поставить вопрос об изучении «методологических основ А.В. Миртова», поскольку они, по его мнению, «сомнительны»⁷⁹.

В архивных документах мы обнаружили следы некрасивой, с нашей точки зрения, истории, которая доказывает, что даже на руководимой им кафедре вокруг А.В. Миртова сложилась атмосфера если не травли, то недоброжелательства. На одном из заседаний ученого совета историко-филологического факультета уже в 1952 году⁸⁰ доцент кафедры русского языка В.Н. Зиновьев заявил, что между ним и Миртовым более года ведется принципиальный спор, который должен быть вынесен за рамки кафедры. Зиновьев упрекнул Миртова в том, что тот по-прежнему считает семантику языка преобладающей над его внутренними законами. В подтексте — обвинение в следовании марровской линии, ведь Марр утверждал, что главное в языке — семантика и именно ее должен изучать лингвист. В.Н. Зиновьев доводит до сведения совета, что студент Штутман пишет у Миртова работу на «крамольную» тему: «Семантическая группа предлогов». В.Н. Зиновьев критически отзываясь также о теме, которую А.В. Миртов предложил своему аспиранту А.А. Золотареву: «Языковые средства выражения числа и меры в русском языке». С точки зрения сегодняшнего дня, тема очень интересная и перспективная, но тогда от нее веяло духом Н.Я. Марра, на что прозрачно намекает Зиновьев. Из выступления присутствующего на данном совете аспиранта А.А. Золотарева становится ясно, что он втайне от своего научного руководителя ездил в Москву к акад. В.В. Виноградову «советоваться» насчет предложенной ему темы и В.В. Виноградов высказался против нее, так что какое-то время у А.А. Золотарева было две темы: одна, данная ему А.В. Миртовым, и вторая, сформулированная якобы с помощью Виноградова, — «Уменьшительно-ласкательные суффиксы существительных». Получается, что ученик ездил в Москву к руководителю Института языкознания АН СССР фактически жаловаться на своего учителя, прекрасно сознавая, что тем самым дает повод усомниться в искренности признания последним своих прошлых

ошибок. Аспирант без тени смущения, наоборот, с чувством выполненного долга поведал эту историю членам совета. Ответные слова А.В. Миртова на этом собрании звучат очень горько, потому что именитый профессор оправдывается в том, в чем он не должен оправдываться, и признается в страхе перед окриком начальства: «Я уступил тему Золотарева, но я не должен был бы ее уступать, я смалодушествовал. Тема была интереснейшая, она в плане работы Энгельса «Происхождение семьи...», и русский язык дает для нее громадный материал. Тему интерпретировали в плане «марровских гаданий»...»⁸¹.

Конечно, в поведении и выступлениях А.В. Миртова в период антимарровской кампании есть то, что называется «конъюнктурщиной». Например, оправдываясь по поводу пресловутого «марровского» курса, А.В. Миртов (кстати, беспартийный) говорит: «...читая в прошлом году курс «Нового учения о языке Марра», я был убежден, что мыслю и читаю проблемы языкознания именно как марксист», — и тут же признается в благотворном действии на него трудов Сталина, которые «не оставили камня на камне от вульгаризаторских извращений марксизма в марровском учении о языке»⁸². Такое мгновенное просветление умудренного опытом профессора-лингвиста вряд ли можно назвать естественным. Но мы ни в коем случае не бросим камня в А.В. Миртова, поскольку убеждены: таково было то драматичное время, которое заставляло людей поступаться принципами, приспособляться в страхе за себя и за своих близких. А.В. Миртов оправдывался, но не пытался «свалить» хотя бы часть вины на кого-то из коллег по кафедре. В 1950 году он по собственному желанию ушел с заведования кафедрой, хотя продолжал вести на ней преподавательскую деятельность, однако уже в марте 1951 года был вновь утвержден в должности заведующего, которую исполнял практически до ухода на пенсию в 1961 году, несмотря на плохое здоровье, занятость и неоднократные просьбы о замене; значит, кафедра и университет нуждались в нем.

Иван Андреевич Калинин (1904 г.р.) — выходец из семьи крестьянина — высшее образование получил, учась сначала в Московском литературно-художественном институте им. В. Брюсова, потом, после его закрытия в 1925 году, в Ленинградском университете на факультете языкознания и материальной культуры. В 1933 году он поступил в аспирантуру при кафедре русского языка Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, весной 1936 года защитил диссертацию, получив ученую степень кандидата филологических наук и звание доцента. Своим учителем Иван Андреевич считал проф. М.Н. Петерсона, который, что для нас важно, был одним из оппонентов Н.Я. Марра. И.А. Калинин начал работу в Горьковском педагогическом институте с 1938 года. и в тече-

ние 27 лет возглавлял кафедру русского языка. По воспоминаниям студентов и коллег, это была незаурядная личность. И.А. Калинина отличали необыкновенная ясность ума, строгость и четкость мышления, бескомпромиссность и порядочность. Эти качества в полной мере проявились в описываемых здесь событиях и во многом определили обстановку на кафедре русского языка и факультете языка и литературы в целом как в период экспансии марризма, так и во время его развенчания.

В конце 40-х годов, особенно в 1949-м, когда «новое учение о языке» наиболее интенсивно внедрялось в учебные курсы, кафедра русского языка ГГПИ, благодаря усилиям И.А. Калинина, в основном осталась в русле традиционной лингвистики. Его лекции по русскому языку в духе того времени были описательными, никакие особые научные проблемы в них не освещались, но читались они на высоком научном уровне и имели четкую профессиональную направленность. Имя Марра в них не упоминалось, не находили отражения и специфические идеи яфетической теории. Это не оставалось незамеченным: И.А. Калинина нередко упрекали в формализме, которым он «наполнял» и студентов⁸³, а это было тогда достаточно серьезным обвинением, поскольку «формалистической» была объявлена лингвистика, противостоящая теории Марра, «антимарксистская», к тому же И.А. Калинин не скрывал своего благодарного отношения к проф. М.Н. Петерсону. Независимость и твердость поведения И.А. Калинина в тот период проявляется в мелочах, но эти мелочи знаменательны. Например, в то время как в вузе была объявлена борьба с космополитизмом и преподаватели должны были следить друг за другом, посещая занятия коллег, кафедра русского языка попросту отказалась от таких взаимопосещений, следуя примеру заведующего. И.А. Калинин прямо заявил, что находит такие мероприятия ничего не дающими, бесполезными⁸⁴. Еще мелочь: давая отзыв о программе по лингвистическим дисциплинам для филологического факультета ГГУ (1948 – 1949 гг.), И.А. Калинин ни единым словом не упоминает труды Н.Я. Марра и его последователей, зато рекомендует увеличить раздел библиографии работами В.В. Виноградова, у которого, как известно, были очень сложные отношения с «марристами»⁸⁵. Такая позиция заведующего, конечно, затрудняла «идейно-воспитательную» работу на кафедре русского языка, члены которой в подавляющем большинстве своем были беспартийными. Поэтому Г.А. Серебровский, преподаватель этой кафедры и единственный член ВКП(б), возмущенно заявил на партсобрании ГГПИ 5 апреля 1949 года: «Доцент Калинин – ученик Петерсона, этого ярого формалиста. Калинин настроен наплевательски... Нужно освобождать таких людей от работы в институте...»⁸⁶

И.А. Калинина не только не уволили, но и никак не наказали за «диссидентство», потому что это был один из ценнейших и по-настоящему незаменимых работников института. А после 20 июня 1950 года (выступление Сталина в «Правде») кафедра русского языка ГГПИ оказалась в самом выигрышном положении по сравнению с аналогичными кафедрами в ГГУ и ГГПИИЯ, потому что ее руководитель с полным правом мог заявить где угодно, что во вверенном ему коллективе не было апологетики Марра и его теории. Благодаря твердости своего характера, принципиальности, смелости И.А. Калинин избежал той тяжелой ситуации, когда ученый должен в угоду конъюнктуре на сто восемьдесят градусов менять свои научные воззрения.

Александр Александрович Чемоданов, зам. директора Горьковского педагогического института иностранных языков по учебной и научной работе, был, пожалуй, единственным лингвистом, серьезно пострадавшим в результате дискуссии по вопросам языкознания. Этот человек не имел ученых степеней и званий, но окончил два вуза и аспирантуру, был высокообразованным, глубоко знающим свой предмет языковедом. Его бывший студент, уже упоминавшийся нами профессор В.П. Киселев вспоминает: «С детства пораженный полиомиелитом, красивый мужчина, он с трудом передвигался и внушал сострадание. Как-то он признался своему талантливому ученику и другу Алексею Васильевичу Потехину:

— Знаешь, Леша, о чем я больше всего мечтаю, чего больше всего хочу?

— Нет. Скажите.

— Первого Мая или в Октябрьскую со всеми вместе прийти на демонстрацию и прошагать в колонне от начала до конца».

А.А. Чемоданов возглавлял кафедру языкознания в ГГПИИЯ, занимался вопросами общей теории языка, был одним из авторов известного в то время учебника по введению в языкознание. Его служебное положение и область преподавания во многом обусловили ту активную роль, которую А.А. Чемоданов играл в период внедрения марнизма. Как следует из официальных документов⁸⁷, 17 июня 1950 года он был командирован в Министерство просвещения и в Министерство высшего образования СССР, чтобы решить вопрос по утверждению штатов института, и отсутствовал два месяца. Случилось так, что как раз в это время вышла статья Сталина, вся страна обсуждала ее. Крупнейшему в регионе лингвистическому институту тоже нужно было высказаться, тем более что позиции «нового учения о языке» были там очень сильны и руководство института проявляло понятное беспокойство в связи с этим. Все ожидали возвращения А.А. Чемоданова и его участия в решении общих проблем, но он не появился в Горьком вплоть до 18 августа. А.А. Чемоданов не смог представить в

свое оправдание никаких официальных документов (справки от врача). Сейчас можно только предполагать, что могло быть реальной причиной его отсутствия: болезнь, как утверждал сам Александр Александрович, опасение за себя как активного пропагандиста Марра, увлечение алкоголем (известная его слабость) или что-то еще. Факт тот, что возникло персональное дело: члена партии А.А. Чемоданова обвинили в двухмесячном прогуле, который привел «к отсутствию организации преподавателей института для обсуждения сталинской дискуссии на страницах центрального органа партии «Правды» по вопросам языкознания»⁸⁸, в безответственном отношении к учебной и научной работе в институте, в уклонении от участия в приеме студентов нового набора, в игнорировании критики. Дело Чемоданова рассматривалось на общем партийном собрании ГГПИИЯ 21 сентября 1950 года, секретарь партбюро Е. Генке просила пересмотреть прежнее «мягкое» решение партбюро вуза об объявлении А.А. Чемоданову строгого выговора с предупреждением и о постановке перед директором института вопроса о целесообразности дальнейшего пребывания Чемоданова на работе в ГГПИИЯ. На собрании говорилось о том, что А.А. Чемоданов в течение двух последних лет плохо исполнял обязанности преподавателя и заместителя директора, однако ни один официальный документ такой оценки не подтверждает, наоборот, из них явствует, что директор института и партком были вполне удовлетворены его работой. Это косвенным образом подтвердил и один из выступавших, заметив, что в проступке Чемоданова виноваты «директор, партком и парторганизация, которые не приняли к Чемоданову строгих мер раньше, а *захваливали* его [выделено мной. — Авт.]»⁸⁹. Таким образом, предвзятость собрания по отношению к обвиняемому, безусловно, была. Александр Александрович просил только об одном: не исключать его из партии, чтобы он мог «искупить вину» в Тульском институте, куда его направляло министерство. Ни один из бывших коллег в прениях не поддержал его просьбу и не выступил в его защиту, тем не менее общее партсобрание ГГПИИЯ вынесло решение о строгом выговоре с предупреждением и с занесением в личную карточку, но не об исключении А.А. Чемоданова из партии. Высказаться по этому делу должно было бюро Свердловского райкома ВКП(б), которое отменило решение общего партийного собрания ГГПИИЯ и постановило исключить А.А. Чемоданова из партии⁹⁰. Окончательный приговор вынесло бюро горкома. На этом заседании в качестве представителя института присутствовал уже названный нами В.П. Киселев, бывший тогда заместителем секретаря партбюро ГГПИИЯ. Приведем его впечатления от этого заседания: «Поскольку речь шла не о рядовом сотруднике, а о втором лице в институте, представлять его на этом заседании должен был

директор института или секретарь партбюро. Но они почему-то уклонились и предпочли послать меня. Я только потом догадался, что они меня просто подставили. Никаких документов и наставлений я не получил. «Иди, будешь присутствовать». Каюсь, что согласился. Если бы я знал, чем все это кончится! Каюсь, что промолчал на этом заседании. Правда, меня никто и ни о чем не спрашивал (что там какой-то студент может сказать?). Вел заседание первый секретарь горкома Тузов, ставший позднее ректором политеха. Выступил в ходе обсуждения первый секретарь райкома Каргопольцев П.Г. Он запомнился мне тем, что слово «госбезопасность» писал не иначе как с большой буквы. Говорил сурово, беспощадно. Никто не выступил в защиту Чемоданова. Промолчал подло, по трусости и я. А должен был встать и как-то попытаться защитить Чемоданова».

Решением бюро горкома А.А. Чемоданов был исключен из членов партии, что в те годы не случайно называлось «политическим расстрелом». А.А. Чемоданов уехал в Тулу на рядовую преподавательскую работу, жил в общежитии в полном одиночестве, потому что семья оставалась в Горьком. Он запил и, видимо, находясь в состоянии тяжелой депрессии, покончил с собой. Увольнение А.А. Чемоданова фактически было следствием его собственного серьезного служебного проступка — двухмесячного прогула. В то же время наказание могло быть менее суровым и последствия менее трагичными, если бы не особая политическая обстановка, сложившаяся в связи с выступлением И.В. Сталина по вопросам языка.

Выводы

Подведем итоги. Выше была представлена общая картина предистории, хода и результатов дискуссии по вопросам языкознания 1950 года, вызванной сложным положением в советском языкознании в связи с экспансией «нового учения о языке» академика Н.Я. Марра. Обследованные нами архивные материалы позволяют заключить, что реакция «на местах», в частности в г. Горьком, в основном полностью определялась теми сигналами к действиям, которые шли из центра. «Схема», по которой проходила реорганизация работы горьковских вузов (ГГУ, ГГПИ, ГГПИИЯ), в целом была единой: обсуждение статей И.В. Сталина в «Правде», организация «общенародного» изучения и пропаганды данных материалов в форме лекций, семинаров, конференций, корректировка учебных курсов, программ, пособий, корректировка планов научной работы преподавателей и студентов. Сама дискуссия о языке на страницах центральной печати, при несомненной идеологической подоплеке, имела характер научной. Однако те формы, которые она приняла после выступления И.В. Сталина и в центре, и на периферии страны, свидетель-

ствуют о последующем преобладании идеологии над собственно лингвистической проблематикой. Именно в силу этого были незаслуженно дискредитированы некоторые идеи Марра, особенно интересно и продуктивно развивавшиеся в трудах его талантливых учеников и, кстати, принятые современной лингвистикой. Между тем вузы г. Горького располагали высококвалифицированными кадрами языковедов, таких, как А.В. Миртов, И.А. Калинин, В.Н. Зиновьев, А.А. Чемоданов и др., которые обладали прекрасной школой лингвистической подготовки, были известны и пользовались авторитетом в центральных научных кругах. Нет сомнения в том, что в условиях свободы мнений эти научные силы могли бы оценить и творчески использовать те возможности, которые открывала дискуссия для интенсивного развития науки. Этому помешали оставшиеся незыблемыми и после поражения марризма идеологические догмы, обусловившие самоизоляцию советской лингвистики от новейших достижений мировой науки.

Непременным атрибутом идеологических дискуссий в советской науке середины XX века была критика и самокритика, во многом носящая ритуальный характер, использующаяся для поиска виновных и, нередко, для сведения личных счетов, из «карьерных» соображений. Не стала исключением и лингвистическая дискуссия. Ритуал критики и самокритики был полностью соблюден в описанных здесь «горьковских» событиях. Наиболее частотными оценками усилий коллективов лингвистических кафедр и других работников вузов г. Горького являются такие, как: «плохо», «слабо», «недостаточно». Для выражения положительной оценки обычно использовалась формула «проведена большая работа». Нами было показано, что ритуал критики и самокритики не был вполне формальной процедурой; люди испытывали сильнейшие психологические стрессы, произнося слова покаяния и слушая весьма жесткие и не всегда справедливые высказывания о себе.

В горьковских вузах не было административных наказаний тех или иных лиц в связи с перестройкой в языкознании. Весьма способствовало этому то обстоятельство, что как промарровская, так и антимарровская кампании были «наведенными» в провинцию из центра, на который ложилась, таким образом, основная ответственность. Кроме того, авторитет заведующих кафедрами языка в ГГУ и ГГПИ был столь высок, что его не могли поколебать никакие критические высказывания. Думается, что и трагедии А.А. Чемоданова могло не быть, если бы не факт его двухмесячного необоснованного отсутствия в вузе.

На фоне общих закономерностей последствия дискуссии по проблемам языкознания в каждом из названных здесь вузов г. Горького имели свои особенности, которые определялись тем, насколько глу-

боку проникло учение Марра в учебно-идеологическую деятельность кафедр и факультетов. А это, в свою очередь, во многом зависело от личностных особенностей научных лидеров и степени участия идеологического аппарата вузов в «языковых кампаниях». Во всяком случае, нам представляется закономерным, что последствия дискуссии в ГГПИИЯ оказались наиболее серьезными: все события до и после дискуссии проходили там под жестким контролем партийно-административных органов, а специалисты-языковеды выступали послушными исполнителями директив центра. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что это был единственный вуз, имеющий исключительно языковой профиль.

Изучение истории советского языкознания первой половины XX века, особенно материалов дискуссии по проблемам языкознания, как с позиций центризма, так и с позиций регионализма приобретает все большую актуальность не только по причинам, обозначенным нами вначале, но еще и в связи с усиливающимся интересом к незаурядной личности Н.Я. Марра и его оригинальной концепции. Кроме того, данный материал представляет интерес в плане преподавания и должен получить более полное отражение в вузовских курсах истории языкознания. Объективное осмысление истории марризма и связанных с ней событий не только расширит и углубит лингвистические знания студентов, но и поможет им осознать, что научное видение языка и задач языкознания обусловлено развитием общественного сознания в форме философских, религиозных, политико-идеологических, культурологических идей в соответствующий период времени. Историко-лингвистические материалы, связанные с «новым учением о языке», в том числе и регионального характера, будут способствовать воспитанию толерантности к альтернативным научно-мировоззренческим позициям, заставят молодых специалистов почувствовать, как осторожен должен быть лингвист, моделирующий по данным языка духовный облик нации или социума.

---

¹ Касьян А.А. Центризм и регионализм как исследовательские подходы к истории науки // Социальные конфликты. М., 2000. Вып. 17.

² Помимо русского и грузинского, Н.Я. Марр (грузин по матери) владел немецким, французским, английским, латинским, древнегреческим, турецким, армянским, персидским, арабским, татарским и др. языками, практически изучал все языки Ближнего Востока и Кавказа.

³ Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 11.

⁴ Марр Н.Я. Извлечения из работ // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. С. 287.

⁵ Марр Н.Я. Язык // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология / Сост. В.Н. Базылев, В.П. Нерознак. Под общ. ред. В.П. Нерознака. М., 2000. С. 178.

- ⁶ Процесс образования и развития языка.
- ⁷ Марр Н.Я. Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком // Сумерки лингвистики... С. 195.
- ⁸ Марр Н.Я. Почему так трудно стать лингвистом // Сумерки лингвистики... С. 188 – 189.
- ⁹ Марр Н.Я. Язык // Сумерки лингвистики... С. 178.
- ¹⁰ Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. Изд. 3-е, испр. и доп. М. – Л., 1949. С. 404 – 405.
- ¹¹ Указ. соч. С. 457.
- ¹² Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 81 и далее.
- ¹³ Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр... С. 388.
- ¹⁴ Ломтев Т.П. За марксистскую лингвистику // Сумерки лингвистики... С. 92.
- ¹⁵ Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947 – 1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники, 1997. № 4. С. 48.
- ¹⁶ Алпатов В.М. История одного мифа... С. 42.
- ¹⁷ Алпатов В.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 229; Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр... С. 342, 351.
- ¹⁸ Звегинцев В.А. Что происходит в советской науке о языке // Сумерки лингвистики... С. 473.
- ¹⁹ Звегинцев В.А. Что происходит в советской науке о языке // Сумерки лингвистики... С. 481.
- ²⁰ Медведев Р.А. Сталин и языкознание // Вестник Российской академии наук. 1997. Т.67, № 11. С. 1035.
- ²¹ Аничков И.Е. Очерк советского языкознания // Сумерки лингвистики... С. 447.
- ²² Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии... С. 48.
- ²³ Алпатов В.М. История одного мифа...
- ²⁴ Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1949. Т. VIII, вып. 4. С. 376, 377.
- ²⁵ Алпатов В.М. История одного мифа... С. 151.
- ²⁶ Там же. С. 141.
- ²⁷ ГОПАНО. Ф. 275. Оп. 6. Д. 45.
- ²⁸ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 338. Л. 22 об.
- ²⁹ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 338. Л. 23 об.
- ³⁰ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 338. Л. 42 об.
- ³¹ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 338. Л. 42 об.
- ³² Впечатление д. филол. н., проф. ННГУ им. Н.И. Лобачевского И.К. Кузьмичева.
- ³³ Воспоминания были любезно предоставлены дочерью С.А. Серебряковой, канд. филол. наук, доцентом кафедры русского языка Нижегородского государственного педуниверситета Л.Е. Холодиловой.
- ³⁴ ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1а. Д. 18. Л. 38 об.
- ³⁵ ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1а. Д. 18. Л. 38, 120.
- ³⁶ ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1а. Д. 17. Л. 59, 67.
- ³⁷ ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1а. Д. 17. Л. 72 – 74.
- ³⁸ ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1а. Д. 17. Л. 73 – 74.
- ³⁹ ГОПАНО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 34. Л. 5 об., 6, 22.
- ⁴⁰ ЦАНО. Ф. 2595. Оп. 1. Д. 98. Л. 10.
- ⁴¹ К сожалению, в архиве не сохранилось материалов этого заседания.
- ⁴² ГОПАНО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 35. Л. 52.
- ⁴³ ГОПАНО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 51. Л. 4.
- ⁴⁴ ГОПАНО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.
- ⁴⁵ ГОПАНО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 51. Л. 6 об.
- ⁴⁶ Подробная, документально насыщенная информация о подоплеке и ходе дискуссии по вопросам языка и языкознания, о возможных причинах неожиданного интереса И.В. Сталина к лингвистике содержится в книгах: Горбаневский М.В. В

начале было слово... Малоизвестные страницы истории советской лингвистики. М., 1991; Алпатов В.М. История одного мифа...

⁴⁷ Сталин И. Относительно марксизма в языкознании. К некоторым вопросам языкознания. М., 1950. С. 5.

⁴⁸ Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 261.

⁴⁹ Марр Н.Я. Извлечения из работ // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. С. 282.

⁵⁰ Горбаневский М.В. В начале... С. 147 — 153.

⁵¹ Аванесов Р.И. И.В. Сталин о языке и диалектах // Русский язык в школе. 1951. № 1. С. 1.

⁵² Бархударов С.Г. Итоги и перспективы перестройки языковедческой работы в свете сталинского учения о языке // Русский язык в школе. 1951. № 5. С. 1.

⁵³ Иванчикова Е. Обсуждение книги акад. И.И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» // Русский язык в школе. 1952. № 3. С. 83.

⁵⁴ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 518.

⁵⁵ Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии... С. 29.

⁵⁶ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 360. Л. 89.

⁵⁷ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 525. Л. 17.

⁵⁸ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 525. Л. 19.

⁵⁹ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 360. Л. 93 об.

⁶⁰ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 513. Л. 41.

⁶¹ Стенограмма выступлений и тезисы докладов. ГОПАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 554, 555, 557.

⁶² ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 555. Л. 36а.

⁶³ ЦАНО. Ф. 3а. Оп. 28. Д. 49. Л. 14.

⁶⁴ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 8. Д. 204. Л. 16.

⁶⁵ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 8. Д. 167. Л. 69.

⁶⁶ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 8. Д. 167. Л. 72.

⁶⁷ ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1а. Д. 19. Л. 20.

⁶⁸ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 8. Д. 144. Л. 44 об.

⁶⁹ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 8. Д. 144. Л. 48.

⁷⁰ ЦАНО. Ф. 2595. Оп. 1. Д. 99. Л. 66, 66 об.

⁷¹ ЦАНО. Ф. 2595. Оп. 1. Д. 99. Л. 66 об.

⁷² ГОПАНО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 51. Л. 60.

⁷³ ГОПАНО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 51. Л. 64.

⁷⁴ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 502. Л. 60.

⁷⁵ В.П. Киселев окончил ГГПИИЯ в 1950 году и в описываемый здесь период был ассистентом кафедры немецкого языка.

⁷⁶ ЦАНО. Ф. 2595. Оп. 1. Д. 98. Л. 31.

⁷⁷ Используются данные личного дела. ЦАНО. Ф. 337. Оп. 8а. Д. 50.

⁷⁸ ГОПАНО. Ф. 275. Оп. Д. 43.

⁷⁹ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 513. Л. 36.

⁸⁰ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 502. Л. 133 и далее.

⁸¹ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 502. Л. 138.

⁸² ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 468. Л. 14.

⁸³ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 338 (протокол № 9).

⁸⁴ ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1а. Д. 18. Л. 38 об.

⁸⁵ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 344. Л. 19.

⁸⁶ ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1а. Д. 17 (протокол № 13).

⁸⁷ ГОПАНО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 51. Л. 51 и далее.

⁸⁸ ГОПАНО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 51. Л. 53 об.

⁸⁹ ГОПАНО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 51. Л. 52 об.

⁹⁰ ГОПАНО. Ф. 786. Оп. 1. Д. 56. Л. 25.

Глава 4

ФИЗИОЛОГИЯ ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПСИХОЛОГИЯ

Сессия двух академий

Начиная с 1947 года, в отечественной истории прошло пятилетие, характеризующее пристальным вниманием советского руководства к науке. Создается впечатление, что эта кампания была смотрам научного потенциала страны, задачи которого состояли в выявлении эффективных научных направлений, очищении от западных влияний и выработке оптимальных форм взаимодействия науки и власти, науки и практики.

Значимым событием этой кампании стала состоявшаяся 28 июня — 4 июля 1950 года совместная научная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова. Инициатива созыва сессии исходила от президента Академии наук СССР академика С.И. Вавилова и президента Академии медицинских наук СССР академика Н.Н. Аничкова. 22 мая 1950 года они направили Сталину совместное письмо, где говорилось, что в обе академии «поступили многочисленные сигналы о неблагополучном положении, сложившемся в деле дальнейшей разработки в нашей стране проблем павловской физиологии. Научные идеи академика Павлова развиваются и используются крайне слабо, как в области физиологии, так и в медицине. Имеются попытки ревизовать и отвергнуть важнейшие положения передовой павловской физиологии. В настоящее время необходимо уяснить дальнейшие пути развития павловского учения и подвергнуть критике враждебные этому учению взгляды»¹.

В письме содержались соображения о порядке проведения сессии, основных докладчиках. Приводился также весьма значительный список трудов И.П. Павлова, предназначенных для публикации в газетах «Правда», «Культура и жизнь», «Медицинский работник». Спустя четыре дня Политбюро приняло решение о проведении павловской сессии, не внося в предложения С.И. Вавилова и Н.Н. Аничкова никаких изменений. Таким образом, партийное руководство придало инициативе, исходящей из научного сообщества, статус официально признанной.

Основная задача сессии АН СССР и АМН СССР — придать учению И.П. Павлова парадигмальный характер. Эта задача детализировалась в различных направлениях: в философско-мировоззренческом — как создание единой научной картины мира во взаимодействии марксистской философии и достижений отечественной науки; в идеологическом — как утверждение приоритета советских (российских) физиологов; во врачебной теории и практике — как создание единой рационализированной научной системы медицинского знания; в сфере психологической науки — придание ей строго материалистического характера.

Широкой дискуссии на сессии предшествовало вступительное слово президента АН СССР С.И. Вавилова, который обозначил задачи советской науки: «Наследники Павлова, его ученики, сотрудники, продолжатели его дела обязаны в меру всех своих сил развивать гениальные достижения своего учителя. Это — обязательное требование для правильного хода науки, особенно для науки социалистического государства. Мы привыкли и научились планировать исследовательскую работу. Если мы не в состоянии предугадывать заранее творчество Менделеевых и Павловых, то с вершин итогов их деятельности открываются широчайшие перспективы, позволяющие осуществлять рациональное планирование науки. Наша обязанность — идти по павловскому пути, по важнейшему, несомненному, намеченному, показанному им пути. В этом направлении совершенно очевидны новые перспективы громадного значения для теории и практики»².

С.И. Вавилов выразил обеспокоенность тем, что «центр работы советских физиологов, сосредоточившихся в наиболее крупных научных учреждениях, значительно переместился в сторону от Павловского учения»³. В выступлении президента Академии наук не было прямых конкретных обвинений. Они прозвучали в выступлении вице-президента АМН СССР И.П. Разенкова и были направлены на учеников И.П. Павлова, руководивших крупными научными организациями: Л.А. Орбели (Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова), П.К. Анохина (Физиологический институт АМН СССР), А.Д. Сперанского (Институт общей и экспериментальной патологии). Основной доклад был сделан академиком К.М. Быковым, возглавлявшим Институт физиологии центральной нервной системы.

В докладе К.М. Быкова выделяются три основные части: просветительская (как следует понимать учение И.П. Павлова), критическая и программная. В критической части доклада по сравнению с выступлением И.П. Разенкова поле критики было расширено: прозвучали новые имена и аргументы. В программной части были обозначены основные направления развертывания учения Павлова: соб-

ственно физиология высшей нервной деятельности, психология и комплекс медицинских наук (фармакология, курортное дело, экологическая физиология, физиология труда и спорта, психиатрия, клиническая медицина и др.).

В работе сессии принял участие профессор Горьковского медицинского института М.А. Усиевич. Его выступление можно было бы назвать «Взгляд из провинции». В создавшейся ситуации с павловским идейным наследием он выделил два аспекта — научный и учебный. Усиевич упрекнул Л.А. Орбели и К.М. Быкова за недостаточное использование потенциала учеников Павлова, работающих в многочисленных провинциальных вузах: на конференции их не приглашают, труды не публикуют. М.А. Усиевич, видимо, выступал от имени всех провинциалов. Что касается его лично, то ему грех было жаловаться на отсутствие внимания. В его личном деле есть несколько приглашений на павловские конференции, подписанных Л.А. Орбели и И.П. Разенковым⁴.

В учебном аспекте М.А. Усиевич высказал претензии Всесоюзному обществу физиологов, Министерству здравоохранения СССР и Министерству высшего образования СССР: действующая учебная программа по физиологии для медицинских вузов и для университетов неудовлетворительна с точки зрения внедрения павловского учения в физиологию и медицину, а новая редакция программы (февраль 1950 г.) оказалась формальной: «просто вычеркнуты все живые, оставлены только одни покойники. (Смех.) И на этом, по существу, составители программы... и ограничились»⁵.

В соответствии с устоявшимися нормами публичных дискуссий М.А. Усиевич называл конкретные имена, его критика была адресной. Но в критике конкретных виновников конкретных недостатков просматривалось указание на порок организации науки в масштабах страны, заключающийся в системной и пространственной асимметрии между столичной и провинциальной наукой.

В выступлении М.А. Усиевича не было ни жесткости, ни наклеивания ярлыков. К критикуемым он обращался по имени-отчеству, уравнивая замечания признанием реальных заслуг.

Имя М.А. Усиевича неоднократно упоминали участники конференции, в основном — одобрительно. Одни оценили его верность заветам Павлова. Другие — преимущественно «провинциалы» — выражали согласие с мыслью Усиевича о необходимости сломать барьеры между столичной и провинциальной наукой. Лишь С.М. Павленко (1-й Московский медицинский институт) высказал недовольство выступлением М.А. Усиевича: «...т. Айрапетянц... и т. Усиевич, который, как он сказал, преподает по какой-то особенной программе (кстати сказать, надо было бы посмотреть, что это за про-

грамма — не хуже ли она той, которую он критиковал), не сделали никакого предложения в смысле улучшения качества этих программ.

...Такое положение, когда человек критикует, но сам, имея для этого все возможности, ничем конкретно не помогает в этом нашем большом деле, не может быть признано правильным»⁶.

Таким образом, М.А. Усиевич был замечен, и это положительно сказалось на его карьере. Президиум АН СССР и Президиум АМН СССР постановили провести кадровые перестановки в руководстве центральными научными физиологическими институтами. Среди прочих кадровых изменений было отстранение П.К. Анохина от должности директора Института физиологии АМН СССР. Должность эту занял М.А. Усиевич⁷. Кроме того, он вошел в учрежденный при Президиуме АН СССР научный совет по проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова.

Таким образом, М.А. Усиевич второй раз стал преемником П.К. Анохина. Пятнадцать лет назад он принял из рук Анохина кафедру нормальной физиологии в Горьковском медицинском институте. Теперь — целый институт. На этом золотой дождь не кончился. В 1951 году М.А. Усиевич стал лауреатом Сталинской премии.

Сопоставление дискуссий по вопросам генетики (1948 г.) и по вопросам физиологии (1950 г.) позволяет обозначить некоторые сходства и различия между ними. Ясно, что в значительной степени сессия ВАСХНИЛ (август 1948 г.) служила эталоном для последующих подобных событий. Складывался некоторый стереотип научной коммуникации, который, впрочем, определялся не только характером отношений в системе «наука—власть», но и социально-психологическими установками, и особенностями внутридисциплинарных научных отношений.

На павловской сессии звучала традиционная для того времени риторика: о необходимости критики и самокритики, о борьбе с западными влияниями, о единственно верной марксистско-ленинско-сталинской методологии и т.д. и т.п. Но отличия от «генетической» дискуссии были существенными, и главное из них — более мягкая, взвешенная критика. В большинстве отдельных выступлений и в ходе сессии в целом критика в адрес Л.А. Орбели, А.Д. Сперанского, П.К. Анохина и других физиологов уравнивалась признанием их реальных заслуг. В значительной степени это объясняется изначальным согласием научного сообщества по основным проблемам физиологии, т.к. это сообщество состояло из учеников И.П. Павлова и учеников его учеников. Положительно сказалось на ходе дискуссии отсутствие непосредственного идеологического давления на ее участников со стороны власти, не было понукания к искусственной идеологизации дискутируемых вопросов.

Обвинения в низкопоклонстве перед западной наукой – традиционны для идеологических дискуссий того времени. Звучали они и на павловской сессии, но – не столь ожесточенно, как на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года. По сравнению с сессией ВАСХНИЛ водоразделы были обозначены иные. Т.Д. Лысенко поделил науку на буржуазную и советскую. В программном выступлении К.М. Быкова на павловской сессии сказано: «Вся физиология делится на допавловский и павловский этап»⁸.

Это означает, что ученые, подвергшиеся критике, тем не менее не выпадали из советского научного сообщества, их позиция в науке – ошибка, но не злонамеренная, их деятельность – проступок, но не преступление. В отличие от сессии ВАСХНИЛ 1948 года, павловская сессия не апеллировала к общественному мнению в вопросах научной истины.

Характерной особенностью научных дискуссий середины XX века было полноправное участие в них философов. Ангажированность философии проявлялась в личном участии философов-профессионалов и в использовании философских идей, понятий, аргументов представителями частных научных дисциплин. В павловской сессии приняли участие сотрудники Института философии АН СССР Г.Ф. Александров, С.Л. Рубинштейн, А.А. Максимов, И.И. Новинский, С.А. Петрушевский. Но реально оказать влияние на ход сессии могли только Г.Ф. Александров и С.Л. Рубинштейн, озвучившие свои доклады. Выступления остальных на сессии не состоялись, но были опубликованы в стенографическом отчете.

Сравнение философского дискурса сессии ВАСХНИЛ 1948 года и павловской сессии позволяет сделать некоторые выводы: философская культура физиологов выше, чем у представителей лысенковско-михуринской биологии. Видимо, сказался опыт сессии ВАСХНИЛ, поднявшей интерес научной общественности к философии. Выступление Г.Ф. Александрова на павловской сессии, по сути, сходно с выступлением М.Б. Митина на сессии ВАСХНИЛ, т.е. сводилось к навешиванию «ярлыков», разъяснению, «кто есть кто» в западной и отечественной науке с точки зрения марксистской философии. Г.Ф. Александров оставил без внимания реальные заслуги критикуемых физиологов, сосредоточившись на некоторых их высказываниях, в которых ученики Павлова отмечали взаимодействие идей, методов павловской и западной физиологии по различным проблемам. В выступлении Г.Ф. Александрова любое несогласие с идеями Павлова выглядит как преступление: «...Против Павлова организован целый поход со стороны американских и английских мракобесов от науки. Ведь факт, что академик Орбели до сих пор не выступил публично против врагов Павлова, против врагов его мате-

риалистического учения. Не секрет также, что в 1943 году в книге «Физиология и нервная система» такой отъявленный мракобес, как реакционный американский физиолог-идеалист Фултон, прямо называет академика Бериташвили своим союзником в критике Павлова. Это общеизвестный факт. А между тем академик Бериташвили до сих пор не считал нужным не только защитить учение Павлова от нападок со стороны фултонов и шеррингтонов, но хотя бы отмежеваться от таких «союзников». Не ясна ли после этого вся цена уверенний проф. Анохина, будто бы академик Бериташвили — «лучший знаток и истолкователь Павлова». Не ясно ли также, что проф. Анохин исходит здесь не из интересов развития учения Павлова, а из чисто групповых антипавловских соображений»⁹.

Речь Г.Ф. Александрова — одна из самых ожесточенных среди прозвучавших на сессии. Метод построения обвинений просвечивает в тексте выступления. Сводится он, во-первых, к формальному сопоставлению текстов советских и западных физиологов и выявлению точек соприкосновения, согласия между ними. Во-вторых, каждый покусившийся на авторитет Павлова зачисляется в перебежчики.

Кроме критической составляющей в выступлении Г.Ф. Александрова обрисовывался философский портрет И.П. Павлова, который, как и научные его (Павлова) идеи, подлежал канонизации. Павлов — не «чистый натуралист», а сознательный сторонник научной материалистической философии. «Материальный мир рассматривался Павловым как объективная реальность, отражаемая сознанием человека, а ощущение, восприятие, представление, понятие и вообще сознание человека он безоговорочно, с полным убеждением принимает за отображение этой объективной реальности, за субъективный образ объективного мира»¹⁰. В познании мира значимы только логика и разумное проникновение в законы природы, а не некая «интуитивистская чепуха». Познание человека не имеет границ, и цель его — освоить мир, научиться управлять биологическими явлениями. «Павлов доказал, что высшая нервная деятельность животного, все содержание психической жизни человека формируется и складывается под влиянием конкретных условий жизни и не зависит от расовых особенностей»¹¹. В чертах этого портрета явно видны идеологические установки того времени и стремление воспитать научное сообщество на конкретных образцах.

В канонизации И.П. Павлова, его учения, его мировоззрения была большая фальшь: функционеры от науки «подправили» его в соответствии с идеологическими канонами. Без замалчивания подлинных взглядов Павлова или их вольной идеологической интерпретации вряд ли великий физиолог мог стать знаменем, символом советской науки. Павлова превратили в пламенного борца с буржуаз-

ной «лженаукой». В действительности же Павлов считал науку межнациональным явлением, существующим вне политических и идеологических границ. Другое дело — ученый, вынужденный считаться с социально-политическими реалиями.

В личном деле П.К. Анохина есть копия ходатайства И.П. Павлова о направлении Петра Кузьмича на Международный физиологический конгресс (Рим, 1932 год): «Для его дальнейшей деятельности имело бы громадное значение участие в Международном Физиологическом конгрессе, когда наша мысль в короткое время заполняется массой новых фактов и идей и когда особенно возбуждающе действует на нее непосредственный личный контакт с деятелями избранной нами специальности»¹².

Как и в ходе сессии ВАСХНИЛ 1948 года, павловская сессия двух академий приняла постановление, сформулировав основные принципы, следование которым означало, что ученый стоит на правильном пути. Перечислим основные из этих принципов: организм есть единое целое; обусловленность всех форм жизнедеятельности сложного организма, в том числе и психической деятельности, условиями существования; все важные функции организма регулируются корой больших полушарий головного мозга¹³.

Павловское учение в Горьковском медицинском институте

Созыв павловской сессии не был неожиданностью для сообщества физиологов. Во-первых, потому, что назревшие проблемы активно обсуждались в партийной и профессиональной (биологической, медицинской) периодике, увеличилось количество публикаций павловских трудов. Во-вторых, психологически научное сообщество было готово к тому, что спорные вопросы решаются либо коллегиально высшим научным собранием, либо публичным высказыванием главного корифея советской науки. На заседании ученого совета Горьковского медицинского института (ГМИ) 12 мая 1950 года профессор Я.А.Лазарис сказал о создавшейся ситуации разделения мнений в современной физиологии: «В отношении взглядов Сперанского есть большие разногласия, ибо он преподавание патологической физиологии представляет иначе, чем в настоящее время. Этот вопрос решится, вероятно, в результате какой-то дискуссии»¹⁴.

Павловская перестройка медицинских наук и преподавания в ГМИ им. С.М.Кирова началась задолго до сессии двух академий. В значительной мере это объясняется тем, что кафедрой физиологии ГМИ заведовали ученики И.П. Павлова — П.К. Анохин и М.А. Усевич. Но дело не только в этом, но и в том, что теория Павлова действительно эффективна в объяснении многих физиологических процессов и в разработке теоретических и клинических вопросов медицины.

Пролистаем подшивку многотиражной газеты мединститута «Кировец» за несколько месяцев 1948 года (за 2 года до павловской сессии). 4 июня — редакционная статья к столетию великого ученого с изложением основных положений и информацией о использовании его учения в медицине. 8 сентября — статья М.А. Усиевича «Изучаем актуальные вопросы учения И.П. Павлова». 26 сентября — статья профессора А.И.Гецфера о Павлове. 17 сентября в актовом зале Горьковского сельскохозяйственного института проходит торжественное заседание, посвященное И.П. Павлову, с участием ученых всех горьковских вузов, общества естествоиспытателей, общества физиологов, биохимиков и фармакологов. Газета «Кировец» освещает это событие. 27 сентября — номер «Кировца» целиком посвящен И.П. Павлову: М.А. Усиевич выступил с воспоминаниями о И.П. Павлове, М.А. Гольденберг рассмотрел влияние идей И.П. Павлова на психиатрию.

Еще более полное представление о положении павловского учения в Горьковском медицинском дают стенограммы ученого совета ГМИ. На заседании ученого совета 12 мая 1950 года М.А. Усиевич докладывал о преподавании нормальной физиологии. Формальным поводом для включения в повестку дня ученого совета данного вопроса было организованное Министерством здравоохранения СССР совещание директоров медицинских вузов и институтов усовершенствования врачей, на котором был поставлен вопрос о преподавании физиологии и сформулированы установочные тезисы о положении в физиологической науке. Директор ГМИ доцент П.В. Кравченко информировал ученый совет института об этих установках, которые, кстати сказать, изрядно отличались от тех, что пару месяцев спустя будут сформулированы на сессии двух академий. Вот эти установки: «Учение Орбели есть развитие и продолжение учения Павлова, и потому здесь никаких разногласий или искусственного сближения не должно быть»¹⁵. В то же время «очень резкую отповедь министр (здравоохранения. — *Авт.*) дал Анохину, который выступил с нейрогуморальной регуляцией организма. Точно так же по заслугам получил Кисляков по этому же вопросу»¹⁶.

В своем выступлении М.А. Усиевич коснулся и этих вопросов — на кого из отечественных физиологов можно ориентироваться в преподавании: «учение Орбели [об адаптационно-трофической функции нервной системы и ее организующей роли в организме. — *Авт.*] и Сперанского мы не отрываем, а увязываем с учением Павлова о трофической функции нервной системы»¹⁷. Но главное в его докладе — утверждение основного теоретического принципа физиологии (нервизм) и осмысление структуры учебной дисциплины «физиология», ее положения в системе других преподаваемых студентам-ме-

дикам дисциплин. Нервизм Усиевич понимает как подчинение всей деятельности организма всеопределяющей роли нервной системы. Что касается соотношения собственно павловской физиологии и ее адаптации к задачам преподавания, то тут неизбежны расхождения, т.к. Павлов хотя и имел преподавательский опыт, но ему не приходилось учить «с нуля», учитывать уровень общебиологических знаний своих слушателей. Физиологу в мединституте приходится начинать изложение со свойств внутренней среды. Для этого необходимо, чтобы кафедры нормальной анатомии, гистологии и биохимии дали студентам информацию по своим дисциплинам до преподавания физиологии¹⁸. Другими словами, в связи с диктуемым сложившейся конъюнктурой выпячиванием на первый план физиологии другие общеобразовательные медицинские дисциплины понижались до статуса пропедевтических курсов. Разумеется, такое требование М.А. Усиевича вызвало недовольство его коллег с других кафедр.

Отметим это следствие искусственного возвышения павловской физиологии над другими смежными дисциплинами — нарушение естественного баланса между ними.

В увлечении основными задачами выступления М.А. Усиевич мало внимания обращал на традиционные идеологические вопросы, чем и заработал упрек заместителя директора института по научной работе профессора К.Г. Никулина в аполитичности и недостаточной критичности по отношению к различным метафизическим и идеалистическим системам¹⁹. Однако справедливости ради надо заметить, что и на рассматриваемом заседании ученого совета ГМИ, и позже, после объединенной сессии АН СССР и АМН СССР, всегда находился кто-то, кто формулировал такой упрек, но в подобных выступлениях не было эмоциональности, пафоса. Это делалось как будто для формы или для проверяющих, которые будут читать стенограммы. Никто на такие замечания не обижался и в серьезные оправдания не пускался. Впрочем, обвинения в аполитичности приобретали иное значение, когда употреблялись на официальном уровне. Например, ученый совет (19 мая 1950 г.) постановил уволить профессора Б.Г. Товбина и так обосновал свое решение: «Проф. Товбин привлекался к судебной ответственности якобы за взятку, полученную им от инвалида Отечественной войны. Суд оправдал проф. Товбина, но сам факт судебного разбирательства по данному вопросу является позорным фактом и несовместимым с высоким званием профессора Высшей школы.

Лекции, читаемые проф. Товбиным, аполитичны. Так, например, излагая главу о трахоме, проф. Товбин считал возможным умолчать о выдающихся работах советского ученого проф. Чирковского, удостоенного Сталинской премии»²⁰.

Реальной же причиной увольнения проф. Товбина была статья в «Правде» (14 мая 1950 г.) «Гордое одиночество» о кадровых недостатках в ГМИ, главный из которых — частная практика профессоров Гаркави, Гурвича, Цимхеса, Товбина. Подлинной причиной увольнения были даже не недостатки в работе этих людей (все это было известно ученому совету и раньше), а необходимость реагировать на статью в «Правде».

В отличие от событий двухлетней давности, связанных с сессией ВАСХНИЛ, вызвавших огромную активность научных коллективов, партийных органов всех уровней, средств массовой информации, последствия павловской сессии выглядели несколько скромнее. В газете «Горьковская коммуна» 5 и 6 июля 1950 года была размещена небольшая информация о ходе и заключительном заседании сессии АН и АМН СССР. 8 сентября в несколько строк сообщалось о том, что Городское лекционное бюро организовало цикл лекций для врачей и учителей по проблемам развития идей И.П. Павлова. Вот и все освещение сессии двух академий в масштабах города. Поскольку ни одно идеологическое событие не проходило без ведома городского партийного руководства, его относительную пассивность в сложившейся ситуации можно расценивать как передачу инициативы в руки научных, вузовских и медицинских коллективов. Тем не менее городское и районное партийное руководство не устранилось от проблем науки, внедрения павловских идей, отслеживая наиболее идеологически значимые аспекты этого процесса. Резолюции ученых советов институты, материалы центральных газет, касающиеся положения в горьковских вузах, направлялись в городское партийное руководство.

Отметим, что в ГМИ не было партийного собрания, посвященного павловской сессии. Лишь 17 октября 1950 года состоялось общее партийное собрание, где одним из пунктов повестки дня был вопрос о плане идейно-политической работы. Проблемы павловской перестройки прозвучали в ряду других задач идеологической деятельности. Гораздо больше внимания партийная организация ГМИ уделяла вопросам языкознания. Это может показаться странным для медицинского вуза. В действительности такое распределение внимания вполне объяснимо: для ученых мединститута проблемы физиологии имели профессиональную значимость и решались на ученом совете, а в вопросах языкознания из-за своей некомпетентности они выделяли лишь идеологические аспекты.

Сразу же после летних отпусков ученый совет ГМИ приступил к обсуждению материалов объединенной сессии АН СССР и АМН СССР (стенограмма №29 от 1 сентября 1950 г.). Основной доклад сделал непосредственный участник событий М.А. Усиевич. О своем выступлении на сессии он не говорил, а сосредоточился на вопросах

деятельности отечественных ученых. Из выступления Усиевича видно, что его оценки ведущих отечественных физиологов существенно изменились по сравнению с теми, которые он высказывал на ученом совете три месяца назад. «В конце июня мы явились свидетелями новой заботы нашей партии, руководимой мудрейшим из людей товарищем Сталиным, когда возникли опасения, что учение И.П. Павлова находится на неправильном пути, находится в ненадежных руках»²¹. Далее следует весьма детальная критика Л.А. Орбели. Об Анохине: «Он указывал, что Павлов только аналитик... но обобщающего синтетического учения Павлов не создал, и это вызвало такого рода представления, что именно он, Анохин, является ученым, которому и суждено якобы этот синтез осуществить»²². О Сперанском: у него есть заслуги перед павловским учением, но он пытался доказать, что его собственное учение является особой наукой в патологии и физиологии.

После доклада Усиевича было несколько выступлений с общими мотивами: сессия озвучила то, что мы давно ощущали — необходимость внедрения павловского учения в научно-исследовательскую и учебную работу. Была и самокритика, но довольно мягкая — за недооценку учения Павлова в области фармакологии и патофизиологии.

Было принято постановление: организовать изучение материалов сессии и павловского наследия; до 15 сентября пересмотреть планы научно-исследовательской работы; пересмотреть содержание лекций; в конце семестра провести клинико-теоретическую конференцию, посвященную развитию учения Павлова; кафедре основ марксизма-ленинизма подготовить доклад о философских основах учения Павлова; заслушать на ученом совете отчеты о ходе перестройки на кафедрах; редакции институтской газеты «Кировец» освещать ход перестройки; подготовить план лекций для врачей города и области совместно с обществом по распространению политических и научных знаний. Кстати сказать, пропаганда павловской идеи нервизма среди населения оказалась настолько успешной, что до сих пор в народе бытует мнение, что «все болезни от нервов».

В соответствии с приказами Министерства здравоохранения СССР №644 и Министерства высшего образования СССР №1205 о реализации постановлений павловской сессии медицинские институты обязаны были пересмотреть программы по физиологическим и медицинским наукам, положив в основу учение И.П. Павлова. Эта методическая работа активно проводилась на всех кафедрах медицинского института. Правда, осталась нерешенной проблема исправления ошибок прошлого: старшекурсники остались с багажом прежних знаний. Об этой ситуации писал в «Кировце» (25 сентября 1950 г.) секретарь партбюро института Н. Воскресенский: «На кафедре анатомии,

гистологии, терапевтических, хирургических и других кафедрах до последнего времени студенчество воспитывали в духе дуализма. Студенты все время говорили о двух регулирующих системах в организме: о нервных и гуморальных факторах регуляции, говорили об антагонизме процессов, обусловленных антагонизмом между симпатической и парасимпатической нервными системами, говорили о местных заболеваниях, не связанных с целым организмом, с центральной нервной системой и, в частности, с корой головного мозга».

По стенограммам заседаний ученого совета можно судить о том, что сессия АН СССР и АМН СССР, посвященная павловскому учению, не внесла большой сумятицы в умы и дела ученых-медиков. Тем не менее перестройка сказалась на научно-исследовательской работе неоднозначно. На заседании ученого совета 22 сентября 1950 года была сформулирована комплексная тема «Проблема кортико-висцеральной патологии», детализированная относительно специализации различных кафедр. Из 140 ранее запланированных научных тем были сняты только 7. Из 38 запланированных кандидатских диссертаций (разрабатывавшихся не только сотрудниками ГМИ, но и соискателями «со стороны») 20 были возвращены на доработку в свете решений павловской сессии. Из 12 докторских диссертаций 8 защит перенесли по тем же соображениям. Выступая на заседании ученого совета (9 февраля 1951 г.), заместитель директора по научной работе К.Г. Никулин вынужден был признать, что план научной работы за 1950 год не был выполнен: из 133 оставшихся в плане работ завершены только 68. В значительной мере эта ситуация была обусловлена перестройкой.

Освободившееся от снятых с защиты диссертаций время ученый совет ГМИ использовал для проверки работы кафедр в аспекте перестройки. За год заслушали отчеты всех заведующих кафедр, включая и общеобразовательные — основ марксизма-ленинизма, политэкономии, иностранных языков, физкультуры. И обследования деятельности кафедр внутренними комиссиями, и обсуждения, и оценки были положительными, доброжелательными. Исключением был лишь случай с кафедрой психиатрии. Но это — особый случай, требующий особого рассмотрения. (О нем речь пойдет позднее.)

Некоторые детали в обсуждении деятельности кафедр, на наш взгляд, заслуживают более пристального внимания, так как в них ярко проявились черты стиля научного мышления и психологической атмосферы эпохи, личностные качества участников событий.

Должность заведующего кафедрой физиологии вместо ушедшего на повышение М.А. Усиевича занял прибывший в г. Горький профессор Ю.Н. Успенский. 2 марта 1951 года в повестке дня ученого совета ГМИ был его отчет о перестройке кафедры в направлении павловских идей. Поскольку Ю.Н. Успенский занимал должность

менее полугода, речь шла не столько о сделанном, сколько о том, что новый заведующий собирался сделать, особенно в планах научной работы. Он пообещал, что темы Усиевича снимать не будет, но постепенно будет вводить свои темы, связанные с влиянием коры головного мозга на деятельность пищеварительных органов. При этом новый заведующий кафедрой обосновал актуальность своей темы следующим образом: «Под руководством нашей партии и товарища Сталина наша страна победоносно приближается к коммунизму... будущее таково, что при коммунизме будет изобилие продуктов. А как это изобилие продуктов скажется на состоянии, как это изменение состояния скажется на работе внутренних органов... как скажется пресыщаемость продуктами, которая на первых порах будет иметь место»²³. В данном выступлении налицо «живое творчество масс», соединение профессиональных задач с идеологическим простодушием.

В процессе перестройки ученые ГМИ столкнулись с некоторыми трудностями, связанными с внедрением идей Павлова в клиническую и теоретическую медицину. «Сверху» рекомендовали применение павловских методов лечения, в частности длительным сном. Клиницисты жаловались, что для этого недостаточно материальных средств — снотворных препаратов, специальных изолированных помещений, оборудования. Поскольку трудности материального обеспечения не обременяли врачей ответственностью, а предлагаемые методы лечения не требовали особого профессионализма, медики-практики без сопротивления принимали подобные рекомендуемые методы лечения, к тому же не расходящиеся со здравым смыслом и традициями медицины.

Тяжелее приходилось перестраиваться теоретикам, вынужденным втискивать свои дисциплины с их устоявшимися идеями и понятиями в узкие рамки павловского учения. Но большинство шло на это без ропота. Вот образец такого творчества: профессор М.Л. Бирюков (зав. кафедрой патологической анатомии) определяет воспалительный процесс: это «сложная комплексная реакция всего организма на физиологическое воздействие значительной интенсивности, реакция, имеющая характер эволюционно-биологического приспособительного процесса, реакция, сопровождающаяся определенными физическими, химическими, биологическими и морфологическими изменениями, реакция всего организма с местными проявлениями в местах возникающих раздражений и повреждений»²⁴. В это определение включены основные идеи павловской и мичуринско-лысенковской науки (эволюционизм, детерминизм, идея целостности организма, единство организма и среды), и в то же время автор дистанцируется от локалистических представлений.

Но не всем удавалось так успешно сопротивляться здравому смыслу, логике и собственному опыту. Например, при обсуждении работы кафедры психиатрии (заседание ученого совета 6 октября 1950 г.) ее заведующий М.А. Гольденберг высказался весьма осторожно: планируем систематически проводить клинические конференции, на которых будем пытаться конкретные клинические ситуации рассматривать с павловских позиций. Это сложный творческий процесс, «поскольку по ряду вопросов имеются только отдельные указания Павлова и его учеников»²⁵. То, что М.А. Гольденберг не выразил прямо, предоставив ученому совету «читать между строк», ассистент кафедры психиатрии А.С. Познанский высказал прямолинейно: Гольденберг недостаточно четко выразил критические замечания. В действительности ситуация такова, что «приходится каждый день на практических занятиях испытывать затруднения в *облечении в павловскую терминологию* (выделено мной. — Авт.) тех или иных положений. Приходится испытывать затруднения в истолковании механизма сдвигов при лечении больных. Никто не считает себя виноватым, что не все вопросы разрешены, но если мы серьезно думаем о перестройке, мы должны научиться чувствовать какую-то ответственность за то, что эта важнейшая область недостаточно разработана»²⁶.

Вот она, истинная суть тотальной павловской перестройки медицины: от ученых требовали изменения методик, способов диагностики и лечения при отсутствии или недостаточной разработанности теоретической и методологической базы. А это означало, что перестройка могла иметь (по крайней мере, для некоторых отраслей медицины) лишь формальный характер: признавать учение Павлова и клясться в верности ему, критиковать его противников, переводить традиционную терминологию на язык павловского учения.

Во время обсуждения работы кафедры психиатрии ее заведующий не стал обострять ситуацию, потому что речь шла не только о нем самом, но и о вверенном ему коллективе. Но нет сомнения в том, что А.С. Познанский выразил не только свое частное мнение, но и мнение своего руководителя. Спустя несколько месяцев при обсуждении на ученом совете института работы одной из кафедр в прениях выступил М.А. Гольденберг с критикой перегибов в перестройке. «... Получается, что при гипертонии имеет место кортико-висцеральная патология и какие-то изменения в коре головного мозга, и при язве желудка изменения в коре, и целый ряд представлен объяснений других заболеваний с точки зрения кортико-висцеральной патологии. Получается, что почти все болезни связаны с кортикальными изменениями, а какие это изменения — этого не дано, и поэтому эти данные превращаются в несколько декларативные положения по этому поводу. Больше того, есть разговоры такого порядка, которые,

по-видимому, имеют какое-то основание, что такая постановка проблемы несколько даже демобилизует мысль врачей в поисках исследований, которые лучше бы объясняли ряд явлений и способствовали борьбе с болезнями»²⁷. И далее: нужны конкретные исследования, «...иначе это превращается в доктринерство и не подтверждается конкретно, не заставляет врачей думать ... чтобы установить конкретный механизм этого регулирования, этого контролирования»²⁸. «Я затронул этот вопрос, потому что имеется некоторая утрировка положения относительно кортико-висцеральной патологии и для того, чтобы сохранить в чистоте эту проблему, нужно об этом говорить против некоторой профанации, а не против идеи. Павлов это установил, Быков установил... но это не значит, что все дано, и при язвенной болезни и при гипертонии процессы одни и те же. Тогда нечего исследовать корковую деятельность»²⁹.

Конечно, столь резкая критика складывающейся в медицине ситуации не оставила аудиторию равнодушной. Были те, кто пытался вернуть Гольденберга на путь безоговорочного, безусловного принятия павловского учения. Среди них профессор А.А. Ожерельев, требовавший от Гольденберга, чтобы тот ответил на вопрос — он за Павлова или за локалистический вирховианский принцип, ибо третьего не дано³⁰.

В то же время были и те, кто выразил согласие с Гольденбергом если не в деталях, то в принципе: абсолютизация павловского учения ставит под сомнение традиции медицины, ее многовековые достижения. Профессор Ю.Н. Успенский: «Никто сейчас не сомневается относительно... главной роли коры головного мозга в патогенезе всех заболеваний, а отсюда и поиски путей воздействия на кору головного мозга должны проводиться параллельно с теми методами лечения, которые клиника уже проводит»³¹. Профессор Я.А. Лазарис выступил против преувеличения порочности локалистических взглядов. Ведь, согласно новому учению, организм есть целостность и на внешние воздействия реагирует как целое, а исследователь фиксирует лишь некоторые наиболее очевидные локальные реакции. Я.А. Лазарис, разумеется, выступил не против павловского учения, а как бы против А.А. Ожерельева: Ожерельев полагает, что нельзя работать на изолированном органе. А в действительности — и можно, и должно. Все врачи это делают³².

Судя по стенограммам заседаний ученого совета ГМИ, первый год павловской перестройки прошел довольно спокойно (за исключением некоторых драматических эпизодов, связанных с кафедрой психиатрии и ее заведующим). Отчитываясь о состоянии дел в своих коллективах, заведующие кафедрами сообщали и о планах дальнейшей работы, воспринимая построение медицинского знания на еди-

ной научной основе не как временную кампанию, а как неизбежное будущее медицины. По итогам проверок в первый год перестройки никто не был уволен. «Бескровность» перестройки объясняется тем, что руководство института в качестве главного критерия оценки приняло не идеологические мотивы, а профессиональные качества.

Если отвлечься от деталей процесса павловской перестройки в ГМИ, то становится очевидным основное противоречие ситуации — между объективными требованиями профессионализма и директивами «сверху». В наиболее сложной ситуации оказались те, кто по долгу службы обязаны были реализовывать перестройку, отчитываться перед министерством и партийными органами, отвечать за весь коллектив, вскрывать внутренние недостатки. Позиция руководителей ГМИ выглядит порой неэтичной, беспринципной, чрезмерно конъюнктурной. Однако вряд ли можно их осуждать за это. Они принимали на себя всю тяжесть ответственности, сохраняя работоспособность коллектива. Когда ситуация позволяла, профессиональные задачи они ставили выше идеологических.

Осенью 1951 года большая группа сотрудников ГМИ (61 человек) была награждена орденами и медалями. Наверное, в составлении списков для награждения принималось во внимание и участие в кампании утверждения приоритета павловского учения в медицинских дисциплинах. Но два этих события (павловская перестройка и награждение) не имеют прямой связи, это совпадение во времени. Вопрос о наградах возникал на ученом совете ГМИ еще до перестройки. В мае 1950 года директор института П.В. Кравченко разъяснял ситуацию: «У нас в институте была одно время тревога, что врачей представляют к награде, а медицинских работников в вузе не представляют... К награждению работников медицинских вузов за выслугу лет будут представлять в соответствии с приказом и инструкцией министра. Пока инструкции нет»³³.

Психириургия

В материалах павловской сессии неоднократно мелькала фамилия М.А. Гольденберга, делающего операции префронтальной лоботомии в г. Горьком. Кто-то говорил, что операции на мозге — дело рискованное, надо к ним относиться осторожно (А.Г. Иванов-Смоленский, И.В. Стрельчук), кто-то обрушивал на психириургов потоки обвинений в антигуманности, непрофессиональности, нарушении врачебной этики и т.п. (В.А. Гиляровский). То, что в материалах павловской сессии выглядело небольшим эпизодом в массе других вопросов физиологии и медицины, в масштабах Горьковского медицинского института становится довольно значимой проблемой. А в масштабе судьбы профессора Гольденберга — драмой, даже трагедией.

Макс (Мордко) Аронович Гольденберг родился в 1896 году в бедной еврейской семье. Член ВКП(б) с 1917 года. Окончил Харьковский медицинский институт, где и работал до Великой Отечественной войны. Звание профессора получил в 1935 году, степень доктора медицинских наук — в 1940 году. Автор более 30 научных работ (данные на 1945 год). Награжден медалями «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В начале войны вместе с Харьковским медицинским институтом был эвакуирован в г. Фрунзе. В 1944 году был приглашен в г. Горький.

Преподавание психиатрии в ГМИ Гольденберг вел на базе психиатрической больницы. Дело осложнялось тем, что главный врач больницы Ильион была недовольна таким соседством. К решению конфликтов обеими сторонами привлекалось городское партийное руководство, которое, несмотря на лозунг развития критики и самокритики, оценило ситуацию как пустую склоку. Тем не менее Гольденбергу кое-что удалось: пополнить больницу современным оборудованием, отменить жесткие методы содержания больных (связывание), создать условия для практических занятий студентов. Но самое важное для Гольденберга — организация психохирургического отделения с операционной.

К работе на кафедре и в клинике М.А. Гольденберг пригласил коллегу по Харьковскому медицинскому институту — Александра Семеновича Познанского. Кандидат медицинских наук (с 1938 г.) А.С. Познанский согласился приехать в г. Горький и вступить в должность ассистента кафедры психиатрии ГМИ. Трудно сказать, каковы мотивы этого поступка — совместные научные интересы с Гольденбергом или бытовые сложности. Как бы там ни было, в лице Познанского Гольденберг нашел высококвалифицированного помощника и единомышленника.

Осенью 1944 года Гольденберг и Познанский начали делать операции *префронтальной лоботомии (лейкотомии)*. После первой же операции (точнее, двух первых, проведенных в один день), вечером того же дня, не отследив результаты операции, М.А. Гольденберг выступил на научной конференции горьковского отделения Общества психиатров и невропатологов. На следующий день — написал рапорты в Наркомздрав и директору института К.Г. Никулину. В рапорте, в частности, говорилось: «Операции на мозгу, как метод лечения душевно больных, применены нами впервые в Советском Союзе. Такие операции открывают новую страницу в деле лечения душевнобольных»³⁴. Далее сообщалось, что операции прошли успешно, больные чувствуют себя хорошо. Обосновывались показания к таким операциям: длительное, не поддающееся другим методам лечения болезненное состояние.

Несколько лет спустя, когда Гольденберга «прорабатывали» за его метод, обвиняли в тщеславии, он объяснил мотивы этой поспешности и свое отношение к новому методу. «Карьерной ли была моя позиция? — Я был увлечен, радовался первым данным метода. Никаких карьерных соображений у меня не было. Говорят, что я дал всюду телеграммы о том, что принялся применять новый метод. Да, но о новых методах по инструкции надо сообщать»³⁵.

Не все приняли новый метод лечения тяжелых форм психических заболеваний. Полемика по поводу метода Гольденберга длилась несколько лет на всех уровнях — от врачебных и научных коллективов до Министерства здравоохранения. В ГМИ несколько раз приезжали министерские комиссии, которые не приходили к однозначным выводам, но операции не запрещали.

После сессии ВАСХНИЛ 1948 года на волне общей подозрительности ко всему, что идет с Запада, дирекция ГМИ поручила М.А. Усиевичу просмотреть научные труды Гольденберга. Отчитываясь по этому поручению, Усиевич писал: «...не было обнаружено каких-либо высказываний, характеризующих наличие у авторавейсманистских и менделистско-моргановских представлений». Но в то же время отметил, что автор недостаточно внимателен к работам советских ученых, в том числе — И.П. Павлова, А.И. Долина³⁶.

Среди противников М.А. Гольденберга особой непримиримостью отличался его коллега по психиатрической клинике В.М. Пахомов, ставший впоследствии заместителем начальника Верхне-Волжского водоздравотдела. В.М. Пахомов выступал с критикой в печати, на конференциях, сообщал свою точку зрения во все компетентные организации. 19 мая 1950 года Пахомов присутствовал на заседании ученого совета ГМИ, где слушался вопрос, выходящий за пределы внутриинститутских дел — о критической статье в «Правде» по поводу кадровых недостатков в Горьковском мединституте. Пахомов увел обсуждение статьи в сторону, к своей излюбленной теме о методе Гольденберга. Аргументы Пахомова — преимущественно идеологической направленности: «метод абсолютно чуждый нашему мышлению и нашей советской науке»; таким способом «американские психиатры пытаются лечить прогрессивных деятелей демократов и договариваются до того, что можно превращать прогрессивных деятелей в людей с пониженной инициативой»³⁷.

В ответ Гольденберг признал, что операции лоботомии имеют в Советском Союзе и сторонников, и противников. Такие операции делает не он один. Недавно прошел III Всесоюзный съезд психиатров и невропатологов, где было несколько докладов по этой проблеме, в том числе — и его, Гольденберга, доклад. Материалы съезда опубликованы. Говоря об обнародовании докладов, М.А. Гольденберг, видимо, имел в виду отсутствие запрета на метод.

Председательствующий на ученом совете К.Г. Никулин рассудил здраво, отвечая на вопрос: что делать с Гольденбергом — реабилитировать или принять меры? «Приезжали 2 раза из Москвы специалисты и пришли к выводу, который сейчас доложил проф. Гольденберг. Если мы снова примем сейчас это решение (оценивать правомерность применения операций лоботомии. — *Авт.*), то нужно опять просить Москву, чтобы она прислала новых лиц, которые снова этим вопросом будут заниматься. Это нецелесообразно, тем более, что проф. Гольденберг свою оперативную деятельность резко сократил, насколько мне известно»³⁸. Против создания комиссии проголосовало подавляющее большинство.

Таким образом, устав от неопределенности ситуации при отсутствии четких указаний сверху, и сам Гольденберг, и ученый совет ГМИ решили «спустить дело на тормозах». Это настроение чувствовалось и на заседании ученого совета, где заслушивался отчет М.А. Гольденберга о перестройке работы кафедры психиатрии в направлении павловского учения вместе с отчетом проверяющей комиссии под председательством профессора Я.А. Лазариса (6 октября 1950 г.). Об операциях — ни слова. Кто-то из членов совета задал невинный вопрос: делают ли сейчас операции? Лазарис: «Гольденберг сказал, что операции не делает уже полтора года» — и этот ответ устроил комиссию. Гольденберг: «Я придерживаюсь точки зрения правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров, что метод не вышел из стадии эксперимента, не установлены показания и противопоказания к его применению, поэтому к методу надо подходить осторожно»³⁹.

Разумеется, наивно было надеяться, что вопрос о лоботомии не встанет после павловской сессии со всей остротой. К тому же накануне заседания ученого совета в газете «Медицинский работник» была опубликована статья непримиримого противника лоботомии В.А. Гиляровского. А непосредственно обострению ситуации на ученом совете способствовало эмоциональное выступление ассистента кафедры психиатрии Портнова, суть которого сводилась к следующему: ссылки Гольденберга на решение правления Общества психиатров и невропатологов неправомерны, поскольку решение правления было принято до павловской сессии, и теперь в качестве установочной нужно иметь в виду статью Гиляровского.

Дальнейшее обсуждение было очень эмоциональным. Явно выделились три группы — защитники Гольденберга, его противники и «центристы».

Доцент К.А. Селезнев потребовал разъяснения противоречивой позиции Гольденберга: если лоботомия эффективна, то почему он ее не проводит; если метод порочен, то почему он от него не откажется?⁴⁰

Первый удар пытался парировать ассистент Гольденберга А.С. Познанский: на сессии основные доклады делали Быков и Иванов-Смоленский, а не Гиляровский. Иванов-Смоленский говорил только об осторожности в применении лоботомии. «Если бы нужно было осудить, он не постоял бы за этим, потому что он свой доклад читал не только своим товарищам по общежитию.

Насколько мне дано понимать, в науке дело обстоит весьма сложно... Почему два года не работают, работать не собираются, а между тем не открешиваются? Конечно, потому что вопрос этот не решен, но наша практика показала... что для того, чтобы изучить и ответить элементарно на вопрос о патогенезе, нельзя быть вооруженным только хирургическим ножом, а целым рядом аппаратуры, которой у нас нет. Следовательно, нечего кустарничать в этой области, потому что за это всегда дадут по рукам. Потому мы и не делаем лоботомий. <...>

Идет ли это [лоботомия. — *Авт.*] в плане павловского учения — так стоит вопрос. Мы не можем этого сказать. Что же — разве мы скажем, что все объясняем с позиции Павлова? Конечно, нет. А биологические стимуляторы, которые оздоравливают организм, разве с точки зрения Павлова объяснены? Конечно, нет. Я хочу сказать, что мы не работаем, потому что работать нужно так, чтобы все было четко, ясно и отвечало на вопросы практики и теории. Кстати, о практике. Некоторое время наш энтузиазм поддерживало то, что эти больные, которые лечились всеми возможными методами и не имели сдвигов в сторону улучшения, при нашем лечении улучшение получали. Это тоже факт. А что сказал Павлов? — Были бы факты. Так поставьте под вопрос, оспаривайте эти факты...

На пленуме (Всесоюзного общества психиатров и невропатологов — *Авт.*) выступали сторонники лоботомии и говорили, что патогенеза не знаем, механизма не знаем, но помогает. И вам я так скажу — помогает»⁴¹.

Возражение доцента Н.Н. Мизинова о статусе статьи Гиляровского в «Медицинском работнике»: «Если статья не помещена в дискуссионном порядке, то на нее принято смотреть как на установочную статью. И мне кажется, что большинство товарищей восприняли эту статью как директивную»⁴². С этой оценкой статьи Гиляровского согласился профессор К.Г. Никулин и подчеркнул, что ученый совет ГМИ не может выжидать, что скажет по этому вопросу ученый совет при Министерстве здравоохранения СССР, поскольку ГМИ был инициатором в проведении лоботомий. Профессор А.П. Азбукин выступил против хирургических методов, не обоснованных теоретически: «Не признаю такой хирургии — режь, где мягко, пили, где твердо. Мне кажется странной операция на таком нежном, сложней-

шем органе, как мозг, вслепую... Эта операция ничем не обоснована, ковыряют и сами не знают, что делают»⁴³.

К.А. Селезнев напомнил о «западном» источнике операций лоботомии: «Эта операция переросла определенные рамки чисто технические и приобрела определенный политический смысл. С одной стороны, не хочется оказаться политическим слепцом, а с другой стороны, я не специалист в этом деле и не могу вынести своего решения»⁴⁴.

Профессор Е.Л.Березов выступил против упрощенного понимания взаимосвязи медицинских и идеологических вопросов: в Америке фашисты используют стерилизацию в преступных целях. Мы тоже делаем эту операцию по медицинским предписаниям. Разве это значит, что мы поддерживаем американцев?»⁴⁵

М.А. Гольденберг в выступлении на данном заседании ученого совета просил не ставить оценку работы кафедры психиатрии в зависимость от его личной деятельности и не спешить с оценкой операций на мозге. «В какое положение вы поставите совет, если примете решение осудить, а потом будет решение ученого медицинского совета другое?»⁴⁶ Он ответил также на вопросы об эффективности и гуманности лоботомии, об отношении этой операции к павловскому учению, о прекращении операций в клинике. Из 40 проведенных операций 6 закончились успехом: эти буйные вернулись в семью и даже работают. Почему другие не выздоравливают — не известно. По поводу гуманности: «все наши методы лечения грубые и ужасные, кроме лечения длительным сном. Но что делать, если другие методы лечения не помогают, а этот помогает?» Такие операции делают многие. Сам Гиляровский прежде допускал лоботомию в исключительных случаях. «...Я тоже не такой Дон-Кихот. Я был в Москве, разговаривал с Ивановым-Смоленским. Беседа была длительная, и он считает, что статья Гиляровского — это его личное мнение... Столько организаций выносят одно решение, а против этого решения имеется мнение Гиляровского. Будем дискутировать, ведь товарищ Сталин говорил о свободных дискуссиях». Об отношении к павловскому учению: метод лоботомии не противоречит ни одному павловскому положению. «А есть Павловское освещение такой операции, как удаление 2/3 желудка? А есть Павловское освещение инсулино-шоковой терапии в нашей области? Гиляровский пишет, что и судорожная терапия не соответствует Павловскому учению, а Иванов-Смоленский продолжает работать в области судорожной терапии. Нужно думать и о больных. Будут споры, а больные остаются без необходимого лечения... Лоботомия эмпирический метод, но большинство методов лечения эмпирические. Если нет павловского объяснения, это не значит, что это противоречит павловскому учению. Большин-

ство теорий не противоречит Павловскому учению, но не объясняется им». Гольденберг о своем отношении к лоботомии: «Почему я не собираюсь ее делать? Потому, что я думаю, что если бы вы столько натерпелись за лоботомию, то наказали бы своим правнукам, чтобы они этим не занимались. Поэтому я считаю, что могу найти себе более приемлемый хлеб»⁴⁷.

Итак, в октябре 1950 г. вопрос о правомерности лоботомии не был решен из-за недостатка критериев. В рамках павловского учения нет прямых указаний ни «за», ни «против», за исключением уловки: если истолковать метод лоботомии как основанный на локалистической концепции, то он выглядит явно антипавловским.

Главная причина выжидания — в отсутствии четких руководящих указаний «сверху». Однако вряд ли можно оценивать выжидательную позицию горьковских ученых-медиков как сугубо конъюнктурную. Многие члены совета ссылались на недостаточную личную компетентность в вопросе психиатрии. Для них был важен не формальный сигнал «сверху». Они надеялись на профессионализм тех, кто *решает вопросы медицины на высшем уровне*.

В начале 1951 года вышел приказ министра здравоохранения СССР №1003 о запрещении операции префронтальной лейкотомии. Вскоре в «Медицинском работнике» была опубликована статья с критикой этого метода. Реакция в ГМИ была немедленной. 9 февраля — заседание партийного бюро. 13 февраля — общее партийное собрание института, на повестке дня персональное дело М.А. Гольденберга. 16 февраля — заседание ученого совета ГМИ. Для Гольденберга и его коллеги Познанского это была тяжелая неделя.

На заседании партийного бюро института критика была очень жесткой. Гольденберг и Познанский были вынуждены каяться. В заключительном слове Гольденберг просил оставить его в институте. Решение партбюро гласило: «принимая во внимание полное признание грубейших ошибок со стороны т. Гольденберга и Познанского в отношении применения ими метода лейкотомии, их горячее желание исправить свои ошибки практической работой в духе Павловского учения, ограничиться вынесением строгого выговора с занесением в личное дело»⁴⁸. В решении отмечалось также, что ответственность за проведение операций несет и руководство института: К.Г. Никулин, П.В. Кравченко, Н.К. Шифрин (бывший ранее заведующим учебной частью).

Между заседанием партбюро и институтским партсобранием у обвиняемых было время, чтобы уточнить свою позицию. Гольденберг нашел силы сопротивляться. Парировал обвинение в карьеризме. Дал понять, что критика в его адрес не всегда была объективной. В частности, корни непримиримости Пахомова надо искать в его ста-

рых обидах. Привел точную статистику операций: всего была сделана 41 операция, 7 из них закончились летальным исходом. Из 34 пациентов, перенесших операцию, 15 выписаны с улучшениями различной степени. Из них 6 пациентов — со значительными улучшениями. К.Г. Никулин попытался отвести обвинения от руководства ГМИ и от себя лично: санкций на операции он не подписывал. Реплика Гольденберга: «Я заявил Вам о первой операции. Вы не возражали».

В выступлении Познанского чувствуется, каких нравственных усилий стоило ему осознание собственной позиции. «Вначале я думал, что с меня нельзя взыскивать в такой же мере, как с профессора. Но я понял, что это не так. До самого последнего времени я отстаивал метод лейкотомии. <...> Я считал, что ряд более сложных процессов нервной деятельности с павловских позиций не объяснить. А такой двойной бухгалтерии не может быть»⁴⁹.

Решение партсобраний: Гольденбергу и Познанскому за беспринципность и карьеризм объявить строгий выговор с занесением в личное дело. Ясно, что партсобрание могло голосовать лишь за предложенную резолюцию. Крайних вариантов — «оправдать», «уволить» — не предлагалось. В значительной мере довольно мягкое наказание за столь явные «проступки» объяснялось тем, что персональное дело Гольденберга задевало руководство института. За предложение объявить выговор проголосовали единогласно при четырех воздержавшихся. На собрании присутствовали более 270 членов партии.

16 февраля, заседание ученого совета.

Все взгляды обращены на М.А. Гольденберга. В последней речи перед коллегами ГМИ он признал проведение операций своей грубой ошибкой. Извинился перед ученым советом за то, что задержал принятие правильного решения. Говорил, что хотел найти новые методы лечения безнадежных хроников, но поспешно принял ближайшие результаты за устойчивые, не анализировал причины неудач, демонстрировал только успехи и тем способствовал искажению истины. К операциям подходил чисто эмпирически и не разглядел их противоречия учению Павлова, заключавшегося в локалистическом характере и антигуманности.

После выступления Гольденберга — вопросы. В подобной ситуации можно было бы ожидать, что вопросы будут с подтекстом, с желанием еще и еще слышать слова раскаяния и самобичевания. Но почти все вопросы свидетельствовали об искреннем интересе к операциям Гольденберга: ведь 15 удачных случаев из сорока — это значимые показатели. Спрашивали: сколько положительных исходов операций? Были ли экспериментальные исследования? В чем сам Гольденберг видит вред операций? Какова динамика изменений после

оперативного вмешательства? Были ли послеоперационные вскрытия? Кто первый начал такие операции? Гольденберг ответил на все вопросы. О своем приоритете он сказал: «Я считал, что я первым начал эти операции в Советском Союзе. Сейчас появился еще один претендент на первенство — профессор Случевский»⁵⁰.

При переходе от вопросов к обсуждению дела Гольденберга тональность речей сменилась: ясно, что решение ученого совета ГМИ не могло противоречить министерским установкам. Сам Гольденберг недавно говорил о необходимости согласования институтской позиции с позицией министерства. Из выступавших только четверо попытались защитить Гольденберга — если не в плане оправдания его метода (это было невозможно), то по крайней мере его доброе имя. Ведь в выступлениях против метода лоботомии некоторые критики переходили на личностные качества Гольденберга, обвиняя его в неискренности, подтасовке данных, авантюризме, индивидуализме и т.п.

Первым в поддержку Гольденберга выступил Я.А. Лазарис: «Человек очень много перенес и много передумал, и мне кажется, неправильно делать заключение о его неискренности... Проф. Гольденберг старый член партии, старый профессор, с большим опытом, который много работал на пользу советского здравоохранения, совершил большую тяжелую ошибку, и он заслуживает сурового порицания, но я думаю, что он исправится»⁵¹. К выступлению Лазариса присоединилась заведующая кафедрой марксизма-ленинизма З.П. Красильникова. Профессор Н.К. Шифрин: Эту ошибку совершили все мы. Гольденберг шепетил, он не мог подтасовывать факты. Не надо набрасывать тень на моральный облик проф. Гольденберга. Само министерство 4 года терпело эти операции. Моральные страдания Гольденберга — достаточное наказание»⁵². Не мог отмолчаться А.С. Познанский: «Я не пришел к вам плакаться... Я достаточно взрослый и верно, что по грехам мука. Но нельзя выбивать почву из-под ног человека»⁵³.

Ученый совет принял решение: предложить Гольденбергу выступить на заседании общества врачей и в печати с раскрытием своих ошибок и путей их исправления. Повторно заслушать отчет кафедры психиатрии.

В некоторых выступлениях звучало, что Гольденберг компрометирует институт, в психиатрии он работать может, но не в ГМИ. Тем не менее ученый совет не освободил Гольденберга ни от должности заведующего кафедрой, ни от работы в ГМИ. Через три недели Гольденберг написал заявление с просьбой уволить его по состоянию здоровья. Хотя фактически он не работал уже с 18 февраля 1951 г. Вероятнее всего, эти три недели он действительно был болен и потому не смог написать заявление раньше. Неизвестно, как сложилась

его дальнейшая судьба. Он покинул г. Горький, который приютил его в трудное время, где он нашел дело, друзей, сначала добрую славу, а потом — «плохую».

Четыре года спустя в ГМИ пришел запрос из Украинского научно-исследовательского психоневрологического института: нужна характеристика Гольденберга. Такие характеристики требовались при устройстве на работу. Характеристику подписал директор ГМИ доцент Н.Н. Мизинов: Гольденберг пропагандировал психоморфологическое направление в психиатрии, его операции нанесли вред больным, в научной работе недобросовестен⁵⁴.

Имя Гольденберга еще некоторое время использовали как символ одного из антипавловских направлений в медицине. 11–15 октября 1951 г. в Москве состоялось объединенное заседание расширенного Президиума АМН СССР и пленума правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров, где опять склоняли имена психохирургов. Опять выступил старый противник Гольденберга В.М. Пахомов. В постановлении объединенного заседания о Гольденберге и некоторых других ученых-медиках говорилось, что они насаждали вредные теории так называемой мозговой патологии, интеграции, боролись против учения И.П. Павлова⁵⁵.

А.С. Познанский остался в институте. Некоторое время исполнял обязанности заведующего кафедрой психиатрии. Его научная карьера в ГМИ не складывалась. Прежние опыты в психохирургии делали его удобной мишенью критики каждый раз, когда районное или городское партийное руководство требовало от институтского начальства усиления идеологической работы.

После заседания ученого совета института 16 января 1953 года, на котором некоторым ученым припомнили их давнишние «грехи», А.С. Познанский был уволен с формулировкой: его научные взгляды «исключают возможность дальнейшего использования его на педагогической работе»⁵⁶. Впрочем, без работы Познанский пробыл недолго. С 1 июля 1953 г. он был восстановлен в должности исполняющего обязанности заведующего кафедрой. Судя по всему, кафедра психиатрии испытывала кадровые затруднения. Об этом можно судить по тому, что в приказе об увольнении ассистента Познанского обязывали сдать дела и должность Цветковой, также занимавшей должность ассистента. Да и в институте шли постоянные кадровые перестановки. В 1953 году увольнял Познанского директор ГМИ Н.Н. Мизинов, а восстанавливал на работе — директор К.Г. Никулин.

В 1960 году А.С. Познанский перешел на работу в Башкирский медицинский институт.

Впоследствии метод лейкотомии не нашел широкого применения, хотя и вышел из-под запрета. В Малой медицинской энцикло-

педии, изданной в 1966 году, по поводу применения метода рассечения белого вещества мозга сказано: «Лейкотомия находила применение в психиатрии, но не оправдала себя и советскими психиатрами не рекомендуется» (Т.2. С. 1174). В Краткой медицинской энциклопедии, вышедшей в 1989 году, о лейкотомии говорится, что она «относительно эффективна при некоторых болевых синдромах и ряде психических заболеваний; применяется редко» (Т.2. С. 49).

Павловское учение и психология в Горьковском педагогическом институте*

Павловское учение о высшей нервной деятельности советские психологи хорошо знали и высоко ценили еще с 20-х годов. Вместе с тем уже тогда осознавалось, что «одного только учения об условных рефлексах недостаточно даже для понимания физиологической основы человеческого поведения, а тем более для понимания психологии человека»⁵⁷.

В 1935 г., за несколько месяцев до кончины И.П. Павлова, С.Л. Рубинштейн следующим образом подвел итоги его научного творчества: «Условный рефлекс является... только одним предельным, классически отечканенным типом деятельности коры... Признание других типов деятельности коры является пока по преимуществу лишь принципиально открытой перспективой на будущее. Придать этим новым, высшим типам деятельности коры хотя бы приблизительно ту чеканную четкость, которую Павлов придал условным рефлексам, является нелегкой задачей, стоящей перед будущими исследователями»⁵⁸.

Ведущие советские психологи особенно тесно сотрудничали в 40-е годы именно с теми физиологами, которые на основе и с учетом достижений И.П. Павлова и других выдающихся физиологов прокладывали новые пути в биологической науке: Л.А. Орбели, П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн, И.С. Бериташвили, Э.А. Асратян и многие другие. Однако с 1950 г. названные физиологи (кроме Э.А. Асратяна) были осуждены как противники павловского учения и сняты со всех постов. Сессия двух академий с самого начала приобрела антипсихологический характер. Идея, согласно которой психология должна быть заменена физиологией высшей нервной деятельности, не только носилась в воздухе, но и уже материализовалась. Так, например, ленинградский психофизиолог М.М. Кольцова заняла позицию, отвечающую санкционированным свыше указаниям: «В своем выступлении на этой сессии проф. Теплов сказал, что, не принимая учения И.П. Павлова, психологи рискуют лишить свою науку материалистического характера. Но имела ли она вообще такой характер? С нашей

---

* Текст написан совместно с Н.В. Шутовой.

точки зрения, данные учения о высшей нервной деятельности игнорируются психологией не потому, что это учение является недостаточным, узким по сравнению с областью психологии и может объяснить лишь частные, наиболее элементарные вопросы психологии. Нет, это происходит потому, что физиология стоит на позициях диалектического материализма; психология же, несмотря на формальное признание этих позиций, по сути дела отрывает психику от ее физиологического базиса и, следовательно, не может руководствоваться принципом материалистического монизма»⁵⁹.

Что означало в те времена отлучение науки от диалектического материализма? Тогда всем было ясно, какие могли быть после этого сделаны далеко идущие «оргвыводы». Впрочем, и сама М.М.Кольцова предложила сделать первый шаг в этом направлении. Закljučая свое выступление, она сказала: «...надо требовать с трибуны этой сессии, чтобы каждый работник народного просвещения был знаком с основами учения о высшей нервной деятельности, для чего нужно ввести соответствующий курс в педагогических институтах и техникумах наряду, а может быть, вместо курса психологии»⁶⁰. Эпигоны И.П. Павлова откровенно заявляли о необходимости ликвидации психологии как самостоятельной науки и замене ее физиологией высшей нервной деятельности.

Павловское учение получило официальный статус правильного, материалистического, одобряемого самой партией направления, и поэтому другие точки зрения сразу становились неправильными, ошибочными, вредными, а их носители — врагами, против которых нужно решительным образом бороться. Психологи не могли противостоять вульгаризаторскому подходу к психологии, закрывавшему пути ее нормального развития и ставившему под сомнение само ее существование. Но все же они как могли отстаивали право психологии на статус самостоятельной научной дисциплины. На сессии прозвучали доклады четырех ярчайших отечественных психологов: Б.М. Теплова, С.Л. Рубинштейна, В.Н. Колбановского и А.Р. Лурии. Их выступления были построены в соответствии со стандартными требованиями, которые предъявлялись ко всем выступавшим с трибуны и в печати. Это в первую очередь — обязательные ссылки на Сталина, безоговорочное одобрение директивных указаний, критика коллег и особенно самокритика в отношении мыслей и действий, не соответствующих таким указаниям, резкая критика западной науки. Столь суровые требования в значительной мере определили характер выступления Б.М. Теплова, который в то время был признан ведущим психологом, заменив в этом качестве С.Л. Рубинштейна, обвиненного в конце 40-х годов в космополитизме (антипатриотизме) и снятого со всех руководящих постов. Будучи главным представителем психо-

логической науки, Б.М. Теплов должен был чувствовать особую ответственность за свое выступление на сессии 1950 года. Защищая себя и своих коллег, он, очевидно, не мог себе позволить даже малейшего несогласия с официальной точкой зрения, навязываемой сверху, в противном случае он поставил бы под удар всех психологов.

Надо также учесть, что общая переориентация психологии на павловское учение, по-видимому, отчасти соответствовала внутренней логике развития идей самого Б.М. Теплова, а не просто была навязана ему целиком извне. В последние 15 лет своей жизни (он умер в 1965 году) Б.М. Теплов вместе с большим коллективом своих учеников и сотрудников провел фундаментальные исследования типологических свойств нервной системы и их психологических проявлений⁶¹. Эти исследования получили в целом очень высокую оценку специалистов⁶². Таким образом, нельзя не признать, что резкий поворот научных интересов Б.М. Теплова в начале 50-х годов в сторону изучения психофизиологических свойств нервной системы отчасти произошел под влиянием сессии 1950 года.

Обстановка на этой сессии оказалась еще более сложной для опального в то время С.Л. Рубинштейна. Он получил возможность выступить, но только потому, что ему предоставил слово один из сопредседателей сессии президент АН СССР С.И. Вавилов, неоднократно пытавшийся в период гонений помочь С.Л. Рубинштейну, обвиненному в космополитизме, а затем и в игнорировании павловского учения.

Свое выступление С.Л. Рубинштейн посвятил в основном научному позитивному анализу тех общих и частных положений павловской теории, которые, по его мнению, могут быть использованы и уже частично используются в интересах дальнейшего развития психологии. Он вместе с аспирантом Е.Н. Соколовым (позже один из крупнейших психофизиологов) в конце 40-х годов успешно развивал некоторые идеи И.П. Павлова и других физиологов в целях коренного преобразования традиционной психологии восприятия⁶³.

После смерти Сталина С.Л. Рубинштейн, как и некоторые другие «антипавловцы», был постепенно восстановлен в правах и смог уже более свободно выразить свое отношение к достоинствам и недостаткам павловского учения о высшей нервной деятельности.

В.Н. Колбановский занимался в те годы философскими вопросами психологии. А.Р. Лурию особенно интересовали проблемы соотношения психологии и физиологии, поскольку он, будучи доктором не только педагогических наук по психологии (с 1937 г.), но и доктором медицинских наук (с 1943 г.), во время Великой Отечественной войны стал инициатором развертывания новой формы работы психологов. Это — огромная по масштабу успешная психофизиоло-

гическая деятельность по восстановлению функций мозга, нарушенных у бойцов в результате ранений на фронте (о чем А.Р. Лурия упоминает в своем выступлении). Впоследствии А.Р. Лурия и его школа получили наибольшую известность благодаря своим фундаментальным трудам именно в области нейропсихологии⁶⁴.

В сложной обстановке психологам необходимо было найти путь, позволяющий избежать как сведения психического к физиологическому, так и обособления психического от физиологического.

Как и в Горьковском медицинском институте, павловская перестройка в ГГПИ курировалась не партийной организацией, а ученым советом института. По всей видимости, многие темы партийных собраний задавались горьковскими и райкомовскими инструкциями. С сентября до конца 1950 года вопросы павловской сессии не только не ставились в повестку дня партийных мероприятий, но даже и вскользь не упоминались. Зато активность ученых советов (институтского, факультетских) была ощутимой. Складывается впечатление подчеркнутого, нарочитого невмешательства партийных органов в научные дела.

Вскоре после завершения работы объединенной научной сессии состоялось заседание ученого совета ГГПИ им. Горького (15 сентября 1950 г.) с повесткой дня «Итоги сессии Академии наук и Академии медицинских наук СССР и задачи института». Заседание проходило в актовом зале. Кроме членов совета на нем присутствовало свыше 120 преподавателей, а также студенты — члены научных студенческих кружков. На заседании был заслушан доклад доктора биологических наук, профессора А.А. Соболева «Итоги сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР по вопросам физиологического учения И.П. Павлова». Ученый совет наметил решение следующих ключевых задач:

- повышение идейно-теоретического, научного и методического уровня преподавания учебных дисциплин в свете задач сессии;
- построение курсов психологии и педагогики на основе учения И.П. Павлова;
- организация работы методического семинара, посвященного вопросам использования учения И.П. Павлова в педагогическом процессе.

Заседание ученого совета института дало импульс соответствующим акциям во всех подразделениях вуза. Лекции, беседы, доклады преподавателей были собраны воедино под лозунгом воплощения в жизнь решений павловской сессии. На совете педагогического факультета (17 ноября) был поставлен вопрос «О состоянии идеологической работы на факультете» (докладчик декан факультета С.В. Логинов). Была прочитана лекция «Психология и учение академика И.П. Павлова», после

лекции демонстрировался фильм «Иван Павлов». На совете факультета естествознания доцент Е.Г. Артемьев прочел лекцию для преподавателей и студентов факультета об итогах сессии.

На заседаниях кафедры педагогики обсуждалась проблема «Значение физиологического учения академика И.П. Павлова для советской педагогической науки». С целью основательного изучения творчества И.П. Павлова организованы лекции кандидата медицинских наук Н.И. Козина. Были определены основные направления работы кафедры: естественно-научное обоснование павловским учением ведущей роли коммунистического воспитания в формировании подрастающего поколения; павловское учение и физическое воспитание; павловское учение и трудовое воспитание; первая и вторая сигнальные системы и вопросы дидактики⁶⁵.

На заседаниях ученых советов института, а также на заседаниях кафедр обсуждались актуальные проблемы советской науки, критически анализировались вышедшие учебники и учебные пособия для вузов. Кафедры педагогики и психологии работали на основе изучения и использования в аудиторных занятиях научного наследия академика И.П. Павлова. К экзаменационной сессии были переработаны вопросы билетов курсовых и государственных экзаменов. Для аспирантов был введен экзамен по физиологии высшей нервной деятельности. Посещение лекций и практических занятий заведующими кафедр показали, что преподаватели перестроили свои занятия на основе учения академика И.П. Павлова.

Решения павловской сессии самым непосредственным образом касались кафедры психологии, руководимой в то время С.М. Василейским.

Судьба **Серафима Михайловича Василейского** типична для ученых, получивших образование в дореволюционной России и вынужденных работать в условиях пристального и подозрительного внимания к своей деятельности советской власти. Заложенные классическим образованием принципы научной этики часто вступали в противоречие с диктатом властей.

С.М. Василейский родился 1 марта 1888 года в Самарской губернии в селе Новогеранкино Бузулукского уезда. Отец его был священником, мать — из мещанской семьи. Серафим Михайлович был первым учеником в самарской гимназии и закончил ее с отличием.

В 1909 году он поступил в Петербургский психоневрологический институт, где изучал физиологию, общую и детскую психологию, анатомию, физику, химию, биологию. В 1913 году для усовершенствования в психологии и философии был командирован в Германию, в Лейпцигский университет, где слушал лекции В.Вундта по психологии, лекции профессора Б.Фолькельта по философии и

занимался в психологической лаборатории под руководством приват-доцента Т. Брана. Дипломное сочинение С.М. Василейский писал на тему «Полемика Аристотеля против платоновской теории идей и чисел». Работа была представлена А.И. Введенскому и получила высшие отметки. Осенью 1914 года С.М. Василейский сдал государственные экзамены и получил диплом первой степени.

За десять первых лет научной и педагогической деятельности он успел поработать в Петрограде, Владимире, Самаре, Витебске, Минске. Когда в 1927 году в Нижнем Новгороде был объявлен конкурс на вакантные кафедры в Нижегородском государственном университете, С.М. Василейский подал заявление с просьбой иметь в виду его кандидатуру на открывшиеся свободные кафедры, в котором отметил, что мог бы преподавать педологию, педагогику, психотехнику. Он был избран по конкурсу.

Пройдя школу В. Вундта, С.М. Василейский стремился внедрить в вузе прогрессивные направления, существовавшие в мировой психологической практике. Под его руководством в НГПИ была открыта одна из первых в СССР кафедра педологии. С его помощью она была оснащена лучшими по тому времени психологическими приборами. В октябре 1934 года Серафим Михайлович назначается деканом педагогического факультета НГПИ, а затем и дошкольного факультета.

В начале июля 1936 года вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». Педология была подвергнута резкой критике за «вредные лженаучные взгляды», «сомнительные эксперименты», желание «найти максимум отрицательных влияний и патологических извращений самого школьника, его семьи». Предписывалось «упразднить преподавание педологии как особой науки в педагогических институтах и техникумах». Через короткое время в среде преподавателей-педологов начались аресты, высылки, увольнения. Не избежал этой участи и С.М. Василейский. Вот выписка из приказа ГГПИ от 8 февраля 1939 г.: «За протаскивание педологических извращений в курсе «Детская педология» в 1936/37 уч. г. и в 1937/38 уч. г., разоблаченных и осужденных постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г., профессора психологии Василейского с работы снять с 9 февраля 1939 г.».

В 1945 году С.М. Василейский восстанавливается на кафедру психологии ГГПИ, а в 1946 году вновь становится ее заведующим. Шлейф прежних обвинений тянулся за С.М. Василейским очень долго. Имя его нередко мелькало на заседаниях партийного бюро и партсобраниях. Зачастую претензии к С.М. Василейскому высказывал сотрудник его кафедры А.М. Золотарев, член партбюро института: «На партийных собраниях мы не раз говорили о неудовлетвори-

тельной работе руководителя кафедры проф. Василейского. Я знаю его с 1932 года. Профессор Василейский воспитывался на старой литературе. У него были ошибки в прошлом, за что он был освобожден от работы в нашем институте и работал в других вузах; затем его снова приняли в институт. С возвращением в институт это уже стал не прежний Василейский. Правда, у него остались какие-то ошибки из прошлого, но он теперь прислушивается к настроению членов кафедры, старается улучшить работу кафедры...»⁶⁶

Горький опыт прошлых лет сказался на стиле руководства С.М. Василейского. Ему стало ясно, что быть в курсе новаторских идей в науке — значит быть в курсе приказов министерства и постановлений партии. Поэтому научная и учебная работа на кафедре дополнялась неким «буферным поясом», обеспечивающим ее социально-идеологическую приемлемость. Этот «защитный пояс» складывался из представлений о недопустимых «ошибках» (объективизм, космополитизм, низкопоклонство перед Западом), о признаваемых авторитетах и персонах *non grata* в отечественной науке.

Приказ МВО СССР о работе философского факультета МГУ (январь 1949 г.) стал для кафедры психологии ГППИ предметом продолжительных обсуждений. Было ясно, что критика «ошибок», допущенных С.Л. Рубинштейном в учебнике «Основы общей психологии», касается всех отечественных психологов. В процессе обсуждения приказа МВО и книги Рубинштейна сотрудники кафедры психологии отметили просчеты в своей работе: недостаточное освещение достижений советской психологии, встречающийся объективизм в изложении буржуазных теорий, недостаточное внимание к проблемам формирования личности. Что же касается самой книги Рубинштейна, то вопрос о ее использовании в учебном процессе оставили до решения властей: если учебник не изымут, то использовать его со своими критическими дополнениями.

6 октября 1949 года заседание кафедры психологии было посвящено столетнему юбилею И.П. Павлова⁶⁷. А.М. Золотарев прочел доклад «Значение учения академика Павлова для психологии». Таким образом, можно констатировать, что некоторые установочные идеи павловской сессии двух академий были предвосхищены и реализовывались на кафедре психологии ГППИ и до лета 1950 года.

Тем не менее руководящие установки должны были иметь отклик в коллективах. На первом сентябрьском заседании кафедры (1950 год)⁶⁸ С.М. Василейский сделал доклад «О значении дискуссии по вопросам Павловского физиологического учения». После доклада были небольшие прения. Их содержание не передано протоколом кафедры. Но, имея представление о стиле общения в коллективе кафедры, можно предположить, что обсуждение не содержало

острых моментов и, скорее всего, свелось к выделению значимых для кафедры тезисов.

19 октября С.М. Василейский возвращается к вопросу о перестройке преподавания психологии в свете идей И.П. Павлова. В повестке дня заседания кафедры психологии один вопрос: «Применение учения ак. Павлова в курсе психологии»⁶⁹. (С.М. Василейский нашел точное слово — применение. А еще точнее было бы сказать — использование.) Далее следовала подробная инструкция преподавателям: в каких темах какие идеи Павлова использовать, кого критиковать. Приведем несколько пунктов этой инструкции.

«Во вводной части (темы: «Предмет, задачи и методы психологии», «Учение о психике») нужно использовать, помимо высказываний М. Э. Л. С. (Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. — *Авт.*), высказывания Сеченова и Павлова как борцов за материализм <...>.

В теме «Развитие психики» проводить мысль о том, что инстинкт есть сложный безусловный рефлекс. Подчеркивать мысль о превращении условных рефлексов в безусловные в ряде поколений, т.е. подчеркивать мысль о передаче приобретенных свойств по наследству. Критиковать Кёллера и подчеркивать значение Павлова. <...>

Проблема локализации. Давать критику Лешли. Излагать учение акад. Павлова о динамическом стереотипе».

И так далее по всем темам курса: «Психология личности», «Ощущения», «Внимание», «Представление», «Мышление и речь», «Чувства», «Воля».

В протоколе заседания кафедры не говорится, что предлагаемая (или диктуемая) Василейским инструкция обсуждалась, вызвала вопросы или замечания. По сути дела, это было авторитарное действие Василейского, которым он брал всю ответственность на себя. Заметим также, что структура курса психологии, его тематический перечень занимал первое место, а учение Павлова как бы «разбиралось» на составляющие части и приспособлялось в удобных для этого темах курса.

По окончании учебного года ученый совет ГГПИ заслушал отчет С.М. Василейского о работе кафедры психологии (протокол от 1 июня 1951 года) и вынес резолюцию, в которой говорилось, что «кафедра психологии ведет большую и плодотворную работу. Выполнение учебного плана всеми членами кафедры идет нормально... В читаемых курсах нашла свое отражение перестройка... в свете учения товарища Сталина по языкознанию и Павловской физиологии». Были отмечены и недостатки в работе самого Василейского: «В ряде тем не показывал социальной обусловленности изучаемых психологических процессов, не вскрывал качественное отличие психики советских людей, воспитываемых большевистской партией, от пси-

хики людей старого буржуазного общества... Еще и теперь проф. Василейский буржуазного физиолога, реакционера Шеррингтона называет замечательным английским физиологом; в лекциях бросается в глаза обилие иностранных «авторитетов», увлечение классификационными схемами... при отсутствии наполнения их социально-политическим содержанием, примерами советской жизни, психики советских людей»⁷⁰.

Резолюция в целом положительная, хотя критики Василейскому избежать не удалось. Но в то время никто не ел мед без дегтя. Тем не менее сама критика свидетельствовала о благосклонности к С.М. Василейскому, поскольку то, за что его критиковали, могло быть сформулировано иначе — как объективизм, низкопоклонство и формализм. И это означало бы иную, угрожающую тональность критики.

Необходимость союза философии и естествознания — не только идеологическая установка советской науки середины XX века, но и внутренняя потребность наук, диктуемая логикой их развития. Теория И.П. Павлова, затрагивавшая основные проблемы психологии, в том числе и когнитивные, буквально взывала к философскому профессиональному осмыслению, которое не сводилось бы ни к начетничеству, ни к формальному ее приспособлению к психологии и философии. Идеи И.П. Павлова стали стимулом и естественно-научным основанием для книги заведующего кафедрой философии ГГПИ Ф.Ф. Кальсина «Основные вопросы теории познания». Книга вышла в 1957 году не в центральном, а в горьковском издательстве. Тем не менее она была замечена и вызвала активное обсуждение в философском сообществе и среди психологов⁷¹.

---

⁷⁰ Цит. по: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922—1991/1922—1952. Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. С.446.

⁷¹ Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова. 28 июня — 4 июля 1950 г. Стенографический отчет. М., 1950. С.6.

⁷² Там же. С.7.

⁷³ ЦАНО. Ф.2533. Оп.3а. Д.219. Л.51, 59, 74.

⁷⁴ Научная сессия ...С.273.

⁷⁵ Там же. С.454—455.

⁷⁶ См.: Академия наук в решениях Политбюро... С.467.

⁷⁷ Научная сессия... С.14.

⁷⁸ Там же. С. 289—290.

⁷⁹ Там же. С. 283.

⁸⁰ Там же. С. 290.

⁸¹ ЦАНО. Ф. 2533. Оп.3а. Д.10.Л.71.

⁸² См.: Научная сессия... С.524.

⁸³ ЦАНО. Ф.2533. Оп.2. Д.487. Л.279 об.

- ¹⁵ Там же. Л.282 об.
- ¹⁶ Там же. Л.284.
- ¹⁷ Там же. Л.271 об.
- ¹⁸ Там же. Л.265.
- ¹⁹ Там же. Л.276.
- ²⁰ Там же. Л. 378 об.
- ²¹ Там же. Д.488. Л.1 об.
- ²² Там же. Л.4.
- ²³ Там же. Д.512. Л.182.
- ²⁴ Там же. Д.488. Л.158.
- ²⁵ Там же. Л. 80 об.
- ²⁶ Там же. Л.88.
- ²⁷ Там же. Д. 512. Л.59.
- ²⁸ Там же. Л. 60 об.
- ²⁹ Там же. Л.63 об.
- ³⁰ Там же. Л.61.
- ³¹ Там же. Л. 61 об.
- ³² Там же. Л.62.
- ³³ ЦАНО. Ф.2533. Оп.2. Д.487. Л.363 об.
- ³⁴ Там же. Оп. 3а. Д.54. Л.16.
- ³⁵ ГОПАНО. Ф.1307. Оп.1а. Д.13. Л.14.
- ³⁶ ЦАНО. Ф.2533. Оп.3а. Д.54. Л.100.
- ³⁷ Там же. Оп.2. Д.487. Л.302.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. Д. 488. Л. 82 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 86.
- ⁴¹ Там же. Л. 88.
- ⁴² Там же. Л.88 об.
- ⁴³ Там же. Л.97.
- ⁴⁴ Там же. Л.97 об.
- ⁴⁵ Там же. Л.96 об.
- ⁴⁶ Там же. Л.94.
- ⁴⁷ Там же. Л.92, 93, 94.
- ⁴⁸ ГОПАНО. Ф.1307. Оп.1а. Д.13. Л.6.
- ⁴⁹ Там же. Л.15.
- ⁵⁰ ЦАНО. Ф.2533. Оп.2. Д.512. Л.143.
- ⁵¹ Там же. Л.156.
- ⁵² Там же. Л. 158 об.
- ⁵³ Там же. Л. 165 об.
- ⁵⁴ Там же. Оп.3а. Д.54. Л.107.
- ⁵⁵ См.: Физиологическое учение академика И.П. Павлова в психиатрии и невропатологии. М., 1952. С.309.
- ⁵⁶ ЦАНО. Ф.2533. Оп.3а. Д.178. Л.115.
- ⁵⁷ Теплов Б.М. Советская психологическая наука за 30 лет. М., 1947. С.14.
- ⁵⁸ Рубинштейн С.Л. Основы психологии. М., 1935. С. 115.
- ⁵⁹ Научная сессия... С.343.
- ⁶⁰ Там же. С. 344.
- ⁶¹ См.: Теплов Б.М. Избранные труды: В 2т. М., 1985.
- ⁶² См., например: Умрихин В.В. Развитие советской школы дифференциальной психофизиологии. М., 1987; Лейтес Н.С. Б.М. Теплов и психология индивидуальных различий // Вопросы психологии. 1982. №4.
- ⁶³ См.: Соколов Е.Н. В аспирантуре у С.Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн (Очерки, воспоминания, материалы). М., 1989; Комментарии к одному С.Л. Рубинштейна «Проблемы общей психологии». М., 1973, С. 394–395.

⁶⁴ См., например, его монографии: Мозг человека и психологические процессы. М., 1963. Т.1; 1970. Т.11; Основы нейропсихологии. М., 1973. и др.

⁶⁵ ЦАНО. Ф.2734. Оп.8. Д.257. Л.27.

⁶⁶ ГОПАНО. Ф. 932. Оп. 1а. Д.19. Л.70.

⁶⁷ ЦАНО. Ф.2734. Оп. 9. Д.10.

⁶⁸ Там же. Л. 63 об.

⁶⁹ Там же. Л. 69–70.

⁷⁰ ГОПАНО. Ф.3. Оп.1. Д.9030. Л.12–13.

⁷¹ Подробнее об этом можно прочесть в книге: «Философия в российской провинции: Нижний Новгород. XX век». М., 2003. Гл. 9.

Глава 5

АНТИРЕЗОНАНСНАЯ КАМПАНИЯ В ХИМИИ

Идеологическая кампания против теории резонанса

В 1949–1951 годах в советской науке и философии было организовано широкое обсуждение одной из первых квантово-химических теорий, теории резонанса, разработанной американским ученым Лайнусом Полингом в 1928–1931 годах. Предпосылками возникновения этой теории явились объективные трудности, связанные с описанием структуры молекул сложных органических соединений. Было ясно, что некоторые типы соединений и химических связей не могут быть изображены традиционными структурными формулами, где каждый атом соединен с другим валентным штрихом в строгом соответствии с истинным порядком атомов в реальной молекуле. Этого было недостаточно, так как подобное написание химических формул не позволяло объяснять химические свойства соединений и прогнозировать направление протекания химической реакции.

Получалось так, что для адекватного изображения строения и свойств многих, особенно сложных молекул, приходилось изображать не одну, а несколько структурных формул. Ни одна из этих формул, взятая в отдельности не описывала правильно строение и свойства молекулы. Лишь в совокупности, как бы накладываясь друг на друга, они давали более или менее верную картину. Основное положение теории резонанса, разработанной Л. Полингом, состояло в том, что реальная молекула есть результат резонанса — наложения некоторых приемлемых структур, каждая из которых характеризует те или иные особенности строения и химических свойств молекулы. Использование этих структурных формул, как неких абстрактных модельных представлений, значительно облегчало описание и прогнозирование химического поведения сложных органических молекул.

К идее резонанса близка концепция мезомерии, которую выдвинул еще в 1926 году английский химик Кристофер Ингольд. Он предложил рассматривать реальную молекулу как некое среднее между предельными структурами, каждая из которых может быть фиктивной, то есть не существующей в действительности. Полинг и его

школа не скрывали, что теория резонанса является качественной и достаточно умозрительной. Ученик Полинга Дж. Уэланд писал: «... Идея резонанса является умозрительной концепцией в большей степени, чем другие физические теории. Она не отражает какого-либо внутреннего свойства самой молекулы, а является математическим способом, изобретенным физиком или химиком для своего удобства. Резонирующие структуры не являются реальными, они выбираются достаточно произвольно и призваны лишь приблизительно объяснить то, что пока нельзя предвычислить строгими квантово-механическими методами»¹. Поскольку возможности квантовых расчетов многоэлектронных молекул были (и в известном смысле остались) ограниченными при применении квантовой механики к химии, получили развитие теории, обеспечивающие лишь качественную оценку параметров химических веществ. Теория резонанса, в отличие от доквантовых электронных теорий, позволяла с единых позиций сопоставлять реакционную способность химических соединений и проводить несложные прикидочные расчеты их физических параметров.

В 50-е годы XX века в нашей стране развернулась идеологическая атака на теорию резонанса, при этом последняя оценивалась не иначе как «лженаучной махистской, насквозь идеалистической теорией», а ее сторонники получили название «паулингисты-ингольдисты» по аналогии с «вейсманистами-морганистами» в биологии и генетике. Сейчас об этом даже профессиональным химикам известно немного. Первый исторический обзор антирезонансной кампании был дан Г.В. Быковым (1914–1982), советским историком органической химии. В 50-х годах он работал над изданием собрания сочинений русского химика-органика А.М. Бутлерова. Интересно, что именно теория химического строения органических соединений А.М. Бутлерова явилась концептуальной основой борьбы с теорией резонанса. Важнейшее положение теории А.М. Бутлерова гласит, что каждому химическому соединению может соответствовать только одна структурная формула, которая отражает порядок химической связи атомов в реальной молекуле. Поэтому, когда теория резонанса попала в руки химиков-органиков, привыкших мыслить конкретными категориями вещества, они стали считать резонирующие структуры реально существующими. Получалось, что молекула не имеет определенного строения, а есть только результат непрерывного резонанса — наложения многих различных структур, что напрямую противоречило учению А.М. Бутлерова, которое являлось научно-теоретической основой всех отечественных исследований в области химии.

Антирезонансная кампания началась с осуждающих выступлений в печати и широких дискуссий во многих институтах страны, на кото-

рых резонанщиков подвергали резкой критике. Дискуссии прошли на секции физической химии Всесоюзного химического общества имени Д.И. Менделеева, на химическом факультете МГУ, в Институте общей и неорганической химии АН СССР, в Физико-химическом институте имени Л.Я. Карпова. Особенно бурной была дискуссия на ученом совете Института органической химии АН СССР.

Кульминацией кампании явилось Всесоюзное совещание на тему «Состояние теории химического строения в органической химии», проходившее с 11 по 14 июня 1951 года. Знакомство со стенограммой этого совещания позволяет прочувствовать атмосферу научной дискуссии тех лет, проанализировать через призму антирезонансной кампании особенности развития отечественной квантовой химии и сделать ряд мировоззренческих выводов, имеющих и сегодня актуальное значение. Участники Всесоюзного совещания обратились с приветственным словом к И.В. Сталину. В нем говорилось: «Ваши гениальные труды по вопросам языкознания ставят перед всеми учеными нашей страны задачу еще более быстрого движения вперед. Эти труды призывают нас шире развешивать творческие дискуссии для борьбы с догматизмом... для дальнейшего развития химической науки на основе диалектического материализма. Основой огромных успехов органического синтеза является теория химического строения органических соединений, созданная великим русским ученым А.М. Бутлеровым. Эта теория служила и служит путеводной звездой для исследований, создающих новые соединения и изучающих структуру молекул. Однако в течение ряда лет мы, химики, уделяли недостаточно внимания вопросам теории, сконцентрировав свои усилия в области экспериментальной работы, мало занимаясь правильным теоретическим обобщением получаемых практических результатов исследований. Такая недооценка роли теории привела некоторых наших химиков к забвению бутлеровского учения и способствовала распространению идеалистической зарубежной концепции «резонанса» среди части советских ученых. Эта концепция представляла собой попытку подрыва материалистических основ теории строения. Руководствуясь решениями Центрального комитета ВКП(б) по идеологическим вопросам и Вашими, товарищ Сталин, указаниями, советские химики развернули борьбу против идеологических концепций буржуазной науки. Порочность так называемой «теории резонанса» ныне разоблачена, и остатки этой концепции будут выброшены из советской химической науки. Советские химики и впредь будут широко использовать оправдавшее себя свободное обсуждение дискуссионных вопросов химии»².

Обсуждение касалось не только оценки обоснованности теории резонанса и теории мезомерии в органической химии, но и в целом

роли квантово-механических методов в научных исследованиях по химии. В докладе комиссии Отделения химических наук СССР, озвученном академиком А.Н. Терениным, констатировалось, что квантовая химия является неотъемлемой составной частью теории химического строения и способствует развитию учения А.М. Бутлерова. При этом утверждалось, что концепция резонанса спекулирует на принципах квантовой механики, так как в ее основу положена ошибочная интерпретация некоторых приближенных квантово-механических расчетов. Указывалось на прямое противоречие этой концепции теории химического строения А.М. Бутлерова, так как усматривалось отождествление резонансных валентных схем со структурными формулами молекул, что делало невозможным установление их истинного строения.

Интересно, что далее в докладе рассматривалось современное состояние (на тот период времени) учения о взаимном влиянии атомов в молекулах с привлечением индуктивного и мезомерного эффектов сопряжения (та же самая мезомерия Ингольда). При этом предлагалось «в целях избежания путаницы лучше в дальнейшем избегать употребления терминов «мезомерия» или «мезомерный эффект» для обозначения статического эффекта взаимного влияния атомов в системах с сопряженными связями и именовать его «статическим эффектом сопряжения»³. Указанную точку зрения разделяли многие именитые химики: академики А.Н. Несмеянов, А.Н. Теренин, Б.А. Казанский, члены-корреспонденты Б.А. Арбузов, И.Л. Кнунянц, профессора М.И. Кабачник, В.А. Измаильский (интересно, что этот советский химик-органик предложил в 1913–1919 годах концепцию мезосостояния, предвосхитившую учение о мезомерии Ингольда) и др., использовавшие ранее идеи резонансной теории в своих научных исследованиях. Оставаясь в целом на прежних научных позициях, они упорно пытались их завуалировать и настойчиво обращали внимание аудитории на якобы принципиальные отличия своих научных взглядов от учения Паулинга (Полинга) и Ингольда. Некоторые из этих академиков, как и многие выступившие на совещании, не упомянули вообще ни теории резонанса, ни резонанщиков. В своих выступлениях они осветили ряд специальных вопросов теории строения органических соединений.

В докладе Комиссии Отделения химических наук АН СССР старательно проводилось разграничение понятий «мезомерии» и «резонанса». Противопоставление резонанса и мезомерии носило философский характер. «Это различие происходило из признания идеологической порочности теории резонанса, которая якобы является интерпретацией мезомерии с идеалистических, махистских позиций. Отсюда противопоставление: теория резонанса связана с идеалистической методологией, ибо кладет в основу абстрактный принцип

суперпозиции; теория мезомерии стоит на почве материализма, ибо использует классическое (и не менее абстрактное) многоструктурное представление молекулы. С современных позиций теория резонанса — это квантовая переформулировка классической теории мезомерии, переформулировка, вводящая явление мезомерного выравнивания электронной плотности в контекст общих физических категорий и ведущая к единой точке зрения на различные классические электронные эффекты»⁴. В настоящее время теория резонанса не отличается от теории мезомерии: истинное строение молекулы является промежуточным — мезомерным между несколькими предельными структурами. Сегодня широко используется резонансная валентная схема, позволяющая описывать особенности сопряженных систем.

Резкая обличающая критика теории резонансных структур и ее приверженцев прозвучала в выступлениях профессора Г.В. Челинцева, кандидата физико-математических наук М.И. Батуева, доцентов С.Н. Хитрика, В.М. Татевского, кандидата химических наук М.И. Шахпаронова, писателя В.Е. Львова. Они не были объединены между собой, и по ходу дискуссии делали выпады и друг против друга. Среди перечисленных имен вызывает интерес личность В.Е. Львова, так как удивителен сам факт участия в столь специфической дискуссии человека, по роду своей деятельности весьма далекого от химии. Никакой информации о нем выявить не удалось, можно лишь сослаться на то, как сам Львов отзывался о себе, выступая на совещании: «Я горжусь званием советского журналиста, пишущего по идеологическим вопросам естествознания, и до последнего дыхания буду вкладывать мой малый вклад в дело борьбы с врагами марксизма-ленинизма»⁵.

На роль главных идеологов разоблачительной кампании явно претендовали Г.В. Челинцев, М.И. Шахпаронов и В.М. Татевский. Челинцев напрямую отождествил теорию резонанса с одним из приближенных методов квантово-механического расчета молекул, поэтому предлагал отказаться не только от теории резонанса, но и от квантово-механических методов расчета молекул и от квантовой химии в целом. Предостережения по поводу квантовой механики высказывал и профессор В.К. Семенченко, заявляя, что «квантовая механика создавалась под влиянием... опасной философии, главным образом философии неокантианцев и махистов. Именно философия, которая глубоко пронизывает всю квантовую механику, требует всегда большой осторожности при обращении с квантовой механикой, особенно в тех случаях, когда мы переходим к каким-либо выводам теоретико-познавательного характера»⁶. Основные обвинения в распространении резонансной теории были обращены в адрес члена-корреспондента АН СССР Якова Кивовича Сыркина и доктора

химических наук Мирры Ефимовны Дяткиной, работавших в Физико-химическом институте им. Л.Я. Карпова.

Я.К. Сыркин первым в Советском Союзе обратился к решению химических проблем с использованием идей квантовой механики. Начиная с середины 30-х годов, он и его сотрудники в Физико-химическом институте имени Л.Я.Карпова разрабатывали проблемы новой науки — квантовой химии. Интересно, что несколькими годами ранее книга Я.К. Сыркина и М.Е. Дяткиной «Химическая связь и строение молекул» была допущена в качестве учебного пособия для химических вузов. В разоблачительной статье В.М. Татевского и М.И. Шахпаронова, опубликованной до всесоюзного совещания, эта книга была оценена как «проникнутая идеологией махизма и космополитизма, рабским и некритическим отношением к буржуазной науке и пренебрежительным отношением к науке советской»⁷. Выступая на совещании, Я.К. Сыркин и М.Е. Дяткина полностью признали свои «ошибки» и даже высказались пессимистически относительно перспектив квантовой химии, ввиду сложности этих работ и приблизительности квантово-механических методов расчета сложных многоэлектронных органических систем.

Жесткая критика обличающей стороны обрушилась не только в адрес «главных резонансчиков» (Я.К. Сыркин, М.Е. Дяткина), но и на организаторов совещания, то есть членов Комиссии Отделения химических наук АН СССР, в том числе и на президента АН СССР академика Александра Николаевича Несмеянова, который на данном совещании отсутствовал. Челинцев и некоторые поддержавшие его заявили, что «организация настоящего совещания и постановочный доклад находятся в руках бывших прямых отечественных сторонников лженаучных теорий Ингольда и Паулинга. Это первый случай в истории недавних научно-методологических дискуссий, когда с постановочным докладом выступает не критикующая ошибки, а повинная в них сторона, к тому же представленная не отдельным лицом, а комиссией, назначенной Отделением химических наук АН СССР и утвержденной, надо думать, президентом АН СССР.. Из опыта предыдущих дискуссий следует, что ответственная за ошибки сторона защищается до последней возможности, даже в самых неблагоприятных условиях. В данном же случае условия для защиты ошибочной позиции и подавления критикующей стороны более чем благоприятны — советская химическая теория монополизирована ингольдистами-паулингистами»⁸.

Действительно, А.Н. Несмеянов одним из первых в стране поддерживал в 1939 году теорию резонанса и возглавил в Институте органической химии АН СССР целое научное направление, используя идеи этой теории. При этом он рассматривал концепцию резонанса как

тождественную концепции мезомерии (современная оценка теории). Более того, А.Н.Несмеянов доказал резонансную концепцию химически — яркой двойственной природой рассматриваемых соединений, и объективными физическими методами (спектроскопия, рентгеноструктурный анализ, измерение дипольных моментов). Это и послужило основой для разоблачающей критики академика Несмеянова, так как официально утверждалось, что «невозможно сделать какие-либо предсказания о свойствах молекулы на основании рассмотрения резонансных структур, поскольку изображаемые ими отдельные слагаемые весьма приближенной волновой функции никак не связаны с какими-либо наблюдаемыми на опыте величинами»⁹. В адрес А.Н. Несмеянова на всесоюзном совещании раздавались обвинения в том, что «идеалистическая, махистская резонансная теория... была обоснована не объективными, а далекими от науки и недобросовестно выполненными экспериментальными физическими исследованиями, как и подобает идеалистической теории»¹⁰.

Резолюция совещания была принята почти единогласно, «против» проголосовал лишь Челинцев. Он настаивал на том, чтобы доклад комиссии был оценен неудовлетворительно, так как «предлагаемая в докладе теория взаимных влияний является не более чем номенклатурной модификацией лженаучной мезомерно-резонансной теории»¹¹. Тем не менее совещание одобрило основные положения доклада, представленного Комиссией Отделения химических наук АН СССР, в котором был дан анализ современного состояния теории химического строения, показана идеалистическая сущность теории резонанса, или мезомерии, вскрыты ошибки некоторых советских ученых и намечены пути дальнейшего развития учения Бутлерова. Основной причиной, способствовавшей распространению теории резонанса в советской научной литературе, называлось недостаточное развитие научной критики среди советских химиков. При этом совещание особо отметило «недостаточное внимание советских философов к методологическим вопросам теоретической химии, что, в частности, выразилось в том, что идеализм в концепции резонанса был впервые разоблачен не философами, а химиками»¹². В резолюции подчеркивалось также, что «идеологические извращения в вопросах химической теории находятся в тесной связи с враждебными теориями в биологии и физиологии и представляют единый фронт борьбы реакционно-буржуазной идеологии против материализма»¹³.

Идеологическая дискуссия по химии в г. Горьком

События вокруг теории резонанса, развернувшиеся в масштабе страны, имели определенный отголосок в региональных научных и образовательных центрах, в том числе в Горьковском государствен-

ном университете. Работа с архивными материалами позволила оценить общую идеологическую обстановку на кафедрах химического факультета Горьковского государственного университета в период антирезонансной кампании.

В связи с приказом Министерства высшего образования СССР от 23 августа 1948 года, вышедшего в целях реализации решений 4-й сессии ВАСХНИЛ, на кафедрах химии началась усиленная работа по повышению идейно-теоретического уровня профессорско-преподавательского состава, сотрудников кафедр и студентов. Объединенное партсобрание химфака и института химии от 22 апреля 1949 года рекомендовало «вести решительную борьбу с любыми проявлениями космополитизма и принижения роли русских ученых, воспитывая студентов в духе советского патриотизма»¹⁴. В этот период протоколы заседаний кафедр химфака¹⁵ пестрят планами и отчетами о перестройке учебно-воспитательного процесса в свете приказа Министерства высшего образования. Отмечены следующие направления этой работы:

- при чтении лекций и на лабораторных занятиях особо выделялись работы русских и советских ученых, указывалась ведущая их роль в развитии химии; студентам-дипломникам в первую очередь, рекомендовались работы отечественных ученых;

- на заседаниях кафедр и на специальных семинарах с участием преподавателей и студентов заслушивались доклады о русских химиках, главных этапах развития химии в России и успехах химической промышленности в СССР; например, в отчете кафедры неорганической химии за 1948/49 учебный год, указывается, что за отчетный период на заседаниях было обсуждено 13 докладов;

- на заседаниях кафедр периодически обсуждались вопросы о борьбе с низкопоклонством перед зарубежными исследователями; с этой точки зрения пересматривались программы основных курсов, спецкурсов, общих практикумов и спецпрактикумов; было написано несколько рецензий на учебные пособия;

- из экзаменационных билетов по истории химии исключались вопросы о работах зарубежных ученых, даже признанных классиков: С. Аррениуса, М. Фарадея, Я. Вант-Гоффа, В. Оствальда;

- в лабораториях кафедры органической химии была расширена галерея портретов русских химиков-органиков;

- организовывались выездные лекции для школьников и работников химических предприятий города и области, в которых говорилось о приоритете отечественной химической науки; резко возросло количество публикаций по соответствующей тематике.

В отчете о работе кафедр химического факультета за рассматриваемый период указывалось, что случаев низкопоклонства перед

буржуазной наукой и культурой со стороны профессоров и преподавателей не наблюдалось¹⁶.

На фоне этой общей атмосферы на химическом факультете ГГУ и проходила дискуссия по теории резонанса. В программу по органической химии для химических факультетов государственных университетов, составленной Министерством высшего образования в 1947 году, включалось изучение теории резонанса, поэтому этот вопрос излагался студентам в курсе теории органической химии. В то время в газете «За сталинскую науку», являвшуюся органом партбюро, ректората, комитета ВЛКСМ, профкома и месткомов Горьковского университета, появляются заметки о проведении философских семинаров на химическом факультете, на которых давалась современная объективная оценка теории резонанса. Например, в статье кандидата химических наук И.Б. Рабиновича указывалось, что 4 мая 1948 года на химическом факультете состоялось первое заседание философского семинара, на котором профессор Г.А. Разуваев сделал содержательный доклад на тему «Диалектика теории резонанса». В своем выступлении Г.А. Разуваев показал, что «поведение органических молекул и многообразие их свойств в такой мере, как они известны современной науке, более не соответствует классической теории строения органических веществ. Последняя также не согласуется с современным учением о строении материи, в частности, о природе электрона». Докладчик особо отметил, что «классическое учение о строении органической молекулы, в основе которого лежат работы знаменитого русского органика Бутлерова, много десятилетий играло крупнейшую роль теории, объединяющей огромный фактический материал органической химии и движущей эту науку вперед. Но сейчас эта теория требует переработки на основании новых данных о физических свойствах молекул (атомных состояниях, дипольных моментах, свободной энергии и др.), их химическом поведении, а также на основании квантово-волновой теории строения материи». В заметке указывается, что «эта интересная как в химическом, так и в философском отношении тема привлекла многолюдную аудиторию профессоров, доцентов, ассистентов, научных сотрудников и студентов химфака и института химии. Докладчику было задано много вопросов, развернулись оживленные прения. Собравшиеся положительно оценили возможности новой теории строения органических молекул, «показавшей, насколько богат и многообразен мир, насколько он неисчерпаем для науки» и открывшей «многообразие различных физических форм существования материи... многообразие структур, многообразие энергетических состояний (резонанса) одной и той же физической формы — молекул»¹⁷.

Ситуация резко изменилась после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, которая явилась толчком к широкому развертыванию идеологических кампаний по всем основным направлениям отечественной науки. Антирезонансная кампания в масштабах страны не могла не отразиться на работе химических кафедр Горьковского университета, и особенно кафедры органической химии. Основные обвинения в пропаганде лженаучной теории резонанса обрушились на руководителя кафедры органической химии профессора Григория Алексеевича Разуваева. Хотя, как следует из архивных материалов¹⁸, с момента начала в стране широкой дискуссии он не раз выступал с критикой теории резонанса и на заседаниях кафедры, и на городском философском семинаре, и на заседаниях Менделеевского общества, и на ученом совете университета.

15 марта 1951 года проходило общеуниверситетское закрытое партийное собрание, на котором рассматривался «идейно-теоретический уровень преподавания и состояния марксистско-ленинского образования профессорско-преподавательских кадров и студенчества университета»¹⁹. В протоколе собрания отмечается, что «на химическом, биологическом и историко-филологическом факультетах не были организованы творческие дискуссии по новейшим проблемам науки, несмотря на то что на этих факультетах в научной работе и преподавании ряда профессоров обнаружены серьезные методологические ошибки (Красинский, Разуваев, Миртов, Соколов, Артемов)». Далее указывается, что «профессор Разуваев в курсе органической химии освещал некоторые важные вопросы химической теории с позиций идеалистической концепции “резонанса”»²⁰. Решением партийного собрания было постановлено «в течение II семестра организовать на химическом, биологическом и историко-филологическом факультетах дискуссии по актуальным вопросам науки, в частности, по разоблачению методологических ошибок, имеющих в учебной и научной работе таких профессоров, как Разуваев, Красинский, Миртов и др.»²¹. Ректору университета было предложено «установить повседневный контроль за состоянием преподавания, лично быть на лекциях и практических занятиях»²². Кроме этого было принято решение обязать учебную часть ректората и заведующих кафедрами общественных наук произвести закрепление преподавателей общественных наук за определенными факультетами. Однако протоколы заседаний кафедр химического факультета ГГУ за 1951/52 учебный год не содержат никаких сведений об организации на кафедрах широких дискуссий о теории резонанса.

11 января 1952 года состоялось расширенное заседание ученого совета ГГУ²³, на котором рассматривался вопрос об идейно-теоретическом уровне преподавания и научной работы на кафедре органиче-

ской химии. С соответствующим докладом выступил профессор Разуваев, отметив, что теория резонанса использовалась только им одним, что с появлением статей об идеологической сущности этой теории она была исключена из курса и что ему и всем сотрудникам кафедры ясен идеалистический характер концепции резонанса.

Накануне рассматриваемого заседания ученого совета в университетской газете «За сталинскую науку» появилась заметка²⁴, в которой говорилось о результатах проверки работы кафедры органической химии комиссией «в составе профессора Коренмана И.М., доцента Шеяновой Ф.Р., ассистентов Михайловой и Заботина». В деятельности кафедры комиссия установила ряд положительных моментов: систематическое проведение взаимных посещений лекций и практических занятий преподавателями кафедры, оказание большой помощи производству, эффективное руководство аспирантами, защита диссертационных работ в установленный срок. Одновременно с этим комиссия отметила и серьезные недостатки в работе кафедры. В заметке указывалось, что «в прошлые годы курс «Теория органической химии» читался с позиций антинаучной идеалистической теории резонанса. Правда, в 1951 году заведующий кафедрой и сотрудники кафедры на ученом совете факультета, на философских семинарах выступали с критикой этой теории, однако они нигде ни разу не вскрыли критически свои собственные ошибки, свои заблуждения в этой области». Комиссия сделала вывод об отсутствии научной критики работ, выполняемых на кафедре. «Не подвергаются нужному критическому анализу и результаты взаимопосещений лекций преподавателей. Все это говорит о том, что самый основной недостаток в работе кафедры органической химии — отсутствие научной критики, а она — путь к достижению новых успехов в научно-педагогической работе»²⁵.

Аналогичные высказывания звучали и на заседании ученого совета 11 января 1952 года. Обвинения, направленные в адрес профессора Разуваева, касались низкого идейно-теоретического уровня преподавания и самого преподавателя. При этом особо подчеркивалось, что «идейно-теоретический уровень преподавания связан с идейно-теоретическим уровнем самого преподавателя, так как он должен сам «расти», изучая историю ВКП(б) и, основываясь на этом, читать лекции»²⁶. В своем выступлении секретарь партбюро университета Н.В. Кузнецов обратил внимание на то, что «сейчас нельзя объективно подходить к науке, нужно иметь свое принципиальное мнение, исходя из материалистического понимания науки. А у работников кафедры органической химии этого нет, так как они сами слабо владеют марксистско-ленинской идеологией. Слабо владеет ей и сам руководитель кафедры, профессор Разуваев»²⁷. На вопрос ректора универ-

ситета А.Н. Мельниченко об идеологической основе теории резонанса Г.А. Разуваев ответил, что идеологические основы этой теории заключаются лишь в логической ошибке Паулинга и его коллег, и тем самым был уличен в непонимании различия между идеологической основой и логической ошибкой, присущих реакционной теории резонанса. Вызывал недовольство и тот факт, что книга о теории резонанса была настольной книгой студентов-органиков (видимо, речь идет о книге Я.К. Сыркина и М.Е. Дяткиной «Химическая связь и строение молекул»). В результате был сделан вывод о том, что на кафедре органической химии не готовят специалистов, преданных родине, так как «долгое время студенты воспитывались с идеалистических позиций», и до сих пор «теория резонанса в тех или иных видах «ходит» на кафедре»²⁸.

Серьезные обвинения прозвучали по поводу отсутствия на кафедре большевистской критики и самокритики. В ответ на соответствующее замечание профессора И.М. Коренмана, возглавлявшего факультетскую комиссию по проверке работы кафедры органической химии, доцент Ю.А. Ольдекоп заметил: «Но в нашем городе нет кафедры органической химии, равной нашей, чтобы нас по существу могли критиковать. Нас еще может критиковать профессор Г.А. Разуваев, но мы его критиковать не можем, так как обладаем меньшей эрудицией. В области теории резонанса у нас были ошибки, но нам негде учиться, так как у нас слаба связь с другими вузами, ибо командировки нам часто не дают»²⁹.

Это высказывание не могло остаться незамеченным. Ректор ГГУ, профессор А.Н. Мельниченко в своем выступлении сделал следующее замечание: «То, что большинство работников кафедры органической химии не понимают значения и смысла большевистской критики и самокритики, видно из заявлений, прежде всего, профессора Разуваева и доцента Ольдекопа. Названные товарищи уродливо понимают критику и самокритику. По их мнению, критиковать может только тот, кто имеет равный чин (ученое звание и степень) критикуемому. Вот почему и профессор Разуваев и доцент Ольдекоп просят, чтобы им выписывали критиков из Москвы, Киева и Ташкента. Все это смешно, если бы не было печально. Ведь товарищи имеют какие-то уродливые представления о сущности критики и самокритики. Можно ли после этого говорить, что на кафедре органической химии поняли смысл и значение великого призыва И.В. Сталина о смелом развертывании научной критики, о свободной борьбе мнений и критике в научной и учебной работе»³⁰.

Все вышеперечисленное расценивалось, как серьезные упущения в работе кафедры органической химии. Самые же крупные недостатки, по словам ректора, «заключаются, во-первых, в непонимании

руководящими работниками кафедры значения и даже смысла большевистской критики и самокритики, как важнейшей силы нашего развития; во-вторых, в низком идейно-теоретическом уровне преподавания общих и специальных курсов по органической химии»³¹. В заключение своего выступления А.Н. Мельниченко сделал вывод о том, что и после всех событий руководящие работники кафедры органической химии еще не поняли идеологических основ реакционной «теории» резонанса.

Совет университета постановил³²:

- предложить заведующему кафедрой органической химии профессору Г.А. Разуваеву положить в основу дальнейшего улучшения работы кафедры указания товарища Сталина в его гениальном труде по вопросам языкознания; добиться, чтобы критика и самокритика стала повседневным оружием в борьбе за повышение идейно-теоретического уровня научно-исследовательской и учебной работы кафедры;

- на заседаниях кафедры подвергнуть глубокой критике реакционно-идеалистическую резонансную теорию, дав острую критику практике ее преподавания на кафедрах химического факультета университета.

Никаких других более серьезных оргвыводов не последовало. При этом ученый совет отметил, что на кафедре органической химии имеются серьезные научные успехи. Действительно, как видно из архивных материалов, все сотрудники кафедры проводили научно-исследовательскую работу по единой, актуальной тематике. Основные направления научной работы кафедры: исследования гомолитических жидкофазных процессов и синтез и изучение реакционной способности металлоорганических соединений. Кафедра имела тесные связи с промышленными предприятиями города и области. К разработкам по научно-исследовательской тематике активно привлекались студенты. В большинстве дипломных работ содержались объективно новые результаты.

15 января 1952 года на первой полосе газеты «За сталинскую науку» была опубликована статья «По-большевистски заботиться о кадрах», где были вскрыты основные недостатки кадровой политики в университете, среди которых указывалось на порочную практику ослабления «систематического и глубокого контроля за идейным уровнем преподавания», на низкий уровень критики и самокритики, на отсутствие «творческих дискуссий по различным проблемам науки» и «критического обсуждения научных работ, написанных учеными университета». В статье отмечалось, что в идейно-воспитательной работе среди профессорско-преподавательского состава «создалась обстановка застоя и самоуспокоенности». В целях преодоления

этой недопустимой ситуации говорилось о том, что «широкие творческие дискуссии по большим научным проблемам и по научному творчеству ученых университета должны стать обязательным явлением в университете»³³. Все перечисленное в статье позволяет утверждать об отсутствии в Горьковском университете в целом острых, непримиримых научных дискуссий, спровоцированных развертыванием идеологических кампаний в общесоюзном масштабе.

В отчете о работе химического факультета за 1951/52 учебный год³⁴ перечисляются мероприятия по выполнению постановления ученого совета от 11 января 1952 года. В отчете говорится:

- весь преподавательский состав кафедры работает над повышением идейно-теоретического уровня;

- все сотрудники посещают философский семинар при Доме ученых;

- профессор Г.А. Разуваев дважды в течение года выступал на городском философском семинаре с докладами на тему: «Критика теории резонанса» и «Теория Бутлерова и ее современное развитие»;

- на заседании кафедры был заслушан и обсужден доклад «Критика теории резонанса», к обсуждению привлекались и студенты-дипломники;

- все сотрудники кафедры внимательно изучили стенографический отчет о Всесоюзном совещании «О состоянии теории химического строения в органической химии», а также статьи, опубликованные в периодической печати в порядке подготовки к совещанию;

- профессором Г.А. Разуваевым переработан курс лекций по «Теории органической химии» в свете решений Всесоюзного совещания о «Состоянии теории химического строения в органической химии».

В отчетном докладе партбюро на отчетно-перевыборном партийном собрании ГГУ от 18 мая 1952 года констатировалось, что «в марте и апреле месяце на двух семинарских занятиях городского философского семинара химики университета провели удовлетворительно во всех отношениях дискуссию на тему “Материалистическое учение Бутлерова о строении органической молекулы и идеалистическая концепция резонанса”»³⁵. Аналогичная дискуссия была организована и на объединенном заседании советов химического факультета ГГУ и института химии ГГУ³⁶. В небольшой статье³⁷, в которой обсуждались результаты данного партийного собрания, указывалось, что основная причина идеологических ошибок профессорско-преподавательского состава заключается в слабости организационной работы партбюро университета. «В деятельности партбюро работа с кадрами является самым слабым участком, вследствие чего бывают случаи, когда научная продукция работников университета стоит на низком уровне. Этим объясняются некоторые махистские ошибки в книге про-

фессора Горелика «Колебания и волны», изучение на кафедре органической химии (профессор Разуваев) в течение ряда лет строения материи с точки зрения идеалистической теории резонанса, некоторые ошибки в работе профессора Миртова»³⁸. Таким образом, и на региональном уровне идеологические кампании в разных науках рассматривались в тесной взаимосвязи друг с другом, вызванной общностью причин, способствовавших их возникновению.

В архивных материалах за 1952/53 учебный год и далее дискуссия о резонансе и связанные с ней события не упоминаются вообще. Отголоски отгремевшей антирезонансной кампании находим в небольшой заметке, посвященной 125-летию со дня рождения А.М. Бутлерова, которая была опубликована в университетской газете «За сталинскую науку». В ней говорилось, что материалистическое учение отечественного классика химической науки «с самого начала подвергалось яростным нападкам со стороны реакционных ученых Запада, находящихся в плену идеалистической философии Канта и Гегеля». Теория резонанса, рассматривавшаяся в статье «порождением растленной идеологии англо-американского империализма», объявлялась «попыткой ревизии» теории химического строения органических соединений А.М. Бутлерова. В очередной раз концепция резонансных структур провозглашалась «методологически порочной, физически не состоятельной и бесплодной», «не имеющей ни экспериментального, ни теоретического обоснования» и «противоречащей всем данным современной науки». В заключение делался вывод о том, что «советские ученые подвергли уничтожающей критике концепцию «резонанса» и ее проповедников, показав с полной очевидностью незыблемость материалистической теории строения Бутлерова»³⁹. Такой была официальная точка зрения по вопросу о теории резонанса, отражавшая внешний, видимый результат идеологической дискуссии по химии, являвшийся только самой верхушкой «научного айсберга», скрывавшего под собой истинные убеждения крупнейших советских ученых, принадлежавших к элите отечественной химической науки.

Личность и научная позиция лидера горьковской школы ученых-химиков Г.А. Разуваева

Как следует из протокольных записей, в Горьковском государственном университете проходило рядовое обсуждение идеологически враждебной теории, которое в конечном итоге не имело каких-либо последствий, связанных с участниками этих событий. Основная заслуга в этом, безусловно, принадлежала Г.А. Разуваеву, авторитетнейшему ученому, подлинно русскому интеллигенту. **Григорий Алексеевич Разуваев** родился 23 августа 1895 года в Москве. Его отец был

инженером-технологом, и по долгу службы семья часто меняла место жительства. Одно время семья Разуваевых жила в Нижнем Новгороде в районе Благовещенского монастыря. Отец Григория Алексеевича в то время работал на судостроительном заводе инженером. Мать окончила гимназию в Петербурге, получила диплом преподавателя мужской гимназии. У нее была собственная школа в Царском Селе. Впоследствии она работала в театре Мамонтова. Г.А. Разуваев после окончания 1-й мужской московской гимназии в 1917 году поступил на первый курс физико-математического отделения Московского университета по специальности химия. Надо сказать, что в гимназии, где учился Разуваев, химию не преподавали, и к вступительному экзамену по химии он готовился самостоятельно по книгам. Также самостоятельно изучил элементы высшей математики: дифференциальное и интегральное исчисление. Экзамены по химии и математике были сданы на «отлично».

В университете Г.А. Разуваев учился у знаменитых химиков — Н.Д. Зелинского, И.А. Каблукова, а научным руководителем его дипломной работы был знаменитый химик-органик, академик А.Е. Фаворский (интересно, что сам Фаворский был дипломником А.М. Бутлерова). К числу учеников А.Е. Фаворского принадлежал один из крупнейших химиков-органиков и катализаторов того времени академик В.Н. Ипатьев — человек, которого Г.А. Разуваев всю жизнь считал своим главным учителем. Отсюда видно, что школа у молодого ученого была очень серьезная. Помимо работы в лаборатории, Г.А. Разуваев постоянно бывал в библиотеке Русского физико-химического общества и читал все новейшие американские и немецкие научные журналы. Григорий Алексеевич владел английским, немецким, французским, итальянским языками, поэтому всей литературой пользовался без словаря. После окончания в 1924 году химического факультета Петроградского университета он работал одновременно в Институте высоких давлений, в Институте прикладной химии и в лаборатории Военно-технической академии, где занимался исследованиями в области химии отравляющих веществ. Это были годы плодотворной научной работы с академиком В.Н. Ипатьевым. Тридцатилетний химик приобретает международную репутацию. В 34 года Г.А. Разуваев стал заместителем директора в Государственном институте высоких давлений. Затем была научная стажировка в Баварской академии наук в Мюнхене, в лаборатории профессора, нобелевского лауреата Г.О. Виланда (Нобелевская премия за цикл работ по изучению азотных свободных радикалов).

Это было время расцвета творческих сил, всепоглощающей работы, полного признания на родине и за рубежом, но вдруг в 1934 году по сфабрикованному доносу Г.А. Разуваева осуждают по пресловутой

58 статье. Затем были долгие годы северных лагерей в Ухте, Воркуте, Архангельске. Лишь в 1946 году Разуваев получил разрешение уехать с Севера с лишением права жительства в Москве и Ленинграде. К этому времени Григорий Алексеевич в течение одного года защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Ему было уже 50 лет. Давний знакомый Г.А. Разуваева, член-корреспондент АН СССР Александр Дмитриевич Петров предложил Григорию Алексеевичу возглавить кафедру органической химии в Горьковском университете, которой руководил сам Петров, но проживая в Москве. Представляя Г.А. Разуваева преподавательскому составу факультета, А.Д. Петров высоко оценил научный потенциал нового руководителя кафедры, сказав: «Это бриллиант чистейшей воды»⁴⁰. Последующая деятельность профессора Разуваева в Горьком подтвердила эти слова. В 1946 году Г.А. Разуваев стал заведующим кафедрой органической химии ГГУ, а в 1947 году одновременно возглавил лабораторию в Научно-исследовательском институте химии при ГГУ. С этого времени для 52-летнего ученого начался наиболее плодотворный период исследований в области химии свободных радикалов и металлоорганических соединений. С тех пор именно это научное направление является определяющим во всей научно-исследовательской работе нижегородских химиков, а сам Г.А. Разуваев по праву считается создателем нижегородской школы химиков-органиков. В течение почти 20 лет, с 1969 по 1988 год, Г.А. Разуваев возглавлял в Горьком Институт химии АН СССР, который 25 октября 1988 года при реорганизации был разделен на Институт металлоорганической химии и Институт высоко-чистых веществ.

Огромный вклад Г.А. Разуваева в развитие химии, воспитание молодых ученых, создание нижегородской школы химиков-металлооргаников увековечен в памяти потомков. На здании химического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского установлен барельеф академика и мемориальная доска с надписью: «В этом университете с 1946 по 1989 год работал выдающийся ученый, химик-органик, академик Григорий Алексеевич Разуваев». Институт металлоорганической химии РАН, почетным директором которого с момента возникновения этого научного учреждения (октябрь 1988 года) являлся Г.А. Разуваев, ныне носит его имя. Лучшим аспирантам нижегородских вузов присваивается стипендия имени академика Г.А. Разуваева.

В воспоминаниях бывших учеников, аспирантов, коллег Г.А. Разуваева находим некоторые отголоски событий, связанных с теорией резонанса, что позволяет оценить действительное отношение ученого к этой теории.

Из воспоминаний Оды Степановны Дьячковской, которая в 1947–1950 годах была аспиранткой Г.А. Разуваева: «С появлением Гри-

гория Алексеевича на кафедре в 1948–1950 гг. стали постоянно работать научные семинары по органической химии. Это было связано с совершенно новым изложением курса органической химии и введением спецкурса «Теория органической химии». Имена Полинга, Уолинга, Сыркина, Дяткиной, новые понятия — резонансные структуры, электроотрицательность — замелькали в наших лекциях. Разобраться нам в этом было непросто, и вот сразу были организованы семинары по органической химии. Помню, что позднее, когда Я.К. Сыркин и М.Е. Дяткина подверглись яростной критике за теорию резонанса, Григорий Алексеевич по-прежнему освещал в лекциях новейшие научные достижения, в том числе и теорию резонанса»⁴¹.

Тамара Григорьевна Брилкина, аспирантка Разуваева с 1950 по 1953 год, вспоминает лекции Григория Алексеевича и Александра Дмитриевича Петрова: «Его лекции (А.Д. Петрова) были образцом классической органической химии. Они «пугали» студентов колоссальным объемом, формулами в пол-листа тетради, обилием материала, веществ, запахов... Еще труднее было разобраться студентам в направлениях органических реакций. Просто предлагалось запомнить, например, что в реакциях замещения в ряду бензола для одних реагентов образуются орто-, парапроизводные, а для других — мета. Лекции Григория Алексеевича поражали четкостью, за ним легко было записывать. Такие незнакомые поначалу термины, как электронная плотность, ее смещение, вскоре стали для нас обычными. В тетрадях замелькали прямые и изогнутые стрелки на химических связях молекул, и главное, можно было не только запоминать, но и понять, почему, в зависимости от природы реагента и заместителя, мы в одном случае имеем эти самые орто-, парапроизводные, а в другом — метапроизводные. Оказалось, что органические соединения — это не только жидкие или твердые вещества с запахом или без него, а сложные образования с внутренним миром и своими законами»⁴². Далее Тамара Григорьевна замечает: «В 50-е годы продолжалась пресловутая борьба с теорией резонанса. Григорий Алексеевич был верен своим убеждениям и с большим достоинством держался на тех собраниях-побоищах, которые устраивались в актовом зале университета»⁴³. Кстати, на совещании 1951 года член-корреспондент АН СССР А.Д.Петров высказался негативно относительно использования электронных теорий в органической химии.

И еще одна интересная деталь из воспоминаний аспирантов более позднего времени: Виктора Алексеевича Додонова, который в 1971 году сменил Григория Алексеевича в должности заведующего кафедрой органической химии, и Ларисы Петровны Степовик, ныне профессора кафедры органической химии ННГУ: «Вспоминается, что при подготовке кандидатского экзамена по философии нужно было

написать реферат, тема которого согласовывалась с руководителем. Г.А. Разуваев тактично, но твердо отклонил предложенную одному из нас тему, связанную с критикой теории резонанса, сказав при этом: «Вы еще слишком молоды, чтобы дать правильную оценку этому вопросу». Дальнейших объяснений не последовало. Тогда, в начале 60-х годов, нам было трудно понять его позицию. Но жизнь не однажды давала нам возможность оценить мудрость Григория Алексеевича»⁴⁴.

Итак, четко вырисовывается научная позиция Г.А. Разуваева. Как талантливый, прозорливый ученый, он был убежден, что без использования квантово-химических представлений в химии, без применения теории электронных смещений, включающей понятия о видах мезомерных эффектов и резонансных структурах, невозможно придать процессу обучения необходимую научность и системность, и уж тем более не представляется возможным претендовать на проведение серьезных, фундаментальных работ по изучению структуры и реакционной способности органических соединений. Поэтому признание ученым якобы своих заблуждений, идеологических ошибок в использовании теории резонанса можно расценивать, как необходимую дань официальному мнению и словесной атрибутике того времени. Авторитет лидера горьковской школы ученых-химиков и его непревзойденные личностные качества во многом обусловили отсутствие серьезных потрясений для региональной науки в связи с антирезонансной кампанией.

Особенности и реальные проблемы дискуссии

Обобщение сущностных специфических черт антирезонансной кампании в масштабах всей страны и в отдельно взятом регионе позволяет утверждать о значительной степени инсценированности всего происходившего в связи с дискуссией о теории резонанса.

Теория резонанса рассматривалась не как исключение или единственный случай. Она считалась одной из многих порочных теорий в области буржуазной политики, науки, техники и философии. Как указывалось выше, в резолюции Всероссийского совещания 1951 года о «Состоянии теории химического строения в органической химии» подчеркивалась тесная взаимосвязь «идеологических извращений в вопросах химической теории» с «враждебными теориями в биологии и физиологии». Действительно, антирезонансная кампания проходила по образу и подобию с аналогичными кампаниями в других науках. Имелась подлежащая разгрому лженаучная и философски порочная мезомерно-резонансная концепция, созданная англо-американскими реакционерами. Обнаружились пропагандисты этой идеалистической и механистической концепции у нас в

стране (Я.К. Сыркин, М.Е. Дяткина). Им противопоставлялась абсолютно правильная, философски выдержанная теория выдающегося отечественного ученого (теория химического строения А.М. Бутлерова). Эту теорию должен был защищать лидер — представитель славной бутлеровской школы химиков-органиков. Такой лидер в химической дискуссии отсутствовал. Л. Грехэм сопоставляет начало антирезонансной кампании с идеологической кампанией в биологии: это была кампания, «инициированная фанатичным и амбиционным, но незначительным химиком Г.В.Челинцевым, который впоследствии обвинялся в претензии занять в химии ту же высокую позицию, которую в биологии занял Т.Д. Лысенко»⁴⁵. Она была составной частью борьбы, потрясшей академические круги: «борьбы между истинными учеными, с одной стороны, и невежественными карьеристами, идеологическими фанатиками — с другой»⁴⁶.

Методологической основой теории резонанса объявлялся идеалистический махистский принцип «удобства» описания. Именно обвинения в идеализме (махизме), прозвучавшие в публикациях ученых-химиков (В.М. Татевский, М.И. Шахпаронов), ознаменовали начало антирезонансной кампании. Резонирующие структуры действительно не являются реально существующими, это всего лишь модели, использующиеся для удобства описания и объяснения строения молекул в рамках метода валентных связей. Поэтому объективный характер теории резонанса не укладывался в сознании большинства ученых, привыкших мыслить конкретными категориями вещества. Кроме этого, к осуждению подобного подхода в идеализме привела сложность оперирования квантово-механическими понятиями и представлениями, не имевшими реальной физической основы.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что всесоюзное совещание, при сохранении словесной атрибутики тех лет, проходило в спокойной обстановке. С беспощадной критикой резонанщиков выступило явное меньшинство участников совещания. При этом другие выступающие, в том числе и организаторы совещания, в сущности, поддержали и квантово-механический подход к теории строения органических соединений, и основные идеи мезомерии (признавалось существование эффекта сопряжения, указывалось на важность абстракций в теории познания, отмечалось значение физических методов исследования молекул). Совещание практически поставило точку в антирезонансной кампании, которая пошла на убыль, в этом обнаруживается принципиальное различие с дискуссией в биологии и ее последствиями после печально известной 4-й сессии ВАСХНИЛ.

Уже к началу 60-х годов теория резонанса и концепция мезомерии были «реабилитированы». Все это дает основание утверждать, что вся

антирезонансная кампания носила, скорее, ритуальный характер и была направлена на укрепление идеологических позиций в фундаментальной советской науке. А.А. Печенкин подчеркивает: «Антирезонансная кампания в духе послесталинских времен не требовала от своих участников подлинной веры. Достаточно было исполнить ритуал, заклеив махизм, теорию резонанса, и можно было работать в науке дальше. Конечно, все относительно. И антирезонансная кампания подняла волну невежества, вынесла на поверхность всякую нечисть, привела к человеческим страданиям. Но в ней забрезжила надежда на будущее идеологически автономное существование науки, осуществившаяся отчасти в хрущевские и особенно в брежневские времена. Академики, члены-корреспонденты, профессора, кандидаты наук и научные сотрудники без степеней, собравшиеся на всесоюзном совещании 1951 г., исполнили ритуальный танец и разошлись по домам»¹⁷.

Анализ антирезонансной кампании в масштабах страны и на уровне конкретного региона позволяет сделать ряд выводов о соотношении научного и ненаучного в дискуссии о теории резонанса, об объективных и субъективных причинах ее возникновения, об особенностях развития науки в условиях определенного политического режима и об интернациональном характере научных исследований в целом.

Следует обратить внимание на то, что рассматриваемая кампания была вызвана не только причинами идеологического порядка, когда советские химики демонстрировали перед руководством партии и страны, перед народом готовность дать отпор чуждой идеологии. Диалектика познания такова, что в науке происходят неизбежные скачки, при этом новые научные теории и новые методы часто с трудом пробивают себе дорогу. В рассматриваемый исторический период теоретическая химия совершила переход к более высокому уровню абстракции, заимствовав математический взгляд на химическое соединение у квантовой теории. Теория химического строения органических соединений, с позиций которой объявлялась антинаучной теория резонанса, была предложена А.М. Бутлеровым в 1861 году. В то время еще не было известно даже о сложном строении атома (лишь в 1897 году был открыт электрон). В первые десятилетия XX века возникает понятие о ковалентной химической связи, и появляются первые электронные теории в органической химии. Лишь в 30-е годы XX века получил распространение метод валентных связей, в рамках которого и возникла теория резонанса. Основной прорыв в этой области принадлежал зарубежным ученым. Резким скачкообразным развитием химии на принципиально новом теоретическом уровне в первой половине XX века и определенной изоляцией советской науки

от зарубежных исследований объясняется некоторая отсталость научных взглядов и теоретической подготовки советских химиков. Отсюда становится понятной невысокая квантово-теоретическая культура ряда советских химиков, вызванная прежде всего слабостью их квантово-химической подготовки. Поэтому именно теория резонанса стала предметом всеобщего осуждения.

В докладах критикующей стороны (Г.В. Челинцев, В.Е. Львов, М.И. Батуев) ставились под сомнение и напрямую отрицались основные постулаты квантовой механики, игнорировались перспективы квантовой химии. Например, не признавая принцип неопределенности Гейзенберга, В.Е. Львов призывал к «мобилизации всех сил советской теоретической физики на разработку теории точного и однозначного описания взаимодействия индивидуальных микрообъектов в пространстве и во времени»⁴⁸. Присутствовавшим на совещании немногочисленным физикам пришлось разъяснять элементарные положения квантовой механики, начиная с корпускулярно-волнового дуализма электрона, квантовые свойства которого имеют фундаментальное значение для химии. Доктор физико-математических наук Э.И. Адирович, представлявший Физический институт им. П.Н. Лебедева АН СССР, убедительно раскрыл значение квантовой механики, показав, что «химия, тесно связанная с физикой, не может обойтись без физических методов исследования, как экспериментальных, так и теоретических»⁴⁹.

Развивая идею о взаимосвязи физики и химии, А.А. Максимов, представлявший журнал «Вопросы философии», обвинил именно физиков в распространении теории резонанса. Он утверждал, что физики не только «не искоренили «физического» и «философского идеализма» и «не поддержали химиков в их борьбе за передовую советскую химическую науку», но и активно пропагандировали до сих пор идеи теории резонанса»⁵⁰. По мнению А.А. Максимова, «совещание поступило бы правильно и содействовало бы развертыванию борьбы за передовую науку, если бы отметило в своих решениях ненормальность уклонения физиков от борьбы за передовую науку в связи с теорией химического строения»⁵¹.

Разногласия между физиками и химиками по теоретическим вопросам квантовой механики имели вполне объективную основу. По мнению А.А. Макаревича, «в формировании и развитии квантовой химии в отличие от формирования... других методов — физико-химических по своей сути, т. е. развивающихся в тесном контакте физики и химии, — есть существенные отличия: ведь квантовая механика развивалась автономно от химии»⁵². Это затруднило взаимодействие названных наук и ученых, работавших в этих областях. А.А. Макаревич указывает и на другие объективные трудности, связанные с

использованием квантово-механических методов в химических исследованиях. Среди этих трудностей отмечается, во-первых, «противоречие между принципиальными возможностями квантовой механики и реальной ее «отдачей» в объяснении химизма» и, во-вторых, приближенность, а значит, недостаточная надежность и эффективность квантово-механических методов; иными словами, те методы, к которым «приходилось прибегать для исследования более сложных систем» не обладали «должной предсказательной силой»³³. Поэтому большая часть советских химиков придерживалась мнения о том, что область применения квантово-механических расчетов ограничена лишь простейшими молекулами, как, например, молекула водорода, а для многоатомных молекул такие расчеты чрезвычайно приближены, и получаемые при их помощи количественные результаты не являются достоверными.

От науки к образованию

Дискуссия о теории резонанса и результаты Всесоюзного совещания по теории химического строения получили отражение в педагогической и методической литературе. Показательна статья члена-корреспондента АН СССР, участника совещания Б.А. Арбузова, опубликованная в журнале «Химия в школе» и адресованная в первую очередь учителям химии, перед которыми ставилась важнейшая задача формирования у учащихся подлинно научного, диалектико-материалистического мировоззрения³⁴. Дискуссию на совещании, в результате которой были обсуждены основные теоретические вопросы современной органической химии, автор статьи называл весьма оживленной и острой. При этом отмечалось отсутствие разногласий среди ученых: «Все выступавшие на совещании химики различных специальностей, физики и философы указывали на то, что представления о «резонансе» и «резонирующих структурах» не имеют ни теоретического, ни экспериментального обоснования»³⁵. Перечисляя основные итоги совещания, Б.А. Арбузов выделил то, что «были разоблачены и осуждены ошибки отдельных советских ученых, некритически воспринявших «теорию электронного резонанса», не разглядевших ее идеалистической сущности и пропагандировавших это ложное направление в химии. Указан вред, нанесенный «теорией резонанса» делу развития учения о химическом строении, отвлекшей ряд ученых от правильного направления и создавшей вредную иллюзию объяснения наблюдаемых фактов, остававшихся на деле не объясненными. В своих выступлениях на совещании эти ученые признали правильность критики их взглядов, хотя и не дали глубокого методологического анализа своих ошибок»³⁶. Касаясь вопроса о соотношении химии и физики, Б.А. Арбузов, отмечая существенную

роль квантовой механики в развитии представлений о строении органических молекул, предупреждал: «Успехи, достигнутые квантовой химией и применением физических методов исследования, однако, не следует преувеличивать. Они не могут собой заменить обычные методы химического исследования – методы синтеза, анализа, изучения химических свойств, на которых основывались и основываются сейчас все важнейшие выводы теории химического строения. Физические теории, так же как и физические методы исследования, играют в современной органической химии лишь подсобную роль»⁵⁷.

Видно, что в методической статье, призванной содействовать коммунистическому воспитанию советской молодежи в духе «подлинного марксизма», давалась идеологически выверенная оценка дискуссии в отечественной химии, не допускавшая двойственного толкования освещаемых событий. В завершении статьи Б.А. Арбузов особо указал на необходимость «издания трудов классиков отечественной химии – А.М. Бутлерова и В.В. Марковникова, а также монографической литературы по теоретическим вопросам химии и новых учебников по органической химии, правильно освещающих современное состояние химической науки»⁵⁸.

Несомненно, что антирезонансная кампания оказала влияние и на тематику печатных материалов по методике обучения химии. При анализе публикаций в журнале «Химия в школе» за 1951 и 1952 годы невольно бросается в глаза обилие статей, посвященных описанию великого наследия русских ученых-химиков с целью формирования у школьников глубокого убеждения о приоритете отечественной науки⁵⁹. Немало публикаций и об идейном содержании курса химии, в которых упоминались недавно прошедшие идеологические дискуссии в советской науке. В одной из них читаем: «Особенно большие сдвиги в деле воспитания и обучения учащихся в духе подлинного марксизма произошли после исторических постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и дискуссий по философии, биологии, языкознанию. Благотворное влияние при этом испытало не только преподавание таких предметов, как язык, литература, биология, но и преподавание всех других учебных предметов. Указания партии привлекли внимание учителей к вопросам активного воспитания учащихся в коммунистическом духе, они побудили пересмотреть содержание школьного курса химии и изъять из него всяческие проявления низкопоклонства перед иностранщиной и умаления приоритета нашей отечественной науки, они вызвали глубокий интерес к трудам и идеям классиков русской химии, особенно Ломоносова, Менделеева, Бутлерова. Освещенные светом марксизма-ленинизма, с новой силой и глубиной раскрылись перед нами научные и педагогические взгляды этих великих ученых-мыслителей»⁶⁰. Влия-

ние дискуссии о резонансе на школьную методику обучения химии, связанное в первую очередь с вопросами идейного воспитания подрастающего поколения, может рассматриваться в качестве одного из официальных итогов идеологической кампании в химии. Со страниц журнала педагогическую общественность убеждали в том, что «проводимая советскими химиками борьба за бутлеровское материалистическое направление в химии против современных идеалистов, пытающихся противопоставить ей схоластические и спекулятивные теоретические построения вроде пресловутой «теории резонанса», несомненно, послужит еще большему укреплению и расцвету нашей отечественной науки и усилению ее воспитательного воздействия на нашу молодежь»⁶¹.

Последствия

Антирезонансная кампания не являлась, по существу, дискуссией, так как не было выдвинуто других теорий и методов, позволявших с новых позиций подойти к объяснению строения и свойств органических молекул. Хотя Г.В. Челинцев, противопоставляя себя всей советской химии, пытался пропагандировать свою так называемую «новую структурную теорию» строения вещества, которую А.Н. Несмеянов назвал «доморощенной вульгаризацией науки»⁶². Фактически все антирезонансные мероприятия завершались осуждением не только теории резонанса, но и «новой структурной теории» Челинцева.

Интересно мнение А.А. Печенкина о том, что «Несмеянов, находившийся в то время в высших слоях академической элиты и бывший свидетелем идеологических кампаний 1946—1950 гг., понял, что в химии не миновать чего-то сходного с идеологической борьбой и что лучше обойтись малой кровью, согласившись на поправление спорной теории резонанса»⁶³. Это еще раз подчеркивает подготовленность, спланированность и инсценированность рассматриваемых событий.

Не было и не могло быть научного обсуждения теории резонансных структур на кафедрах химии Горьковского государственного университета. Проходившие мероприятия регламентировались руководящими организациями, были тщательно подготовлены и спланированы и носили исключительно идеологический характер, когда теория объявлялась ненаучной только потому, что является результатом исследований буржуазных ученых и не укладывается в рамки теоретических основ отечественной химии.

Обращает на себя внимание тот факт, что в других высших учебных заведениях города Горького вообще не происходило никакого обсуждения ни теории резонанса, ни событий, связанных с ней.

Архивные материалы кафедры биохимии Горьковского медицинского института имени С.М. Кирова; кафедры химии Горьковского государственного педагогического института имени М. Горького; кафедр общей химии, органической и биологической химии, агрохимии Горьковского сельскохозяйственного института; кафедры химии Горьковского института инженеров водного транспорта; кафедры химии Горьковского инженерно-строительного института; химикотехнологического факультета Горьковского политехнического института имени А.А. Жданова позволяют лишь выявить общую тенденцию перестройки преподавания химии на основе труда И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

В протоколах заседаний указанных кафедр в период с 1949 по 1952 год обращается внимание на систематическое освещение в лекциях приоритета русской и особенно советской науки и разъяснение вреда низкопоклонства перед «иностранщиной». При этом теория резонанса не упоминается вообще. Очевидно, это объясняется спецификой химической подготовки студентов в указанных учебных заведениях, когда усвоению подлежали в основном вопросы прикладного характера, связанные с будущей специальностью обучающихся. Такие сложные теоретические разделы химии, как строение вещества, рассматривались лишь обзорно или же не изучались вовсе. Кроме того, следует учесть и тот факт, что в рассматриваемый временной период в нашем регионе и в областном центре, в частности, не было ученых, предметом научных интересов которых являлась бы квантовая химия. Высококвалифицированных специалистов в области квантово-химических исследований было не так много даже в академических центрах Москвы.

Объективные затруднения возникали и у философов при анализе ситуации вокруг теории резонанса. Б.М. Кедров, выступая на всесоюзном совещании, указал основные причины отставания философов в дискуссии по химии. «Общая причина — не до конца еще ликвидированное отставание всего философского фронта, о чем говорил т. Жданов на философской дискуссии. Частная же причина заключается в том, что, к сожалению, есть очень мало философов, которые разбираются в конкретных вопросах естествознания»⁶⁴. Просмотр протоколов заседаний кафедры философии Горьковского государственного университета в период с 1949 по 1953 год⁶⁵ не выявил каких-либо материалов, связанных с обсуждением на кафедре идеологической обстановки в стране и в регионе в ходе антирезонансной кампании. Очевидно, что сотрудники кафедры философии не были готовы к оценке сложившейся ситуации в отечественной химии и предпочитали не делать поспешных выводов, касающихся анализа квантово-химических методов исследования в фундаментальной науке.

Анализ ситуации в отечественном естествознании в середине XX века позволяет выявить ряд идеологических стереотипов в мышлении советских химиков, которые в немалой степени способствовали разворачиванию антирезонансной кампании. Идеологические стереотипы рассматриваются философами как феномены науки, корни которых находятся в той социокультурной среде, в которую погружает науку то или иное государство. Обращает на себя внимание прежде всего крайний фундаментализм и догматизм мышления ученых в условиях тоталитарного государства. В ходе антирезонансной кампании это выразилось в преувеличении роли теории химического строения А.М. Бутлерова, когда считалось, что не может быть таких фактов, которые бы не укладывались в рамки этой теории.

Безусловно, теория химического строения сыграла в истории решающую роль в становлении и развитии органической химии. Однако при этом не следует забывать о границах применимости понятий и научных теорий, тем более что А.М. Бутлеров рассматривал любую самую совершенную теорию, лишь как приближение к истине, как определенный исторически обусловленный этап в познании объективной истины. «...Факты, необъяснимые существующими теориями, наиболее дороги для науки, от их разработки следует по преимуществу ожидать ее развития в ближайшем будущем.<...> Само собой разумеется, что когда мы будем знать ближе натуру химической энергии, самый род атомного движения, когда законы механики получат и здесь применение, тогда учение о химическом строении падет, как падали прежние химические теории, но, подобно большинству этих теорий, оно падет не для того, чтобы исчезнуть, а для того, чтобы войти в измененном виде в круг новых и более широких воззрений»⁶⁶. В 20-е годы XX века как раз и произошел значительный перелом в развитии структурной теории органической химии, который был связан с применением физических методов исследования (рентгенографического, спектроскопического, электронографического) и с использованием методов квантовой механики. Сегодня теория химического строения органических соединений А.М. Бутлерова является компонентом современной теории строения, основные положения которой включают прежде всего рассмотрение электронной и пространственной структуры молекул.

История антирезонансной кампании убедительно показывает, что науку нельзя всецело превращать в арену идеологической и политической борьбы. Игнорирование интернационального характера фундаментальных научных исследований приводит к снижению уровня и уменьшению масштабности этих исследований, а в конечном итоге к отставанию в развитии целых научных направлений. Критика теории резонанса привела к замалчиванию в течение нескольких лет

этой концепции в научной печати и в учебной литературе. Пострадала от этого в первую очередь отечественная квантовая химия, хотя антирезонансная кампания не привела к ликвидации или, наоборот, к возникновению каких-либо научных структур в отличие от сессии ВАСХНИЛ 1948 года, которая способствовала искоренению целого научного направления в советской биологии. Ученые не перестали использовать квантово-механические методы расчета параметров молекул, но им упорно отводилась лишь второстепенная роль.

Интересно мнение доктора физико-математических наук А.С. Сониной, занимавшегося анализом последствий антирезонансной кампании. Он отмечает, что разгромить тогда химию, когда сторонниками теории резонанса являлись, по сути дела, все ведущие химики страны, «означало подорвать все народное хозяйство и, прежде всего, нашу оборону. Поэтому Челинцеву или кому-то другому не дали сыграть роль Лысенко, поэтому и спускали на тормозах всю кампанию. Поэтому было много шума, но мало оргвыводов»⁶⁷. Наиболее четко главный результат дискуссии 1951 года был определен Лайнусом Полингом. Значительно позднее — в середине 70-х годов он, в то время уже дважды лауреат Нобелевской премии, был гостем Академии наук СССР. В беседе с журналистами Полинг заявил, что «рост теоретической химии в СССР был задержан, по крайней мере, на 20 лет, что крайне отрицательно сказалось на уровне химического образования в СССР»⁶⁸.

Объективный характер развития научного знания и снятие жестких идеологических запретов по отношению к исследовательской деятельности ученых способствовали тому, что теория резонанса была восстановлена в своих правах. В 1958 году Л. Полинг был избран иностранным членом Академии наук СССР. В 1959 году в СССР был издан перевод книги «Перспективы органической химии», открывавшейся статьей Полинга по теории резонанса. Когда в 1964 году состоялись выборы в Академию наук СССР, одним из первых в действительные члены был избран Я.К. Сыркин. Уже в 60-х годах теория резонанса явно и неявно использовалась в статьях и книгах советских авторов, а в 1969 году появился первый том курса А.Н. и Н.А. Несмеяновых⁶⁹, в котором излагались основы теории резонанса и рассматривалось ее применение в органической химии. Разгрома советской химии не произошло, были сохранены основные направления ее развития, но кампания по борьбе с теорией резонанса нанесла серьезный ущерб престижу советской науки.

---

⁶⁷Цит. по: Сонин А.С. Тревожные годы советской химии // Знание—сила. 1988. №10. С.64—69.

² Состояние теории химического строения в органической химии // Всесоюзное совещание 11–14 июня 1951 года. Стенографический отчет. М., 1952. С. 5–6.

³ Там же. С. 53–54.

⁴ Печенкин А.А. Антирезонансная кампания 1949–1951 гг. // Метафизика и идеология в истории естествознания. М., 1994. С. 198.

⁵ Состояние теории химического строения в органической химии... С. 350.

⁶ Состояние теории химического строения в органической химии ... С. 133.

⁷ Татевский В.М., Шахпаронов М.И. Об одной махистской теории в химии и ее пропагандистах // Вопросы философии. 1949. №3. С. 192.

⁸ Состояние теории химического строения в органической химии... С. 79–80.

⁹ Там же. С. 35.

¹⁰ Там же. С. 209.

¹¹ Там же. С. 364.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ ГОПАНО. Ф. 275. Оп. 6. Д. 30. Л. 17.

¹⁵ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 226, 227, 230–233.

¹⁶ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 234. Л. 8.

¹⁷ Рабинович И.Б. Философский семинар на химфаке // За сталинскую науку. 1948. 27 мая.

¹⁸ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 550.

¹⁹ ГОПАНО. Ф. 275. Оп. 8. Д. 2. Л. 20.

²⁰ Там же. Л. 27.

²¹ Там же. Л. 30.

²² Там же.

²³ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 550.

²⁴ Аменицкая Р. Шире развертывать научную критику // За сталинскую науку. 1952. 8 января.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 550. Л. 146.

²⁷ Там же. Л. 149.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 147.

³⁰ Там же. Л. 150.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 169.

³³ По-большевистски заботиться о кадрах // За сталинскую науку. 1952. 15 января.

³⁴ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 489. Л. 28–42.

³⁵ ГОПАНО. Ф. 275. Оп. 8. Д. 7. Л. 131.

³⁶ Там же. Д. 9. Л. 37.

³⁷ Выше уровень партийной работы // За сталинскую науку. 1952. 23 мая.

³⁸ Там же.

³⁹ Петухов Г. А.М. Бутлеров (к 125-летию со дня рождения) // За сталинскую науку. 1953. 18 сентября.

⁴⁰ Воспоминания об академике Григории Алексеевиче Разуваеве. М., 1994. С. 47.

⁴¹ Там же. С. 106.

⁴² Там же. С. 97.

⁴³ Там же. С. 98.

⁴⁴ Там же. С. 78.

⁴⁵ Грэхем Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М., 1991. С. 309.

⁴⁶ Там же. С. 22.

⁴⁷ Печенкин А.А. Антирезонансная кампания 1949–1951 гг. ... С. 191–192.

⁴⁸ Там же. С. 141.

⁴⁹ Там же. С. 252.

⁵⁰ Там же. С. 258–259.

⁵¹ Там же. С. 259.

⁵² Макареня А.А., Обухов В.Л. Система химии и методика преподавания химии: Учебное пособие. – Л., 1984. С.67.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Арбузов Б.А. К итогам Всесоюзного совещания по теории химического строения в органической химии // Химия в школе. 1952. №1.

⁵⁵ Там же. С.15.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С.11.

⁵⁸ Там же. С. 16.

⁵⁹ Шаповаленко С.Г. Вклад Д.И.Менделеева и А.М. Бутлерова в развитие методики химии // Химия в школе. 1951. №4; №5. Фигуровский Н.А. 90 лет теории химического строения А.М. Бутлерова // Там же. Бекетовский С.Н. Михаил Григорьевич Кучеров // Там же. №6. Мусабеков Ю. Русские женщины-химики // Там же. 1952. №1. Розен Б.Я. Академик Н.С.Курнаков – создатель физико-химического анализа // Там же. №2. Шаповаленко С.Г. Роль М.В.Ломоносова в создании методики преподавания химии // Там же. №3. Дмитриенко Г.В. И.А.Каблуков как ученый и педагог // Там же. №5.

⁶⁰ Формирование мировоззрения учащихся в процессе преподавания химии // Химия в школе. 1951. №6. С.6.

⁶¹ Там же.

⁶² Несмеянов А.Н. О «контактных связях» и новой «структурной теории» // Известия АН СССР. Отделение химических наук. 1952. №1. С.200.

⁶³ Печенкин А.А. Антирезонансная кампания 1949–1951 гг. С.187.

⁶⁴ Состояние теории химического строения в органической химии... С. 315.

⁶⁵ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 7. Д. 120.

⁶⁶ Бутлеров А.М. Соч. М., 1953. Т. 1. С. 380, 383.

⁶⁷ Сонин А.С. Тревожные годы советской химии // Знание–сила. 1988. №10. С. 68.

⁶⁸ Сергеев Н.М. Дискуссия о резонансе // Химия и жизнь. 1988. №9. С. 70.

⁶⁹ Несмеянов А.Н., Несмеянов Н.А. Начала органической химии: В 2 кн. М., 1969. Кн.1.

Глава 6

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: СООТНОШЕНИЕ НАУКИ И ИДЕОЛОГИИ

Дискуссии в различных областях знания, проходившие в послевоенный период в научной жизни СССР, объясняются рядом факторов. С одной стороны, изменилась геополитическая реальность, приведшая к иной расстановке политических сил на международной арене. Соответственно это привело и к пересмотру советского внешне- и внутривнутриполитического курса.

С другой стороны, в годы Второй мировой войны существенному воздействию подверглись ментальные установки советских граждан. Условия военного времени, несмотря на существовавший тоталитарный режим, «заставили» людей мыслить критически, принимать самостоятельные решения, а не только надеяться на «руководящие указания» партии. В ходе освобождения стран Европы от фашизма советские люди собственными глазами увидели реальный уровень жизни населения капиталистических стран.

Кроме того, военный союз с западными державами временно поколебал «образ врага» в лице стран Европы и Америки. Это касалось и научной сферы. Советские ученые в своих исследованиях начали использовать разработки западных коллег¹. Последнее обстоятельство серьезно настораживало руководство страны, что явилось одним из факторов борьбы с космополитизмом. После Второй мировой войны чрезвычайно актуальной стала идеологическая задача по обоснованию превосходства советского образа жизни над капиталистическим.

Особое место среди научных дискуссий заняла дискуссия по политической экономии, состоявшаяся в 1951 году.

Один из ведущих ученых-политэкономов К.В. Островитянов в 1951 году в статье «Значение трудов товарища И.В. Сталина по вопросам языкознания для развития экономической науки» дал следующее определение предмета политэкономии: «Политическая экономия изучает общественно-производственные отношения в их взаимодействии с производительными силами общества... Она включает законы, управляющие производством и распределением необходимых

предметов, как личного, так и производственного потребления в человеческом обществе на различных ступенях его развития»².

Это означает, что политэкономия, изучая закономерности развития хозяйства социалистического общества и механизма перехода к коммунистическому строю, имела важное идеологическое значение.

Предыстория

К 1951 году в политэкономии как научной дисциплине сложилась критическая ситуация: не было ни одного учебника, включающего раздел по политэкономии социализма, хотя сам социализм, по утверждению руководства партии, уже давно существовал в СССР. Еще в 1936 году было объявлено о построении в СССР первой стадии социализма. Тогда же ЦК ВКП(б) принял постановление «О перестройке преподавания политической экономии». Стало понятно, что в том виде, в котором существовала данная научная дисциплина, она абсолютно не отвечала интересам партии, не выполняла соответствующей идеологической функции.

Причины принятия данного постановления достаточно подробно рассмотрены в статье Б.Талы «О предмете политической экономии и ее преподавании». Ученый писал: «Центральный Комитет партии предложил отменить существующую программу преподавания политической экономии, поскольку программа, как и учебники, вопреки прямым указаниям Ленина и Сталина, сводят эту общественно-историческую науку к формальному определению экономических терминов и понятий и тем самым уводят ее, по меткому замечанию товарища Сталина, “в область талмудизированных абстракций”»³.

Из приведенной цитаты следует, что ЦК партии интересовали в первую очередь идеологические возможности данной науки, а не стройные научные теории и высокие абстракции. Этот момент нашел отражение в требованиях ЦК ВКП(б) к разрабатываемым программам и учебникам: «Важнейшее значение имеет требование ЦК ВКП(б) о том, чтобы в программе и в учебнике по политической экономии в соответствующих разделах была дана острая критика буржуазных, буржуазно-фашистских и оппортунистических теорий, а не препирательство не имеющих значения групп бывших слушателей Института красной профессуры, загромождающие программы, учебники ненужным хламом»⁴. Другими словами, власть интересовало унифицированное, выполняющее идеологическую нагрузку знание, а не наука, отражающая различные подходы экономических школ относительно развития хозяйственной жизни общества.

Как уже говорилось ранее, проблема заключалась также в том, что ни в одном учебнике по политической экономии не было раздела по политэкономии социалистического строя. Таким образом, было оче-

видно «слабое место» с точки зрения обоснования провозглашенного строя: социализм построили, он существует, однако закономерностей, объясняющих его экономическое развитие, — не выявлено. При наличии достаточно развитой теории капитализма это могло натолкнуть на мысль об отсутствии объективной обусловленности существования данного строя, давало дополнительный козырь в руки «врагов социализма», «буржуазных» ученых и политиков.

В своем решении ЦК партии отменил существовавшую программу преподавания политэкономии и утвердил новую схему курса, по которой должны были строиться программы и учебники. Предлагалась следующая структура: введение (марксистско-ленинское учение об экономическом развитии человеческого общества и предмет политической экономии, краткая характеристика общественных докапиталистических формаций в их развитии); возникновение капитализма; промышленный капитализм; империализм; социализм.

Учебник по политэкономии должен был удовлетворять дидактическим и идеологическим требованиям, предъявляемым к учебникам и по другим дисциплинам: достаточно краткий, отражающий основные моменты, доступный с точки зрения понимания и языка, насыщенный примерами, отражающими превосходство социалистического строя над капиталистическим, российской и советской науки над буржуазной.

На практике написание учебника столкнулось с множеством проблем:

1. Научный анализ, позволяющий выявить определенные закономерности развития, должен базироваться на изучении достаточно обширной фактуры, сравнении множественных явлений и процессов, протекающих в определенных условиях и временных рамках. Однако опыт развития социалистического строя в СССР был явно недостаточен, чтобы делать какие-либо глобальные выводы. Отсутствовала также возможность сравнительного анализа с вариантами создания и развития социалистического хозяйства в других странах. Все это тормозило исследовательскую работу экономистов в области выявления закономерностей развития социалистического народного хозяйства.

2. Уже в 1930-е годы выявились противоречия между тезисами, выдвинутыми классиками марксизма-ленинизма и сложившейся реальностью. Например, положение о законе стоимости и товарности производства (при уничтожении частной собственности, эксплуатации, отсутствии антагонистических классов уничтожаются и причины товарности производства) было опровергнуто реальностью. В этой ситуации возникает вполне закономерный вопрос: как быть?

Либо тот строй, который построили, не вполне подходит под определение социализма, либо возникает необходимость коррекции учения классиков марксизма-ленинизма.

3. Поворот от нэпа к сталинскому варианту строительства социализма в СССР сопровождался рядом репрессий, которые коснулись и ученых-экономистов. Политическому руководству страны не требовалось то многообразие экономических течений, направлений экономических исследований, которые возникли в 20-е годы XX века, поэтому в конечном итоге осталось только одно — ортодоксальное марксистско-ленинское.

В.Е. Маневич в статье «Сталинизм и политическая экономия» выделил несколько этапов репрессий советских экономистов в довоенный период: 1) 1930 г. — аресты старой профессуры и бывших меньшевиков (Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов, В.А. Базаров, Г.В. Громан, Л.Н. Юровский и др.); 2) 1936—1938 гг. — кроме уцелевших ранее меньшевиков и эсеров под репрессии попали и экономисты-большевики (Е.А. Преображенский, Г.Я. Сокольников, Н.И. Бухарин, С.С. Бессонов, Г.И. Крумин и др.)⁵. В результате репрессий экономическая наука лишилась многих квалифицированных творчески мыслящих специалистов. Если учесть, что после постановления ЦК ВКП(б) 1936 года многие кафедры политэкономии в неэкономических вузах были ликвидированы, а политэкономия преподавалась только как составная часть курса «Основы марксизма-ленинизма» на соответствующих кафедрах, то очевиден вывод: произошло резкое снижение профессионального уровня кадров, началось торможение развития советской экономической науки.

В 1936 году было создано два варианта учебника по политэкономии: один — популярный, другой — для профессионалов. Высшего одобрения не получили ни тот, ни другой учебник. В 1938 г. появляется макет учебника под названием «Политическая экономия. Краткий курс» под редакцией А. Леонтьева и А. Стецкого. Однако А. Стецкий еще в 1937 году был репрессирован. По этой причине учебник выпущен не был.

В апреле 1940 года А. Леонтьев представил новый макет учебника, который был направлен для критического анализа и доработки таким ученым, как К.В. Островитянов, А.И. Пашков, Г.И. Косяченко. К декабрю того же года появился исправленный вариант учебника, который стал предметом обсуждения на встрече И.В. Сталина, В.М. Молотова, Н.А. Вознесенского с авторским коллективом и рядом других приглашенных специалистов. Макет был раскритикован⁶.

В период Великой Отечественной войны работа по созданию учебника, что вполне естественно, была приостановлена.

В послевоенный период потребность в учебнике по политэкономии резко возрастает. В результате Второй мировой войны происходят серьезные изменения в расстановке сил на международной арене: «Изменились соотношения между крупнейшими странами империализма; по-новому складываются отношения между метрополиями и колониями; <...> радикально изменилось соотношение между двумя соревнующимися экономическими системами: между капитализмом и социализмом»⁷.

Отсутствие раздела, характеризующего социалистическое хозяйство, критики современного этапа развития капитализма, современных буржуазных экономических школ создавало некоторую шаткость в позиции СССР в споре с капиталистической наукой, сложность в управлении странами социалистической системы. Отсутствие исследований основных проблем хозяйственного развития СССР отрицательно сказывалось на уровне преподавания экономических дисциплин: не было систематичности в изучении теории социализма, преобладали элементы экономической политики. При разработке тем, посвященных современной стадии империализма и социализма, преподаватель вынужден был самостоятельно делать вывод из материалов, разбросанных по журналам и газетам или придерживаться старых формулировок. Последнее чаще всего и имело место. Все это приводило к «...более или менее крупным погрешностям в идеологическом вооружении учащейся молодежи, что уменьшает ее сопротивляемость напору чуждых влияний»⁸.

Поэтому были опять возобновлены попытки создания учебника. В 1950 году был сформирован коллектив авторов, в который вошли ученые, как уже пытавшиеся написать учебник (К.В. Островитянов, Л.А. Леонтьев), так и другие (А.Д. Лаптев, А.И. Пашков, П.Ф. Юдин). Авторский коллектив возглавил Дмитрий Трофимович Шепилов. Контроль над процессом создания учебника был возложен на Г.М. Маленкова.

В июле 1951 года проект учебника был готов и представлен И.В. Сталину, который выдвинул идею об его широком обсуждении в научных кругах. Макет учебника был разослан 250 специалистам (научным работникам, преподавателям, партийным и хозяйственным работникам) с сопроводительными письмами, приглашающими адресатов принять участие в дискуссии.

Дискуссия

Дискуссия по политэкономии открылась в Москве 10 ноября 1951 года. Она выделяется среди остальных подобного рода научных дискуссий своей продолжительностью. Дискуссия длилась с перерывами до 8 декабря. В ее рамках состоялось 21 пленарное заседание, высту-

пило 119 человек. Председательствовали на дискуссии Г.М. Маленков и М.А. Суслов. Это свидетельствовало о серьезном отношении руководства страны к данному мероприятию.

Материалы дискуссии составили 38 томов, но ничего, кроме выступления К.В. Островитянова, вошедшего позже в его избранные произведения, опубликовано не было⁹. Дискуссия была достаточно острой. В ходе критики макета учебника выступающие поднимали сложные теоретические и методологические проблемы. Однако позитивного результата в рамках центральной дискуссии достигнуто не было. Следует также отметить, что широкого текущего освещения в средствах массовой информации дискуссия не имела. Возможно, это было связано с отсутствием согласия между дискутирующими относительно основ построения и развития хозяйства социализма.

И.В. Сталин в работе дискуссии непосредственного участия не принимал, однако ежедневно получал все материалы, стенограммы и прочие документы. Отсутствие позитивного результата заставило И.В. Сталина высказать собственное мнение по рассматриваемым проблемам.

Одна из причин неудачи дискуссии нам видится в том, что, по сложившимся правилам, основные положения должны были подкрепляться цитатами из классиков марксизма-ленинизма. Однако положения о развитии социализма существовали у них на уровне гипотез, с которыми сложившаяся реальность в некоторых моментах входила в противоречия. Таким образом, возникала необходимость развития учения, на что был способен только «живой классик» марксизма-ленинизма.

По окончании дискуссии к февралю 1952 года Сталин пишет «Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 г.». В данной работе он высказывает и обосновывает собственное мнение по основополагающим вопросам политэкономии, относительно которых ученые во время организованной дискуссии не пришли к единому мнению: об объективном характере экономических законов, о существовании и особенностях товарного производства при социализме, о действии закона стоимости при социализме, об уничтожении противоположностей между городом и деревней, умственным и физическим трудом, а также формулирует основные экономические законы социализма и капитализма. В работе были затронуты и вопросы развития современной капиталистической системы, обоснованы углубление кризиса мировой капиталистической системы и неизбежность войн между капиталистическими государствами.

Конечно же следует отметить, скорее, идеологический, чем научный характер работы, хотя речь в ней и идет о закономерностях

именно экономического развития. В работе прослеживается необходимость обоснования социалистического строя, объяснения существования явлений, которые, согласно классикам марксизма-ленинизма, должны были отмереть, противопоставление социалистической системы капиталистической. Ярким примером такого подхода является определение основных экономических законов социализма и капитализма, выведенных И.В. Сталиным. Основным экономический закон капитализма заключается, по его мнению, в обеспечении «...максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей»¹⁰.

Что касается основного экономического закона социализма, то он был сформулирован следующим образом: «...обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»¹¹.

Особое внимание в работе уделялось международному значению учебника по политэкономии.

Сразу после написания данный труд Сталина опубликован не был, но до преподавателей и специалистов был доведен через партийные органы. Однако «Замечания» не были единственной реакцией Сталина на проведенную экономическую дискуссию. Часть участников дискуссии представила свои замечания и предложения в связи с доработкой учебника, высказывая собственное мнение по проблемам политэкономии в виде писем лично Сталину. Ответы на часть из них приобрели вид письменной дискуссии и также через ЦК были спущены по партлинии¹².

Следует отметить, что люди, изучающие «Ответы», не имели полного представления о полемике авторов писем и И.В. Сталина. Текст самих писем не приводился, имела место только реакция Сталина на них. Это конечно же давало одностороннее представление о полемике.

«Замечания» и «Письма Сталина» под общим названием «Экономические проблемы социализма в СССР» были напечатаны в сентябрьском номере журнала «Большевик» и газете «Правда» 3 и 4 октября 1952 года. Опубликование данной работы поставило жирную точку в центральной дискуссии по политэкономии. Положения, сформулированные И.В. Сталиным, стали преподноситься как истина в последней инстанции.

К 1951 году в горьковских вузах сложилась достаточно напряженная ситуация с преподаванием политэкономии. После постановления ЦК ВКП(б) 1936 года во многих вузах кафедры политической экономии перестали существовать в качестве самостоятельных структурных подразделений. Возродились они только после войны в результате изменения отношения правительства к гуманитарным научным дисциплинам и осознания их значения с точки зрения идеологического влияния. Например, в 1947/48 учебном году вновь формируется кафедра политической экономии Горьковского государственного университета, в 1949/50 учебном году — кафедра политической экономии Горьковского государственного педагогического института. Однако в некоторых вузах к 1951 году самостоятельных кафедр политэкономии так и не существовало. Например, в Горьковском сельскохозяйственном институте была кафедра основ марксизма-ленинизма и политэкономии, в Горьковской консерватории — кафедра марксизма-ленинизма. Эти данные косвенно свидетельствуют об относительно узком круге опытных преподавателей политической экономии горьковских вузов, а также об их серьезной загруженности.

4 августа 1949 года отделом преподавания общественных наук Министерства высшего образования СССР был введен новый учебный план по политэкономии, построенный на основе 140-часовой программы. После этого нагрузка преподавателей политэкономии резко возросла.

Тяжелое положение с кадрами преподавателей нашло отражение в обращении секретаря горьковского обкома ВКП(б) Д. Смирнова к секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Суслову от 22 июня 1950 года. Смирнов приводит данные о чрезмерной нагрузке преподавателей (например, в пединституте нагрузка по политической экономии составляла 2250 часов при одном штатном работнике, в мединституте — 5882 часа при двух работниках), чем объясняет массовое совместительство, а также низкий уровень исследовательской работы. Д. Смирнов писал: «Кроме того, необеспеченность вузов профессорско-преподавательскими кадрами... отражается и на их научном росте, не дает возможности направить кандидатов наук на курсы докторантов и организовать защиту кандидатских диссертаций в г. Горьком. При высших учебных заведениях города нет аспирантуры по политической экономии, поэтому нет возможности восполнить недостаток преподавателей за счет внутренних резервов»¹³.

Следует также обратить внимание на то, что преподаватели политической экономии г. Горького были членами ВКП(б) и являлись

внештатными лекторами-пропагандистами обкома партии. Это резко увеличивало их загруженность и сокращало время на исследовательскую работу.

Необходимо учитывать, что у ученых-экономистов из провинции были весьма ограниченные возможности по публикации своих научных работ в специализированных изданиях. С одной стороны, в центральных экономических журналах к данному времени сложился определенный круг публикуемых авторов. «Пробиться» туда было практически невозможно. Публикации провинциальных авторов шли в основном в местных газетах. С другой стороны, у политэкономов имелся страх высказать «неправильное» мнение, которое могло отразиться на их дальнейшей преподавательской и научной карьере. Это подтверждает высказывание заведующего кафедрой политэкономии ГПИ им. А.А. Жданова доцента И.И. Казакова на заседании ученого совета института 27 мая 1952 года: «В отношении печати имеем трудности. Мы работаем и пишем статьи, относящиеся к проблемам социалистической экономики, к проблемам по разделу политэкономии социализма... Для того чтобы написать в газету, требуется перерывать большую кучу материала»¹⁴.

В справке инструктора отдела науки и культуры обкома КПСС тов. Наумова о научной работе преподавателей общественных наук вузов г. Горького от 08.06.1953 г. отмечался недостаточный уровень научной квалификации значительной части преподавателей общественных наук вузов города Горького, в том числе и преподавателей политической экономии. В этот период ученую степень кандидата экономических наук имели только десять преподавателей вузов. Часть кафедр (медицинский институт, консерватория) возглавляли лица, не имеющие ученых степеней и званий¹⁵.

Таким образом, высокий уровень загруженности и недостаточно высокий — научной квалификации большей части преподавателей экономических наук не позволили им принять участие в центральной дискуссии.

Анализируя тематику научных исследований горьковских ученых-экономистов, можно сделать вывод о том, что основная часть их занималась конкретно-экономическими вопросами, не отводя должного внимания исследованию основных проблем социалистического хозяйства в целом. Исключение составляли следующие темы: «Неуклонный рост производительности труда — закон социализма» (И.И. Казаков, ГПИ им. А.А. Жданова); «Закон стоимости и товарно-денежные отношения в переходный период от капитализма к социализму» (Н.П. Рыбаков, ГГУ); «Экономическая роль социалистического государства в построении социалистического общества» (А.Я. Золотарев, ГИСИ)¹⁶.

Следует отметить, что в регионах разворачивались собственные дискуссии по основным вопросам политэкономии в различных формах и на различных уровнях обсуждения.

Введение по учебной программе Министерства высшего образования 140-часового курса политэкономии и отсутствие учебника по предмету заставили преподавателей объединить усилия для разработки учебного материала, соответствующего требованиям программы. Так, существовала практика обсуждения текстов лекций на заседаниях кафедр. Особенно остро проходило обсуждение тем, связанных с развитием народного хозяйства при социализме и развитием современной капиталистической экономики.

В г. Горьком функционировал также городской семинар преподавателей политической экономии вузов. На его заседаниях преподаватели обсуждали сложные вопросы данной дисциплины. Например, в 1951/52 учебном году были рассмотрены следующие теоретические и методологические проблемы:

- Перестройка преподавания политической экономии в свете труда тов. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».
- Политика и экономика в социалистическом обществе.
- Социалистические принципы размещения производительных сил.
- Закон стоимости и товарно-денежные отношения в переходный период.
- Обсуждение отдельных вопросов, тем курса политэкономии по разделам: а) докапиталистическая формация, б) капиталистический строй, в) социалистический строй.
- Обсуждение примерных планов семинарских занятий по политэкономии.
- Обсуждение текстов лекций для студентов по содержанию и методике изложения материала по темам: а) общий кризис капитализма, б) социалистическое воспроизводство СССР¹⁷.

В условиях отсутствия учебника возможность подобного общения была очень важна для преподавателей. И конечно же обсуждение столь важных проблем политэкономии не обходилось без полемики.

Анализ протоколов заседаний кафедр политэкономии ГГУ, ГИИВТ, ГПИ, ГГПИ за 1951–1952 годы позволяет сделать вывод о том, что кафедры не владели текущей информацией о ходе центральной дискуссии по политэкономии. Косвенные сведения о ней кафедры получили из неопубликованных, но переданных по партийной линии через обком партии «Замечаний по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 г.» И.В. Сталина. Следует отметить, что работа И.В. Сталина была доведена до вузов очень оперативно. Уже 21 февраля 1952 года кафедра полити-

ческой экономии педагогического института проводит заседание, посвященное ее изучению. Этому же вопросу были посвящены и следующие три заседания¹⁸.

Кафедра политэкономии ГПИ им А.А. Жданова приступила к обсуждению «Замечаний» несколько позже — 26 марта 1952 года¹⁹. Аналогичная работа проходила и на других кафедрах политэкономии горьковских вузов.

Отдел науки и вузов Горьковского обкома партии не только распространил «Замечания» среди преподавателей, но и попросил составить перечень вопросов, возникших при изучении этой работы.

Анализируя список вопросов преподавателей кафедр политэкономии ГИСИ от 7 мая 1952 года и мединститута от 17 марта 1952 года²⁰, можно сделать вывод о том, что данная работа породила множество вопросов, вызвала растерянность среди преподавателей, стала почвой для обмена мнениями и полемики.

Например, огромное количество вопросов возникло в связи с частью работы, посвященной характеру экономических законов:

- Могут ли буржуазное государство, буржуазные классы познать экономические законы развития или не могут?

- Могут ли буржуазия и ее идеологи сознательно пользоваться законами, ограничивать сферу их действия, давать им другие направления?

- Чем порождаются экономические законы вообще. Вытекают ли они из системы производственных отношений или определяются непосредственно способом производств (условиями материальной жизни общества)?

- Надо ли проводить различия между законами науки и экономическим законом?

- Какие экономические законы управляли экономикой рабовладельческого, феодального строя? Как сформулировать эти законы? Могут ли сосуществовать наряду со старыми законами новые экономические законы в рамках одной и той же формации?

Определение основных экономических законов социализма и современного капитализма вызвало следующие вопросы:

- а) в чем отличие основного экономического закона от неосновного (этот вопрос вызвал значительные расхождения у преподавателей); б) каковы формы проявления основного экономического закона социализма, в чем проявляется обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники: через примат производства личного потребления или через примат производства средств производства.

Вызвало также затруднение перечисление важнейших экономических законов социализма:

- Можно ли социалистическое соревнование относить к экономическим законам социализма?

- Можно ли считать экономию общественного труда действующим экономическим законом социализма?

- Какие существуют новые экономические законы социализма?

Позицию И.В. Сталина об ограничении сферы товарного производства предметами личного потребления преподаватель политэкономии ГИСИ доцент А.Я. Золотарев вообще посчитал спорной и попытался высказать контраргументы.

По характеру вопросов можно определить, что, преследуя идеологические цели при написании «Замечаний», И.В. Сталин допустил множество пробелов в научном обосновании поднятых проблем.

До конца 1951/52 учебного года на заседаниях кафедр обсуждались «Ответ И.В. Сталина на письмо т. Ноткина А.И. по некоторым экономическим вопросам» и письмо т. Сталина в Политбюро ЦК ВКП(б) «Об ошибках тов. Ярошенко»²¹.

Обсуждение проходило не только внутри кафедр. Определенный интерес представляет проведение объединенных заседаний кафедр политической экономии пединститута, института инженеров водного транспорта, инженерно-строительного института. Они проводились с целью выработать общую точку зрения по основным экономическим вопросам в связи с работами И.В. Сталина и внести коррективы в преподавания курса политэкономии. 28 августа 1952 года заседание было посвящено обсуждению текста лекции на тему «Предмет политической экономии», представленной заведующим кафедрой политэкономии ГИИВТ доцентом Ф.С. Кожевниковым. Обсуждение было достаточно острым, о чем свидетельствует продолжительность заседания — с 10 до 16 часов. 29 августа 1952 года обсуждалась лекция заведующего кафедрой ГГПИ доцента Н.П. Эпштейна на тему «Социалистическая система народного хозяйства и характер ее экономических законов». Заседание длилось с 10 до 14 часов. 2 сентября обсуждалась лекция преподавателя ГГПИ А.В. Коротыгина на тему «Переходный период от капитализма к социализму» и проходило обсуждение методической записки о перестройке работы кафедр в свете замечаний И.В. Сталина по экономическим вопросам. Заседание также длилось с 10 до 14 часов.

После опубликования брошюры И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» начинается полная перестройка курса в связи с пересмотром основных идей политэкономии, затронутых в работе. Разумеется, подобный процесс не мог протекать без элементов полемики, причем на различных уровнях: кафедр (при

обсуждении обновленных текстов лекций), вузов (при обсуждении докладов на расширенных заседаниях ученых советов) и вне вузов (в рамках работы городского семинара преподавателей политэкономии, а также их деятельности в качестве лекторов-пропагандистов).

Преподаватели, распределив между собой темы курсов, пересматривали весь наработанный ранее материал. Разработанные лекции обсуждались на кафедрах в соответствии с принципами критики и самокритики, т.к. «неправильно» поданный материал в аудитории мог привести к нежелательным последствиям не только для самого преподавателя, но и для всей кафедры в целом.

После опубликования труда И.В. Сталина и обретения им статуса «классического» и «гениального», его положения уже не могли рассматриваться как спорные или сомнительные. Дискуссия могла теперь иметь место только в контексте понимания тезисов, выдвинутых Сталиным.

При возникновении противоречия между определениями классиков марксизма-ленинизма и И.В. Сталина приоритет теперь отдавался последнему. Весьма любопытным и показательным является следующий эпизод. При обсуждении на кафедре политэкономии ГПИ лекции доцента Е.А. Андреевой на тему «Предмет политэкономии» одним из моментов критики стало отсутствие анализа определения предмета политэкономии, данного И.В. Сталиным. На это Е.А. Андреева ответила, что в лекции определение присутствует, но как основное приводится определение, данное В.И. Лениным. Соответственно такой подход, по мнению лектора, не мог быть неправильным. Тем не менее лекцию признали непригодной для использования²².

В ноябре—декабре 1952 года во всех вузах г. Горького прошли расширенные заседания ученых советов, посвященные работе И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Например, 11 ноября состоялось расширенное заседание ученого совета ГПИ, 28 ноября — ГГПИ, 22—23 октября — сессия ученого совета ГГУ.

На сессии ученого совета ГГУ было заслушано четыре доклада и четыре содоклада. Присутствовали преподаватели не только университета, но и других вузов. В ходе обсуждения докладов выяснилось, что среди преподавателей существует различное понимание вопроса о партийности науки. Обсудив итоги сессии, партийное бюро поручило секретарю партбюро провести объединенное заседание социально-экономических кафедр ГГУ с целью обсуждения возникших в ходе сессии неясных для ряда научных сотрудников вопросов. Такое заседание состоялось 8 декабря 1952 года. На нем вновь рассматривался вопрос о характере законов природы и законов науки, о партийности научного познания.

После тезиса И.В. Сталина об объективном характере экономических законов возникла возможность поставить под сомнение закономерности развития социализма, выявленные классиками марксизма-ленинизма. Законы развития общества могут быть выявлены только на основе анализа фактов существующей реальности. Теория же социализма Маркса и Ленина носила прогностический характер. До этого ученые-политэкономы пытались защитить марксистско-ленинскую теорию социализма, утверждая, что марксистско-ленинская наука может «установить, сформулировать, открыть экономические законы, которых еще нет в обществе, но которые обязательно будут. Так, Маркс и Энгельс сформулировали, открыли ряд экономических законов социализма коммунизма, тогда как социализма, а значит, и законов социализма не было»²³. Теперь подобный подход стал рассматриваться как неправильный, и его последователи подвергались критике.

С точки зрения идеологии положение об объективном характере законов социализма вполне объяснимо. Оно доказывает объективность существования самого социалистического строя. Возможность же создания экономических законов социалистического хозяйства может поставить под сомнение его неизбежность и рассматривать как временное отклонение на пути хозяйственного развития общества. Интересной представляется формулировка заключения заседания преподавателей кафедр социально-экономических дисциплин ГГУ: докладчики «дали правильную марксистско-ленинскую трактовку о партийности науки. Ход прений показал, что формулировки по данному вопросу... являются правильными и никаких сомнений у участников данного совещания не вызывают»²⁴.

В ноябре 1952 года вышел приказ Министерства высшего образования № 2000, в соответствии с которым в каждом вузе, кроме основного курса по политэкономии, вводился дополнительный, включающий лекции и семинары общим объемом 30 часов, по изучению решений XIX съезда партии и работы И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Данный курс был разработан и прочитан на всех курсах всех факультетов вузов г. Горького. Были организованы и студенческие научные конференции, посвященные той же проблематике.

Если учитывать общественную нагрузку в форме лектория для работников вузов и населения Горьковской области по популяризации идей Сталина, нашедших отражение в его труде, то неучтенная нагрузка преподавателей политэкономии резко возросла. Например, преподавателями кафедры политэкономии ГПИ с 1 марта 1952 по 1 июля 1953 года было прочитано 307 лекций в рамках пропагандистской работы; лекции посетило около 30 тысяч человек²⁵. Преподавателями политэкономии ГПИ — 224 лекции и семинара²⁶.

Конечно же, такой объем дополнительной нагрузки не мог не скажаться на уровне научно-исследовательской деятельности преподавателей. Так, в отчете кафедры политической экономии ГГПИ за 1952/53 учебный год фактическое отсутствие в данный период научно-исследовательской деятельности объясняется «неимением времени по причине непрерывной и углубленной работы над составлением вновь текстов лекций по всем темам курса политэкономии на основе последней работы т. Сталина, а также над составлением текстов лекций на многие темы, читаемые по поручению парторганов, перегруженностью общественной и пропагандистской деятельностью»²⁷.

Отставание в сфере научно-исследовательской работы кафедра политической экономии ГПИ в том же учебном году также объясняет перегрузкой: «в связи с большой общественной и пропагандистской работой»²⁸.

Были в рамках региональных дискуссий по проблемам политэкономии и случаи, когда принцип критики и самокритики использовался не вполне корректно. Например, одно из столкновений между преподавателями произошло в ГИИВТе в 1951 году. На заседании кафедры политэкономии, которое состоялось 28 июня, подводились итоги проверки ее работы преподавателем ГПИ Н.И. Климовым. После доклада заведующего кафедрой доцента Ф.С. Кожевникова слово взял преподаватель П.К. Пивень. В своем выступлении, заранее отпечатанном на 18 страницах, он предъявил претензии к заведующему кафедрой. П.К. Пивень сообщил о допущенных, по его мнению, Ф.С. Кожевниковым ошибках в преподавании. Выводы П.К. Пивень сделал на основе ошибок в ответах на экзаменах двух студентов. Основные претензии касались приводимой Ф.С. Кожевниковым формулы расчета нормы прибыли.

При отсутствии учебника преподаватели в основном пользовались первоисточниками. Но в 1950 году ВПШ при ЦК ВКП(б) выпустила учебное пособие по политэкономии, где методика расчета нормы прибыли была несколько модифицирована по сравнению с первоисточниками. Ф.С. Кожевников и воспользовался данным пособием.

Преподавателей кафедры возмутило поведение П.К. Пивня, который длительное время тайно собирал материал и, не ставя коллег в известность, обратился с этим «негативным» материалом одновременно к директору института, секретарю парторганизации и в обком ВКП(б). По итогам заседания кафедры Ф.С. Кожевников написал докладную записку директору ГИИВТ профессору Л.И. Кустову, а П.К. Пивень ему же — «особое мнение». И, судя по тому, что документы в итоге оказались в партархиве, дело дошло до обкома партии²⁹. К счастью, серьезных отрицательных последствий для заведующего

кафедрой и руководителя городского семинара преподавателей политэкономии доцента Ф.С. Кожевникова данный инцидент не имел.

16 апреля 1953 года ректором ГГУ был подписан приказ № 116, в котором отмечались случаи нарушения трудовой дисциплины преподавателями кафедры политэкономии в связи с проведением спецкурса по изучению труда Сталина и материалов XIX съезда КПСС (самостоятельный перенос семинарского занятия на историко-филологическом факультете и срыв лекции на вторых курсах физико-математического и радиотехнического факультетов). Преподавателям объявили строгие выговоры, а заведующему кафедрой указали на отсутствие необходимой дисциплины у сотрудников кафедры³⁰. Уже 24 апреля 1953 года в печатном органе ГГУ «За сталинскую науку» вышла статья К. Вишняковой «Кафедра политэкономии не перестроила своей работы». В статье кафедре вменялось в вину то, что она не в полной мере учитывала в своей работе необходимые изменения в связи с выходом в свет труда Сталина. В статье были указаны следующие недостатки в работе кафедры: отсутствие заседаний кафедры, посвященных работе Сталина, на которых бы члены кафедры выступили с критикой своих ошибочных суждений, пропагандировавших ими до выхода работы в свет; кафедра не развернула научно-исследовательской работы в плане актуальных проблем, выдвинутых работой Сталина; формальное обсуждение текстов лекций, посещенных занятий, диссертаций, статей и докладов; отсутствие настоящей принципиальной критики на кафедре; слабое участие членов кафедры в сети партийного просвещения³¹.

Кафедра не могла оставить эту публикацию без внимания, и 29 апреля 1953 года было проведено заседание кафедры, посвященное обсуждению данной статьи. В результате в редакцию было составлено ответное письмо, в котором в соответствии с принципами критики и самокритики кафедра «приветствовала появление в органе ректората и общественных организаций университета статьи, вскрывающей совершенно правильно целый ряд недостатков»³².

В письме кафедра сама привела ряд недостатков в своей работе (кстати, не перечисленных в статье), однако одновременно указала редакции на то, что в статье К. Вишняковой имеют место голословные утверждения, не подкрепленные фактами. Так, 15 июня 1953 года на заседании кафедры обсуждался доклад доцента С.И. Прохорова, посвященный преодолению ошибок, имевших место в преподавании по старой программе. Преподаватель Ф.А. Прилучный в своих работах 1935–1940 и 1946–1948 годов проводил критику субъективного идеализма. Члены кафедры также подвергли сомнению утверждение о том, что обсуждение ведущих тем раздела курса, посвященных социалисти-

ческому хозяйству, могут проходить «в отрыве от последней сталинской работы, а «горячие споры» могут быть формальными»³³.

Газета «За сталинскую науку» 15 мая опубликовала ответное письмо кафедры политэкономии. Однако оно было сильно урезано по сравнению с теми материалами, которые кафедра представила в редакцию. В публикации были перечислены лишь недостатки, которые кафедра назвала сама.

В конечном итоге заведующий кафедрой политэкономии Н.А. Жулин написал заявление с просьбой освободить его от заведования кафедрой и оставить в университете в качестве доцента.

Следует отметить, что горьковских ученых репрессии в связи с экономической дискуссией 1951 года не коснулись. Вероятно, это можно объяснить относительной молодостью кафедр, отсутствием сложившихся научных школ и малой известностью горьковских ученых в союзном масштабе.

Подводя итоги, следует еще раз отметить неоднозначное воздействие дискуссии по политэкономии 1951 года, а также труда И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» на региональную научную среду.

С одной стороны, дискуссия и работа Сталина заставили обратить внимание на политэкономия как самостоятельную научную и учебную дисциплину, которая до этого воспринималась во многих вузах лишь в качестве составной части основ марксизма-ленинизма. Произошло стимулирование повышения уровня научно-исследовательской подготовки преподавателей-политэкономов. В следующие два-три года резко увеличилось количество защит кандидатских диссертаций по политэкономии горьковскими учеными. Необходимость соблюдения единообразия в преподавании политэкономии заставила преподавателей различных вузов г. Горького объединить свои усилия, обмениваться мнениями относительно основных проблем политэкономии.

С другой стороны, борьба с космополитизмом, противопоставление советской науки буржуазной закрыли возможность советским ученым использовать в своих исследованиях достижения западных коллег. Отсутствие альтернативных точек зрения на проблемы экономического развития провоцировало однобокость исследований, тормозило развитие политэкономии как науки в целом. Все это в совокупности привело к тому, что в определенной степени произошла подмена проблем политической экономии проблемами идеологии.

¹ Например, ученые-международники Е. Варга, С. Вишнев, Л. Эвентов, И. Трахтенберг, М. Бакшицкий в своих разработках, сделанных в Институте мирового хозяйства и мировой политики, учитывая изменившиеся мировые реалии, отказываются от жесткой позиции о загнивании капитализма, абсолютном обнищании рабочих в современном им буржуазном обществе.

² Островитянов К. Значение трудов товарища И.В. Сталина по вопросам языкознания для развития экономической науки // Вопросы экономики. 1951. № 7. С. 8.

³ Таль Б. О предмете политической экономии и ее преподавании // Большевик. 1936. № 22. С. 38.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Маневич В.Е. Сталинизм и политическая экономия // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 181–198.

⁶ См.: Еремин А.М. Сталин и экономическая наука // http://marx-journal.comunist.ru/no15/stalin_econ.shtml

⁷ Островитянов К.В., Гальперин Ц.И. Поднять идейный уровень преподавания экономических дисциплин // Вестник высшей школы. 1946. № 11–12. С. 11.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ Еремин А.М. Сталин и экономическая наука // http://marx-journal.comunist.ru/no15/stalin_econ.shtml.

¹⁰ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Правда. 1952. 3 октября.

¹¹ Там же.

¹² Ответы И.В. Сталина т-щу Ноткину А.И. от 21.04.1952, Ярошенко от 22.05.1952, Саниной А.В. и Венжиру В.Г. от 28.09.1952 // Правда. 1952. 3 октября, 4 октября.

¹³ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7746. Л. 23–24.

¹⁴ ЦАНО. Ф. 2464. Оп. 9. Д. 320. Л. 89.

¹⁵ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9608. Л. 21–24.

¹⁶ Там же. Д. 9015. Л. 61.

¹⁷ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9013. Л. 230–232.

¹⁸ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 8. Д. 237. Л. 9, 18–20.

¹⁹ Там же. Ф. 2464. Оп. 9. Д. 269. Л. 52.

²⁰ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9016. Л. 72–85.

²¹ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 8. Д. 237. Л. 26–28.

²² ЦАНО. Ф. 2464. Оп. 9. Д. 269. Л. 69–71.

²³ Золотарев А.Я. Вопросы по политической экономии социализма, вытекающие из работы тов. И.В. Сталина «Некоторые замечания по экономическим вопросам» // ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9016. Л. 81.

²⁴ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 640. Л. 49.

²⁵ Там же. Ф. 2464. Оп. 9. Д. 309. Л. 21–22.

²⁶ Там же. Ф. 2734. Оп. 8. Д. 298. Л. 183.

²⁷ Там же. Л. 184.

²⁸ Там же. Ф. 2464. Оп. 9. Д. 309. Л. 21.

²⁹ ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8314. Л. 155–169.

³⁰ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 27. Л. 48.

³¹ За сталинскую науку. 1953. 24 апреля.

³² ЦАНО. Ф. 377. Оп. 7. Д. 152. Л. 40.

³³ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 7. Д. 152. Л. 40–42.

ОТЗВУКИ ГЛАВНЫХ ДИСКУССИЙ

Глава 7 ИСТОРИЯ С ФИЗИКОЙ

Предыстория

Помимо главных научных дискуссий конца 40-х – начала 50-х годов XX века «были проведены десятки аналогичных мероприятий и в других научных дисциплинах... они бывали солидными (как, скажем, всесоюзная конференция) или скромными (например, институтское собрание, на котором обсуждалась книга или учебник)»¹. Одним из таких «мероприятий» было обсуждение в Горьковском государственном университете преподавания физики. Отражение в педагогической деятельности исторических и методологических проблем физики – вот главная тема проходивших в то время дискуссий на радиофизическом и физико-математическом факультетах ГГУ. В центре обсуждения оказалась кафедра общей физики и ее заведующий – Г.С. Горелик.

Габриель Семенович Горелик – доктор физико-математических наук, профессор, работал в городе Горьком с 1938 по 1953 год. Он принадлежит к первой когорте тех, кого называют крупнейшими учеными-нижегородцами. Достаточно сказать, что в вышедшей в 1988 году в Нижнем Новгороде книге «Выдающиеся ученые» имя Г.С. Горелика стоит в одном ряду с именами таких выдающихся ученых, как А.А. Андронов, С.С. Четвериков, С.И. Архангельский. Начало дискуссии по историческим и методологическим аспектам физики в г. Горьком трудно четко обозначить. Но задолго до главных событий в поле зрения борцов за идеологическую чистоту попала такая, казалось бы, далекая от идеологии наука как физика. На закрытом партийном собрании партийной организации ГГУ по закрытому письму ЦК ВКП(б) от 16 июля 1947 года в выступлении ректора А.Н. Мельниченко говорилось: «В результате проведенной мной проверки, выявлены следующие недостатки, выраженные в наличии фактов низкопоклонства перед иностранщиной, нерадение нашей государственностью. Имеют место аполитичность, неумение, а может быть, и нежелание пользоваться положениями классиков марксизма-ленинизма. Последнее время мною было посещено 11 занятий наших лучших профессоров и преподавателей. Почти на всех лекциях отмечено отсутствие боевого наступательного духа на реакционные теории буржуазной науки, партийность в преподавании тонет в голом техницизме. Напри-

мер, лекции профессора Г.С. Горелика и доцента А.Г. Любиной технически правильны, факты четко и хорошо изложены, однако анализ фактов дается вне связи с практикой социалистического строительства, слабо подчеркивается, а порой и просто отсутствует истолкование фактов с точки зрения марксистско-ленинской методологии.

Профессор Г.С. Горелик, излагая 2-й закон термодинамики, сделал лишь попытку дать исторический анализ вопроса. В анализе отсутствовало боевое наступление на реакционные концепции иностранных ученых. В ведении лекций по термодинамике доцент А.Г. Любина ни единым словом не обмолвилась об электрификации в СССР. Стыдливо было сказано о Попове и... достижениях советских ученых в области электричества. Так, у той же А.Г. Любиной не повернулся язык, чтобы осветить природу электрических явлений с точки зрения диалектического материализма, ограничившись лишь техническим истолкованием темы...»²

Парадоксально, что такая критика сопровождалась не отлучением от проведения в жизнь генеральной линии, а наоборот — включением в ее реализацию. (Об отстранении от педагогической и научной работы и речи не было.) Так, вскоре после августовской (1948 год) сессии ВАСХНИЛ состоялось (сентябрь 1948 года) заседание ученого совета ГГУ с повесткой дня — «Итоги работы и решения августовской сессии ВАСХНИЛ о развитии мичуринской биологии и наши задачи». Заседание проходило в актовом зале университета, в нем участвовали, помимо членов ученого совета, приглашенные — свыше 100 человек научно-преподавательского состава. В решении ученого совета отмечалось: «Практиковать на заседаниях ученого совета университета постановку докладов руководящих научных работников университета по узловым проблемам данной науки и ее преподавания в свете марксистско-ленинской методологии. В текущем году считать целесообразным поставить следующие темы: «Преподавание физики и воспитание у студентов марксистско-ленинского мировоззрения» (проф. Г.С. Горелик), «Проблемы мичуринской методологии» (проф. Е.М. Воронцов)...»³

Заседание ученого совета университета дало импульс соответствующим акциям во всех подразделениях вуза. На совете радиофизического факультета был поставлен вопрос «О состоянии идеологической работы на факультете» (докладчик — декан Я.Н. Николаев). В прениях выступали ведущие ученые факультета: М.Т. Грехова, В.Л. Гинзбург, А.А. Андронов и др. Выступление историка В.П. Фадеева содержало такой пассаж: «Посещение лекций по общей физике (Горелик, Любина) убедило меня в том, что их курс надо перестраивать на новой методологической основе. Курс читается без методологических основ или с методологическими извращениями, с отступлениями от философских основ диалектического материализма.

Преподавателям трудно, но коренной перестройки все же они не сделали. Лекция Горелика (пригласил сам) — лекция о Попове не воспитывает в патриотическом духе, ее можно прочесть и в другой стране. Видно, что он не понимает значения вопроса о патриотизме»⁴.

Г.С. Горелик «против» С.Э. Хайкина

Научная тематика была широко представлена на страницах газеты «За сталинскую науку». Постоянными были рубрики: «Организация научных исследований», «Подготовка научных кадров», «Научная работа студентов», «Связь науки и производства», «Над чем работают ученые ГГУ», «Распространение научных знаний» и т.д.

Что касается идеологических аспектов развития науки, то им также уделялось значительное внимание. Об этом говорят названия статей периода 1948—1953 годов: «За безраздельное господство мичуринской школы», «Изучаем доклад академика Лысенко», «Против низкопоклонства перед буржуазной наукой», «Против космополитизма в науке», «Торжество мичуринской науки», «За сталинское языкознание», «Об идеологических ошибках проф. А.Г. Майера в курсе истории математики», «Изучение опытов отечественных физиков» и т.д.

Одна из статей, загадочно подписанная В.К., называлась «Против махизма в физике» (2 июня 1949 года). В ней была фраза: «Наиболее типичным представителем “непартийной”, “чистой” науки является “Механика” С.Э. Хайкина».

Появление этого пассажа объясняется следующим образом. В книге А.С. Сониной «“Физический идеализм”. История одной идеологической кампании» (М., 1994) в разделе «Персональные дела» главы третьей «Послевоенные годы» идет речь об историях философского и идеологического характера, происходивших с советскими физиками в конце 40-х — начале 50-х годов. Среди таких историй — «персональных дел» — «дело» С.Э. Хайкина. В 1940 году вышло первое издание его работы «Механика». Переиздание книги состоялось в 1947 году. В печати и на различных научных форумах развернулась достаточно оживленная и представительная дискуссия об историко-научных и философско-методологических аспектах этого труда.

Статья в многотиражной газете (за подписью «В.К.») находилась в русле этих обсуждений и предвляла дальнейшее развитие событий в ГГУ. Сохранился документ — «Решение кафедры общей физики Горьковского университета. О книге Хайкина С.Э. “Механика”». Приводим полностью его текст.

«Обсудив содержание книги С.Э. Хайкина “Механика”, допущенной Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для университетов, расширенное заседание кафедры общей физики Горьковского университета считает, что книга не отве-

чает тем требованиям, которые предъявляются к учебникам советской высшей школы по следующим причинам:

1) В книге отсутствует целеустремленная идеологическая направленность с позиций диалектического материализма. Наоборот, целый ряд фундаментальных понятий (пространство и время, движение, физический закон, понятие реального объекта) могут быть истолкованы в идеалистическом, махистском духе.

2) В книге нет исторического подхода к излагаемым вопросам и почти не освещается роль русских и советских физиков в развитии механики (совсем не упоминаются такие ученые, как Циолковский, Крылов, Петров, Кулибин, Ковалевская и др.). Там же, где есть беглое упоминание, как, например, о Жуковском, Чаплыгине и Умове, оно носит поверхностный характер без указания роли и места этих ученых в развитии соответствующих направлений механики. Таким образом, книга содержит элементы космополитизма.

Ввиду этого кафедра считает необходимым:

1) Просить Министерство высшего образования в самый короткий срок принять меры к изданию полноценного учебника по механике.

2) Кафедра поручает т.т. Горелику Г.С., Любиной А.Г., Бархатову А.Н., Власову Н.П., Николаеву Я.Н. в недельный срок составить подробную рецензию на книгу Хайкина «Механика», с тем чтобы после предварительного обсуждения на заседании кафедры довести ее содержание до сведения студентов, пользующихся этой книгой в качестве учебника.

3) Члены кафедры считают, что все преподавание физики должно вестись с позиций диалектического материализма и партийной непримиримости к любым проявлениям идеализма. Преподавание должно воспитывать студентов в духе советского патриотизма и гордости за русскую и советскую науку⁵.

Подпись на этом документе — Г.С. Горелик. На заседании совета радиофизического факультета 15 июня 1946 года декан Я.Н. Николаев при обсуждении вопроса «Рецензирование учебников» доложил, что рецензия на учебник Хайкина «Механика» составлена⁶.

Следует заметить, что подготовка рецензий была обычным делом для университета. В это время преподавателями вуза были сделаны многие рецензии научного и методического характера, не имеющие никакой идеологической направленности. Например, на книги: А.Г. Курош «Курс высшей алгебры» (М., 1946); И.И. Привалов «Введение в теорию функций комплексного переменного» (М., 1948); А.И. Маркушевич «Элементы теории аналитических функций» (М., 1944).

Рецензия же на книгу «Механика» носила во многом идеологический характер. Приводим ее текст, полностью напечатанный в газете «За сталинскую науку» 14 июня 1949 года.

**Рецензия кафедры общей физики
на книгу Хайкина «Механика»
(Зав. кафедрой, профессор Г.С. Горелик)**

Кафедра общей физики университета, обсудив учебник С.Э. Хайкина «Механика», считает, что он имеет ряд существенных недостатков. Учебник написан аполитично, автор избегает материалистической гносеологии, не излагает и не подтверждает на материале физики основные понятия философии диалектического материализма. Учебник лишен исторических элементов и не показывает роль русской науки и ее выдающихся представителей. Тем самым учебник содержит в себе элементы космополитизма. Кроме того, имеется ряд недостатков в изложении конкретного физического материала.

В учебнике нет определения предмета физики, не сформулированы методы физики — роль теории и практики в их взаимодействии, обойдена формулировка материи как объективной реальности. В связи с этим неизвестно, на каком фундаменте основываются рассуждения о замене реального объекта идеализированной схемой (стр. 13). Между тем здесь возможны, как известно, два в корне противоположных понимания: понимание материалистическое, согласно которому объект реально существует, а идеализированная схема — приближенное его отображение, и понимание идеалистическое, согласно которому то, что мы называем объектом, есть не более как «комплекс ощущений», а это уже махистская трактовка вопроса.

Автор подчеркивает, что идеализированные схемы — абстракции. «...При построении теории прежде всего требуется решить, какой идеализированной схемой можно заменить рассматриваемую реальную физическую систему» (стр. 12). Таким образом, на основании книги Хайкина может создаться представление, что предметом физики является не реальный объект, а идеализированная схема.

О физических законах говорится (стр. 221) следующее: «Всякий физический закон содержит в себе утверждение относительно связей между теми или иными физическими величинами». Это утверждение должно быть проверено на опыте. Однако у автора не сформулировано четко, что всякий физический закон является отражением действительности, т. е. имеет объективное значение.

О пространстве и времени на стр. 28 говорится: «Движением тела называется изменение его положения со временем». Автор не счел нужным сослаться на известный материалистический тезис, что пространство и время — объективны и невозможно движение вне времени и пространства. Автор, говоря о теории относительности, однобоко освещает относительность пространства и времени, не указывая, что наши представления о пространстве и времени отображают некоторую абсолютную истину, которая проявляется через наши

относительные знания о пространственно-временных координатах. Пространство в его изложении сводится лишь к определению положения тела относительно системы отсчета. Что же касается времени, то его определение сводится к определению положения стрелки часов (стр. 29) без указаний на объективный смысл понятия времени. Известно утверждение махистов, что пространство и время не имеют реального физического существования. Однако в книге Хайкина нигде нет разоблачения этой идеалистической точки зрения и разъяснения правильной, материалистической точки зрения на пространство и время.

В книге нет истории физики. Это само по себе большой порок, так как поэтому книга: не показывает на примерах развитие науки, как развивались представления о мире, устанавливались физические законы и т. д. Книга имеет и другой порок. В ней не ведется борьба за приоритет русских ученых, она умалчивает о многих крупнейших достижениях русской науки в области механики. В книге не излагаются работы выдающегося русского ученого в области механики и кораблестроения А.Н. Крылова, о создателе теоретических основ авиации Н.Е. Жуковском имеется только беглое упоминание. Из книги нельзя узнать, что крупнейшие достижения Эйлера и Бернулли (знаменитая теорема Бернулли в гидродинамике) были получены в нашей стране. Список крупнейших представителей русской науки, работавших в области механики, о которых учащиеся ничего не узнают из книги Хайкина, нужно продолжить. Сюда относятся К.Э. Циолковский, С.В. Ковалевская, И.А. Вышнеградский, Н.П. Петров и другие.

Таким образом, книга Хайкина не удовлетворяет одному из основных требований, предъявленных советскому учебнику, — воспитание патриотизма и гордости за достижения русской науки.

В изложении некоторых конкретных вопросов учебник также имеет существенные недостатки. Мало уделяется внимания законам сохранения импульса и энергии, не подчеркнут весьма общий характер этих законов. Понятие «инертная масса» вводится до известной степени формально, не подчеркивается, что «инертная масса» характеризует определенное свойство тел. Мало и бледно говорится о законе всемирного тяготения, не показано его значение для астрономии, нет истории его возникновения. Малоубедительно изложение теории относительности. Неудачна формулировка определения веса тела.

В главе XIII «Механика твердого тела» и в параграфах, посвященных гироскопам и их применениям, встречается ряд неясностей при изложении отдельных примеров. Вызывают сомнения некоторые рассуждения относительно условий возникновения подъемной силы при обтекании тел идеальной жидкостью.

В 1950 году на страницах выходившего в Москве академического журнала «Успехи физических наук» была опубликована подборка материалов, куда вошли: статья С.Г.Суворова и Р.Я.Штейнмана «За последовательно-материалистическую трактовку основ механики»; обзор откликов «К обсуждению книги С.Э. Хайкина “Механика”»; письмо в редакцию С.Э. Хайкина «О методологических недостатках моего учебника “Механика”», а также редакционный комментарий к этому письму⁷. Среди многих откликов на книгу С.Э. Хайкина, напечатанных в журнале (причем не все из них носили осудительный характер) был отклик из г. Горького, представленный редакцией следующим образом: «Кафедра общей физики Горьковского университета (зав. кафедрой проф. Г.С. Горелик) в своей рецензии отмечает ряд философских ошибок в учебнике проф. С.Э. Хайкина»⁸. И далее в журнале следовали отрывки из вышеприведенного текста рецензии.

Точку поставил редакционный комментарий, выдержанный в очень резких тонах:

«Редакция считает, что книга С.Э. Хайкина порочна в философском отношении, так как трактует основы механики с позиций махизма... Как видно из письма С.Э. Хайкина, он признает, что в его учебнике дано совершенно неудовлетворительное освещение работ русских ученых и той большой роли, которую они сыграли в развитии механики. Ошибки философского характера С.Э. Хайкин видит в отсутствии в книге марксистских определений таких общих понятий, как материя, движение, пространство и время, а также в некоторых неудачных формулировках, которые могут быть истолкованы против диалектического материализма.

Редакция не согласна с такой оценкой и считает, что ошибки в книге профессора С.Э. Хайкина заключаются не только в том, что в ней отсутствуют материалистические определения понятий материя, движение, пространство и время; их нельзя также свести к отдельным неудачным формулировкам. Ошибки состоят в том, что основные понятия и законы механики трактуются не в свете материалистической теории познания, а с позиций нынешнего операционализма... Необходима коренная перестройка книги»⁹.

Методология, реализованная в этом эпизоде истории науки, вскоре обернулась против некоторых его участников. В событиях тех лет, если говорить о персоналиях, не всегда можно однозначно назвать гонимых и гонителей, обвиняющих и обвиняемых, ретроградов и новаторов, подлинных приверженцев марксистских идей и тех, кто следовал в науке идеологизированному подходу, исходя из собственных прагматических интересов. Они менялись местами, и часто суждения (и даже одни и те же) одного и того же человека трактовались по-разному, служили обоснованию противоположных позиций.

При этом не по линии «философы — физики» надо вести водораздел между прогрессивным и реакционным в науке, научностью в высоком смысле этого слова и партийностью, понимаемой упрощенно и вульгаризированно. Разные группы ученых-физиков и отдельные физики имели различные мировоззренческие позиции. Не все философы были однозначны в своих суждениях и оценках. Поэтому двузначная система счисления (плохой -- хороший, праведник -- грешник) очень упрощенно трактует ситуацию, неадекватна той многомерной социальной реальности, которая является предметом осмысления социальной истории науки. Мир оказывается сложнее, чем это представляется сторонникам поисков простых ответов на сложные вопросы.

Если и можно применить слово «гонитель» по отношению к Г.С. Горелику (в истории с С.Э. Хайкиным), то сам он вскоре опять стал «гонимым». Правда, об этом в названной работе А.С. Сониной нет упоминаний. Все, что там анализируется, происходило в Москве, Ленинграде. Российская провинция оказывается как бы «за скобками» социальной истории советской науки. А происходило в провинции немало интересного. Причем события в ней не всегда совпадали, не всегда были тождественны тому, что имело место в столичных пределах. При этом сравнение не всегда в пользу столиц (достаточно сравнить стиль и выводы рецензии кафедры общей физики ГГУ с редакционным комментарием журнала «Успехи физических наук»).

Проблемы методологии физики в университетской газете «За сталинскую науку»

В мае 1950 года на ученом совете университета состоялось обсуждение вопроса «О работе кафедры общей физики». При обсуждении доклада Г.С. Горелика затрагивались вопросы: научный потенциал кафедры и перспективы его развития, специфика преподавания физики на различных факультетах, методическое обеспечение учебного процесса, лабораторная база и т.д. Обращалось внимание в некоторых выступлениях и на идейно-политические аспекты преподавания физики. В постановлении ученого совета было, в частности, отмечено: «В работе кафедры общей физики имеются крупные недостатки. Идейно-теоретический уровень ряда лекций недостаточен. В лекциях ряда преподавателей (Горелик, Любина, Малицкий) принципиальные вопросы физики не рассматриваются в свете марксистско-ленинской философии, или же в изложении философских вопросов допускаются ошибки, не дается критика реакционных теорий по ряду вопросов методологического порядка в области физики»¹⁰. Исходя из этого, ученый совет постановил: «Обязать зав. кафедрой физики проф. Горелика и преподавателей кафедры физики

повысить идейно-теоретический уровень лекций. В этих целях организовать обсуждение основных методологических вопросов физики на заседаниях кафедры, обсуждая тексты и стенограммы важнейших тем лекций»¹¹. Кроме того, было предложено «декану радиофизического факультета т. Николаеву и зав. кафедрой проф. Горелику организовать научный семинар по методологии преподавания физики и по физическим проблемам»¹².

После заседания ученого совета в двух номерах (1950 г., 26 мая и 2 июня) газеты «За сталинскую науку» (орган партбюро, ректората, комитета ВЛКСМ, профкома и месткома Горьковского университета) появилась статья д. ф.-м. наук, проф. В.Ф. Котова под названием «Против идеалистических извращений в преподавании физики», состоящая из двух разделов: «Материя исчезает, остаются волны?» и «“Новая” классификация наук профессора Горелика». Автор статьи действовал в рамках определенной парадигмы, определенной «системы координат», утверждавшей единственно верную философию — диалектический и исторический материализм, требовавшей неукоснительного соблюдения ее принципов, даже наказывавшей (тем или иным образом) за отступления от них. Но при этом необходимо, чтобы принципы и содержание парадигмальной доктрины адекватно отражались их носителем. Необходима также адекватная трактовка анализируемой теории. Оба эти требования не выполняются автором статьи.

В начале нового учебного года (15 сентября и 25 сентября 1950 года) в той же газете была опубликована ответная статья Г.С. Горелика. В ней прежде всего выражено отношение к оценке работы кафедры на ученом совете, к тем замечаниям, которые были высказаны. «Основной недостаток — и с этим согласился коллектив кафедры — все еще недостаточно высокий идейно-теоретический уровень преподавания. Весь коллектив кафедры старается освещать преподаваемый предмет с позиций диалектического материализма, но мы еще мало сделали в отношении конкретной, творческой разработки с этих позиций затрагиваемых нами вопросов физики». Правда, «дело это — трудное, так как до сих пор отсутствуют учебники и лекционные курсы, содержащие образцы творческого применения философии диалектического материализма к конкретным вопросам, возникающим в процессе преподавания физики». Далее в статье фиксируются аргументы В.Ф. Котова. Каждый из них специально рассматривается и получает убедительное опровержение. Следует отметить высокий уровень философской культуры Г.С. Горелика (в тех аспектах философии, которые были предметом обсуждения). Его философские взгляды гораздо ближе к философии диалектического материализма, нежели взгляды его оппонента. Деформация марксист-

ской философии, ее упрощение, вульгаризация, искажение были характерны как раз для обвинителя, а не для того, кто подвергался проработке.

Обращение в качестве аргумента в научной полемике к авторитету марксистской философии было обычным явлением советского периода нашей истории. Такое обращение могло быть корректным, адекватным сути этой философии, методологически правильным, но могло носить и иной характер — быть некомпетентным, неадекватным сути дела, искажающим содержание аргументационной базы и т.д. Именно последний случай характерен для В.Ф.Котова, что следует из анализа его статьи, проведенного Г.С. Гореликом, а также из ее современного прочтения.

По материалам статей В.Ф.Котова и Г.С. Горелика на объединенном заседании советов радиофизического и физико-математического факультетов (проходившем в течение 3 дней — 13, 18 и 23 октября 1950 года) состоялась дискуссия (архивный поиск показал, что ее стенограмма, к сожалению, не сохранилась). Итоги всех обсуждений были подведены на заседании партбюро ГГУ 16 ноября 1950 года¹³. В решении отмечалось, что дискуссия привлекла внимание физиков и всей общественности университета к идейно-теоретическому содержанию лекций по физике; помогла выяснить некоторые вопросы физики; наметила пути их дальнейшего исследования; вскрыла существенные недостатки работы физических кафедр над идейно-теоретическим содержанием лекций, выяснив, что их основной причиной является низкий уровень критики и самокритики на этих кафедрах. Специально было отмечено, что руководящие работники кафедр философии и марксизма-ленинизма (доц. Белоусов и доц. Фадеев) не были на заседаниях совета.

Эти решения нашли отражение в редакционной статье газеты «За сталинскую науку», опубликованной 23 декабря 1950 года под названием «К итогам дискуссии по вопросам преподавания физики».

Содержание всех материалов не оставляет сомнения, что руководящие университетские инстанции поддержали в дискуссии обвиняющую, прорабатывающую сторону. В то же время организационные выводы носили достаточно спокойный характер, были традиционными для того времени, не имели репрессивно-персонифицированного характера («извлечь уроки», «необходимо рассмотреть», «включить в свои планы», «создать условия» и т.д.), отмечались как положительное значение дискуссии, так и недостатки в ее проведении. В целом обсуждение вопросов преподавания физики было достаточно щадящим для тех людей, которые явились объектами критики.

Так завершился первый этап дискуссии, где обсуждались методологические аспекты содержания физического образования, реализу-

емого кафедрой общей физики ГГУ. Исторические аспекты (в форме вопроса о вкладе отечественной физики в мировую науку) пока были за рамками всех обсуждений. Критика не носила «точечного» характера, т.е. не велась вокруг какой-то одной (единственной) личности, вокруг какого-то определенного научного текста.

В дальнейшем же дискуссия оказалась локализованной и велась вокруг книги Г.С. Горелика «Колебания и волны», вышедшей в свет в Москве в Государственном издательстве технико-теоретической литературы осенью 1950 года (объем ее составил 50 п.л., а тираж — 10 000 экземпляров). Появление этой работы было значительным событием в отечественной науке. Не случайно она была выдвинута ученым советом ГИФТИ при ГГУ на соискание Сталинской премии 1951 года. В это же время произошло политическое событие, которое далеко выходило за рамки методологических проблем физики. Имеется в виду награждение Г.С. Горелика в 1951 году орденом Трудового Красного Знамени. На время философия осталась в стороне! Но только на время.

В ноябре 1951 года состоялось собрание партийного актива г. Горького с повесткой дня «О состоянии и мерах перестройки работы ВУЗов города в свете труда товарища Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”». В докладе секретаря горкома ВКП(б) М.П. Тузова утверждалось, что в университете «в дискуссии по вопросам физики — об идеологических ошибках в преподавании физики — крупные ученые Андронов, Грехова, Гинзбург, работники кафедр социально-экономических наук не приняли участия, не высказали свое мнение и не помогли разобраться в ошибках Горелика и других работников кафедры. Не возглавили эту дискуссию партбюро и ректорат университета, поэтому дискуссия не дала должного эффекта, и ошибки Горелика продолжают повторяться. А профессор Горелик в статье, помещенной после дискуссии, вновь отстаивал свои неправильные взгляды и дал отповедь профессору Котову, положившему начало дискуссии. Партбюро и ректорат (т. Мельниченко) не возглавили критику, не довели дело до конца, не организовали и не дали правильной политической оценки всей общественности университета ошибкам Горелика»¹⁴.

Через месяц в докладе на общеуниверситетском партийном собрании секретарь партийного бюро университета утверждал следующее: «В 1950 году были вскрыты космополитические и иные методологические ошибки в преподавании у профессора Горелика. Эти ошибки обсуждались на заседании советов физико-математического и радиофизического факультетов. Ведущие профессора этих факультетов Андронов, Грехова, Гинзбург отмолчались при этом, а некоторые преподаватели (доцент Любина) даже пытались всячески

защитить профессора Горелика. На этих же заседаниях было решено обсудить книгу профессора Горелика «Колебания и волны». Однако до сих пор по вине деканата радиофака (тов. Николаев) и ректората этого не было сделано. Более того, ректорат без решения совета университета, без глубокого обсуждения решил рекомендовать книгу проф. Горелика «Колебания и волны» на соискание Сталинской премии»¹⁵.

Возобновляется дискуссия на страницах газеты «За сталинскую науку». Зав. лабораторией НИИХ при ГГУ М.Второв печатает статью «Материя исчезает – остаются уравнения» (15 января 1952 года). В этой статье речь идет уже о книге «Колебания и волны». Идеологическое «эхо» московских дискуссий доходит до города Горького и принимает форму разоблачения «волновой» философии профессора Г.С. Горелика, которого М.Второв обвиняет в том, что тот «ни на одной из 552 страниц своей книги слово «материализм» ни разу не упоминает». И далее следуют зубодробительные пассажи: «Почему проф. Горелик не считает нужным осуществлять одну из основных задач, возложенных на него партией и правительством, – воспитывать студенчество в духе непримиримости к «растленной и гнусной буржуазной идеологии»? Почему он написал аполитичный, беззубый учебник, который не потребует даже изменений для издания за границей? Позволительно спросить: разделяет ли проф. Горелик позиции диалектического материализма, признает ли ленинскую теорию познания, хочет ли вести борьбу против поповщины и фидеизма в современной буржуазной науке?». После этого, наконец, дело доходит до попытки содержательного анализа теоретических (философских, методологических) «ошибок» автора монографии. Но этот «анализ» продолжает линию обвинений в «физическом идеализме».

Иной тон и иное содержание имеет статья доц. А. Бархатова «Допустима ли классификация физических явлений по типу уравнений?» (12 февраля 1952 года). Это действительно статья ученого, научного работника. Начало статьи – глубокое и серьезное рассуждение об абстрактном знании, его неполном и приближенном характере по отношению к объективной реальности. По сути дела, автор здесь раскрывает содержание понятия, которое позднее будет названо галилеевским образом науки. При этом отмечается, что книга «не обсуждает гносеологические вопросы, возникающие в связи с подходом к изучению явлений... в ней должна вестись активная борьба за материализм в науке», то есть автору книги инкриминируется то, что он не сделал, но мог и должен был, по мнению автора статьи, сделать. Критика – не только за то, что есть в книге, но и за то, что в книгу не включено определенное содержание. Этот мотив будет звучать и в дальнейшем.

Еще более терпимый характер носит статья проф. В. Гинзбурга, имеющая совершенно нейтральное название — «О книге проф. Г.С. Горелика “Колебания и волны”» (14 марта 1952 года). В самом начале статьи ее автор обращает внимание на три взаимосвязанных момента при оценке монографии, к тому же претендующей на статус учебного руководства. К ним относятся: «правильная методологическая направленность работы, доброкачественность и свежесть излагаемого в ней фактического материала и правильное освещение вклада отечественных ученых в рассматриваемую область науки». По двум последним пунктам к содержанию книги «Колебания и волны» претензий нет: «В книге собран большой и ценный материал, важный для формирования современных специалистов-радиофизиков». В. Гинзбург сосредоточивает внимание на методологических вопросах, выражая свое отношение к обсуждаемой книге и к ее оппонентам. Прежде всего — к М. Второву, который считает, что «Г.С. Горелик стоит на идеалистических позициях, что у него исчезает материя и остаются одни уравнения». По мнению автора статьи, заключенное в книге содержание нейтрально по отношению к основному вопросу философии, представляет собой один из возможных подходов к изучению природных явлений. И «абсолютно недопустимо и вредно объявлять его идеалистическим». Ведь «подход к явлениям на основе единства закономерностей не только не исключает, но, напротив, предполагает ясное разделение явлений по признаку принадлежности их к качественно различным формам движения. Другими словами, оба подхода не противоречат, а диалектически дополняют один другого». Итоговый вывод гласит: «Я считаю, что эта книга не дает оснований обвинять ее автора в идеализме». Но это только промежуточный вывод. Статья завершается замечаниями методологического характера, объединенными принципом — чего в книге нет. «Когда речь идет об учебном пособии, мало требовать, чтобы автор не допускал идеалистических ошибок и стоял на материалистических позициях. Можно и нужно требовать большего: активной борьбы за диалектический материализм, пропаганды великих идей Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, критики идеализма и демонстрации на конкретном физическом материале плодотворности марксистской методологии...Всего этого в книге нет, что является ее существенным недостатком».

Публикация В.Л. Гинзбурга — последняя в серии. Никаких редакционных комментариев к дискуссии не было.

Совет радиофизического факультета

Вскоре после этого в ГГУ проходили заседания совета радиофизического факультета, на которых шла дискуссия, имеющая тот же пред-

мет для обсуждения. (Сохранилась, к сожалению, стенограмма только последнего заседания.) Состоялись три заседания ученого совета (24 марта, 4 и 9 апреля), на которых выступили 16 человек, подавляющее большинство из них — это ученые-физики. И только один философ-профессионал. Несколько раз выступал Г.С. Горелик. На заседаниях присутствовали не только члены ученого совета, представители руководящих структур, но и многие преподаватели, аспиранты, студенты не только университета, но и других вузов города, техническая интеллигенция. В ходе дискуссии выступали, в частности, ректор ГГУ, проф. А.Н. Мельниченко, декан радиофака, доц. Я.Н. Николаев, зав. отделом науки и вузов обкома ВКП(б) Н.Н. Миронов.

В содержательном плане обсуждение на ученом совете во многом повторяло дискуссию на страницах университетской газеты.

Отметим только два выступления. Первое из них состоялось на первом заседании. По воспоминаниям А.М. Гильмана, это был «преподаватель философии Р., который ранее преподавал в ГГУ, но в момент дискуссии работал в ВПШ. Было ясно, что он привлечен обкомом партии и, судя по моменту выступления, он должен был задать тон. Но выступление было слабым, состояло из голословных политических обвинений. Чувствовалось, что роль «забойщика» у него не получилась. А в конце он произнес фразу, вызвавшую возмущение аудитории. В книге Горелика очень часто встречалось выражение «говоря на языке физики» и далее объяснялось какое-нибудь явление. Так вот после того как Р. сказал: «Говорить надо не на языке физики, а на нашем русском языке», — аудитория возмутилась, подняла шум, и продолжить свое выступление Р. не смог»¹⁶. Эпизод очень характерный, в полной мере показывающий, что кафедра философии не имела в своем составе мало-мальски квалифицированных специалистов в области философии физики.

Другое выступление — Е.А. Леонтович, подготовленное совместно с А.Г. Сигаловым. Это уже третье заседание совета, когда выступило большинство участников обсуждения. Оно было направлено в защиту Г.С. Горелика: «Общая оценка, которую получила книга «Колебания и волны» в выступлениях ряда товарищей, в корне противоречит государственной точке зрения на вопрос, какой учебник в настоящее время следует считать хорошим и какой — плохим»¹⁷. Вот так — ни больше ни меньше! Вся критика, которая прозвучала и которая прозвучит (в том числе, и в устах ректора, декана, заведующего отделом науки и вузов обкома КПСС) носит антигосударственный характер! Но такое смелое выступление было единственным. И в нем все-таки было сказано, что основным недостатком книги «является отсутствие явной, направленной, воинствующе-материалистической трактовки рассматриваемого материала»¹⁸.

Концентрированным выражением обсуждения явилось постановление совета радиофизического факультета Горьковского университета «Об итогах обсуждения книги проф. Горелика «Колебания и волны»»¹⁹.

Прежде всего в постановлении дается положительная оценка работы: «Книга написана в форме, доступной для широких кругов студентов физических специальностей и инженерно-технических работников, занимающихся вопросами акустики, оптики и радиотехники. В книге содержится разнообразный материал, в том числе и такой, который ранее в учебной литературе по общей физике отсутствовал. Таким образом, с точки зрения содержания фактического материала по конкретным вопросам физики книга является удовлетворительной».

Далее весь текст постановления посвящен критике книги. Речь идет об ее идейно-теоретическом уровне. «Книга написана на низком идейно-теоретическом уровне и не отвечает всем требованиям, которые предъявляются к учебной литературе, предназначенной для студентов советской высшей школы». Если говорить более определенно, то в качестве ошибок идейно-теоретического характера отмечаются следующие. Первое – недооценка роли отечественной науки в развитии физики. Второе – отсутствие материалистической методологической основы при изложении и толковании физических знаний, стремление автора остаться в рамках «чистой» науки и предоставить читателю возможность самому делать философские выводы. Этому второму моменту уделено главное внимание в тексте постановления. Ведь «позиция автора остаться вне философии объективно привела к тому, что из его формулировок, хочет он этого или нет, могут быть сделаны идеалистические выводы». На основании рассмотрения вопроса «Совет радиофизического факультета постановляет: 1) Книга проф. Горелика Г.С. «Колебания и волны» написана на низком идейно-теоретическом уровне, а поэтому не может быть рекомендована в таком виде, без соответствующей рецензии, в качестве учебного пособия для студентов. 2) Совет рекомендует проф. Горелику Г.С. произвести критический разбор основных недостатков и ошибок, имеющихся в книге, и представить его на рассмотрение Совета к 1 сентября 1952 г. 3) Совет рекомендует декану радиофизического факультета доц. Николаеву Я.Н. организовать широкое разъяснение итогов дискуссии и настоящего решения среди студентов и научных работников факультета. 4) Совет осуждает поведение проф. Горелика Г.С. на заключительном заседании Совета 9 апреля 1952 г., когда он, признав, что в его книге есть крупные недостатки, вместе с тем встал на путь, недостойный советского ученого, и стремился опорочить тех, кто выступал с критикой недостатков, имею-

щихся в книге «Колебания и волны». Совет считает, что его выступление является попыткой зажима критики и проявлением аракчеевского режима в науке. Совет считает выпад проф. Горелика Г.С. по поводу преподавания социально-экономических дисциплин враждебным и недостойным советского ученого. 5) Совет обязывает всех зав. кафедрами всемерно разворачивать критику и самокритику по всем направлениям учебной и научно-исследовательской работы. 6) Совет выражает уверенность в том, что товарищеская критика книги «Колебания и волны» поможет профессору Горелику исправить отмеченные в книге недостатки и создать полноценное учебное пособие. Совет надеется, что коллектив кафедры общей физики сделает необходимые выводы из обсуждения книги и примет все меры для улучшения работы кафедры».

Таковы документы. Представление об атмосфере, царившей в зале заседаний, могут дать выступления участников дискуссии. Большинство из них было достаточно корректными, они оставались в историко-научном и философско-методологическом контексте, почти не включали в себя идеологической и тем более политической риторики. Критика шла по линии тех двух моментов, которые были отмечены в тексте постановления. То есть критика касалась историко-научных и философско-методологических аспектов проблемы.

Выступление на заключительном заседании ученого совета самого Г.С. Горелика было очень эмоциональным, полемичным, свободным и смелым. Обращаясь к ректору, проф. А.Н. Мельниченко, и доц. кафедры истории КПСС В.П. Фадееву, он в самом начале своего выступления заявил, что будет их критиковать²⁰. Это выразилось, в частности, в оценке: «Все, что я слышал по физике у тов. Мельниченко, это просто было несерьезно и некомпетентно»²¹. По отношению к декану радиофака, доц. Я.Н. Николаеву: «логический заскок», «некомпетентность», «провинциализм»²². Отметим, что это слова подчиненного в адрес руководителей — ректора и декана. Налицо реализация призыва о разворачивании критики и самокритики!

Вместе с тем в заключительной части выступления Г.С. Горелика — самокритичной, но и полной достоинства, есть и моменты, соответствующие духу эпохи: «Товарищи члены совета факультета! Я воспринял критику и сам пришел к убеждению, что в моей книге есть ряд недостатков. Основной и крупный недостаток, который был указан мне, и я сам сказал об этом, — это отсутствие в книге воинствующего материализма, продуманной, обоснованной борьбы за мировоззрение диалектического материализма. Я сказал, что я в своей деятельности стараюсь этот недостаток преодолевать. Вам предстоит принять решение о книге, являющейся результатом многолетней работы одного из членов вашего коллектива. В принятии

решения я не могу участвовать, но имею моральное право обратить внимание ваше на всю ответственность. Есть две точки зрения. Первая. Книга имеет существенные недостатки, отсутствие в ней воинствующего материализма, но может служить пособием для студентов. И второй вариант... он говорит о вычеркивании книги из нашего внимания. Подумайте, взвесьте с государственной точки зрения, принесет ли это пользу нашему преподаванию. Я не буду принимать участия в принятии решения, но мне хочется сказать, какое бы вы ни приняли решение, я хочу уйти с Совета без горечи и обид. Я благодарен всем товарищам за критику, имевшую целью поднять мою работу на более высокий уровень. Я чувствую себя полным сил и способен сделать многое для любимой Родины и поколения, которому предстоит творить науку и технику при коммунизме»²³.

Итак, публичная дискуссия фактически закончилась. Обсуждение книги, как в газете, так и на ученом совете выявило достаточно широкий разброс ее оценок. Их можно свести к двум основным вариантам — мягкому и жесткому.

Мягкий вариант содержал упреки автору книги за то, чего в ней нет (философских выводов, философской интерпретации физического материала). Но к этому дело не сводилось. Главное — это обвинение в том, что в книге есть то, чего в ней не должно быть, — серьезные философские ошибки. Как заявил ректор университета А.Н. Мельниченко, «неправильно утверждение многих...товарищей, что главный и решающий недостаток книги Г.С. Горелика это то, что в ней нет, или мало философской основы, нет воинствующего материализма...Главный порок книги Г.С. Горелика заключается в том, что в ней мало естественно-научного материализма...У него много соскальзываний в разновидность физического идеализма, который известен под названием энергетизма»²⁴. Такое «соскальзывание» проявляется, по мнению критикующей стороны, в конкретной форме, а именно в том, что получает название «волновая философия» (В.Ф. Котов) или «философия колебаний» (А.Н. Бархатов).

Критика по жесткому варианту идет по линии противопоставления отдельных суждений классиков марксистской философии некоторым высказываниям автора «Колебаний и волн», нейтральным в философском смысле. Хотя бы в силу их нейтральности они не могут быть объектом философской критики со стороны какой-либо философской доктрины. Разумеется, никакой «волновой философии» или «философии колебаний» в книге нет, и обращение к Ф. Энгельсу или В.И. Ленину носит чисто ритуальный характер, содержательно неуместно. Более того, такое обращение некорректно, поскольку в нем происходит неадекватная сути дела трактовка текстов «Диалектики природы» и «Материализма и эмпириокритицизма». Современный

сопоставительный анализ показывает, что нет никакого противоречия во встрече текста Г.С. Горелика с текстами классиков марксистской философии. Налицо парадоксальная ситуация: с одной стороны, Г.С. Горелика упрекают в отсутствии философских обобщений, в отсутствии философской интерпретации физического материала, с другой стороны, искусственно конструируется якобы его философия, даже получающая в устах его критиков свое наименование.

Обстановка в государстве и ситуация в науке были детерминирующей средой по отношению к содержанию и форме дискуссии. Политизированная и идеологизированная атмосфера, характерная для Советского государства и общества конца 40-х — начала 50-х годов XX века, неизбежно вели к идеологизации (что отчасти произошло) и политизации (чего фактически не произошло) дискуссии. При этом властные структуры, стоящие за дискуссией, проявляли допускаяемую обстоятельствами времени терпимость.

Имело место стремление (в рамках определенных парадигмальных установок) дать возможность представить различные мнения по дискутируемому вопросу. В дискуссии фактически не принимали участие философы-профессионалы, тем более специалисты по философским вопросам физики. Собственно, в то время их в ГГУ и в целом в г. Горьком не было. Критика физического содержания книги и какие-либо упреки в ее недостаточном научном уровне полностью отсутствовали. Научная компетентность автора не подвергалась сомнению. Полностью были исключены смехотворные попытки решать на заседаниях-совещаниях какие-либо физические проблемы. Философия не использовалась в период дискуссии в качестве «идеологической дубинки» для разрешения специально-научных вопросов. Таковые вообще не обсуждались в дискуссии. Внимание было сосредоточено на методологических аспектах содержания книги, на методологических вопросах представленного в ней физического знания. Некоторые участники дискуссии высказывали при этом основательные содержательные идеи.

Парадигмальное значение для обсуждения методологической проблематики имела марксистская философия. Но не всегда имела место адекватная сути дела трактовка ее содержания. Требование следования в методологических основаниях физического знания принципам марксистской философии было общим (и не могло быть иным в ситуации того времени). Реализация же этого требования была неодинаковой у участников дискуссии. Некоторые исходили из вульгаризированного, неаутентичного марксизма. Другие — были корректны в трактовке основоположений марксистской философии. Различие между методологическими, философскими позициями участников дискуссии — это различие между адекватной сути дела

трактовкой марксистской философии и ее вульгаризированным пониманием. Более того: между, с одной стороны, знанием и пониманием марксистской философии и, с другой стороны, жонглированием ее терминологией.

Полемика вокруг так называемой «волновой философии» или «философии колебаний» не исчерпывает собой всего содержания дискуссии. Вопрос о том, что собой представляют философские взгляды Г.С. Горелика, содержащиеся в книге, по мере развертывания дискуссии был дополнен вопросом о том, какое философское содержание должно было быть представлено в книге. Дискуссия включала в себя моменты научного, методологического обсуждения дискутируемых вопросов, касающихся философии физики (физика и реальность, материя и движение и т.д.).

Дискуссия высветила не только те или иные стороны (методологические аспекты) содержания обсуждаемой книги, но и «лица» участников обсуждения, их философскую и методологическую культуру. Реальность происходивших событий была многомерной. Конечно, реальностью была критика Г.С. Горелика (различная по содержанию и различная по форме, вплоть до нелепых обвинений). Реальностью было постановление ученого совета, осуждающее «героя» происходивших событий. Но реальностью было и отсутствие оргвыводов после всех обсуждений, выступления в защиту книги Г.С. Горелика, добросовестный и непредвзятый анализ его взглядов, собственная позиция автора «Колебаний и волн», отстаивавшего свои убеждения (хотя и признающего справедливость некоторых замечаний), отвергающего некомпетентные суждения. Мотив осуждения в обсуждении был очень мощным, но его оттенки были различными. В то же время мотив сопротивления диктату, сопротивления идеологизации науки, непрофессионализму, некомпетентности был также представлен в многоголосии участников обсуждения книги. Это — тоже элемент реальности! Сводить всю ситуацию только к однозначному давлению, идеологическому прессингу было бы упрощением. Реальностью тех событий были не только очевидные сегодня для нас негативные моменты, но реальностью было и сопротивление им (конечно, различное по формам и допускаемое обстоятельствами времени).

Подводя итоги, следует отметить неоднозначность ситуации с Г.С. Гореликом.

С одной стороны, он подвергается (по крайней мере, начиная с 1948 года) критике за идеологические ошибки в учебном процессе. С другой стороны, ректорат дает ему поручение подготовить доклад и выступить с ним на высоком научно-педагогическом форуме на тему... о преподавании физики и формировании марксистско-ленинского мировоззрения.

С одной стороны, кафедра, которую возглавляет профессор Г.С. Горелик (кафедра общей физики) критикуется за недостатки в идейном воспитании студентов на занятиях по физике. С другой стороны, этой же кафедре поручается подготовить рецензию заданного (тенденциозного) характера на учебник по физике (С.Э. Хайкин, «Механика») с критикой его идейного уровня.

С одной стороны, книга «Колебания и волны» подвергается резкой критике идеологического характера. С другой стороны, во многих выступлениях, в том числе и негативных, а также в итоговых документах по обсуждению книги говорится о ее предполагаемом переиздании.

Решения носили вербальный характер. Конечно, слово – это то же дело. Но никаких кадровых решений, дисциплинарных решений после всех обсуждений и постановлений не было. Не было перемещений по службе, освобождения от должности, тем более – увольнения. Не было изъятия книги из библиотеки и запрещения ею пользоваться. Ничего этого не было. Хотя и происходившее имело, безусловно, драматический характер.

В целом «история с физикой» в ГГУ явилась отражением противоречивости бытия советской науки, неоднозначности места и роли философии в контексте развивающегося научного знания. Форма и характер проведения дискуссии дополняют и корректируют современные представления об образе жизни советской науки конца 40-х – начала 50-х – годов XX века²⁵.

Статья в газете «Горьковская правда»

Своеобразным продолжением событий, происходивших в университете, явилась публикация в областной газете «Горьковская правда» (орган Горьковского обкома и горкома ВКП(б), областного и городского Советов депутатов трудящихся) статьи под названием «О низком идейном уровне учебника “Колебания и волны”» (3 июля 1952 года). Статья напечатана под рубрикой «Критика и библиография». Ее авторы: проф. В. Котов, доц. М. Ширококов, а также Н. Кузнецов – секретарь парторганизации университета и И. Рубцов, старший преподаватель кафедры философии ГГУ.

Прежде всего в газетном тексте указывается на то, что на книгу появился ряд рецензий и отзывов, в которых отмечаются ее достоинства и дается ее положительная оценка.

Но каким-то образом авторам рецензии в «Горьковской правде» стал известен неопубликованный отзыв о книге, данный научными работниками Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского. В этом отзыве сделаны замечания философского характера. По-видимому, отталкиваясь от этого, рецензенты-горьковчане выдвигают

обвинение по отношению к автору монографии: «В книге, объемом в 551 страницу, рассматриваются разнообразные вопросы физики, но рассматриваются так, что создается впечатление, будто диалектический материализм никакого отношения к физике не имеет». Дальнейший текст рецензии посвящен обоснованию этой идеи.

Первая философская проблема, о которой идет речь в рецензии, это проблема движения. Автор монографии критикуется за то, что он якобы рассматривает движение в чистом виде, т.е. не указывает на то, что движение — это движение материи. Действительно, в тексте монографии нет ритуальной фразы о том, что движение есть движение материи. В.И. Ленин же, как известно, в «Материализме и эмпириокритицизме» при общеполитическом рассмотрении вопроса о движении высказывает мысль о том, что признание движения без материи — это идеализм. На этом основании делается вывод о том, что позиция автора по этому вопросу — идеалистическая.

Рецензенты ссылаются на текст Г.С. Горелика и утверждают, что в книге «на вопрос «волнами чего» является свет (гл.7, §1), ответа фактически не дается». Если обратиться к тексту книги, принадлежащему Г.С. Горелику, то он представляется совершенно безукоризненным даже с точки зрения существовавшей в те годы системы мировоззренческих и идеологических «координат». Здесь и история вопроса, и связь теории с экспериментом, и связь науки с практикой, и вклад отечественной науки в решение проблемы. Если специально касаться вопроса о том, что движется, волнами чего является свет и т.п., то и об этом идет речь в тексте монографии. Вопрос о физическом смысле, материальном характере рассматриваемых явлений для автора отнюдь не второстепенный. При этом он отказывается от примитивного механицизма в истолковании физических явлений, что в полной мере отвечает принципам диалектического материализма. Научный труд Г.С. Горелика — сочинение по физике, а не по философии. В подходе к физической проблематике он реализует гносеологический подход, т.е. задает определенное видение проблемы. Упрек в субъективном идеализме, махизме — несостоятелен. Тем более странным такое обвинение выглядит в свете следующего рассуждения рецензентов: «Известно, что электромагнитные волны могут превращаться в частицы вещества, т.е. это есть особый вид движущейся материи». Зачем же ученому повторять банальные вещи?

Далее рецензенты обращаются к позиции автора по вопросу о предмете статистической физики. Их привлекает фрагмент текста книги на 394-й странице, который они передают следующим образом: «Автор пишет, что предметом статистической физики является «рассмотрение с единой точки зрения статистических схем»». Из этого может следовать, что статистическая физика, изучая статисти-

ческие схемы, природа которых никак не определена, не имеет отношения к реальности. Отсюда рецензенты делают далеко идущие выводы философского характера, строя обвинения в идеализме и агностицизме. Но, цитируя Г.С. Горелика, рецензенты совершают недопустимую операцию, которую можно назвать подлогом, а именно: обрывают фразу автора, искажая, причем радикальным образом, его мысль. Ведь после слов «статистических схем», которыми обрывается цитата, следуют слова «физических явлений». И полный фрагмент текста монографии выглядит следующим образом: «Рассмотрение с единой точки зрения статистических схем разнообразных физических явлений составляет предмет статистической физики»²⁶. Совершенно иной смысл! Тем более что ранее в тексте Г.С. Горелик очерчивает предмет статистической физики, охватывающей «разнообразнейшие явления, подчиняющиеся вероятностным законам: процессы теплообмена, испарения, намагничивания, излучения и рассеяния света и т.д.»²⁷. Поэтому слова рецензентов о том, что «Горелик вольно или невольно вторит буржуазным физикам-идеалистам», несостоятельны.

После этого речь идет о понятии «опыт», имеющем большое значение в философии, в том числе — в философии науки. Авторы рецензии справедливо пишут, что «для характеристики философских позиций физика-теоретика существенным является то, как истолковывается им понятие “опыт”». Но при этом делают упрек автору монографии: «Ссылаясь на каждой странице и в каждом утверждении на опыт, прибор, эксперимент, автор ни одного слова не говорит о самом понятии “опыт”». Но из того, что в книге нет философского осмысления понятия «опыт», совсем не следует, что ее автор идет по линии идеалистической трактовки этого понятия. И совсем нелепо (даже с точки зрения формальной логики) выглядит следующий пассаж: «Студент, изучающий курс физики по книге проф. Горелика, приучается думать, что в физическом исследовании опыт, эксперимент и его математическая трактовка являются единственным и решающим методом. Получается, что все, что нельзя продемонстрировать на опыте, что выходит за рамки опыта, — это «от лукавого» и подлежит изгнанию из физики. Стать на такой путь — значит стать на путь идеализма».

Далее следуют обвинения в непатриотизме: «Профессор Горелик в своей книге замалчивает замечательные работы великих русских физиков-материалистов Столетова и Лебедева и неправильно приписывает первенство в выражении этой идеи Л.И. Мандельштаму». Последний, кстати, советский ученый. Неясно, откуда следует приведенное утверждение. На страницах книги мы неоднократно встречаем имена отечественных ученых (дореволюционного и советского

периодов нашей истории). А в предисловии Г.С. Горелик прямо указывает: «Автор старался показать, какой драгоценный вклад внесен в учение о колебаниях и волнах работами А.С. Попова, П.Н. Лебедева, Н.А. Умова, И.А. Вышнеградского, Н.Е. Жуковского, А.Н. Крылова, Л.И. Мандельштама и других выдающихся русских исследователей»²⁸.

И наконец, последняя философская проблема — виды движения материи, классификация наук, в том числе — физических наук. Рецензенты приводят известные высказывания на этот счет Ф.Энгельса и В.И. Ленина. Им противопоставляется позиция автора «Колебаний и волн». Утверждается, что он «попытался ввести свою классификацию физических наук, отбросив «старую»... основанную на показаниях наших чувств». Заметим сразу, что «старая» классификация (очевидно, имеется в виду классификация Ф.Энгельсом форм движения материи) является результатом теоретического мышления, а не основана только на показаниях органов чувств. Далее. Откуда видно, что новая классификация отбрасывает старую? Совершенно неясно. Собственно, новой классификации наук и не дается в рецензируемой монографии. Скорее, традиционная классификация дополняется новым ракурсом рассмотрения с единой точки зрения физических явлений, относящихся к различным областям физики. Рецензенты не привели ни одного суждения автора книги на этот счет, не сделали ни одной ссылки на текст. Заметим, что даже если в книге дается новая классификация физических наук (в чем можно сомневаться), то это совсем не опровергает традиционных марксистских философских идей о формах движения материи и основанной на них классификации наук. Можно заключить, что обвинения в искажении принятой в марксистской философии классификации физических наук несостоятельны.

При этом проблема классификации наук почему-то связывается рецензентами с идеями материалистического сенсуализма. Думается, что все-таки это разные проблемы. И выводить классификацию форм движения материи, строить классификацию наук из принципа материалистического сенсуализма неверно, имея в виду ту трактовку этого принципа, которую дают авторы рецензии словами «классификация, основанная на показаниях наших чувств». Нельзя строить классификацию форм движения материи, классификацию наук (в том числе — физических наук) на основании только чувственного опыта. Здесь на позициях эмпиризма, ведущего к субъективному идеализму, находятся, скорее, сами рецензенты, но не автор монографии. Причем в контексте рассуждений рецензента уместнее была бы не приводимая ссылка на В.И. Ленина («чувства дают нам верные изображения вещей»), а иная: «Первая посылка теории познания,

несомненно, состоит в том, что единственный источник наших знаний — ощущения»²⁹. Так следовало бы упоминать классика марксистской философии по логике рассуждений рецензентов. Но при этом было бы упрощением и вульгаризацией сводить позиции В.И. Ленина к примитивному пониманию процесса познания в духе упрощенно трактуемого сенсуализма, наивного реализма и т.п. Его обращение к чувственной компоненте человеческих знаний не означает сведения их всех к ней, прямого выведения всего содержания знаний из чувственного базиса. Все это достаточно банально, и давно стало достоянием современной философии.

Что же у Г.С. Горелика? Отсутствие в рецензии прямых ссылок на его высказывания по данному вопросу побуждает обратиться к тексту самой книги. В ней действительно есть рассуждения, касающиеся данной проблемы. В главе 1 «Колебания», в § 2 «Единый подход к колебаниям различной физической природы» можно выделить некоторые суждения, которые относятся к проблеме классификации физических (именно — физических) наук. Прежде всего автор отмечает: «Существующее деление физики на механику, акустику, оптику, учение о теплоте, учение об электрических и магнитных явлениях еще и сегодня преобладает не только в средней, но и в высшей школе»³⁰. Отсюда известная классификация физических наук: механика, акустика, электромагнетизм, оптика... И далее: «Такое деление физики сложилось исторически. Оно имеет основание в том, что отражает в известной мере качественное различие форм движения в объективном мире (звука и света, механических и электромагнитных явлений). Некоторую роль сыграло и то, как различные явления (например, свет и радиоволны) воспринимаются нашими органами чувств»³¹. В то же время «в настоящее время невозможно заниматься акустикой, не касаясь ультразвуков — колебаний, неслышимых человеческим ухом... Невозможно также заниматься оптикой, не уделяя значительного внимания ультрафиолетовому и инфракрасному излучениям и игнорируя рентгеновское излучение, гамма-лучи и радиоволны. Все эти невоспринимаемые человеческим глазом электромагнитные излучения... часто называют невидимым светом»³². Значит, принцип наивного реализма (который отвергается философским материализмом) не может быть основанием современной физики. Объективные основания классификации наук не могут основываться на чувственных данных, причем выступающих в своем психологическом ракурсе. «С другой стороны, изучая звук и свет, механические и электромагнитные колебания, мы наталкиваемся на поразительную общность многих закономерностей. Развитие науки привело к тому, что все глубже познаются общие закономерности и связи качественно различных физических явлений. В связи с этим наряду с изу-

чением особенностей механических, акустических, оптических и других явлений появляется целесообразность изучения всех этих явлений с точки зрения выявления общих закономерностей, свойственных этим явлениям. Такой подход позволяет выделить в качестве одного из разделов физики учение о колебаниях и волнах. Этот отдел охватывает материал, рассматриваемый также в разделах механики, акустики, электромагнетизма и оптики... Когда мы говорим: качание маятника, звук *ля*, желтый свет натриевого пламени, магнитное поле лампового генератора, мы пользуемся языками механики, акустики, оптики, радиофизики. На язык общей теории колебаний все эти термины — и еще многие другие — переводятся одинаковым образом; все перечисленные явления можно рассматривать с определенной степенью приближения, как гармонические колебания, изображаемые единой формулой³³. И последнее: «То, что колеблется в опыте с камертоном и в опыте с радиопередатчиком, было различным. То, как происходят колебания в обоих случаях, одинаково. Дело не только в том, что тут и там колебательный процесс изображается синусоидой. Аналогичным может быть и сам механизм колебаний камертона и колебательного контура генератора. Часто при исследовании конкретных задач приходится интересоваться не столько тем, *что* колеблется, сколько тем, как и почему происходят колебания»³⁴.

Из приведенного весьма большого отрывка очевидно, что в рецензируемой работе отнюдь не отрицается носитель движения, отнюдь не отвергается принятая классификация наук и т.д., то есть ранее высказанные обвинения в идеализме оказываются несостоятельными. Философия диалектического материализма совсем не требует сведения, укоренения, «заземления» всего содержания человеческого знания, в том числе научного знания, в чувственном знании. Создается впечатление, что авторы рецензии, выступая от имени марксистской философии, трактуют ее примитивно, вульгаризируют ее идеи и принципы.

Принципиально новых моментов по отношению к статьям в университетской многотиражке, к выступлениям на ученом совете, направленным против Г.С. Горелика, в рецензии не содержится. Может быть, только более (по отношению к некоторым прежним выступлениям) корректно использование философской терминологии, нет прямых искажений философских представлений, выступавших в качестве парадигмы всего философского дискурса того времени, нет наклеивания идеологических ярлыков, утверждений о создании некоей «волновой философии» или «философии колебаний».

Но методология критики — одна и та же. Она включает в себя два момента. Первое. Из контекста выбираются, выдергиваются какие-

то отдельные фразы, фрагменты. Они выступают предметом критики вне зависимости от того, что другие фрагменты, тем более — целостный текст, имеют совсем другой смысл. Это — типичный абстрактный подход, в смысле односторонности, неполноты, частичности отражения всей полноты бытия объекта. Второе. Работа, имеющая физическое содержание, оценивается с точки зрения ее насыщенности философскими идеями, философским материалом. Обвинения касаются недостаточной философичности текста. Автор подвергается критике за то, что рассмотрение физических вопросов он не доводит до обращения к их философским аспектам, до трактовки проблем физики в духе диалектического материализма, специально не акцентирует внимания на философском «измерении» физического знания. Философия в книге, по мнению рецензентов, остается «за скобками», а это может привести к неопределенности в трактовке философских проблем физики, утверждению идеалистических воззрений в области физики и т.п.

Итоги

Трудно судить, какой была реакция читателей на публикацию статьи в областной газете. Очевидно, что очень немногие из них могли проникнуть в содержание статьи, а тем более — книги.

После завершения дискуссии Г.С. Горелик продолжал работать в ГГУ, заведовать кафедрой общей физики. Завершился учебный год, прошел следующий учебный год (1952/53). Начало же нового учебного года (1953/54) Г.С. Горелик встретил в новом качестве — заведующего кафедрой общей физики Московского физико-технического института.

Последствия научно-теоретического характера были следующие. Во время дискуссии почти во всех выступлениях затрагивался вопрос переиздания книги. Об этом говорил и сам ее автор, указывая на то, что учет замечания при подготовке второго издания книги. Например: «Все, что сделал Столетов, я включу в свое издание»³⁵.

Новое издание вышло в свет в 1959 году в Государственном издательстве физико-математической литературы тиражом 20 000 экземпляров (уже после кончины Г.С. Горелика, последовавшей в 1957 году). Оно не было абсолютно тождественным первому. Изменения, точнее, дополнения касались в основном мировоззренческих аспектов содержания книги. Это становится ясным уже из предисловия редактора ко второму изданию «Колебаний и волн», где проф. С.М.Рытов пишет: «Я ограничился несколькими небольшими вставками в основной текст, заимствованными из тех пояснений к отдельным вопросам общего характера, которые были написаны в 1953 году самим Г.С. Гореликом»³⁶. И далее следуют конкретные «адреса»

(главы, параграфы) этих «вставок». Их объем около десяти страниц книжного текста. Все они носят философско-методологический и историко-научный характер. Например, обращается внимание на объективный характер физического знания, диалектику его развития, природу математических абстракций, отмечается вклад русских ученых в разработку учения о колебаниях и волнах, ставится и рассматривается вопрос о том, «в чем причина того, что один и тот же математический аппарат оказывается пригодным для выражения закономерностей физически разнородных процессов»³⁷ и т.д.

Может быть, эти дополнения были вызваны прагматическим стремлением сделать возможным переиздание книги? Но возможно и то, что некоторые методологические вопросы, затрагивавшиеся во время дискуссии и нашедшие отражение в «пояснениях», вошедших в основной текст второго издания книги, не представлялись ученому излишними, ненужными, а полагались способом ее улучшения. Фактически уже не на словах, а в виде научного текста признавалась важность внимания к методологическим аспектам науки при развертывании содержания физического знания. Это тем более показательно, что в период работы над пояснениями (1953 г.) и вторым изданием монографии (1959 г.) было уже иное (по отношению к 1952 году) историческое время.

---

¹ Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947 – 1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997 № 4. С.28.

² ГОПАНО. Ф. 275. Оп. 16. Д. 20. ЛЛ. 62–63.

³ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 207. Л. 86.

⁴ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 329. Л. 24 об.

⁵ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 438. Л. 12–13.

⁶ Там же. Д. 329. Л. 26.

⁷ Успехи физических наук. 1950. Т. 40. № 3.

⁸ Там же. С. 481.

⁹ Там же. С. 476.

¹⁰ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 467. Л. 181.

¹¹ Там же. Л. 182.

¹² Там же. Л. 191.

¹³ ГОПАНО. Ф. 275. Оп. 6. Д. 36. Л. 155–158.

¹⁴ ГОПАНО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 4018. Л. 17.

На этом же собрании В. Ф. Котов так характеризовал книгу «Колебания и волны»: «В ней вы не найдете даже слов «материализм» и «идеализм», не говоря уже о богатейшем материале высказываний классиков марксизма-ленинизма. Книга профессора Горелика могла бы быть апробирована любой американской комиссией для чтения лекций в любом американском или английском университете» (Там же. Л. 30–31.).

Комментарии к этому выступлению представляются излишними, его содержание говорит само за себя. В то же время в тексте решения собрания городского партийного актива нет никаких упоминаний о кафедре общей физики ГГУ, ее заведующем и т.д.

¹⁵ ГОПАНО. Ф. 275. Оп. 8. Д. 2. Л.253.

¹⁶ Гильман А.М. О книге Ю.И. Неймарка «Сухой остаток». Рукопись. С.7.

¹⁷ ЦАНО. Ф.377. Оп. 8. Д.552. Л.7.

¹⁸ Там же. Л.8.

¹⁹ «За сталинскую науку». 1952. 10 мая.

²⁰ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 552. Л.43.

²¹ Там же. Л.46.

²² Там же. Л.Л. 47, 48, 49.

²³ Там же. Л.55.

²⁴ Там же. Л.38–39.

²⁵ Первоначальное осмысление «истории с Г.С. Гореликом» было дано в статье А.А. Касьяна и С.М. Пономарева «Провинциальное эхо великих потрясений», напечатанной в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» (2001, №1). Участник тех событий – В.Л. Гинзбург – ныне академик, лауреат Нобелевской премии – в доброжелательном письме А.А. Касьяну (24 мая 2004 года) пишет, что знаком с этой статьей. На нее он ссылается в своей работе «К столетнему юбилею квантовой механики», вошедшей в книгу «100 лет квантовой теории» (М., 2002).

²⁶ Горелик Г.С. Колебания и волны. М., 1959. С.19.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С.7.

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.18. С.127.

³⁰ Горелик Г.С. Указ.соч. С.18.

³¹ Там же. С.19.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С.19–20.

³⁵ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.552. Л.47.

³⁶ Горелик Г.С. Колебания и волны. М., 1959. С.6.

³⁷ Там же. С.54.

Глава 8

МАТЕМАТИКА И КИБЕРНЕТИКА

Математика

Научные дискуссии 40–50-х годов XX века шли под флагом борьбы за «идеологическую чистоту науки», «связь науки с практикой», т.е. разворачивались с преобладанием идеологического фактора. Идеологические мотивы, а не научные аргументы играли первостепенную роль в научной полемике. По существу, в этот период была проведена идеологическая кампания, конечной целью которой было обоснование государственного вмешательства во все важные события общественной жизни, в том числе — и в сфере науки. Нельзя сказать, что само по себе такое вмешательство является чем-то экстраординарным или категорически недопустимым. Все важные события в той или иной стране всегда в определенной мере контролировались властями, т.к. власть прежде всего несет ответственность за страну и ее население. Однако в отмеченный период это происходило необъективно, грубо, с попранием демократических принципов. Отечественная наука, вопреки мировой, руководствовавшейся доктриной академической свободы, находилась, по существу, под властью государственной идеологии.

Дискуссии общесоюзного масштаба, как, например, сессия ВАСХНИЛ, «павловская» сессия и т.д., хорошо отражены в литературе. Но проходила масса дискуссий и на периферии, в провинции — менее масштабных. Дискуссий — типа вузовских собраний, конференций, подоплекой которых часто служили не серьезные научные разногласия, а политический мотив, конфликт, даже личная вражда. Причем следует отметить, что при этом проявлялось больше идеологической риторики, нежели серьезности выдвигаемых против того или иного ученого обвинений. Объективный анализ этих событий на периферии порой трудно сделать, т.к. представители партийных и государственных структур, курировавших науку, нередко пытались завуалировать, скрыть истинные идеологические и политические мотивы дискуссий.

Отголоском всесоюзных дискуссий были обсуждения преподавания физики, биологии, лингвистики, химии, математики и других

наук в Горьковском (Нижегородском) государственном университете, известном своими глубокими научными традициями и научными школами. Здесь трудились многие ученые, которых с полным основанием можно отнести к лидерам отечественной науки. Некоторые из них в рассматриваемый период времени оказались в числе критикуемых за их мировоззренческие, философские позиции. Архивные материалы свидетельствуют о том, что обсуждения различных вопросов деятельности университета нередко превращались в некомпетентную критику наиболее авторитетных в научном отношении ученых, сводились к поиску незначительных, не влияющих на содержание обучения ошибок, которым придавалось большое значение. Критика разворачивалась не для подлинной дискуссии, не для подлинного обсуждения, а для осуждения ученых. При этом вдохновители и организаторы дискуссий не всегда были людьми, разбиравшимися в существе обсуждаемых проблем, но лишь предполагавшими, что те или иные идеи могут идти вразрез с принятыми идеологическими установками. Так, в «Отчете ГГУ за 1947–1948 гг.» говорилось: «Аполитизм, объективизм, безыдейность являются наиболее характерными свойствами отдельных научных работников»¹. Заведующий кафедрой распространения радиоволн профессор В.Л. Гинзбург был обвинен в «раболепии перед иностранщиной», в приказе министра высшего образования СССР от 24.XI. 1947 года был охарактеризован как «проявивший в своей работе «Атомное ядро и его энергия» низкопоклонничество перед иностранными учеными и игнорирование выдающихся советских физиков»².

Эти слова свидетельствуют о попытках организации националистических по сути кампаний по созданию специфически советской, не западной науки. Это — аналог идей Т.Д. Лысенко, пытавшегося провозгласить победу своего псевдонаучного направления над международной наукой, а генетику объявить лженаукой. Поиски «лженауки и безыдейности» во всех сферах университетского знания коснулись и физики, и истории, и языкознания, и биологии, и математики, и других наук. Оценивая эти дискуссии, член парткома ГГУ Миронов заявил: «Лженаука изгоняется у нас, как зло, мешающее движению вперед. Принцип большевистской партийности в науке — это принцип высшей объективности, и им должны пользоваться все деятели науки, независимо от того, связаны они с партией большевиков или являются беспартийными»³.

Часто обвинения в адрес того или иного преподавателя означали его критику за нежелание или неумение освещать свой предмет философски, с позиций диалектического материализма. При этом требование философской интерпретации чаще сводилось к упрощенчеству и вульгаризации, вело в конечном итоге к неоправданно-

му противопоставлению науки и философии и, как следствие, — к непониманию — если не хуже — ученых разных профилей, с одной стороны, и философов — с другой. Обвинения звучали в адрес многих профессоров и преподавателей за «отсутствие обобщений на основе марксистско-ленинской методологии», за «неумение давать явлениям освещение с позиции диалектического материализма».

В рассматриваемый период в Нижегородском университете существовали различные формы контроля за качеством преподавания. Так, широко практиковались обследования кафедр университета специально создаваемыми бригадами: ЦК ВКП(б), Министерства высшего образования СССР, ректората. Проверки шли под флагом идеологического контроля, поисков идеологической «крамолы», аполитизма и «буржуазного объективизма». Критике подвергались лекции многих профессоров и доцентов, в частности, на закрытом общеуниверситетском партсобрании 15/III 1951 года, где констатировался низкий «идейно-теоретический уровень преподавания и состояние марксистско-ленинского образования профессорско-преподавательских кадров и студенчества университета»⁴.

Не обошли стороной дискуссии с идеологическими акцентами и ученых-математиков. Еще в 1947 году на закрытом партийном собрании парторганизации ГГУ в выступлении ректора А.Н. Мельниченко говорилось, что «доцент А.Г. Майер в своих лекциях по истории математики совершенно не говорит о борьбе материализма и идеализма в науке, не рассматривает диалектическое развитие науки, не говорит об историческом процессе того или иного течения в науке»⁵.

И в дальнейшем курс истории математики был в поле зрения идеологических структур. История математики — это не дифференциальная геометрия, не вариационное исчисление и тому подобные математические дисциплины. История математики принадлежит исторической науке, это социально-гуманитарная наука. Она объективно ближе сфере политики и идеологии, мировоззренческому сознанию, чем чистая математика. Поэтому и «специалистов» в ней больше. Отсюда и обсуждения, и посещения, и контроль...

Кульминация пришлась на конец 1950 года и начало 1951 года.

На заседании совета физико-математического факультета состоялось заслушивание и обсуждение доклада профессора А.Г. Майера «Предыстория создания математического анализа». Заседание проходило в течение трех дней — 20 и 23 декабря 1950 года и 5 января 1951 года. Первый день — доклад и ответы докладчика на вопросы. Второй день — обсуждение доклада. Третий день — продолжение обсуждения, заключительное слово докладчика, обсуждение проекта решения совета и его принятие. Сохранилась обширная сте-

нограмма: доклад — 25 страниц машинописного текста, вопросы и ответы — 14 страниц, заключительное слово — 33 страницы, обсуждение проекта решения совета — 15 страниц.

Решение совета включает в себя следующие пункты: 1) Тезисы доклада и доклад проф. Майера «Предыстория создания математического анализа» считать неудовлетворительными. 2) Обязать проф. Майера прежде, чем читать лекции студентам по указанному разделу, переработать к 10 марта 1951 года содержание обсуждаемого доклада в соответствии с задачами курса истории математики, изложенными в программе министерства и в соответствии с решением совета факультета, и переработанный доклад сдать через деканат в библиотеку университета для ознакомления. Предложить проф. Майеру коренным образом улучшить качество лекций по истории математики, их идейное содержание. 3) Указать проф. Майеру на недопустимое отношение к критике, выражающееся по существу в игнорировании критических замечаний совета факультета по вопросам преподавания истории математики»⁶.

Решение совета физмата выдержано в духе времени и по своему содержанию, и по форме. Оно даже более резкое по сравнению с другими аналогичными документами, принимавшимися по поводу других персоналий (например, Г.С. Горелик).

Обращает на себя внимание пункт о недопустимом отношении профессора А.Г. Майера к критике, игнорировании замечаний и т.п. Это вызвано тем, что А.Г. Майер в процессе заседания совета не кается, не посыпает голову пеплом, не бьет себя в грудь, а занимает наступательную, воинствующую позицию по отношению к своим критикам. Выражает согласие лишь с немногими замечаниями оппонентов. При этом, как и они, ссылается на один и тот же круг авторитетов — К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, И.В. Сталин.

Полный анализ описываемых и последующих событий — дело будущего. Коснемся лишь двух моментов.

Первое. Главный критик А.Г. Майера — профессор В.Ф. Котов, имя которого уже известно в связи с «историей с физикой» в ГГУ. Не будем приводить его общих оценочных высказываний — они очевидны. Но если говорить о частностях, деталях, то ситуация выступает как многомерная. А.Г. Майер в своем выступлении цитирует своего критика: «Идеализм в математике необходимо искать не в специальных методах математики, а в идеологических, философских позициях математиков, в отношении к математике революционных классов и партий. Глубоко реакционными являются философские, идеологические воззрения Евклида, Архимеда, Кавальери и т.д., и в то же время прогрессивными, революционными являются продукты их математического творчества»⁷. Это слова В.Ф. Котова. Такой вывод,

по мнению А.Г. Майера, — «чудовищный». Если ему следовать, то получается, что «идеализм в математике является лишь внешним привеском, а взгляды ученого не существенны для результатов его работы»⁸. Налицо две позиции. В.Ф.Котов — надо разделять мировоззренческие, идеологические взгляды ученого и его специально-научные идеи, методы, результаты. А.Г. Майер — мировоззренческие, идеологические взгляды ученого неотделимы от научного познания, вплетены в процесс исследовательской деятельности. Как оценить эти позиции? В каждой из них есть доля истины. Современный специалист в области философии науки Л.А. Микешина отмечает: «В истории науки обнаруживается одна любопытная особенность: система ценностно-мировоззренческих ориентаций, идущих непосредственно от естественно-научного знания, сложившихся на основе объективно-истинного познания действительности и ее закономерностей, детерминирует непосредственно исследовательскую деятельность ученого, часто вопреки его личным верованиям, иллюзиям, представлениям, желаниям. Его ценностные установки как бы «расслаиваются» на принципы, работающие в научной деятельности, и принципы повседневной жизни»⁹. Конечно, мировоззренческие принципы (для науки в целом), политические и идеологические установки (особенно для социально-гуманитарных наук) не являются нейтральными по отношению к научной деятельности. Но необходим очень глубокий и тонкий анализ для того, чтобы такое влияние обнаружить и зафиксировать.

И второй момент. А.Г. Майер, основываясь на словах И.В. Сталина «Наука, порвавшая связь с практикой, с опытом — какая же это наука?» (источник не указывается), называет «Начала» Евклида «обскурантистской» книгой, т.к. она оторвана от практики. «Отвечая реакционной идеологии своего времени (эпохи упадка рабовладельческого общества) «Начала» Евклида вытеснили другие, более ранние и, по-видимому, более прогрессивные «Начала». Поэтому они остались единственным систематическим изложением древнегреческой математики, донеся нам ее достижения в исковерканном идеализмом виде»¹⁰. И далее: «“Начала” Евклида, построенные на отрыве от практики, играли реакционную роль»¹¹. Вот такая позиция! Такое понимание соотношения практики и теории, науки. При всей жесткости решений совета физмата ГГУ нельзя не отметить, что некоторые из них имели определенные основания (последние высказывания вызвали негативную реакцию многих выступавших). В свою очередь она вызвала у А.Г. Майера такую оценку — «дешевая» критика. В выражениях никто не стеснялся!

Вскоре после заседания совета физмата в газете «За сталинскую науку» была опубликована большая статья «Об идеологических ошиб-

ках проф. А.Г. Майера в курсе истории математики». Авторы — В.И. Беневоленский (декан физмата), Я. Шапиро, В. Котов, И. Лохин, Н. Отроков¹². В статье пересказывается решение совета, критика в адрес А.Г. Майера, прозвучавшая на нем. Но есть и фрагмент, где говорится о стремлении «некоторых членов совета (доцент Сигалов, доцент Гордон, доцент Неймарк) смазать остроту критики при обсуждении решения» совета. Если учесть еще и отмеченную выше не оборонительную, а наступательную позицию главного участника событий, то картина будет выглядеть отнюдь не одномерной. Ее персонажи не шли одной колонной, имела место определенная разногласия мнений. И оценки этих мнений не могут быть однозначными, ориентированными на два полюса: «плохой» — «хороший».

Все эти события предшествовали совещанию в ректорате (9 марта 1951 года), где с соответствующим докладом выступил декан физмата доцент В.И. Беневоленский. В его докладе, в выступлениях доцентов Белоусова, Николаева, Маркова, Котова, Отрокова и особенно ректора профессора Мельниченко прозвучала резкая критика в адрес Майера. «В преподавании профессора Майера, — заявил ректор, — вскрыт ряд бесспорных ошибок — и в этом неопределимая заслуга дискуссии на совете факультета и статьи в газете «За сталинскую науку». Профессор Майер не обнаружил правильного марксистско-ленинского понимания связи и взаимоотношения теории с практикой, науки с общественной жизнью. Его лекции по истории математики страдают антиисторизмом и недопустимыми элементами космополитизма. Даже одно утверждение профессора Майера, что гениальная теория Лобачевского якобы имела все условия появиться во времена Евклида и не появилась якобы только случайно, изобличает теоретическую неграмотность профессора Майера. Мы не можем, профессор Майер, позволить Вам читать курс истории математики, да и другие курсы так, как думаете Вы, потому что думаете Вы неправильно... не по-марксистски. Нет, он старается быть марксистом, но одно дело — стараться, а другое — стать марксистом. Как известно, и Марр старался быть марксистом, но был только грубым вульгаризатором марксизма, и это гениально показал И.В. Сталин... Необходимо усилить контроль за лекциями профессора Майера, контроль сделать систематическим, а не случайным»¹³. Подводя итог обсуждению вопроса на этом расширенном заседании ректората, ректор высказал пожелание в решение заседания включить такой пункт: «Предложить профессору Майеру читать лекции по написанному и апробированному тексту. Предложить декану доценту Беневоленскому и заведующему кафедрой марксизма-ленинизма доценту Фадееву организовать рецензирование курса лекций профессора Майера по истории математики»¹⁴.

Научная дискуссия предполагает обсуждение проблем, спокойный, корректный анализ обсуждаемых вопросов, взаимный и свободный обмен мнениями, уважительное отношение к оппоненту. В дискуссиях же тех лет преобладала наступательная, зачастую необоснованная, тенденциозная полемика с односторонним обвинительным уклоном, с элементами поучительства, гипертрофированного представления о значении марксистских идей и установок в ущерб объективности анализа научных проблем. Именно такой подход проявился, например, в выступлении доцента Маркова: «...Я думал, что он (Майер. — *Авт.*) одумается, выступит и раскроет свои ошибки. Он этого не сделал... Получается чистой воды идеализм: ученый сидит в кабинете и делает науку. Как развивается наука, и в том числе математика, ясно сказано в истории ВКП(б)!»¹⁵

Привнесение в научную дискуссию политических моментов, классового подхода вело к упрощенческому пониманию, вульгаризации методологической функции философии по отношению к другим наукам. Идеологическая обстановка 40–50-х годов характеризовалась противостоянием двух социальных систем. Поэтому упоминания значимости вклада в мировую науку зарубежных ученых часто квалифицировались как «низкопоклонство и раболепие перед Западом», объявлялись космополитизмом. Профессора А.Г. Майера обвинили и в этом. Доцент Белоусов заявил: «До сих пор продолжается классовая борьба в науке. Теперь она приняла более ожесточенный характер. Империалисты США, Англии и других стран выступили в роли главных душителей прогрессивных ученых, свободы мысли. США стали ныне центром средневековой мистики, мракобесия. Ни профессор Майер, ни авторы статьи (речь идет об упомянутой статье в университетской газете «За сталинскую науку». — *Авт.*) по непонятным причинам не соизволили увязать преподавание истории математики с той борьбой, которая сейчас развернулась между двумя лагерями: лагерем прогресса, мира и социализма, возглавляемым СССР, и лагерем реакции, войны, возглавляемым США)»¹⁶. Профессора Майера обвинили в недооценке роли геометрии Лобачевского. На это он ответил так: «Значение работ Лобачевского выходит за рамки узко математических работ... Развитие математики не является необходимой предпосылкой развития техники, материального производства, здесь имеет место одностороннее взаимодействие: от производства к теории, а не наоборот. Маркс в «Святом семействе» говорил, что древние греки не имели никакого представления о принадлежности естественных наук к производству. Тезисы о теоретических науках, объясняющих известное, — это перефразирование слов Энгельса о том, что в эпоху до XVIII века задачей естествознания является

овладение накопленным материалом. Очень четко и ясно говорил Маркс о том, что в эпоху до крупной промышленности техника производства складывалась эмпирически. Маркс указывал, что только с крупной промышленностью начинается сознательное технологическое использование науки»¹⁷. Эти слова профессора Майера подтверждают то, что он изучал работы основоположников марксизма и имел достаточно высокий уровень философской культуры. Поэтому удивление вызывает упомянутое решение поручить некоторым доцентам осуществлять контроль за его научной и учебной деятельностью, тем более — поучать его.

Попытки приклеить ярлыки «раболепия, низкопоклонства и космополитизма» искажали содержание аргументационной базы, были некомпетентными, оскорбительными для научного работника. На эти упреки профессор Майер ответил так: «Я вынужден рассказывать, начиная с XVIII века, ограничиваться историей математики в России, почти умалчивая об иностранной математике»¹⁸. В заключительном слове на расширенном заседании ректората А.Г. Майер сказал: «Знатоком философии я себя не считаю. Дискуссия мне помогла: заставила прочитать еще раз некоторые труды... У меня создается мнение, что меня не хотят понять»¹⁹. В этом вся суть дискуссии: не стремление к истине, не попытка услышать и понять обсуждаемого, а идеологический критицизм.

Кибернетика

Период конца 40-х — начала 50-х годов XX века в СССР характеризовался специфической идеологической ситуацией: это — «холодная война», противостояние с США и их союзниками, что, естественно, отразилось на развитии науки и образования. Во всех отраслях университетского образования шли поиски «безыдейности» и «космополитизма».

Иногда идеологические дискуссии не принимали острой формы, шли по достаточно мягкому варианту. Обсуждение проблем кибернетики было именно таким. Ведь в его рамках не проводилось какого-то официального совещания (как, например, сессия ВАСХНИЛ, «павловская» сессия или философская дискуссия, имевшие свои пространственно-временные координаты). Не принимали в этой дискуссии участия, по крайней мере явного, политические лидеры той эпохи. Для сравнения: А.А. Жданов — непосредственный участник философской дискуссии; И.В. Сталин — автор сочинений по вопросам языкознания и экономической теории, определивших ход и результаты соответствующих обсуждений. И вряд ли корректно говорить, что существовала какая-то официальная точка зрения на кибернетику («идеалистическая и метафизическая лженаука» и т.п.).

Но ситуация вокруг кибернетики не была безоблачной. По свидетельству М.Г. Гаазе-Рапопорта «журналистский бум, поднятый в западной печати после появления книги Винера (имеется в виду книга «Кибернетика или управление и связь в животном и машине», вышедшая в 1948 году. Русский перевод — 1958 год. — *Авт.*), идеалистические и механистические выводы, встречавшиеся в зарубежных популярных статьях, вызывали в нашей стране в период 1948-1954 годов резко негативное отношение к кибернетическим идеям, замедлившие разработку их позитивного содержания. Этому способствовало появление ряда публикаций в отечественной печати, в которых кибернетика характеризовалась как идеалистическая буржуазная лженаука»²⁰.

В более поздней работе этот же автор пишет: «Появилось множество статей в массовой и научной печати, критикующих т.н. кибернетику как антигуманное буржуазное направление»²¹.

Если сравнить эти публикации (их разделяет не просто несколько лет, но глобальное историческое событие, смена в нашей стране общественно-политического строя), то получается любопытная картина. Эволюция оценки: от «ряда публикаций» к «множеству статей». Но никаких подтверждений этому фактически не приводится. Только достаточно известные свидетельства: статья «Кому служит кибернетика» в журнале «Вопросы философии» (1953. №5), подписанная «Материалист», да статья «Кибернетика» в «Кратком философском словаре» (М., 1954). Вот, по сути дела, вся «доказательная база» идеи гонений на кибернетику в СССР.

Не случайно, помимо отмеченной, существует и другая точка зрения, характеризующая идеологическую ситуацию вокруг кибернетики. Л. Грэхэм пишет: «...общее число статей, прямо направленных против кибернетики, не превышало, кажется, трех или четырех. Это число было намного меньше, чем число идеологически воинствующих публикаций, появившихся в других спорах... что объясняется, без сомнения, обстоятельствами того времени: к моменту, когда кибернетика стала широко известной, худшие времена идеологического вторжения в советскую науку прошли»²². Конечно, это важная причина, но не единственная. Надо иметь в виду и практическое значение кибернетики, ее соответствие духу научной рациональности, характерному для теории марксизма и практики социализма, и др.

Тем не менее остаются справедливыми слова Б.В.Бирюкова: «Период 50-х годов вдумчивому исследователю развития науки представляется одним из самых интересных и драматичных. Стоит, например, разобраться в том, как возникли несостоятельные методологические квалификации кибернетики и как они преодолевались»²³.

Преодолению негативизма в отношении кибернетики служили публикации в журнале «Вопросы философии»: Э. Кольман «Что такое кибернетика?» (1955. №4) и С.Л. Соболев, А.И. Китов, А.А. Ляпунов «Основные черты кибернетики» (1955. №4).

Очевидно, что ситуация с кибернетикой была иной, например, по сравнению с ситуацией с генетикой. Дискуссии о методологических, мировоззренческих аспектах кибернетики отнюдь не исключали реальных исследований в рамках этого научного направления, научных семинаров, публикаций, отражения новых научных идей в образовательной деятельности и т.д. Тем более что развитие кибернетики ставило реальные проблемы перед философией: человек и машина, техника; живое существо и техническое устройство; мозг и компьютер; управление, информация, связь, моделирование и т.д.

Сам Н. Винер, вспоминая о времени, когда происходило становление основных идей кибернетики, писал, что уже тогда у него росло понимание их неоднозначных последствий для общества: «создание заводов-автоматов неизбежно должно было бы привести к новым социальным проблемам, связанным с занятостью рабочих»²⁴; «необходимо принять меры предосторожности, чтобы освобождение человека от однообразной работы на заводах не привело к обесцениванию человеческой личности и возвеличиванию машины»²⁵. Более того, Н. Винер, понимая, что его идеи могут быть использованы при реализации «манхэттенского проекта» (создание атомной бомбы) и вообще в военных целях, пытался скрывать эти идеи от широкой научной общественности (избегал участия в дискуссиях, выступлений на конференциях и т.д.). Он пишет: «Я попытался разобраться, в чем состоит мой долг, и решить, не следует ли мне воспользоваться правом иметь личные секреты — существует же в высших сферах право хранить государственные тайны — и скрыть свои идеи и свою работу.

Некоторое время я забавлял самого себя этим намерением, но потом пришел к заключению, что оно неосуществимо, так как мои идеи принадлежат скорее нашему времени, чем мне лично. Даже если бы я уничтожил каждое слово, которое могло дать представление о том, что я сделал, эти слова неизбежно появились бы снова в работах других и, может быть, в таком контексте, при котором их философский смысл и кроющаяся за ними социальная опасность оказались бы менее явными. Я уже не мог соскочить со спины необъезженной лошади, на которую взобрался, и мне ничего не оставалось, как скакать вперед.

Я решил отказаться от политики величайшей секретности и перейти к политике самой широкой гласности, обратив внимание общества на все преимущества и опасности нового начинания»²⁶.

Кибернетика развивалась стремительно, ее идеи проникали во многие области науки. Она явилась комплексным научным направлением, которое имеет философское значение. Но путь развития кибернетических идей был долгим и сложным. Именно 40–50-е годы XX века явились периодом становления кибернетики, когда были «введены в эксплуатацию первые ЭВМ, сложилась теория информации, возникла теория конечных автоматов, теория автоматического регулирования переросла в теорию управления сложными системами и процессами, возникло искусство программирования для компьютеров... когда была осознана общность задач переработки информации и управления, возникающих в сферах техники, живой природы и общества»²⁷.

Именно в этот период в Горьковском университете была прочитана публичная лекция академика А.А. Андропова о кибернетике. Как отзывался об этой лекции профессор Ю.И. Неймарк: «Я никогда в жизни не слышал лекций столь проникновенных, содержательных и производящих неизгладимое впечатление... А.А. Андронов говорил, что кибернетика базируется на теории колебаний и автоматическом регулировании, что за ней будущее, за ее спиной вычислительная техника, новый могучий инструмент точного познания мира»²⁸. И далее: «эта лекция стала как бы заложенной в меня программой действий».

Книга воспоминаний Ю.И. Неймарка «Сухой остаток: к истории в лицах научной школы А.А. Андропова» — ценный источник. Автор книги в конце 40-х — начале 50-х годов XX века находился в центре событий, связанных со становлением и развитием кибернетики в регионе. Ю.И. Неймарк «был инициатором создания в 1963 году факультета вычислительной математики и кибернетики и одним из организаторов в 1965 году НИИ прикладной математики и кибернетики... В 1958 году создал и возглавил кафедру вычислительной математики и диагностики машин»²⁹. В его воспоминаниях ничего не говорится о гонениях на кибернетику в ГГУ, о преследованиях и репрессиях по отношению к этой науке, к ее людям и структурам и т.п. Хотя Ю.И. Неймарк нередко обращается к теме отношений науки и идеологии в СССР, политическим аспектам развития советской науки, в частности в ГГУ.

А.М. Гильман, стоявший у истоков кибернетики в Горьковском университете, также вспоминает о том, что А.А. Андронов «в одной из вводных лекций по курсу теории колебаний, прочитанной в 1948 или в 1949 году.. коснулся вопроса о кибернетике... Резюмируя кратко, Александр Александрович сказал, что он совершенно не будет касаться политических и идеологических спекуляций, которые возникли на Западе вокруг кибернетики, но сама по себе кибернетика — дело весьма полезное и объяснил почему. Надо отметить, что полез-

ность кибернетики, видимо, плохо была понята «наверху». Во всяком случае, в это время в «Литературной газете» появилась большая статья с насмешками над американцами, которые создали громоздкие бессмысленные электронные машины, что свидетельствует о разложении и т.д. и т.п.»³⁰.

Но становление кибернетики в Горьковском университете проходило в достаточно спокойном русле. Протоколы заседаний ученого совета ГГУ не содержат рассмотрения вопросов, связанных с кибернетикой в ее идеологическом ракурсе (в отличие от физики, химии, языкознания и т.д.).

Сегодня философы нередко получают упреки в свой адрес за негативное отношение к кибернетике в период ее становления. Если говорить о кафедре философии ГГУ, то эти упреки безосновательны. Скорее всего, никакого отношения к кибернетике вообще не было со стороны этой кафедры: ни положительного, ни отрицательного. Так, протоколы заседаний кафедры философии ГГУ (начиная от 6 декабря 1949 года до 12 июля 1956 года) не содержат даже упоминаний о кибернетике. Тем более — каких-либо ее критических рассмотрений³¹. А во второй половине пятидесятых годов по инициативе кафедры философии для студентов и научных работников университета проводились лекции профессора Э.Кольмана на тему: «Философские проблемы современного естествознания», «Философские проблемы кибернетики» и др. Кафедра установила тесные связи с вычислительным центром университета, проводя совместные семинары по философским проблемам кибернетики. На теоретических семинарах по философским вопросам естествознания заслушивались и обсуждались выступления: «О предмете кибернетики», «Философские проблемы кибернетики», «О кибернетических аналогиях», «Кибернетика и биология» и другие.

В книгах по истории Горьковского университета, выходивших в советский период отечественной истории, рассматриваемый вопрос никак не отражен. В книге А.Ф. Хохлова (ректор ГГУ в 1988—2003 гг.) «Университет, рожденный трижды» (Нижний Новгород, 1998) об идеологических дискуссиях вокруг кибернетики также ничего не говорится, хотя подобная тематика по отношению к другим наукам затрагивается.

Показательно, что в университетской газете «За сталинскую науку» (1948—1955 гг.) нет ни одной статьи, в названии которой было бы слово «кибернетика», хотя идеологические дискуссии в области биологии, языкознания и т.д. в ней представлены в эти годы весьма основательно. Лишь в конце 1955 года газета обращается к этой тематике: отражение развернувшейся в ноябре 1955 года дискуссии по кибернетике на философском семинаре радиофизического факультета.

На семинаре обсуждались два доклада (Алексеева и Яблонского), посвященные развитию кибернетики, которая затрагивала интересы многих наук — физики, биологии, лингвистики, психологии, экономики, социологии. Еще не был выработан научный аппарат кибернетики, оставалось много вопросов относительно важнейших направлений ее развития. Поэтому широкое обсуждение проблем зарождения, функционирования, развития кибернетики и ее практического применения на философском семинаре радиофизиков было чрезвычайно актуально. Предполагалось дать марксистское толкование философских проблем, стоящих перед этой дисциплиной.

Участники дискуссии на семинаре — физики, механики, математики — в большинстве своем высказывали позитивное отношение к новой науке, но были и противоположные мнения. Так, профессор биологического факультета Е.М. Воронцов, участвовавший в семинаре, но не выступавший, опубликовал в газете «За сталинскую науку» статью под названием «Некоторые предварительные замечания» как реакцию на обсуждавшиеся на семинаре доклады³². Кибернетика здесь не называлась лженаукой, отмечалось ее положительное значение: «Конечно, неплохо, когда создается аппаратура, облегчающая умственный труд человека, решающая сложные вопросы автоматизации, автоматизирует некоторые процессы «механической» работы мозга». Но «плохо, когда делаются попытки механической трактовки деятельности человеческого мозга». Автор обвинил докладчиков в преувеличенной «оценке деятельности такого рода механизмов» и в обращении в позитивном плане к т.н. «формальной генетике», в ссылках на работы Дубинина и Астаурова. И далее: «Попытки перенесения положений кибернетики в биологическую науку и та трактовка связей, которая была дана в докладах, мне представляются спорными. Мы, биологи, не против той помощи, которая уже есть и ожидается от так называемой кибернетики. Все полезное, что она может нам дать — приветствуем, но вместе с тем мы выражаем серьезное опасение в том, как бы не возродились снова проблемы «сведения» биологических процессов к механике, физике, химии». Профессор Е.М. Воронцов подверг сомнению, даже назвал ошибочной постановку и обсуждение на семинаре радиофизического факультета докладов без их предварительной проверки, без серьезного привлечения к работе над докладом квалифицированных биологов, а также приглашение на семинар студентов.

Содержание и стиль этой статьи существенно отличаются от подобных публикаций недавнего прошлого (например, в связи с работой Г.С. Горелика «Колебания и волны»). Нет ритуальных ссылок на классиков марксизма и политических лидеров того времени. Нет апелляции к руководящим партийным и государственным

структурам. Нет требований пересмотра взглядов, запрещения, контроля и т.п. Рассуждения идут от имени автора, выражается его собственная позиция, не претендующая на всеобщее значение. Правда, позиция биологического сообщества фактически отождествляется с мнением, выраженным в статье: «мы выражаем опасение», «все полезное, что она может нам дать» и т.п. Думается, что опасения Е.М.Воронцова во многом вызваны его недостаточной компетентностью в обсуждаемом вопросе. Он специалист по орнитологии и зоогеографии³³.

Недаром в опубликованном вскоре отзыве на эту статью и подписанном «Группа участников семинара» — Алексеев, Баутин, Берштейн, Гапонов, Гершман, Гильман, Денисов, Жевакин, Железцов, Зверев, Постников, Сергиевский и Фуфаев — была дана его критика: «Профессору Воронцову не понравились доклады, сделанные на семинаре, и он пытается бросить тень на саму организацию семинара, но при этом высказываются мысли, вызывающие недоумение. Оказывается, что, по мнению автора статьи, на семинаре не следует ставить докладов дискуссионного характера и... не следует приглашать студентов. Однако их интерес к обсуждению спорных научных вопросов мы считаем фактом положительным, т.к. высшая школа должна выпускать специалистов, способных самостоятельно решать сложные научные вопросы... На нас производит странное впечатление протест против того, что т. Яблонский в своем докладе процитировал статью проф. Дубинина из «Ботанического журнала» № 4 за 1955 год. Очевидно, проф. Воронцов считает, что нельзя цитировать советскую научную периодику, если в ней содержатся критические замечания в адрес видных ученых (или такие идеи и высказывания, с которыми он, проф. Воронцов, не согласен)»³⁴.

И наконец, еще один отклик — статья С. Яблонского (один из докладчиков на семинаре) «По поводу некоторых замечаний профессора Е.М. Воронцова»³⁵. В ней — о кибернетике, ее связи с другими науками, о, как он выражается, «спекуляциях» вокруг кибернетики. Профессор Воронцов допустил искажение: якобы «в докладе было сказано, что все философы вообще в вопросах современной науки безграмотны». На самом же деле в прозвучавшем на семинаре докладе «речь шла об ошибках некоторых философов в оценке кибернетики и указывалось на необходимость владения философами специальными областями различных наук. В качестве положительного примера указывалась интересная статья т. Кольмана “Что такое кибернетика?”». Кроме того, высказывались идеи о возможности построения «модели для изучения отдельных функций живых организмов, включая наследственность», причем подчеркивалось, что «современные вычислительные машины могут оказать определен-

ную помощь селекционерам. Внимание участников семинара было обращено на дискуссионные вопросы в биологии, затронутые в работах т.т. Дубинина и Астаурова. Проф. Е.М. Воронцов... вместо критики взглядов, с которыми он не согласен, предпочел приписать докладчику будто последний отрицал "опытное дело в сельском хозяйстве"».

Кибернетика ставит серьезные мировоззренческие проблемы, их надо разрешать, к ним проявляется широкий интерес, но имеет место не всегда корректное толкование. «В этой обстановке особенно важно провести широкое обсуждение проблем кибернетики, обсудить возможные пути ее приложения и, наконец, дать глубокое марксистское толкование философских проблем, стоящих перед этой дисциплиной. Последнее приобретает особую важность также и в связи с тем, что идеологи буржуазной философии пытаются использовать кибернетику для очередного похода против марксизма. Здесь мы имеем дело со всякого рода спекуляциями, начиная от провозглашения господства роботов вплоть до отождествления машин и мозга, до подмены реальных процессов, происходящих в живых организмах, процессами, происходящими в машинах. Задачей наших научных работников является полное разоблачение всех этих философских вывертов».

Заканчивается статья серьезным обвинением в адрес Е.М. Воронцова: «Нежелание некоторых наших специалистов глубоко заняться новыми научными дисциплинами или их разделами, возникающими в последнее время, попытки объявить такого рода дисциплины лженауками и закрыть к ним доступ подрастающей научной молодежи принесли уже немало вреда нашей подрастающей научной молодежи. Статья проф. Е.М. Воронцова, к сожалению, идет по тому же осужденному нашей партией пути».

В связи с этим напомним, что т. Хрушев на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС в 1953 году, говоря о недостатках в работе научных учреждений, отметил: «В научных учреждениях недостаточно развернута критика и самокритика, отсутствуют творческие дискуссии и свободный обмен мнениями, нередко культивируется атмосфера подхалимства и угодничества вокруг отдельных ученых». Статья проф. Воронцова направлена по существу против ликвидации этих недостатков и поэтому не может не вызвать возражений с нашей стороны».

На этом события не остановились. Под рубрикой «Обсуждаем статью «Некоторые предварительные замечания»» в университетской газете появилась новая статья проф. Е. Воронцова «Мой ответ физикам»³⁶. В ней зачинатель обсуждения прежде всего отвергает обвинения своих оппонентов, касающиеся организационных аспектов проведения семинара на радиофаке. Заявляет, что он, разумеется,

не против дискуссий, не против научной критики, но против неподготовленных дискуссий, за привлечение на них квалифицированных специалистов. Далее в тексте статьи интересный пассаж: «Советская наука свободна. Поэтому и появляется в нашей печати немало острых статей, обсуждающих те или иные проблемы не с общепринятых и методологически не всегда верных позиций». В качестве такой статьи называется статья Н. Дубинина, о которой речь шла выше. Отношение к автору этой статьи у Е. Воронцова вполне в духе официальной позиции того времени, т.е. как к генетику-морганисту, представителю государством осужденного морганизма-вейсманизма. Здесь он не оригинален, является представителем того большинства, которое, увы, не всегда бывает правым. «Не может быть у нас возврата к морганизму-вейсманизму». А далее — о кибернетике, точнее, не столько о ней как таковой, а о ее функционировании в науке. «Мне непонятна исключительная горячность, с какой кибернетики и наши радиофизики отстаивают попытки весьма, на наш взгляд, скромной и полезной научной дисциплины забираться в совершенно чуждые ей области знаний». Имеется в виду биология. «Я не говорю — не занимайтесь, физики, кибернетикой. Я не имею на это никакого права, но мое право рекомендовать товарищам столь торопливо и горячо обрушившихся на меня, глубже разобраться в методологических основах кибернетики».

Завершала обсуждение статья проф. А. Мельниченко (ректор ГГУ в 1946—1952 гг.) «Замечания биолога о кибернетике»³⁷. В ней нет упоминаний о семинаре на радиофаке, о прежних публикациях в газете на эту тему, о позициях коллег и их взглядах. Статья проблемно связана с предшествующим ей обсуждением. В ней речь о кибернетике как таковой, о сложностях в ее развитии, некорректных выводах, которые делаются из ее содержания, о соотношении кибернетики и биологии, в частности, генетики. «В итоге краткого анализа некоторых положений кибернетики, можно сказать, что эта новая отрасль современной математики представляет большой интерес для биологии. Она значительно расширяет перспективы математического описания механических, физических и других форм проявления жизни, в том числе самых сложных. Однако в понимании даже высшей нервной деятельности человека многие кибернетики допускают ложные, грубо механистические толкования, неизбежно приводящие их к идеализму. Но эти ошибки не дают оснований для огульного обвинения всей кибернетики в лженаучности и идеализме. Творческое овладение единственно верной философией и теорией познания — диалектическим материализмом поможет кибернетикам преодолеть ошибочные тенденции, имеющиеся в их обобщениях. Известную помощь может оказать также более широкий контакт с биологами и творческие дискуссии».

Статья А. Мельниченко претендует на академизм. Поэтому не случайно, что вскоре в газете была напечатана маленькая заметка «Отклики на статью проф. Мельниченко»³⁸. В ней — об интересе, проявленном советскими учеными к этой статье, и даже об официальном предложении журнала «Агробиология» расширить ее текст для публикации в этом журнале.

Кто победил в этой небольшой дискуссии? В ответ на сомнения и критику, идущие с одной стороны, другая сторона (адепты кибернетики) сформулировала веские контраргументы и выступила с обвинениями, выходящими за рамки чисто академической дискуссии, апеллируя к высшим политическим инстанциям («партия», «Н.С. Хрущев»). Что, впрочем, не привело, как во многих аналогичных ситуациях, к каким-либо организационным выводам. А в вопросе о кибернетике сама жизнь в скором времени сняла все сомнения. Хотя тема угрозы духовному и телесному бытию человека со стороны созданного им же мира техники, шире — мира искусственного, обсуждается и в современной литературе³⁹.

Символично, что дискуссия о кибернетике пришлась на последние месяцы существования (последние номера выпуска) газеты «За сталинскую науку». А точка была поставлена в последнем вышедшем в свет номере. С мая 1956 года в университете стала выходить газета под новым названием — «Горьковский университет». И это не просто смена вывески. Эволюция постановки и рассмотрения проблем развития науки, ее места и роли в обществе с 1948 по 1956 год весьма значительна. Достаточно сравнить отражение на страницах газеты дискуссии по биологии и обсуждение проблем кибернетики. Прогресс (да будет позволено так сказать!) очевиден. Изменилось не только название газеты. Изменились ее содержание, форма подачи материала, стиль публикаций. Это было знамением времени.

Закономерен переход от «сталинской» науки в ГГУ к науке университетской. Да будет так — в аспекте отношений науки с идеологией и мировоззрением! Но с точки зрения статуса, государственной поддержки, общественного внимания, материального обеспечения, т.е. с точки зрения некоторых социальных аспектов бытия науки, «сталинская» наука (т.е. наука в СССР 30–50-х годы XX века) остается для современной российской науки позитивным воспоминанием и во многом желаемым образом будущего.

В целом становление кибернетики как науки в Горьковском университете проходило в относительно спокойном русле и позитивном плане. Никакой особенной «истории с кибернетикой» (аналогичной «истории с физикой») в ГГУ не было. Была реальная история становления, развития и институционализации нового научного направления. Результатом этого процесса стало образование в ГГУ в 1963

году первого в СССР факультета вычислительной математики и кибернетики, а немного позднее — научно-исследовательского института прикладной математики и кибернетики при ГГУ.

---

¹ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.200. Л.24.

² Там же. Л.13.

³ ЦАНО. Ф.377. Оп.8. Д.552. Л.57.

⁴ ГОПАНО. Ф.275. Оп.8. Д.2. Л.30.

⁵ ГОПАНО. Ф.275. Оп.16. Д.20. Л.64.

⁶ ЦАНО. Ф.377. Оп.7. Д.130. Л.101–102.

⁷ Там же. Л.62 об.

⁸ Там же.

⁹ Микешина Л.А. Философия науки. М., 2005. С.188.

¹⁰ ЦАНО. Ф.377. Оп.7. Д.130. Л.63 об.

¹¹ Там же. Л.65.

¹² За сталинскую науку. 1951. 19 февраля.

¹³ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 360. Л. 72.

¹⁴ Там же. Л.73.

¹⁵ Там же. Л.70.

¹⁶ Там же. Л.65. В целом позиция Белоусова выражена в таких его словах: «Авторы в основном правильно критикуют проф. Майера за допущенные им идеологические и космополитические извращения в чтении курса истории математики. Однако авторы указанной статьи сами допустили принципиальные ошибки и путаницу» (Там же. Л.63). Еще один пример неоднозначности позиций и суждений участников дискуссии.

¹⁷ Там же. Л.61, 62.

¹⁸ ЦАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 360. Л.62.

¹⁹ Там же. Д.322. Л.15.

²⁰ Гаазе-Рапопорт М.Г. О становлении кибернетики в СССР // Кибернетика: прошлое для будущего. М., 1989. С.63–64.

²¹ Гаазе-Рапопорт М.Г. Первый неформальный этап развития отечественной кибернетики // Философские исследования. 1993. №4. С.439.

²² Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С.272.

²³ Бирюков Б.В. Кибернетика, информатика, вычислительная техника, автоматика: проблемы становления и развития. Вклад отечественной науки // Кибернетика: прошлое для будущего. М., 1989. С.34.

²⁴ Винер Н. Я — математик. М., 1967. С.284.

²⁵ Там же. С.298.

²⁶ Там же. С.295–296.

²⁷ Бирюков Б.В. Указ. соч. С. 15–16.

²⁸ Неймарк Ю.И. Сухой остаток: к истории в лицах научной школы А.А. Андропова. Н.Новгород, 2000. С. 54.

²⁹ «Интеллектуальная элита Нижегородской области (1918–1998)». Н.Новгород, 1998. С.112–113.

³⁰ Гильман А.М. О становлении кибернетики в ННГУ. Рукопись. С.10. Упомянутая «большая статья с насмешками» — статья М.Г. Ярошевского «Кибернетика — “наука” мракобесов» («Литературная газета». 1952. 5 апреля). В ней (впервые?) употребляются термины «лженаука» и «лжетеория» — по отношению к кибернетике. В статье фиксируются новые аспекты в реальных социальных и мировоззренческих проблемах: мозг и вычислительная машина, человек и техника, техника и общество, редукционизм и

т.д. Эти аспекты порождены появлением кибернетики. Они требуют осмысления, но это дело непростое, предполагающее владение специально-научным материалом и высокую методологическую культуру. Вывод из новой ситуации делался автором статьи очень простой – запретить кибернетику, не признавать ее научного статуса. Как тут не вспомнить слова В.И. Ленина о реакционных поползновениях (в данном случае М.Г. Ярошевского), порождаемых прогрессом науки!

В другом месте А.М. Гильман пишет об отрицательном отношении официальных идеологов к кибернетике (См.: Гильман А.М. О книге Ю.И. Неймарка «Сухой остаток». Рукопись. С.14), но никаких подтверждений относительно официальной позиции властей по кибернетике не приводит.

³¹ ЦАНО. Ф.377. Оп.7. Д. 120, 164.

³² За сталинскую науку. 1955. 21 ноября.

³³ Круг его научных интересов отражен в некоторых публикациях в той же университетской газете. Например, в материале «Дискуссия по книге проф. Е. М. Воронцова» (речь идет о книге «Птицы камского Приуралья» – Горький, 1949). См.: За сталинскую науку. 1952. 29 марта.

³⁴ За сталинскую науку. 1955. 8 декабря.

³⁵ За сталинскую науку. 1955. 26 декабря.

³⁶ За сталинскую науку. 1956. 10 января.

³⁷ За сталинскую науку. 1956. 16 февраля.

³⁸ За сталинскую науку. 1956. 18 апреля.

³⁹ См., например: Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. Нижний Новгород. 1994.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дискуссии в советской науке середины XX века имели ярко выраженный идеологический характер, были ориентированы на утверждение государственной идеологии в качестве единственного и необходимого основания постановки и реализации научных исследований. Идеология (через мировоззренческие, философские принципы) имела претензию быть инструментом решения научных проблем, имеющих дискуссионный характер, арбитром в выборе тех или иных возможных направлений развития науки. С позиций сегодняшнего дня очевидна недопустимость установления научных приоритетов путем государственного идеологического вмешательства в научную проблематику (самый яркий пример — биология), апелляциям идеологического характера самих ученых к властным структурам для разрешения научных конфликтов.

В то же время дискуссии не были только и всецело идеологическими. В них имела место научная составляющая. В некоторых из них были достигнуты и положительные результаты научно-организационного и научно-содержательного характера (например, языковедение, химия).

Дискуссии, если говорить об их предметном поле, проходили в большей степени на материале социально-гуманитарных наук. В СССР философия и политическая экономия имели ярко выраженный идеологический характер. Впрочем, и сегодня нельзя сказать, что эти науки находятся вне сферы идеологии. Другое дело — степень влияния идеологии на них, характер отношений, складывающихся между наукой и идеологией. Языковедение, особенно в трактовке, доминировавшей в то время, достаточно близко сопряжено с мировоззренческими аспектами бытия человека в мире. Биология через сельскохозяйственную науку и практику сельскохозяйственного производства имела отношение к социальным явлениям и процессам. А значит, на каких-то горизонтах и рубежах своего развития и функционирования оказывалась связанной с политической практикой и идеологией. Физиология высшей нервной деятельности нераз-

рывно связана с психическими процессами, являющимися предметом изучения психологии, которая имеет социально-гуманитарную составляющую. Из общего ряда выпадает только химия. Она выступала не в своем историческом аспекте (история химии), а в сугубо теоретическом содержании. Рассматривалась (в отличие от биологии) вне проблемы своей (возможной) связи с практикой. Химия выступала своеобразным репрезентантом, представителем сферы естественно-научного знания в ее взаимосвязи (взаимоотношениях) с идеологией. Включение химии в контекст идеологических дискуссий было своеобразным знаком того, что естествознание — не вне сферы идеологии, что и в естественных науках необходима выверенная и декларируемая государством идеологическая линия.

В целом же следует отметить, что идеологические дискуссии в советской науке середины XX века проходили по-разному. Общим было обращение к государственной идеологии, в качестве которой выступала система идей марксизма-ленинизма, реализующая верховную властную функцию по отношению к науке.

Результаты дискуссий находили отражение в различного рода печатных изданиях. Периодические издания в качестве главной задачи имели установочно-ориентационную деятельность, направленную на создание идеологического единомыслия. Информирование было лишь второстепенной функцией. Любую газетную, журнальную публикацию того времени можно рассматривать как объединение (в различных пропорциях) информационного и установочного аспектов. Установочно-идеологический аспект публикации определялся прямым выражением идеологических оценок, задач и расположением публикации в печатном издании (первая полоса газеты, редакционная статья). Если публикуемый материал этих признаков идеологической установки не содержал, то его можно было рассматривать как идеологически нейтральную информацию и использовать по своему усмотрению: принять или не принять, критиковать или одобрять. Но и эта относительная информационная свобода не могла выходить за пределы общих идеологических установок.

Дискуссии имели широкий общественный резонанс, своего рода всеохватность в территориальном, научно-дисциплинарном и антропологическом «измерениях». Они касались всех научных и образовательных структур, всех научных дисциплин, каждого субъекта соответствующих сфер деятельности. Но первоначальный импульс, идущий от центра, имел неоднозначную траекторию движения. Она во многом определялась той социально-культурной средой, в которой происходило его распространение. Эта среда порождала неоднородность движения в научно-образовательном пространстве, заданном руководящими указаниями и директивными решениями. Первич-

ный импульс мог затухать и даже деформироваться (разумеется, в известных пределах) в зависимости от социального, культурного, научного, личностного «наполнения» того или иного региона.

Передача «сигнала», касающегося научных дискуссий, из центра в регионы имела двух основных адресатов — партийно-идеологические структуры и научно-образовательные сообщества. Принятие и реализация этих сигналов партийными органами и научными коллективами были различными. Для партийных функционеров не было больших различий в объектах, которыми они руководили, т.к. методы были одни и те же. Для них информационная компонента была лишь второстепенным элементом фона. Для ученых информационная составляющая играла более значимую роль, т.к. затрагивала сферу научных идей, теорий, методов, идеалов, которые не подчиняются решениям партийных форумов.

«Большие» дискуссии в крупных научных центрах были именно дискуссиями, посвященными реальным научным проблемам. Их «последствие» в провинциальных научных сообществах уже невозможно назвать дискуссиями в точном смысле этого слова. Это были, скорее, кампании, имеющие целью утверждение, пропаганду официально признанных истин. Поступающие в вузы циркуляры, приказы не предполагали и не требовали никаких дискуссий, а были нацелены на скорейшее искоренение «ложных» теорий, точек зрения как тупиковых ветвей развития науки, бесцельно растрачивающих материальные и интеллектуальные ресурсы страны.

В динамике научных дискуссий от первых (философия, генетика) до завершающих чувствуется некоторое смягчение идеологического давления. Это проявлялось в степени вмешательства партийно-государственных структур в ход дискуссий, в тональности критики, в жесткости организационных выводов, в масштабах освещения научных событий центральным партийным органом — газетой «Правда». Например, ход дискуссии по проблемам наследственности освещался очень детально, а сессия двух академий по сохранению и защите павловского научного наследия — сравнительно бегло. Соответственно этому и проходившие в провинции кампании по распространению учения Т.Д. Лысенко — И.В. Мичурина и учения И.П. Павлова имели различный масштаб. После сессии ВАСХНИЛ 1948 года выходили в свет объемные публикации в местной печати, проходили региональные совещания научной общественности, партийные собрания, формировывались кафедры и даже увольнялись работники¹. В 1950 году после сессии АН СССР и АМН СССР не было мероприятий такого масштаба, в местной печати были лишь сжатые информационные сообщения, на вузовских партсобраниях вопрос о павловской сессии рассматривался как один из нескольких вопросов повестки дня.

Но в любом случае по масштабам, продолжительности, влиянию на научную и учебную деятельность научно-идеологическая перестройка была значительным фактором вузовской жизни. Во всяком случае, участники этих событий не воспринимали ее как временную кампанию. Перед руководством вузов вставали практические проблемы — соединить новую нормативность с решением текущих организационных вопросов: изменение учебных планов, комплектование библиотек, оборудование учебно-лабораторных комплексов, переподготовка кадров. Кадровая проблема была одной из сложнейших в регионах. Из-за нехватки специалистов многие преподаватели совмещали основную работу с работой в других вузах. Кадровая политика вузов определялась не только указаниями сверху, но и текущей ситуацией.

Следует различать научную составляющую («слагаемое») научно-идеологических кампаний и их идеологический фон. К первому «слагаемому» относятся конкретные научные проблемы, подлежавшие решению, а после завершения научных дискуссий на столичном уровне — установки и запреты, касающиеся конкретных имен, идей, научных направлений. Идеологический фон составляли общие для всех дискуссий установки: требование критики и самокритики, осуждение «низкопоклонства перед Западом» и «космополитизма» в науке.

Своим научным слагаемым (научной составляющей) дискуссии затронули в регионах некоторое число ученых, работавших в русле запрещенных научных направлений, и соответственно руководителей вузов, принявших на работу этих «лжеученых». Для значительной части вузовских работников перестроечные кампании в науке не имели прямого отношения к их деятельности и по сути свелись к демонстрации «фасада» перестройки: сигнал принят, понят и реализован. В основном «работа над ошибками» сводилась к эклектическим поправкам, вычеркиванию одних и вписыванию других имен, идей. Такие изменения «научного продукта» не касались сути научных исследований, а затрагивали лишь научный дискурс, вербальное оформление, публичный итог научной деятельности — лекции, доклады, публикации, тексты диссертаций.

В зависимости от жесткости идеологических установок из центра партийное руководство на местах требовало от научного сообщества идеологической активности, не давая затухать перестроечному импульсу. Давление на вузовские коллективы, запрещение научных тем, постоянная угроза обвинений, административных мер — все это разрушало психологический климат научных коллективов и не способствовало эффективности научной работы.

На региональном уровне имело место довольно активное участие в научно-идеологических кампаниях людей сторонних, непрофес-

сионалов в обсуждаемых проблемах. Их привлечение не диктовалось циркулярами центра, а было обусловлено неявно выраженной установкой: рассматривать научные проблемы не как внутреннее дело конкретных научных сообществ, а как дело политическое, общегосударственное и потому — касающееся каждого. Эти сторонние участники научно-идеологических дискуссий, явно не имевшие собственного мнения по обсуждаемым проблемам, черпали вполне понятные, кажущиеся обоснованными, правдоподобными аргументы из официальных документов.

Выступления специалистов в обсуждаемых проблемах зачастую были менее ожесточенными, чем выступления непрофессионалов. (За исключением тех случаев, когда первые занимали административные или партийные должности.) Профессионалы, видимо, понимали, что решение научных проблем не всегда вписывается в жесткую оппозицию «либо-либо»; что наука имеет собственную логику развития, несводимую к решению практических задач и воплощению идеологических принципов. Поэтому их выступления чаще всего были более обтекаемыми, сдержанными.

В перестроечной активности многих участников тех событий есть изрядная доля показной риторики, не имеющей никакого конструктивного значения. Логично предположить, что мотивы таких выступлений следует искать в социальной тревожности, желании продемонстрировать личную лояльность по отношению к идеологическим нововведениям властей предрежащих.

Но за весьма значительной активностью кампаний ощущается некоторое глухое сопротивление, продиктованное отчасти идейным неприятием кампаний, стремлением сохранить, оградить науку от некомпетентного вмешательства, а также чувством самосохранения, здравым смыслом, психологической усталостью от давления, необходимости соблюдать принятые правила «игры».

Дискуссии в науке были инициированы государством (инициация была явной или неявной). Такое положение дел не может быть оценено однозначно: только положительно или только отрицательно. Государство, если оно абсолютно и полностью обеспечивает развитие науки с организационной и финансово-экономической точек зрения, не может не оказывать влияния на ее развитие и функционирование. Другое дело — характер этого влияния, его формы, механизмы и проч. И в современных условиях государство (Российская Федерация), разумеется, не в таких формах, как в рассматриваемый период, может и должно выступать инициатором дискуссий по актуальным проблемам развития науки и общества. Примером такой дискуссии может быть обсуждение национальной (русской) или государственной (российской) идеи. А также обсуждения проблемы

места России в современном мире, путей ее развития, будущего российской цивилизации, места и роли науки в современной России, традиций российской культуры в контексте глобализации современного мира и т.д. Такие обсуждения проходят не только в академических кругах, но и в других формах — публицистика, быденное сознание, практика общественных отношений и т.д.

*****

Принципиальный аспект рассматриваемой проблемы — роль философии и философов в научно-идеологических кампаниях середины XX века. Этот вопрос не получил еще должного научного осмысления. Хотя он лежит на поверхности. Ответы на него все-таки иногда даются, но на уровне не теоретического, а, скорее, быденного сознания. Дискуссии имели идеологический ракурс. Функционирование же философии в СССР было ориентировано по идеологическому вектору. Поэтому обозначенный вопрос вполне закономерен. И ответ на него весьма часто неискушенным людям представляется довольно ясным. По крайней мере, сентенции о том, что советские философы загубили отечественную генетику, кибернетику и т.п., довольно распространены среди научной и околonaучной общественности, достаточно широко представлены в общественном сознании.

Так ли это? Как обстояло дело в действительности? Обратимся к истории.

На всесоюзном совещании по теории химического строения в органической химии, проходившем в Москве в июне 1951 года, из 43 выступавших было только два философа: Б.М. Кедров и А.А. Максимов².

На состоявшейся в Москве в 1950 году научной сессии, посвященной проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова, было заслушано 80 выступлений. Из них только одно — выступление философа (Г.Ф. Александров). Несостоявшихся выступлений было более 50 (эти тексты опубликованы, вошли в изданные материалы сессии). Среди такого рода «выступающих» три представителя Института философии АН СССР (в него тогда входил сектор психологии). Такое участие (количественный аспект очевиден, их качественная роль далеко не определяющая) имели философы в этой важной для психологической науки сессии³.

В обсуждении книги профессора Г.С. Горелика «Колебания и волны» в Горьковском университете (1952 год) в заседаниях ученого совета и в газетной полемике приняло участие около 20 человек, из них только один философ (И.Е. Рубцов).

В дальнейшем в качестве непосредственного предмета рассмотрения будет выступать сессия ВАСХНИЛ, проходившая в Москве в

августе 1948 года. Это событие знаковое в истории отечественной науки, рассматриваемой в интересующем нас аспекте. Это апогей всех идеологических дискуссий того времени.

На сессии по докладу Т.Д. Лысенко «О положении в биологической науке» с речами выступили больше 50 человек. Из них только 3 человека принадлежали философскому сообществу: профессор, заведующий кафедрой философии МГУ З.Я. Белецкий, академик АН СССР М.Б. Митин, академик ВАСХНИЛ И.И. Презент (известно, что квалификация последнего в качестве философа-профессионала, даже по формальным признакам, достаточно сомнительна).

Какой характер носили выступления философов на августовской сессии ВАСХНИЛ? Никак не философский, точнее — не чисто философский характер. В их выступлениях и речи не было о философско-методологическом анализе биологических теорий, об исследовании мировоззренческих предпосылок биологического познания, его философском осмыслении и т.д. Непосредственного разговора о том, что принято называть философией биологии, философскими проблемами биологии, представители профессионального философского сообщества не вели. По своему содержанию их выступления не отличаются от выступлений других участников сессии: ученых-биологов, организаторов и практиков сельскохозяйственного производства.

Философские мотивы звучали и в других речах, но характер выступлений, проблематика, терминология и т.п. философов-профессионалов, ученых-биологов, практиков и организаторов сельского хозяйства фактически не отличаются друг от друга, содержательно совпадают между собой. Помимо этого, следует заметить, что философы-профессионалы (за исключением И.И.Презента) отнюдь не были главными действующими лицами, ключевыми фигурами происходившего события. Поэтому утверждение о какой-то особенной, решающей роли философов-профессионалов в организации и проведении августовской сессии ВАСХНИЛ явно не соответствует действительности.

Рассуждения на философские темы в устах ученых-биологов не носили всеобщего характера, не каждый выступающий обращался к философии. Скорее, наоборот — философия не доминировала в дискуссии. Можно привести примеры высказываний философского характера, принадлежащих ученым-биологам, их можно привести немало, но суть дела от этого не изменится. Все рассуждения философского характера по своей сути имеют к философии, в том числе и к философии диалектического материализма, от лица которой они ведутся, весьма косвенное отношение. Есть лишь философская терминология, те или иные понятия (материализм, идеализм, диалекти-

ка, метафизика и т.д.), но они в данном контексте не имеют никакого содержательного наполнения. Имела место игра понятиями, жонглирование терминами, а не подлинно философское осмысление проблем биологической науки. И речи не было о доказательстве, обосновании обвинений оппонентов в идеализме, метафизике и т.д. Эти понятия выступали, скорее, в качестве ярлыков, которые приклеивались к отвергаемым идеям, автоматически лишавшимся тем самым научного статуса, выступавшим как мировоззренчески и идеологически чуждые, чуть ли не политически враждебные. Никакой аргументации в пользу тезисов об идеалистическом, метафизическом и т. п. характере теоретических построений формальных генетиков никто из их оппонентов не приводил. Вот типичный пример рассуждений (Г.А. Бабаджанян): «Менделизм-морганизм <...> есть носитель идеалистического агностицизма в биологии, признающий принципиальную непознаваемость биологических законов»⁴. И все, этим дело и ограничивается. Аргументов, показывающих действительный характер обвинений, в тексте выступления нет. Впрочем, их и быть не может.

Справедлива известная оценка роли философии в идеологических дискуссиях тех лет как идеологической «дубинки», которой размахивали их участники в своих целях, среди которых не было цели нахождения истины. Можно добавить, что размахивали такой «дубинкой» на сессии в большей степени ученые-биологи, а не философы, которых, как участников дискуссии, было неизмеримо меньше. Да и размахивание, кем бы оно ни велось, было не особенно сильным. Не в каждом, далеко не в каждом выступлении имело место обращение к философии. Если оно и было, то носило весьма ограниченный, даже ритуальный характер. Дело было не в философии. Поэтому нелепы обвинения философов (непосредственно) или философии (опосредованно) в гибели генетики. Причины тут были иные.

Представленность собственно философских идей в биологической дискуссии оказалась значительно меньше, чем представленность в ней иной идеи, которая не имела собственно философского характера, а относится, скорее, к области политической, идеологической, социологической, культурологической. Имеется в виду идея патриотизма, фактически кристаллизующаяся в дискуссии как идея националистическая, перерастающая в нее. Вот пример одного из многих похожих друг на друга высказываний (П.П. Лобанов): «В области биологии еще не все ученые идут по пути лучших русских биологов. Наряду с прогрессивным материалистическим мичуринским направлением, имеется другое диаметрально противоположное, антимичуринское — по существу реакционное и идеалистиче-

ское направление в науке»⁵. Или И.И. Презент: «В настоящее время окончательно определился водораздел между менделевско-моргановским (вейсманистским) направлением и противоположным ему мичуринским направлением»⁶. И далее: специалисты «обязаны иметь свою, и притом правильную, точку зрения на вопрос о том, кто же решил проблему управления наследственной изменчивостью: Морган и Меллер или же Мичурин и Лысенко»⁷. И наконец: «Мы не будем дискутировать с морганистами, мы будем продолжать их разоблачать как представителей вредного и идеологически чуждого, привнесенного к нам из чуждого зарубежа, лженаучного по своей сущности направления»⁸.

Никаких попыток содержательного философского анализа биологических воззрений, попыток выяснения соответствия отвергаемых биологических теорий той системе философских представлений, которая трактовалась в качестве единственно истинной, тем более попыток применения философии для разрешения методологически спорных вопросов биологической науки в ходе дискуссии не было. Имело место другое: наклеивание философских «ярлыков» («хороших» — материализм, диалектика и «плохих» — идеализм, метафизика) на те или иные биологические идеи и теории. Какого бы то ни было обоснования при этом не приводилось. Главное на сессии — не в философии и даже не в философах. В обсуждении гораздо более мощно представлена линия противопоставления русской (в том числе советской) науки западной науке. Все подходящие к месту и как будто бы уместные в данном контексте обвинения предъявлялись отвергаемой биологической теории. Имя И.В. Мичурина абсолютно доминировало по отношению к другим именам отечественных ученых.

Но и идея патриотизма не была единственно доминирующей в дискуссии. Основополагающее значение имела проблема отношения науки и практики. Подход к этой проблеме, пути ее решения, которые предлагались представителями так называемой формальной генетики, не обещали ни по своей сути, ни в заявлениях ее субъектов немедленного практического эффекта. Иное дело — так называемая мичуринская генетика. Ее представители во главе со своим лидером Т.Д. Лысенко обещали скорое практическое воплощение полученных ими научных результатов. Практика, точнее, убеждение вдохновителей, организаторов, основных действующих лиц дискуссии в том, что именно мичуринская, а не формальная генетика даст быстрый и эффективный практический результат, выступила «судьей» в споре ученых, длившемся до сессии долгие годы. Данная дискуссия по своей сути — это не чисто академическая дискуссия (как в других фундаментальных науках), не просто идеологическая дискуссия. Она имела прямое отношение к сельскохозяйственной

практике — одному из важнейших (особенно для СССР того времени) видов практической деятельности. Не философия, не патриотические позиции и установки, а сугубо земные дела (потребности развития сельского хозяйства) фактически выступали «судьей» в научной полемике на научном форуме. Ожидание быстрого практического эффекта предредило все научные обсуждения. Т.Д. Лысенко утверждал: «Мы должны до-настоящему поставить науку, теорию на службу народу для того, чтобы еще более быстрыми темпами повышать урожайность полей и продуктивность животноводства, повышать производительность труда в совхозах и колхозах»⁹. В постановлении сессии говорилось о двух направлениях в науке, одно из которых «оказывает повседневную помощь практике социалистического сельского хозяйства. Оно развивает новую прогрессивную агробиологическую науку, все больше и больше расширяющую свою помощь колхозам и совхозам. Единство теории и практики, как необходимое условие успешного познания закономерностей развития живой природы, в мичуринской агробиологической науке находит полное и ясное воплощение»¹⁰. Но обещания оказались невыполненными, а ожидания — обманутыми.

Оценивая происходившие события, академик Н.П. Дубинин пишет: «С генетикой... была связана острота положения в сельском хозяйстве»¹¹. И далее: «Лысенко был... представлен в виде социально значимой фигуры, как новатор, обещающий невиданный прогресс сельскому хозяйству»¹². А его противникам вменялся «отрыв теории от практики (например, Вавилову вменялись в вину занятия «цветочками», частые разъезды и пр.)»¹³.

Кроме того, надо иметь в виду, что идеи Т.Д. Лысенко были созвучны духу эпохи, в которой происходили отмеченные события: изменение общества и человека, активная роль субъективного фактора и т.п. Пафос глобального преобразования мира (общество, страна, а в перспективе — весь мир) и пафос локального характера (биология, генетика) оказались в отношении корреляции друг другу.

И еще один мотив, который находится, может быть, несколько на периферии общей линии развертывания сценария сессии и ее побудительных мотивов. Этот мотив состоит в том, что мичуринская генетика была более доступна пониманию и ученых, и практиков сельскохозяйственного производства, и работников партийно-государственного аппарата. Она была не кабинетной академической наукой, а близкой по своему духу, по процессу своего функционирования представителям очень широкого социального контекста. В выступлении В.Н. Столетова говорилось: «Для Т.Д. Лысенко центр дискуссий был не в конференц-залах, а на массивах совхозов и колхозов, в теплицах, на опытных полях»¹⁴. Критерий практики, пони-

маемый очень упрощенно и примитивно, в затянувшемся споре двух линий развития биологической науки в СССР в своей реализации оказался, увы, не двигателем, а тормозом прогресса. Методологический урок (один из многих в этой дискуссии) — применение философско-методологического подхода к разрешению противоречий в развитии науки должно быть предельно осторожным.

Итоги биологической дискуссии были предрешены государственным вмешательством (августовская сессия — лишь завершение долгого процесса, его апогей), обусловленным кажущейся практической значимостью одной из противоборствующих концепций и отсутствием непосредственной связи с практикой, проблематичностью немедленного практического эффекта другой концепции.

Таким образом, вопрос о роли философов в идеологических дискуссиях в советской науке середины XX века очевиден — их роль не была определяющей в организационном и идейном планах. Что касается количественного аспекта, то доля философов в числе выступавших на всех рассматриваемых научных форумах крайне незначительна.

Более сложен вопрос об ответственности философии (не философов — конкретных людей), т.е. системы взглядов, теорий, идей, определенного философского направления (в данном случае — диалектический и исторический материализм, марксистская философия). Философия в том виде, в каком она существовала в СССР в то время, была элементом или составляющей частью идеологической системы, доминировавшей в обществе, имевшей государственный характер. Поэтому она несет свою долю ответственности за негативные аспекты происходивших событий (претензия на абсолютность, непогрешимость и т.п.). В этом смысле можно говорить об ответственности марксистской философии за происходившие события. Впрочем, скорее, не своим содержанием, а формой своего существования, присущей ей (как и многим другим школам и направлениям) претензией на окончательность своих решений, абсолютность результатов по отношению к другим философским течениям.

До сего дня остаются справедливыми слова Г.В. Лейбница: «Мне бы хотелось, чтобы выдающиеся мужи оставили пустую надежду захватить тираническую власть в философской державе и отказались от честолюбивых претензий на основание собственной секты... У геометров нет евклидовцев, архимедовцев или аполлониевцев: все они образуют одну-единую секту... И никогда не явится человек, который смог бы претендовать на обладание всем достоянием науки...»¹⁵

Кроме того, необходимо учитывать и всегда имеющий место разрыв между идеей и ее реализацией, теорией и практикой, реальностью. Одно дело — идея, теория, другое дело ее воплощение на прак-

тике, ее реализация в том или ином социально-культурном контексте. Этот процесс (воплощение, реализация) обусловлен в немалой степени не самой идеей, не только идеей, а ее носителем, субъектом деятельности по ее утверждению, а также той реальностью, в которой идет этот процесс.

Философия в той же мере отвечает за практику, в какой мере социальные и гуманитарные науки отвечают за свое воплощение, практическую реализацию.

---

¹ От работы были отстранены антимичуринцы: по Минпросу РСФСР – 41 чел., по УССР – 4 чел., по БССР – 2 чел., по Казахской ССР – 2 чел., по Литовской ССР – 2 чел. и т.д. (См.: «Поиск». 1998. 25 июля – 7 августа).

² См.: Состояние теории химического строения в органической химии. Всесоюзное совещание 11 – 14 июня 1951 г. Стенографический отчет. М., 1951.

³ См.: Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П.Павлова. 28 июня – 9 июля 1950 г. Стенографический отчет. М., 1950.

⁴ О положении в биологической науке. Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ им. В.И.Ленина 31 июля – 7 августа 1948 года. М., 1948. С. 138.

⁵ О положении в биологической науке... С.465.

⁶ Там же. С.487.

⁷ Там же. С.506.

⁸ Там же. С.510.

⁹ О положении в биологической науке... С.522.

¹⁰ О положении в биологической науке... С.533.

¹¹ Интервью с академиком Н.П. Дубининым // Репрессированная наука. Вып.2. СПб., 1994. С. 244–245.

¹² Там же. С.245.

¹³ Там же. С.246.

¹⁴ О положении в биологической науке... С.478.

¹⁵ Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. Т.3. М., 1984. С.161–162.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
----------------	---

ГЛАВНЫЕ ДИСКУССИИ

Глава 1	
Философский фронт	11
Глава 2	
Биология и идеология	45
Глава 3	
Дискуссия по вопросам языкознания	94
Глава 4	
Физиология высшей нервной деятельности и психология	143
Глава 5	
Антирезонансная кампания в химии	179
Глава 6	
Политическая экономия: соотношение науки и идеологии	209

ОТЗВУКИ ГЛАВНЫХ ДИСКУССИЙ

Глава 7	
История с физикой	229
Глава 8	
Математика и кибернетика	257
Заключение	276

Идеология и наука

Дискуссии советских ученых середины XX века

Директор издательства *Б. В. Орешин*
Зам. директора *Е. Д. Горжеванская*
Компьютерная верстка *А. Ю. Агеевой*
Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1
Печ. л. 18,0. Тираж 800. Заказ № 481
Издательство «Прогресс-Традиция»
119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9
Телефон (495) 245-49-03

Отпечатано в ООО «Астра-Полиграфия»
119019, Москва, Филипповский пер., д. 13

ISBN 5-89626-204-0

